

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

на правах рукописи

Григоровская Анастасия Васильевна

**Антропологическая утопия Айн Рэнд:
взаимодействие русской и американской традиции**

Специальность 10.01.01 – Русская литература,
10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(англоязычные и немецкоязычные литературы)

Диссертация

на соискание ученой степени доктора филологических наук

Научный консультант:

доктор филологических наук, профессор

Несмелова О.О.

Казань – 2022

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Философская и эстетическая основа антропологической утопии в художественном творчестве Айн Рэнд	38
§1. Национальная специфика утопической модели человека в русской и американской литературно-философской традиции.....	38
§2. Эволюция антропологической утопии в философии объективизма Айн Рэнд.....	66
Глава 2. Россия: истоки образа идеального человека Айн Рэнд	90
§1. Идеи «разумного эгоизма» в России середины XIX века и в романах Айн Рэнд.....	90
§2. Образ «integrated man» Айн Рэнд и «русское ницшеанство».....	113
§3. Концепция личности в произведениях Айн Рэнд и утопические проекты «Третьего Возрождения» и русского масонства.	142
§4. Травма Октябрьской революции в русской эмигрантской прозе «первой волны» и романах Айн Рэнд.	174
Глава 3. Америка: утверждение образа идеального человека Айн Рэнд.....	218
§1. Образ «integrated man» Айн Рэнд и антропологические утопии США первой половины XX века.	218
§2. Романы Айн Рэнд и критика капитализма в американской литературе первой половины XX века.	242
§3. Романтика бизнеса: образ предпринимателя в романах Айн Рэнд и в произведениях «business romance».....	274
§4. «Потерянная Америка»: Атлантида как модель идеального социума в романе Айн Рэнд «Атлант расправил плечи».	291
Заключение	311
Список литературы	321

Введение

Изучение утопии как интеллектуального феномена в современной науке приобретает все большее значение ввиду кризиса утопического сознания, произошедшего в XX веке, когда на смену прогрессистскому типу мышления, свойственному Новому времени, приходит концепция «конца истории», сформулированная в работах Ф. Фукуямы¹, И. Валлерстайна², С. Хантингтона³ и др. В эпоху полной трансформации прежнего понимания темпоральности и гибели «антропологического космоса» (Ф. Джеймисон) под сомнение ставятся любые попытки воссоздать сколько-нибудь значимый утопический проект. И. Каспэ отмечает по этому поводу: «Очевидно, что в XX веке... [у]топия становится объектом полярных и этически заряженных оценок, фетишизируется и демонизируется, пугает и вдохновляет, объявляется опасной ересью и воплощением “принципа надежды”; утопическая рецепция вступает в плотный симбиоз с метанарративами, с большими объяснительными моделями, будь то “конструктивизм” (в самом широком смысле этого термина) или “тоталитаризм”»⁴.

Начиная разговор об утопии как о явлении философии и литературы, следует разграничить такие понятия, как «утопия» и «утопическое сознание»⁵. Утопическое сознание представляет собой особый тип общественного сознания, характерный для ситуации кризиса. В его основе лежит

¹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М. : АСТ, 2004. 588 с.

² Валлерстайн И. Конец знакомого мира : Социология XXI века. М.: Логос, 2004. 355 с.; Валлерстайн И. Утопийское, или исторические возможности XXI века // Прогнозис. 2006. №1. С. 8–56.

³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003. 603 с.

⁴ Каспэ И. В союзе с утопией. Смысловые рубежи позднесоветской культуры. М. : НЛО, 2018. С. 9.

⁵ См.: Баталов Э.Я. В мире утопий : пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М. : Политиздат, 1989. 317 с.; Кирвель Ч.С. Утопическое сознание : сущность, социально-политические функции. Минск : Университетское, 1989. 190 с.; Черткова Е.Л. Притяжение идеала : О природе утопического сознания // Черткова Е.Л. Альтернативные миры знания / под ред. В.Н. Поруса и Е.Л.Чертковой. Спб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного ин-та, 2000. С. 297–321; Черткова Е.Л. Метаморфозы утопического сознания (от утопии к утопизму) // Вопросы философии. 2001. №7. С. 47–58.

определенный идеал совершенного общества, который обладает трансцендентностью (выходит за рамки реальности). Индивидуальное утопическое сознание может стать массовым, если утопия примет форму религии или идеологии. Утопическое сознание формирует идеалы целых наций, воплощаясь в форме национальных моделей мира («русская идея», «американская мечта» и др.), задавая вектор, к которому стремится та или иная культура.

Утопический идеал характеризуется не просто устремленностью в будущее, а фактическим допущением его реализации: «Идеал как “вечная перспектива”, как “исторически негарантированная цель”, как ценностный ориентир преобразуется в утопическом сознании в идеал-проект, в план совершенного общества, в “руководство к действию”»⁶. В утопическом мироощущении изначально заложена тенденция к воплощению утопии в реальность, поэтому для описания такого рода возможности вводится термин «утопическая модель» (часто также используется термин «утопический проект»). Социокультурная модель идеального мира – это основа воплощения утопии в какой-либо форме, сближающаяся с научным экспериментом и обладающая иллюзией достоверности.

На протяжении всего периода развития утопической мысли идеалы, лежащие в основе каждой из формируемых ими моделей, получали воплощение в разнообразных формах. Литература также воспринимает утопию как реализацию определенного идеала – в форме произведения определенного жанра. Занимая пограничное положение между художественным и рациональным типами сознания, художественная утопия сочетает в себе возможности литературного и научного дискурсов, поэтому следует определить литературную утопию как «третичный жанр» («метажанр»). Принципы «третичного жанра» намечены в работах Г. Морсона, А. Петруччани, Г. Гюнтера и продолжены в работах О.А. Павловой, Н.В. Ковтун, Б.А. Ланина и

⁶ Черткова Е.Л. Утопия как тип сознания // *Общественные науки и современность*. 1993. №3. С. 71–73.

др⁷. Согласно данной концепции, утопия представляет собой наджанровое образование, которое объединяет определенную утопическую модель и традиционную жанровую составляющую (роман, повесть, рассказ и т.п.). Роман при этом должен быть назван основной формой реализации утопического в литературе XX века.

По мнению О.А. Павловой, роман и утопия возникают в эпоху Ренессанса как взаимодействие циклической и линейной моделей мироздания, что отражало стремление человека восстановить «целостность бытия»⁸. Действительно, литературная утопия возникает в эпоху Ренессанса, когда личность впервые осознает себя демиургом и зарождается особое органическое мировосприятие, в котором человек соотносится с космосом по принципу подобия. Эта особенность ренессансной эпохи сформировала представление о человеке как о существе, способном изменить мир вокруг себя, сделав его идеальным. В Новое время гуманистический подход к совершенствованию человека, основанный на его внутренней трансформации, сменяется технократическим, в рамках которого сделан акцент на внешнем пути к совершенной личности.

Д. Патрик и Г. Негли в своей книге «В поисках утопии» (*The Quest for Utopia*, 1952) на основе анализа классических утопических текстов выделяют основной признак художественной утопии: описание устройства совершенного государства или общества, сосредоточенное на конструировании его политической структуры⁹. Таковы утопии Т. Мора, Т. Кампанеллы, С. де Бержерака, Ф. Бэкона, Э. Кабе, У. Морриса и др. Традиционно литературоведы

⁷ См.: Морсон Г. Границы жанра. Антиутопия как пародийный жанр // Утопия и утопическое мышление : антология / под ред. В.А. Чаликовой. М. : Прогресс, 1991. С. 233–251; Петруччани А. Структура утопии. «Утопия» Томаса Мора как исходная модель // Утопия и утопическое мышление : антология / под ред. В.А. Чаликовой. М. : Прогресс, 1991. С. 98–112; Ланин Б.А. Русская литературная антиутопия XX века : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1993. 344 с.; Павлова О.А. Метаморфозы литературной утопии : теоретический аспект. Волгоград : Волгоград. науч. изд-во, 2004. 472 с.; Ковтун Н.В. Русская литературная утопия второй половины XX века. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2005. 536 с.

⁸ Павлова О.А. Указ. соч. С. 393.

⁹ Negley G.R., Patrick J.M. *The Quest for Utopia : An Anthology of Imaginary Societies*. N.Y. : Henry Schuman, 1952. P. 3.

также выделяют следующие признаки утопии как литературного метажанра: замкнутость времени и пространства, определенные типажи героев (герой-проводник и герой-рассказчик), устойчивая сюжетная ситуация (сновидение, видение, случайная встреча), наличие картины совершенного общества, описанного в деталях¹⁰.

Впоследствии утопия постепенно выходит за границы собственно повествования об идеальном обществе, и становится возможным вести разговор об утопических мотивах и тенденциях в самых разных в жанровом отношении текстах. Немалую роль в этом играет новое прочтение текстов, традиционно считавшихся реалистическими (романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» или произведений соцреализма), что связано, в свою очередь, со сменой исследовательской оптики после распада СССР. В целом, сейчас утопию уже невозможно рассматривать как строго отдельный литературный жанр и следует, скорее, говорить об «утопическом стиле»¹¹.

Возможность реализации литературной утопии обеспечивается приемом абсолютизации, когда «идеал, освоенный на языке художественных образов», оказывает воздействие на сознание читателей¹². В этом смысле особую роль утопия начинает играть в России в 1860-е годы, когда, по выражению А. Корчинского, происходит «кризис художественной репрезентации»: «Другой чертой нового режима дискурсивности является иной статус высказывания: выход за пределы классической репрезентации и, следовательно, за пределы замкнутого на себя виртуального мира произведения позволяет порождать художественные высказывания, релевантные не только для внутренней

¹⁰ См.: Шестаков В.П. Русская литературная утопия : образ будущего // Шестаков В.П. Эсхатология и утопия. Очерки русской философии и культуры. М. : Владос, 1995. С. 33–63; Павлова О.А. Указ. соч.; Ковтун Н.В. Указ. соч.; Шадурский М.И. Литературная утопия от Мора до Хаксли : Проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 160 с.; Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX–XX веков : коллективная монография / под ред. Н.В.Ковтун. М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. 408 с.

¹¹ См. : Чаликова В.А. Настоящее и будущее сквозь призму утопии // Современные буржуазные теории общественного развития / отв. ред. М.Я. Берг. М. : Мысль, 1984. С. 87.

¹² Ковтун Н.В. Указ. соч. С. 23.

вселенной, представленной в тексте, но и для мира действительного. Слово настойчиво рассматривается как практическое действие. Отсюда проекты религиозного возрождения в символизме, социальный активизм и утопизм, пафос переустройства жизни – в авангарде. С этим в свою очередь тесно связана мифопоэтическая потенция, приписываемая искусству: произведение творит новую реальность, а не отражает реальность существующую»¹³. Пафос переустройства мира, выраженный в утопическом тексте, становится основой для формирования общественных тенденций, поэтому провести четкую грань между художественным дискурсом и реальной действительностью не всегда представляется возможным.

В XX веке мир переживает повсеместный кризис прогрессистского типа мышления. Разочарование в «великих повествованиях» и различных идеологиях обуславливает и разочарование в утопических конструктах как определяющих мироустройство иерархически, в рамках бинарных оппозиций. По мнению О.А. Павловой, следует выделять три волны отрицания утопии в этот период: Первая мировая война и Октябрьская революция в России («критика утопии как секулярной модификации хилиастических ожиданий» С.Н. Булгакова), 1960-е годы с их зарождающейся постмодернистской парадигмой и 1980–1990-е годы (кризис социалистической системы)¹⁴.

«Смерть» социального утопизма сопровождается расцветом утопизма индивидуального, когда важнейшей тенденцией становится конструирование локальных утопий, направленных на расширение возможностей личности. Формирование человека для нужд конкретного политического типа общества, движимого идеей, определяющей все стороны бытия человека, сменяется творением человека как индивидуальной единицы, обладающей правом на свободу самоопределения и создающей собственный микросоциум. Литература отражает данный процесс наиболее выпукло: кризис утопического метажанра и

¹³ Корчинский А. Форманты мысли : Литература и философский дискурс. М. : Языки славянской культуры, 2015. С. 157–158.

¹⁴ Павлова О.А. Указ. соч. С. 12–13.

появление огромного количества антиутопических текстов, в которых тема «исправления» человека представлена как его исчезновение, является приметой современного литературного процесса. Последней «счастливой утопией» в России был роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» (1862–1863), а в эпоху соцреализма – утопия И. Ефремова «Туманность Андромеды» (1956), последняя «праздничная утопия», после чего появляется огромное количество текстов, в которых сама идея создать совершенное общество подвергается остракизму. Этот же процесс происходит на западе: одной из последних западных утопий следует признать американский роман Э. Беллами «Взгляд назад. 2000–1887» (*Looking Backward: 2000–1887*, 1888).

Разочарование в возможностях трансформации социума с помощью смены властной парадигмы в середине XX века сопровождается интересом к изменению отдельного человека. В связи с развитием психоанализа появляются так называемые «эвпсихии» (термин А. Маслоу)¹⁵. На смену социальным утопиям, не оправдавшим себя, приходят утопии индивидуальные: «Объектом...индивидуальных утопий является будущее самого “утопающего”, его детей, вообще близких, а то и копий, получать которые можно будет путем клонирования. В пространственном отношении такая утопия ограничивается близким окружением, оказывается локальной. Вожделения же направляются на такие объекты, как крепкое здоровье, способность добиваться высших достижений в тех или иных областях деятельности, комфортная, счастливая, активная, долгая... жизнь»¹⁶. Так формируется другой тип утопического сознания, который не ставит своей задачей проектирование идеального социума и зачастую принимает форму национального идеала. Этот тип утопического сознания может быть обозначен как *антропологический*, так как он сосредоточен на воспитании отдельного человека.

¹⁵ Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М. : Смысл, 1999. 425 с.

¹⁶ Юдин Б.Г. От утопии к науке : конструирование человека // Вызов познанию : Стратегии развития науки в современном мире. М. : Наука, 2004. С. 262.

Формирование антропологической утопии как особого типа утопического мышления было тем этапом, на котором постепенно нивелировалось представление о человеке как о винтике системы, выполняющем определенную функцию, и создавалось новое – о человеке как о существе самодостаточном, способном трансформировать общество «изнутри», а не путем изменения ведущей социальной доктрины. Так, Ф. Аинса отмечает, что «новая утопия» будет связана не с пространством абсолютного знания, а со «встречей» и диалогом, называя такую утопию «утопией человека»¹⁷.

Развитие антропологического типа утопического сознания тесно связано со становлением философской антропологии, в частности – с работами немецкого философа М. Шелера¹⁸, который явился создателем классификации антропологических учений, согласно которой существует пять основных антропологических доктрин: еврейско-христианская, антично-греческая, натуралистическая, теория декаданса, концепция сверхчеловека. Целью Шелера было формирование целостной концепции человека, так как центральной проблемой философской антропологии он признавал проблему психофизического дуализма человека. Принципиальная нецелостность человека, по мнению другого философа П.С. Гуревича, переводит проблему обретения целостности в разряд утопических: «Целостность человека в нашем представлении – это некий идеал, движущий мотив прорыва к бытию»¹⁹.

О рождении нового типа утопии, исследующего человеческую душу, говорит польский социолог Ежи Шацкий в своей работе «Утопии» (*Spotkania z Utopią*, 1980) в главе «Современная утопия». Называя такую утопию «утопией человеческой самореализации», он связывает ее появление с молодежными бунтами 1960-х. Противопоставляя «аполлонические» утопии научной

¹⁷ Аинса Ф. Кризис и воскрешение утопии // Утопические проекты в истории культуры : сб. материалов Всероссийской (с международным участием) междисциплинарной науч. конф. «Утопические проекты в истории культуры (к 500-летию «Утопии» Т. Мора). Ростов-на-Дону : Изд-во «Фонд науки и образования», 2017. С. 12–13.

¹⁸ См.: Шелер М. Человек и история // THESIS. 1993. Вып.3. С. 132–154; Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии / сост. П.С. Гуревич, общ. ред. Ю.Н. Попова. М. : Прогресс, 1988. С. 31–95.

¹⁹ Гуревич П.С. Проблема целостности человека. М. : ИФ РАН, 2004. С. 145.

организации «дионисийским» утопиям человеческой самореализации, ученый подчеркивает основное качество вторых: сотворение нового человека и нового сознания независимо от политики. Кроме того, новая утопия ориентирована на поиск внутренней истины в человеке, тогда как старая постулировала, что истина находится вне индивида и необходим учитель для ее проявления. И даже современные коммуны, отмечает Шацкий, решают отнюдь не политические, но психологические и нравственные проблемы, создавая аналог «новой семьи», а не «нового общества»²⁰.

Элементы индивидуальной утопии в литературе появляются еще в эпоху Возрождения, когда акцент с описания, образования и функционирования идеального государства, характерный для эпохи античности, смещается в сторону проектов «воспитания человека» (уже у Т. Мора можно обнаружить наставления о правильном воспитании утопийцев). В западноевропейской утопии XIX века следует выделить произведения, которые классифицируются как утопии о «новом типе человека». Так, в романе Э. Бульвер-Литтона «Грядущая раса» (*The Coming Race*, 1871) повествуется о подземной расе сверхлюдей, обладающих сверхвозможностями и покоривших природу.

Термин **«антропологическая утопия»** получает научное обоснование в работах таких литературоведов, как Е.Е. Приказчикова и В.И. Мильдон. Так, Приказчикова использует данный термин для обозначения одного из типов утопий Просвещения в России, приводя в качестве примера Смольный институт благородных девиц Екатерины II: «Воспитание идеального человека было одной из основных задач эпохи Просвещения, основой антропологической утопии, которая должна была стать альтернативой по отношению к современным несовершенным людям»²¹. Мильдон характеризует поэму Н.В. Гоголя «Мертвые души» как антропологическую утопию, отмечая, что русский писатель «увлекся идеей – переменить человека, чтобы через

²⁰ Шацкий Е. Утопии // Е. Шацкий. Утопия и традиция. М. : Прогресс, 1990. С. 177–193.

²¹ Приказчикова Е.Е. Антропологическая утопия Смольного института и ее отражение в мемуарно-автобиографической литературе второй половины XVIII века // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2009. Вып. 34. № 27 (165). С. 105.

человека (образом которого был Чичиков, должный преобразиться во 2-м и 3-м томах романа) изменить мир. Такой взгляд я и называю антропологической утопией <...> Гоголь надеялся, что, изменив литературного героя (Чичикова), он добьется перемены человека, вслед за чем изменится мир»²². При этом в литературных утопиях, предлагающих проект идеального социума, конструирование идеального человека не является самоцелью. Изучение философско-антропологического аспекта утопий У. Морриса, Я. Окунева, И. Ефремова, С. Лема, О. Хаксли и других утопистов заставляет признать, что в них как идеал актуализируется обезличивание человека, абсолютное совпадение индивидуального и общественного, а также стабильное состояние созданного социума²³.

Обобщая работы исследователей утопии как феномена философского и литературоведческого, в нашем диссертационном исследовании мы предлагаем следующее определение данного термина: *антропологическая утопия – это особый тип утопического сознания, воплощенный в философском и художественном тексте, который сосредоточен на конструировании образа идеального человека или на идее трансформации человеческой природы.* Антропологическая утопия складывается постепенно, ее элементы можно обнаружить в произведениях реализма уже в XVIII–XIX вв., но на первый план она выходит в середине XX века, когда на смену традиционным утопическим конструкциям, которые связаны с моделированием социума и его законов, приходит осознание необходимости поиска индивидуального подхода к каждому человеку. Это обуславливает смысловую доминанту такого текста: совершенствование отдельной личности, а не всего общества. Антропологическая утопия может быть выявлена в философских и художественных текстах разных направлений и жанров, если в них есть

²² Мильдон В.И. Санскрит во льдах, или Возвращение из Офира : Очерк русской литературной утопии и утопического сознания. М. : РОССПЭН, 2006. С. 109–110.

²³ Дыров А.А. Человек будущего в утопиях и дистопиях: философско-антропологическая интерпретация : автореф. дис. ...канд. филос. наук. Челябинск, 2011. С. 10–12.

установка на изменение природы человека. Следует выделить следующие признаки антропологической утопии в литературном тексте:

1) в центре произведения – антропологическая идея, воплощенная в конкретном художественном образе (образах), которая опирается на мысль о принципиальной незавершенности человека как существа становящегося;

2) этот художественный образ представлен либо как потенциально способный быть улучшенным, либо как уже идеальный;

3) через трансформацию человека предполагается трансформация социума и мира;

4) в основе антропологической утопии лежит мысль об изначальном расколе внутри человека и необходимости этот раскол преодолеть, что определяет ее главную направленность – поиск целостности человека;

5) целостность человека обычно понимается как отсутствие противоречий внутри него, а также гармоническое равновесие телесного, духовного и интеллектуального начал;

6) в некоторых случаях антропологическая утопия может предлагать в качестве образца для усовершенствования антиидеал человека, но в тексте обязательно есть указания на возможность и необходимость его преобразования;

7) антропологическая утопия, выраженная в художественном тексте, либо прямо предполагает реализацию в реальности, либо имеет таковой потенциал (смещение литературной и жизненной практик);

8) часто антропологическая утопия, воплощенная в художественном тексте, должна рассматриваться в контексте всего словесного творчества автора, так как предполагает ее изложение в публицистических и/или философских сочинениях.

Как отмечает Н.В. Ковтун, акцент на конструировании идеального государства в большей степени свойствен западноевропейской утопии. В отличие от нее русская литературная утопия была сосредоточена не на структуре справедливого государства, а на том, как очистить от зла человека

для обретения «рая на земле»²⁴. Нравственное преображение человека было неразрывно связано с его самосовершенствованием и трансформацией вплоть до изменения человеческой природы (так, в романах А. Богданова совершенный человек – это уже даже не землянин). Американская утопическая традиция также в большей степени ориентирована не на создание идеального социума, а на реализацию отдельной личности в рамках этого социума. Такова философия трансцендентализма Р.У. Эмерсона и Г.Д. Торо: концепция «self-reliance» предполагает акцент на трансформации природы индивидуума, но не всего общества в целом.

Взаимодействие русской и американской утопических традиций связано с давней историей русско-американских культурных связей²⁵. Америка как молодая страна начала интересоваться русскими интеллектуалов еще с конца XVIII века, когда журналист и издатель Н.И. Новиков инициировал ряд публикаций в «Московских ведомостях», посвященных событиям Американской революции (1775–1783). Пример США вдохновил русских мыслителей, которые увидели в американской революции пример для подражания. Особенно их восхищал дух вольности американской нации и ее стремление к свободе человеческой личности: это восхищение можно обнаружить в «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790) А.Н. Радищева, который противопоставлял свободную Америку деспотичной России или в «Письмах русского путешественника» (1791–1792) Н.М. Карамзина, восхищавшегося Б. Франклином²⁶.

²⁴ Kovtun N. European Nigdeya and Russian TUtopia (On the issue of interaction) // Journal of Siberian Federal University. Humanities&Social Sciences. 2008. № 4. P. 548.

²⁵ См.: Николукин А.Н. Литературные связи России и США. М. : Наука, 1981. 406 с.; Старцев А.И. Русско-американские этюды : Русско-американские отношения и связи в XVIII–XIX вв. М. : Восточная литература РАН, 1995. 164 с.; Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М. : НЛЮ, 2001. 496 с.; Арустамова А.А. Русско-американский диалог XIX века : историко-литературный аспект. Пермь : Пермский гос. ун-т, 2008. 395 с.; Курилла И. Заклятые друзья. История мнений, фантазий, контактов, взаимо(не)понимания России и США. М. : НЛЮ, 2018. 424 с.; Осипова Э.Ф. Путешествие идей : из истории культурных связей России и США. Спб. : Нестор-История, 2019. 196 с.

²⁶ См. об этом: Осипова Э.Ф. Указ. соч. С. 6–8.

Несмотря на то, что такие русские интеллектуалы XIX века, как А.С. Пушкин, А.И. Герцен, декабристы и другие расходились во взглядах на американское общественно-политическое устройство, США воспринимались в России как «точка отсчета», способствуя самоидентификации русской нации. Особенный интерес среди русской интеллигенции вызывали идеи соблюдения прав человека, развития чувства собственного достоинства и эмансипации личности. Хотя в работах И.В. Киреевского и К.С. Аксакова мы находим критику американского индивидуализма и рыночных отношений²⁷, но в работах, например, Н.Тургенева обнаруживается восхищение этими же идеями, обозначенными, в частности американским религиозным мыслителем У.Э. Чаннингом в речи, прочитанной им в 1841 году в Филадельфии. В ней Чаннинг ратует за стирание границ между народами и за свободный обмен идеями и товарами между странами²⁸. Этическая утопия Чаннинга оказалась близка и Л.Н.Толстому, как и идеи участников Трансцендентального клуба – Т. Паркера, Р.У. Эмерсона, Г.Д. Торо. В «категорическом императиве» Толстого звучит эмерсоновская идея «доверия к себе», согласно которой каждый человек должен доверять только себе, своему разуму и совести, а также оказывать моральное сопротивление государственным институтам²⁹.

Особую значимость в России приобретает образ Америки во второй половине XIX века. Наряду с Ф.М. Достоевским, который скептически относился к возможности подражания американскому опыту, Н.Г. Чернышевский в своих публицистических работах («О следствиях открытия Америки», 1844; «Непочтительность к авторитетам», 1861) неоднократно отмечал важность его изучения для наилучшего устройства жизни в России. Писателя волновала идея эмансипации личности, и в своем главном романе «Что делать?» (1862–1863) он покажет, как Америка меняет Лопухова, ставшего Бьюмонтом: «Из Америки возвращается герой преображенный»³⁰. На

²⁷ См. об этом: Арустамова А.А. Указ. соч. С. 234–235; 252.

²⁸ См. об этом: Арустамова А.А. Указ. соч. С. 245.

²⁹ См. об этом: Осипова Э.Ф. Указ. соч. С. 27–29.

³⁰ Арустамова А.А. Указ. соч. С. 317.

схожесть русской и американской культур обращает внимание и А.И. Герцен, увидев в обоих потенциал для взаимообогащения. На рубеже XIX–XX вв. восприятие Америки в России приобретает все большую двойственность, которая, как отмечает В.Н. Крылов, сосредоточена «на индивидуально-личностном осмыслении судьбы человека на родине и на чужбине»³¹. С одной стороны, отмечается, что США находятся далеко впереди России по соблюдению прав человека, с другой – указывается на «торгашеский дух» Америки и отсутствие у нее высокой духовности, отличающей русскую культуру (В. Розанов, В. Короленко, П. Тверской)³².

Вопрос о специфике русской и американской утопических моделей неоднократно ставился в научной литературе. Исследователи подчеркивали молодость американской культуры, ее «нулевой характер» и оторванность от корней, что предопределило и особенности утопического мировосприятия Америки, которое носило характер постоянного ощущения новизны и свежести. Поэтому русскую и американскую культуру традиционно противопоставляли как исконно общинную и индивидуалистическую. В то же время признавалось и их сходство как культур «незавершенных», которым поэтому свойственна особая миссия³³.

Сопоставляя два национальных философских концепта – русскую соборность и американский трансцендентализм – У. Гейвин и Т. Блейкли подчеркивают их принципиальную схожесть, заключающуюся в том, что оба этих понятия являются выражением «устремленности к высшему»³⁴. Целью соборности как концепции духовного единения людей, как и целью трансценденталистской доктрины, является единение с высшим разумом – но разными путями (сообща или в одиночку). С. Лаперуз обозначает общую

³¹ Крылов В.Н. Диалог «своего» и «чужого» в американских впечатлениях В.Г. Короленко // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2015. Т. 157, кн.2. С. 31.

³² Там же.

³³ См.: Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М. : Прогресс-Культура, 1995. 480 с.; Бодрийяр Ж. Америка. М. : Владимир Даль, 2000. 208 с.; Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта. М. : Прогресс-Традиция, 2009. 384 с.

³⁴ Gavin W.J., Blakeley T.J. Russia and America : A Philosophical Comparison : Development and Change of Outlook from the XIX to the XX Century. Boston : D. Reidel Pub.Co., 1976. 114 p.

традицию, к которой принадлежат обе культуры, как «*philosophia perennis*» (от лат. «вечная философия») ³⁵. Как отмечают У. Гейвин и Т. Блейкли, у России и Америки было два пути (в зависимости от того, выберут они путь противопоставления или единения): либо расширение собственных границ для создания «гражданина мира» («*global citizen*»), либо утверждение «нового типа националистического догматизма» ³⁶. В конечном счете, тенденция противопоставления двух культурных парадигм привела к взаимной отчужденности и перманентному противостоянию.

Феномен Айн Рэнд (Алисы Розенбаум) (1905–1982) в этом смысле весьма показателен. Эмигрантка из России, она приезжает в США в поисках лучшей жизни, став одним из самых известных американских философов и писателей. Ее влияние на политическую, экономическую и культурную жизнь Америки беспрецедентно. В России оценка философии и творчества Айн Рэнд колеблется от восторженного поклонения и культа личности до ненависти и обвинения в фашизме. Столь неоднозначное отношение к ее личности и трудам как в России, так и в США, заставляет задуматься о том, чем оно вызвано и подталкивает к изучению ее работ в широком контексте взаимодействия культурных парадигм двух стран.

Алиса Розенбаум родилась в Санкт-Петербурге в семье фармацевта Зиновия Розенбаума. С 1914 по 1918 годы обучалась в частной женской гимназии М.Н. Стоюниной, с 1918 по 1921 годы – в гимназии А.П. Рущинской и А.А. Миронович в Евпатории. По свидетельству Б. Бранден, свои первые тексты будущая писательница создает еще в школьные годы. Они были связаны с впечатлениями от британских танцовщиц, которых она увидела на афише во время поездки в Лондон в 1914 году ³⁷. Большое влияние на нее

³⁵ Lapeyrouse S. *Towards the Spiritual Convergence of America and Russia : American Mind and Russian Soul, American Individuality and Russian Community, and the Potent Alchemy of National Characteristics*. Santa Cruz : Stephen Laperouse, 1990. 166 p.; Lapeyrouse S. *Contrasting ideas of man – the “American creed” vs. the “perennial philosophy”* // Американский характер. Традиция в культуре / отв. ред. О.Э. Туганова. М. : Наука, 1998. С. 68–98.

³⁶ Gavin W.J., Blakeley T.J. *Op. cit.* P. 17.

³⁷ Branden B. *The Passion of Ayn Rand*. N.Y. : Doubleday, 1986. P. 14.

оказал также синематограф, который тогда только зарождался в Санкт-Петербурге: она любила посещать сеансы немного американского кино.

Алиса закончила факультет общественных наук Ленинградского государственного университета по двум отделениям: общественно-педагогическому и литературно-художественному (1921–1924 гг.). Среди дисциплин, прослушанных ею, – различные курсы по истории и философии (полный список приводит в своей книге К.М. Шабарра³⁸). Именно в студенческие годы Алиса решает стать философом: это намерение было высказано ею в беседе с Н.О. Лосским на экзамене. С 1924 по 1925 год она обучалась в Школе экранного искусства в Ленинграде и даже написала две книги об американском кинематографе – об актрисе Поле Негри и о Голливуде.

Новая глава жизни Алисы Розенбаум началась в 1926 году, когда ей удалось эмигрировать в США по приглашению родственников в Чикаго. Ее выпустили из страны по учебной визе, по которой она намеревалась изучать американский кинематограф. Однако в Россию она больше не вернулась, взяв себе имя Айн Рэнд и приняв американское гражданство. В 1929 году Рэнд выходит замуж за американского актера Фрэнка О’Коннора. С 1927 года она работает помощницей сценариста в Голливуде. К этому же времени относятся первые писательские опыты Рэнд – ее ранние рассказы, написанные на английском языке, который она только начинает изучать. Уже в этих рассказах заметен интерес писательницы к проблеме человеческой целостности, соответствия убеждений человека его поступкам и словам: таковы рассказы «Муж, которого я купила» (*The Husband I Bought*, 1926), «Ее вторая карьера» (*Her Second Career*, 1929), повесть и пьеса «Идеал» (*Ideal*, 1934) и др. Первые пьесы писательницы не пользовались большим успехом, как и ее первый роман о постреволюционной России «Мы живые» (*We The Living*, 1936). Успех приходит к Рэнд после публикации ее второго романа «Источник» (*The*

³⁸ Sciabarra C.M. Ayn Rand. The Russian Radical. Pennsylvania : Pennsylvania State University Press, 2013. Pp. 381–390.

Fountainhead, 1943), благодаря которому она смогла начать зарабатывать только своим писательским трудом.

Огромное воздействие на жизнь и творчество писательницы оказали ее отношения с политическими кругами США. Так, общение с американской журналисткой и политическим философом Изабель Патерсон повлияло на понимание Рэнд социально-экономического устройства США, а встречи с экономистами австрийской школы экономики Ф.А. фон Хайеком и Л. фон Мизесом позволили ей подвести доказательную базу под критику социализма. Встреча Рэнд с ее ближайшим учеником и последователем Натаниэлем Бранденом в 1950 году положила начало новому этапу в жизни писательницы: сразу после выхода ее наиболее популярного романа «Атлант расправил плечи» (*Atlas Shrugged*) в 1957 году они открывают институт, просуществовавший вплоть до 1968 года. Институт занимался распространением идей объективизма – философии, которую Рэнд первоначально изложила в художественных текстах. Одна за другой выходят ее публицистические и философские работы, в которых она высказывает свой взгляд на философию, этику, эстетику и политику. Разрыв с Бранденом приводит движение объективизма в состояние стагнации, которое продолжается вплоть до 1982 года, когда писательница умирает в Нью-Йорке.

В США романы Рэнд давно стали частью американской культуры, их изучают в школе и университете. Ядром всех интерпретаций идеального героя писательницы в Америке было и остается признание индивидуальности человеческой личности, что позволило Н. Брандену развить свою собственную теорию самооценки на основе объективизма как философской системы³⁹. Тексты Рэнд воспринимаются как руководство к действию: предприниматели строят свой бизнес по модели ее романов, а либертарианцы считают ее своей вдохновительницей. В США изучением ее наследия занимается *Ayn Rand Institute* (Санта Ана), в котором находятся архивы писательницы, и *Atlas Society* (Вашингтон), между которыми достаточно сложные отношения, обусловленные

³⁹ Бранден Н. Шесть столпов самооценки. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018. 352 с.

разногласиями идеологического характера в понимании объективизма⁴⁰, а также научный журнал *The Journal of Ayn Rand Studies* (Penn State University Press, главные редакторы – ученые К.М. Шабарра, С. Кокс и др.). В 2019 и 2020 гг. Институт Айн Рэнд проводит конференцию *Ayn Rand Conference Europe*, собирающую тысячи поклонников философии и творчества Рэнд со всего мира (в 2019 году конференция организовывается в Праге, в 2020 – в Варшаве).

В России имя Рэнд оставалось неизвестным до 1990-х годов – вплоть до появления первых переводов ее романов. С 2016 по настоящее время представителями либертарианского движения проводится международная Мемориальная конференция Айн Рэнд. Популяризация наследия писательницы также осуществляется через чтение лекций в так называемом «Доме Айн Рэнд» (Санкт-Петербург).

Степень разработанности проблемы. Изучение философии и творчества Айн Рэнд охватывает ряд направлений:

1) биографический (Б. Бранден, Дж.Т. Бейкер, А. Эткинд, Й. Бриттинг, Э. Хеллер, Дж. Бёрнс, Н. Бранден, К.М. Шабарра, Г. Вайс, С. Макконнелл, Л. Никифорова и Б. Кизилов)⁴¹;

2) литературоведческий (контекст американской литературы) (С. Коффман, М.Р. Гладштейн, Й. Коди, С.Г. Шишкина, К.Н. Мирасова и др.)⁴²;

⁴⁰ Одним из существенных расхождений между ними является сотрудничество *Atlas Society* («открытый» объективизм) с Натаниэлем Бранденом.

⁴¹ Branden B. *The Passion of Ayn Rand*. NY. : Doubleday, 1986. 442 p.; Baker J. *Ayn Rand*. Boston : G.K.Hall&Co, 1987. 192 p.; Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М. : НЛЮ, 2001. 496 с.; Britting J. *Ayn Rand*. N.Y. : Not Avail, 2004. 144 p.; Heller A.C. *Ayn Rand and The World She Made*. N.Y. : Nan. A Talese/Doubleday, 2009. 567 p.; Branden N. *The Vision of Ayn Rand: The Basic Principles of Objectivism*. Gilbert, AZ : Cobden Press, 2009. 565 p.; Burns J. *The Goddess of The Market : Ayn Rand and The American Right*. N.Y. : Oxford University Press, 2009. 368 p.; Sciabarra C.M. *Ayn Rand. The Russian Radical*. Pennsylvania : Pennsylvania State University Press, 2013. 477 p.; Вайс Г. Вселенная Айн Рэнд : Тайная борьба за душу Америки. Спб. : Лениздат, 2014. 448 с.; Макконнелл С. Айн Рэнд. Сто голосов. М. : АСТ, 2018. 832 с.; Никифорова Л.Л., Кизилов М.Б. Айн Рэнд. М. : Молодая гвардия, 2020. 333 с.

⁴² Coffman S.E. *Howard Roark as hero : thesis for the degree of Master of Arts*. Denton, Texas, 1965. 134 p.; Cody J. *Ayn Rand's Promethean heroes // Reason*. 1973. Nov. URL: <https://reason.com/archives/1973/11/01/ayn-rands-promethean-heroes/> (дата обращения : 04.07.2019); Gladstein M.R. *Atlas Shrugged : Manifesto of the mind*. N.Y. : Twayne Publishers, 2000. 168 p.; Шишкина С.Г. Истоки и трансформации жанра литературной антиутопии в XX

- 3) литературоведческий (контекст русской литературы) (А. Цветков, Б. Розенталь, А. Вайнахт)⁴³;
- 4) психоаналитический (Л. Даунинг)⁴⁴;
- 5) философский (изучение различных аспектов философии объективизма, среди которых – этика «разумного эгоизма», объективизм и общество, объективизм и искусство и т.п.) (Дж. Уолкер, Т. Смит, Л. Пейкофф, Д. Уоткинс и Я. Брук, Г. Салмиери, О. Гейт, Дж. Леннокс, П. Шварц и др.)⁴⁵.

Начало изучения художественного творчества Рэнд в литературоведении относится к 1965 году, когда была защищена первая диссертация по творчеству писательницы. Она касалась анализа образа Говарда Рорка, главного героя ее романа «Источник»⁴⁶. В 1973 году в американском журнале *Reason* была опубликована работа филолога Й. Коди, в которой представлено прочтение повести писательницы «Гимн»⁴⁷. Американский филолог М.Р. Гладштейн отмечает, что в 1970–1980-е годы опубликовать научную работу о романах Рэнд в США было сложно из-за того, что серьезные академические журналы не

веке. Иваново : Ивановский гос. хим.-технол. ун-т, 2009. 230 с.; Мирасова К.Н. Романное творчество Айн Рэнд в контексте массовой литературы США : автореф. дис. ...канд. филол. наук. Казань, 2017. 21 с.

⁴³ Цветков А. Достоевский и Эйн Рэнд // Октябрь. 2002. № 3. С. 159–163; Rosenthal B.G. The Russian Subtext of *Atlas Shrugged* and *The Fountainhead* // The Journal of Ayn Rand Studies. 2004. No. 1. Vol. 6. Pp. 195–225; Weinacht A. Russian egoism goes to America? A case for a connection between Ayn Rand and the Shestidesiatniki // The Journal of Ayn Rand Studies. No. 1. 2017. Pp. 1–27.

⁴⁴ Downing L. *Selfish Women*. N.Y. : Rotledge, 2019. 156 p.

⁴⁵ Walker J. *Ayn Rand Cult*. N.Y. : Open Court, 1998. 350 p.; Smith T. *Ayn Rand's Normative Ethics: The Virtuous Egoist*. N.Y. : Cambridge University Press, 2006. 318 p.; Пейкофф Л. Объективизм : философия Айн Рэнд. М.: Астрель: Полиграфиздат, 2012. 575 с.; Brook Y., Watkins D. *Free Market Revolution : How Ayn Rand's Ideas Can End Big Government*. N.Y. : Palgrave Macmillan, 2013. 251 p.; Salmieri G. *Egoism and Altruism : Selfishness and Sacrifice* // A Companion to Ayn Rand / ed. by A. Gotthelf and G. Salmieri. West Sussex : Wiley Blackwell, 2016. Pp.130–156; Ghate O. "A Free Mind and a Free Market are Corollaries": Rand's Philosophical Perspective on Capitalism // A Companion to Ayn Rand / ed. by A. Gotthelf and G. Salmieri. West Sussex : Wiley Blackwell, 2016. Pp. 222–242; Lennox J.G. Who Sets the Tone of a Culture? : Ayn Rand's Approach to the History of Philosophy // A Companion to Ayn Rand / ed. by A. Gotthelf and G. Salmieri. West Sussex : Wiley Blackwell, 2016. Pp. 321–342; Шварц П. В защиту эгоизма: Почему не стоит жертвовать собой ради других. М. : Альпина Паблицер, 2019. 221 с.

⁴⁶ Coffman S.E. Op. cit.

⁴⁷ Cody J. Op. cit.

считали их литературой. Гладштейн справедливо замечает, что «авторы, как и пророки, часто менее всего ценятся в своих странах»⁴⁸. Всплеск интереса к творчеству писательницы начинается после ее смерти: именно тогда в 1984 году Гладштейн публикует *The Ayn Rand Companion* – книгу, в которой впервые осуществляется анализ поэтики художественных текстов Рэнд⁴⁹. Вслед за этим в 1987 году выходит книга Дж. Бейкера *Ayn Rand*, в которой он посвящает главу романам писательницы, носящую больше описательный характер⁵⁰. С начала 1990-х и вплоть до настоящего времени интерес к изучению Айн Рэнд как писателя в США не ослабевает: выходят работы Д.Дж.Ден Уилла, М. Гладштейн, Э.У. Янкинса, Дж. Уилт, К.Майклсон, К. Минсаас, Э. Бернштейн, С. Маккроски, Ш. Милграм, С. Кокса и др⁵¹. Следует отметить, что все названные исследователи основное внимание уделяют анализу различных элементов поэтики Рэнд, а не истокам идей ее творчества.

Изучение Рэнд как писательницы неразрывно связано с исследованием философии объективизма, которая воплощена в ее художественных текстах, поэтому раскол внутри объективистского движения привел и к разнице между позицией ученых, принадлежащих лагерю «закрытого» объективизма, и ученых из лагеря «открытого» объективизма. Институт Айн Рэнд в 2005–2009 гг. выпустил серию коллективных монографий, посвященных романам писательницы⁵². В них обнаруживаются интерпретации текстов Рэнд,

⁴⁸ Gladstein M.R. *Ayn Rand Literary Criticism* // *The Journal of Ayn Rand Studies*. 2003. Vol. 4. No 2. Pp. 373–394.

⁴⁹ Gladstein M.R. *The Ayn Rand Companion*. Westport : Greenwood press, 1984. 148 p.

⁵⁰ Baker J. *Op. cit.*

⁵¹ См.: Cox S. *Ayn Rand : Theory versus Creative Life* // *The Journal of Libertarian Studies*. 1986. No. 1. Pp. 19-29; Bernstein A. *The Mind as Hero in Atlas Shrugged* : 2 audiocassettes. New Milford, Connecticut, 1994; Minsaas K. *Structure and Meanings in Ayn Rand's Novels* : 1 audiocassette. Poughkeepsie, N.Y., 1994; McCloskey S. *Odysseus, Jesus and Dagny* : 2 audiocassettes. Poughkeepsie, N.Y., 1998; Milgram Sh. *Ayn Rand's Drafts : The Labors of a Literary Genius* : 2 audiocassettes. New Milford, Connecticut, 1998; Den Uyl D.J. *The Fountainhead : An American Novel*. N.Y. : Twayne, 1999. 144 p.; *Feminist Interpretations of Ayn Rand* / ed. by M.R. Gladstein and C.M. Sciabarra. Pennsylvania : The Pennsylvania University Press, 1999. 413 p.; Gladstein M.R. *Atlas Shrugged : Manifesto of the Mind*. N.Y. : Twayne Publishers , 2000. 168 p.

⁵² См.: *Essays on Ayn Rand's Anthem* /ed. by R. Mayhew. N.Y.: Lexington Books, 2005. 337 p.; *Essays on Ayn Rand's The Fountainhead* / ed. by R. Mayhew. N.Y. : Lexington Books, 2007. 349

связанные с пониманием объективизма как авторской философской системы, которая лишена истоков. В статьях из журнала *The Journal of Ayn Rand Studies*, выпускаемого с 1999 года Университетом штата Пенсильвания, творчество Рэнд понимается более широко – с учетом ее русских корней. Так, в статьях Д.Б. Джонсона⁵³, Б. Розенталь⁵⁴, А. Вайнахта⁵⁵ творчество Рэнд анализируется в контексте русской литературы и истории (реалии СССР, романы Н.Г. Чернышевского и М. Горького). Книга А. Вайнера *How Bad Writing Destroyed The World. Ayn Rand and The Literary Origins of the Financial Crisis* 2016 года носит публицистический характер, но заслуживает упоминания в контексте нашего исследования, так как в ней сделана попытка обоснования происхождения идей Рэнд от идей Достоевского и Чернышевского⁵⁶. Вайнер рассматривает в своей работе творчество Рэнд в качестве «воплощения нормативного жизненного алгоритма» (М. Могильнер)⁵⁷. Также русского прошлого писательницы касается Л. Даунинг, которая осуществляет психоанализ травматической составляющей детства писательницы во второй главе своей книги *Selfish Women* (2019)⁵⁸.

Другим важным разделом литературы об Айн Рэнд являются ее биографии. Первой такой биографией, вышедшей в 1986 году сразу после смерти писательницы, стала книга Б. Бранден *The Passion of Ayn Rand*, в которой представлен ценнейший пласт воспоминаний самой писательницы о

p.; Ayn Rand's *Atlas Shrugged* : A Philosophical and Literary Companion / ed. by E.W. Younkins. Burlington : Ashgate Publishing Company, 2007. 414 p.; *Essays on Ayn Rand's Atlas Shrugged* / ed. by R. Mayhew. N.Y. : Lexington Books, 2009. 516 p.; *Essays on Ayn Rand's We The Living* / ed. by R. Mayhew. N.Y. : Lexington Books, 2012. 420 p.

⁵³ Johnson D.B. *Strange Bedfellows : Ayn Rand and Vladimir Nabokov* // *The Journal of Ayn Rand Studies*. 2000. Vol. 2. No. 1. Pp. 47–67.

⁵⁴ Rosenthal B.G. Op. cit.

⁵⁵ Weinacht A. Op. cit.

⁵⁶ Weiner A. *How Bad Writing Destroyed The World. Ayn Rand and The Literary Origins of the Financial Crisis*. N.Y and London : Bloomsbury Academic. An Imprint of Bloomsbury Publishing Inc.

⁵⁷ Могильнер М. Мифология «подпольного человека» : радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М. : НЛЮ, 1999. С. 126.

⁵⁸ Downing L. Op. cit. Pp. 50–76.

России⁵⁹. В 1995 году появляется книга К.М. Шабарры *Ayn Rand: The Russian Radical* (второе издание – в 2013 году), в которой русские корни Рэнд стали предметом основательного изучения⁶⁰. Исследователь посвящает целую главу детству и юности Айн Рэнд, подробно рассматривая годы учебы в гимназии им. М.Н. Стоюниной и Петроградском университете. В книге представлены материалы архивов Петроградского университета (ныне – Санкт-Петербургский государственный университет). Также он вел активную переписку с сыном Н.О. Лосского (у которого училась Рэнд), французским искусствоведем Б.Н. Лосским, что также прояснило многие подробности биографии писательницы.

В выпущенной в 2004 году Институтом Айн Рэнд биографии писательницы авторства Й. Бриттинга неоправданно мало внимания уделяется детству и юности Рэнд, проведенным в России⁶¹. В отличие от нее биография Э. Хеллер, вышедшая в том же году, содержит более широкий контекст русского прошлого писательницы⁶². В работе Дж. Бёрнс, которая работала в Архивах Института Айн Рэнд (США) и выпустила свою книгу независимо от него в 2009 году, о русском прошлом Рэнд также не сказано почти ничего, несмотря на широкий контекст жизни писательницы, связанный с ее жизнью в США и контактами с представителями либертарианства⁶³.

В России художественное творчество Рэнд практически не изучено. Одним из первых в России о писательнице заговорил историк и литературовед А. Эткинд в книге «Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах»⁶⁴. Именно он назвал романы Айн Рэнд, написанные под впечатлением от русского опыта, предупреждением для Америки, а также поставил вопрос о травме Октябрьской революции в ее творчестве. В 2000-е гг. выходит ряд публикаций русских ученых, так или иначе включающих

⁵⁹ Branden B. Op. cit.

⁶⁰ Sciabarra C.M. Op. cit.

⁶¹ Britting J. Op. cit.

⁶² Heller A. Op. cit.

⁶³ Burns J. Op. cit.

⁶⁴ Эткинд А. Указ. соч.

писательницу в русский контекст⁶⁵, но среди них нет ни одной литературоведческой работы. Первой диссертацией, которая была защищена по творчеству Рэнд в России, стала кандидатская диссертация К. Мирасовой «Романное творчество Айн Рэнд в контексте массовой литературы США» (Казань, 2017). В ней, однако, утверждается «отсутствие духовного родства А. Рэнд с взрастившей её русской культурой и полное единение с ценностными ориентирами новой родины»⁶⁶, что видится явным упрощением философии и творчества писательницы. В книге Э.Ф. Осиповой «Путешествие идей: из истории культурных связей России и США» (2019) Айн Рэнд посвящена последняя глава. Ученый видит истоки идей писательницы в традиции социального дарвинизма (хотя значительная часть американских ученых склонна противопоставлять объективизм и социал-дарвинизм⁶⁷) и отрицает какую бы то ни было их связь с русской традицией, что также представляется спорным тезисом ввиду того, что свое единственное образование она получает именно в России: «Известно, что к идеям социального дарвинизма резко отрицательно относился Лев Толстой. Да и вообще, в русской литературе идеи, лежавшие в основе натурализма, не вызвали к жизни значительных художественных произведений. В отличие, скажем, от литературы американской и французской <...> Философия, которую создавала Айн Рэнд и которую воплощали в жизнь ее ученики, не получила в России сколько-нибудь значительного распространения. Но ее романы, весьма далекие от русской литературной и философской традиции, привлекают читателя необычностью идей, изображением сильных характеров, публицистической страстностью»⁶⁸.

Одной из последних и знаковых работ об Айн Рэнд в России стала вышедшая в 2020 году академическая биография писательницы авторства

⁶⁵ Цветков А. Указ. соч.; Шляпентох В. Айн Рэнд: ее марксистские и большевистские корни // НЛО. 2010. № 104. С. 179 – 190.

⁶⁶ Мирасова К. Указ. соч. С. 25.

⁶⁷ См. об этом: Bissel A. Social Darwinism // The Atlas Society. 2020. Dec.11. URL: <https://atlassociety.org/commentary/commentary-blog/4119-social-darwinism> (дата обращения : 04.07.2019).

⁶⁸ Осипова Э.Ф. Путешествие идей : из истории культурных связей России и США. Спб. : Нестор-История, 2019. С. 165–166.

филолога Л. Никифоровой и историка-гебраиста М. Кизилова⁶⁹. Данная книга стала первой работой, которая освещает доселе неизвестные страницы жизни американского философа, связанные с ее жизнью в России и Крыму. Благодаря обращению к источникам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга и Государственного архива Республики Крым книга оказалась наполнена достоверными сведениями о жизни Рэнд в Санкт-Петербурге (Петрограде, Ленинграде) и Евпатории.

Актуальность диссертационного исследования объясняется, во-первых, необходимостью изучения русских истоков философии и художественного творчества Айн Рэнд. Эта необходимость обусловлена тем, что поэтика произведений писательницы может быть соотнесена с поэтикой произведений русских писателей-эмигрантов «первой волны». Кроме того, популярность идей Рэнд в России продолжает расти, что также позволяет говорить о возможности включения ее творчества в контекст русской литературы.

Во-вторых, обращение к утопической проблематике соответствует актуальным тенденциям современного литературоведения: после кризиса идеологий в середине XX века возникает устойчивый интерес к авторским утопиям, в которых основной фокус обращен на личность и ее развитие. В литературе еще в начале XX века исчезают классические утопии, сосредоточенные на переустройстве общества, вытесняясь «экзистенциально ориентированными утопиями» (Н.В. Ковтун⁷⁰). В конечном итоге утопический метажанр как явление литературы трансформируется в «утопический стиль» (В. Чаликова⁷¹), который может быть выявлен в произведениях самых разных литературных направлений. Смещение акцента с макромира (социум) на микромир (человек) порождает потребность в осмыслении роли и места такого рода художественных текстов в литературном процессе.

⁶⁹ Никифорова Л., Кизилов М. Указ. соч.

⁷⁰ Ковтун Н.В. Деревенская проза в зеркале утопии. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2009. С. 27.

⁷¹ Чаликова В.А. Настоящее и будущее сквозь призму утопии // Современные буржуазные теории общественного развития / отв. ред. М.Я. Берг. М. : Мысль, 1984. С. 87.

В-третьих, в литературоведении сохраняется устойчивый интерес к взаимодействию русской и американской интеллектуальных традиций, особенно ярко проявленный в антропологической сфере. История культурных контактов двух стран насчитывает более двухсот лет, и ее изучение до сих пор продолжается, о чем свидетельствует, например, факт выхода в свет книги известного американиста Э.Ф. Осиповой «Путешествие идей: из истории культурных связей России и США» (2019)⁷², описывающей диалектику процессов взаимодействия идей в обеих странах.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в работе впервые в русском и зарубежном литературоведении (и шире – социально-гуманитарных науках) предлагается осмысление художественного творчества и философии Айн Рэнд в фокусе антропологического моделирования и доказывається генезис ее антропологической утопии из русской литературно-философской традиции. Термин «антропологическая утопия» впервые научно обосновывается и применяется к сопоставлению двух художественных и философских традиций – русской и американской; выявляются сходства и различия двух национальных традиций в ключе их представлений об идеальном человеке.

Объект исследования – художественное творчество и философия Айн Рэнд;

предмет – антропологическая утопия;

материал – романы, повести, рассказы и пьесы Айн Рэнд; ее философские и публицистические труды:

1) художественные тексты:

- рассказы из сборника «Муж, которого я купила» (американское издание – *The Early Ayn Rand*, 1984, издан посмертно);

- пьесы «Ночью 16 января» (*Night of January 16th*, 1933), «Идеал» (*Ideal*, 1934) (также – повесть), «Подумай дважды» (*Think Twice*, 1939);

- повесть «Гимн» (*Anthem*, 1938);

⁷² Осипова Э.Ф. Указ. соч.

- романы «Мы живые» (*We The Living*, 1936), «Источник» (*The Fountainhead*, 1943), «Атлант расправил плечи» (*Atlas Shrugged*, 1957);

2) философские труды: эссе «Для нового интеллектуала» (*For The New Intellectual*, 1961), сборник статей «Добродетель эгоизма» (*The Virtue of Selfishness*, 1964), философский трактат «Введение в объективистскую эпистемологию» (*Introduction to Objectivist Epistemology*, 1967), сборник статей «Философия: кому она нужна» (*Philosophy: Who Needs It*, 1982, издан посмертно);

3) труды по эстетике: «Романтический манифест. Философия литературы» (*The Romantic Manifesto*, 1969), сборник лекций «Искусство беллетристики: Руководство для писателей и читателей» (*The Art of Fiction: A Guide for Writers and Readers*, 2000, издан посмертно);

4) публицистические тексты: «Капитализм: незнакомый идеал» (*Capitalism: The Unknown Ideal*, 1966), «Возвращение примитива: Антииндустриальная революция» (*Return of The Primitive: The Anti-Industrial Revolution*, 1971).

Цель диссертационного исследования – выявление генезиса и определение особенностей антропологической утопии Айн Рэнд. Цель обуславливает постановку следующих задач:

1) осмыслить различные концепции о «новом человеке» и о «self-made man» на всем протяжении их бытования в русской и американской литературе и философии;

2) изучить взаимодействие русской и американской антропологических утопических концепций в философии объективизма Айн Рэнд;

3) проследить связи между антропологической утопией Айн Рэнд, выраженной в ее художественных текстах, и русской литературой;

4) сопоставить травматический опыт Октябрьской революции, нашедший отражение в художественных текстах Айн Рэнд, с рефлексией этого же опыта в произведениях русских писателей-эмигрантов «первой волны»;

5) выявить роль художественных произведений Айн Рэнд в процессе, связанном с кризисом американской антропологической утопии середины XX века;

6) установить сходства и различия в проявлении образа предпринимателя (бизнесмена) в художественных текстах Айн Рэнд и американских писателей-реалистов, а также писателей «business romance»;

7) определить специфику в восприятии Америки как утопической страны в художественных текстах Айн Рэнд в связи с ее русскими корнями.

Теоретическую и методологическую основу исследования составляют труды отечественных и зарубежных исследователей по проблеме жанровой специфики утопии (Б.Ф. Егоров, Н.В. Ковтун, Л. Геллер и М. Никё, О.А. Павлова и др.); исследования утопии как общефилософского феномена и фактора национальной идентичности (В.П. Шестаков, Э.Я. Баталов, Е.Л. Черткова, Ж. Бодрийяр, Е. Шацкий и др.); работы по истории русской литературы XIX–XX века (Л.М. Лотман, Л.А. Колобаева, В.А. Недзвецкий, Э.Я. Фесенко и др.), в том числе – по истории и поэтике русской эмигрантской прозы (Г. Струве, И. Калинин и др.); работы, посвященные «Trauma Studies» (Д. ЛаКапра, Э. Сантнер и др.); работы по истории американской литературы XIX–XX века (А.М. Зверев, П.В. Балдицын, О.О. Несмелова, Б.А. Гиленсон, Д. Робинсон и др.), по специфике ренессансной культуры (Л.М. Баткин, Л.М. Брагина и др.), по масонству в литературе и культуре (М. Холл, С.П. Карпачев и др.), по культурным взаимосвязям России и США (А.Н. Николукин, Э.Ф. Осипова, А.А. Арустамова, Э.Я. Баталов, И. Курилла и др.), по философской антропологии (М. Шелер, П.С. Гуревич, Ю.В. Синеокая и др.). В работе использованы следующие методы: историко-литературный, сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, биографический. Антропологическая утопия исследуется не только в историко-литературном контексте, но и в философском, социально-политическом и культурологическом, что обусловлено спецификой Айн Рэнд как автора, органично сочетающего роли философа, общественного деятеля и писателя.

Выбор компаративистского подхода как основного в диссертационном исследовании обусловлен необходимостью установления связи творчества Айн Рэнд с русской литературно-философской традицией. В данном случае речь идет как о контактно-генетических связях, так и о типологических схождениях (в терминологии Д. Дюришина⁷³). *Контактно-генетические связи* (прямая рецепция) прослеживаются в следующих фактах:

1) Известно, что Рэнд читала таких русских писателей, как А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев, А.П. Чехов. К.М. Шабарра сообщает, что писательница упоминает свою письменную работу об «Евгении Онегине» Пушкина, написанную ей в гимназии им. М. Стоюниной в 1917–1918 учебном году и позволившую ей понять, что «о героях следует судить по их поступкам»⁷⁴. Восхищаясь романами Достоевского, она относила их к романтической школе [88, с. 229]. Подчеркивая уважение к этому писателю, она отмечала в «Романтическом манифесте»: «Я люблю Достоевского за непревзойденное мастерство построения сюжета и безжалостное анатомирование психологии зла, хотя и его философия, и его ощущение жизни почти диаметрально противоположны моим» [92, с. 42]. При этом она критиковала творчество И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого, однако совершенно понятно, что она была знакома с их романами [88, с. 236; с. 237; с. 238; с. 246].

2) В коллекции книг на русском языке, привезенных Рэнд в США в 1926 году, значатся следующие образцы русской классической литературы: «Евгений Онегин» (1833) А.С. Пушкина; «Записки из подполья» (1864), «Идиот» (1869), «Бесы» (1871), «Братья Карамазовы» (1880) Ф.М. Достоевского; «Война и мир» (1867) и «Анна Каренина» (1875–1877) Л.Н. Толстого. Кроме того, в каталоге книг обнаруживаются русские издания работ Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» (*Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle*

⁷³ Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М. : Прогресс, 1979. 317 с.

⁷⁴ Sciabarra С.М. Op. cit. P. 66.

und Keinen, 1883–1885) и «По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего» (*Jenseits von Gut und Böse*, 1886)⁷⁵.

3) Б. Бранден упоминает, что Рэнд имела возможность читать советские пьесы (без называния конкретных авторов) во время работы рецензентом в кинокомпаниях РКО и «Метро-Голдвин-Майер», где она адаптировала их для экранизации⁷⁶. На это же обстоятельство указывают Л. Никифорова и М. Кизилев в своей биографии писательницы⁷⁷.

4) Особое отношение у Рэнд было к наследию Ф. Ницше, которого она начала читать, будучи студенткой Петроградского университета. Импульсом для интереса к немецкому философу стало творчество Ф.М. Достоевского, которое она изучала в университете в рамках одного из литературных курсов⁷⁸. Закономерно при этом, что ее восприятие Ницше было во многом опосредованным – через интерпретации русских ученых и писателей. Среди таких «посредников» следует назвать, в первую очередь, А.А. Блока, влияние поэзии которого на свое творчество Рэнд признавала открыто [88, с. 253]⁷⁹, а также Ф.Ф. Зелинского, который преподавал в Петроградском университете с 1885 по 1921 годы⁸⁰.

5) Несомненно влияние на Рэнд ее учителя, русского философа Н.О. Лосского. Б. Бранден описывает в своей книге *The Passion of Ayn Rand* (1986) процедуру сдачи писательницей экзамена по философии в Петроградском университете, записанную с ее слов. Экзаменатором был Лосский. К.М. Шабрра утверждает, что Рэнд восприняла от философа метод диалектического философствования и ощущение мира как органического целого⁸¹.

⁷⁵ См.: Ayn Rand Library // LibraryThing : сайт. URL : <https://www.librarything.com/catalog/AynRandLibrary> (дата обращения : 24. 07. 2021).

⁷⁶ Branden B. Op. cit. P. 156.

⁷⁷ Никифорова Л., Кизилев М. Указ. соч. С. 182.

⁷⁸ Sciabarra C.M. Op. cit. P. 77.

⁷⁹ Несмотря на то что А. Блок практически не испытал влияние Ф. Ницше (по сравнению с другими символистами), он точно так же, как и другие писатели Серебряного века, выражал в своем творчестве стремление к синтезу, что было важным для формирования «русского ницшеанства». Подробнее об этом см. вторую главу.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Sciabarra C.M. Op. cit. Pp. 39–61.

б) По мнению Д.Б. Джонсона, Рэнд воспринимает традицию Н.Г. Чернышевского «через среду», в которой она выросла и получила образование. В частности, он упоминает Ольгу Набокову, младшую сестру писателя Владимира Набокова, с которой дружила молодая Алиса Розенбаум⁸². Следует заметить, что в данной работе мы следуем логике переосмысления наследия Чернышевского как мыслителя, наследующего интеллектуальной традиции, отстаивающей идею свободы личности, и сближающегося в своем творчестве с западной (в частности – с американской) антропологической моделью⁸³.

Однако большее значение для исследования представляют так называемые *типологические схождения*, которые не обусловлены прямой связью творчества писательницы и тех литературных явлений, которые рассматриваются в работе. Во-первых, так называемые общественно-типологические схождения, обусловленные господством определенных идейных течений в период становления писателя. В случае с Рэнд это – культура Серебряного века в России, основным настроением которой было ощущение глубокого кризиса, обусловленное распространением идей Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, О. Шпенглера и рождавшее предчувствие революции, которое было тесно связано с поисками «нового человека», в связи с чем переосмыляется и наследие «шестидесятников»⁸⁴ – в частности, Н.Г. Чернышевского (ставшего особенно актуальным после публикации В.И. Лениным известной работы «Что делать? Наболевшие вопросы нашего

⁸² Jonson D.B. Op. cit. Pp. 47; 65.

⁸³ Данный подход отражен в последних исследованиях, посвященных писателю, например: Паперно И. Семиотика поведения : Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М. : НЛЮ, 1996. 208 с.; Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М. : НЛЮ, 2001. 496 с.; Кантор В.К. «Срубленное древо жизни». Судьба Николая Чернышевского. М.; Спб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 528 с. и др.

⁸⁴ См., например, работы В.В. Розанова «Почему мы отказываемся от “наследства 60-70-х годов”?» (1891), «В чем главный недостаток наследства 60-70-х годов”?» (1891), «Три момента в развитии русской критики» (1892), в которых философ осмысляет «шестидесятничество» в фокусе синтетизма, обвиняя его в потере целостного взгляда на человека.

движения», 1901–1902)⁸⁵. Несмотря на различные трактовки сущности нового антропологического типа, общим для них всех было *стремление к синтезу*. Это же стремление стало ключевой особенностью философии объективизма Айн Рэнд. Именно диалектический подход станет главным при воссоздании антропологической утопии писательницы, что напрямую связывает ее с русской литературно-философской традицией. Другим важным обстоятельством является то, что Рэнд «заимствует» у русской культуры идею свободы человека, которую можно признать общей для русской и американской интеллектуальной традиции в силу симпатии ряда русских мыслителей (А.Н. Радищев, Н.Г. Чернышевский, А.И. Герцен, Л.Н. Толстой) к американскому опыту.

Во-вторых, включая Рэнд в контекст русской эмигрантской прозы «первой волны», необходимо вести речь о психолого-типологических схождениях. Эмиграция является травмогенным процессом и может выражаться как в идеализации своей национальной идентичности, так и в ее усиленном отрицании. Именно поэтому необходимость уехать из России, вызванная Октябрьским переломом, связала Рэнд с писателями-эмигрантами того же временного периода, что выразилось в общности мотивов, проблематики и художественной образности текстов. Другое психолого-типологическое схождение обусловлено воспринятой Рэнд идеей «разумного эгоизма» Н.Г. Чернышевского. Можно сказать, что писательница была психологически предрасположена к усвоению такого рода концепций из-за склонности придавать идеям «каузальное» значение⁸⁶. Данное обстоятельство является следствием обучения Алисы Розенбаум в гимназии им. М.Стоюниной, основатель которой, выдающийся русский педагог В.Я. Стоюнин, опирался в своей методологии преподавания русской литературы на так называемый

⁸⁵ Айн Рэнд опубликует в 1972 году в США работу с перекликающимся названием *What Can One Do?*

⁸⁶ Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М. : НЛО, 2001 // Электронная библиотека RoyalLib.com. URL : https://royallib.com/read/etkind_aleksandr/tolkovanie_puteshestviy.html#0 (дата обращения : 15.02.21).

целостный подход, сформированный под влиянием «реальной критики» (Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов)⁸⁷. Важную роль в усвоении идей «разумного эгоизма» сыграло знакомство писательницы с романами Ф.М. Достоевского: учитывая факт полемики писателя с Чернышевским, Рэнд воспринимала идеи первого по принципу «отталкивания».

Важно отметить, что русский опыт подвергается в художественно-философской системе Рэнд основательной переработке. В первую очередь, следует обратить внимание на упрощение и уплощение многих идей русской философской мысли, что позволяет говорить о включенности писательницы в контекст массовой американской культуры. Ее философия стала интеллектуальным продуктом для американского мейнстрима, в частности – для предпринимателей. То, что американская культура была практически неизвестна Рэнд, выросшей в России – это факт, который свидетельствует об идеализации и мифологизации всего, что связано с Соединенными Штатами Америки, в ее творчестве. Русские идеи, «переделанные» на американский лад, сочетаются с «романтизацией» бизнеса, почерпнутого из романов Г.К. Уэбстера и С. Мервина, и «супергероями» из детективов М. Спиллейна, которыми зачитывалась писательница уже в США⁸⁸.

Положения, выносимые на защиту:

1) Антропологическая утопия представляет собой особый тип утопического сознания, который может быть воплощен в художественном тексте. В отличие от утопии, не является отдельным метажанром и содержит установку на изменение природы человека. Обладает рядом признаков, важнейшим из которых является поиск целостности человека как ключевая идея текста. «Новый человек» и «self-made man» – это две антропологические утопии России и США, сближающиеся именно в точке поиска данной целостности.

⁸⁷ Подробнее об этом см.: §1 второй главы.

⁸⁸ Об отношениях Айн Рэнд и М. Спиллейна, автора популярных американских детективов см.: Макконнелл С. Сто голосов. М. : АСТ, 2018. С.325–334.

2) Истоками антропологической утопии Айн Рэнд являются четыре утопических проекта, функционировавших в России в XIX–на рубеже XIX–XX вв. и объединенных общей концепцией синтетизма как универсального принципа русской культуры («разумный эгоизм», «русское ницшеанство», «третье Возрождение», масонство). Этот факт доказывается рядом контактно-генетических связей и типологических схождений романов Рэнд с текстами русской литературы. Писательница следует той интеллектуальной традиции в России, которая ориентировалась на американский (и в целом западный) опыт и исповедовала идеи ценности и свободы человеческой личности.

3) Ключевым фактором для формирования антропологической утопии Айн Рэнд является критика социализма, ставшая следствием травмы Октябрьской революции. Поэтика первого романа Рэнд «Мы живые» релевантна поэтике романов отдельных писателей-эмигрантов «первой волны» на уровне образной, мотивной и тематической структуры, а также в части следования тактике «нарративного фетишизма» в «проговаривании» травматического опыта революции.

4) «Integrated man» как особый художественный образ романов Айн Рэнд генетически связан с ощущением «раскола» внутри человека, между человеком и социумом, а также между «практическим» и «ценностным» типами рациональности в русской культуре. Антрополатрия как важнейшая характеристика данного художественного образа является реакцией на трагический раскол и деперсонализацию личности, формируемые внутри русской культуры.

5) Антропологическая утопия, выраженная в художественных произведениях Айн Рэнд, продолжает традицию русской литературной утопии, направленной на реализацию литературной модели человека в действительности. Герой романов писательницы является носителем определенной философской идеи, что доказывает генетическую связь ее художественных текстов с русским «романом идей».

6) Проекция русского опыта на американскую реальность является ключевой характеристикой антропологической утопии Айн Рэнд. Идеализация типажа успешного предпринимателя в ее романах – это проекция стремления писательницы преодолеть раскол между интеллигенцией и предпринимателями в русской культуре. Этот герой оказался актуальным для американской культуры вследствие запроса на возрождение традиционного для нее образа «self-made man».

7) Характеристикой антропологической утопии Айн Рэнд является идеализация Америки, имеющая русские корни. Проект переустройства Америки, предложенный писательницей, обладает чертами русского утопического дискурса: радикализмом, мессианизмом, претензией на глобальность, секулярной соборностью.

8) Антропологическая утопия Айн Рэнд представляет собой сочетание русской и американской антропологических моделей. Она оказалась релевантна для обеих культур, общим свойством которых (несмотря на ряд различий) является фокус на антропологическом типе утопического сознания и потребность в реконструкции их антропологического идеала.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней обосновывается термин «антропологическая утопия» применительно к художественному тексту. Анализ специфики данного типа утопического сознания позволяет восполнить пробел в исследованиях, посвященных утопии. Результаты работы могут стать теоретической базой для дальнейших исследований в этом направлении.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы в общих и специальных курсах истории русской и зарубежной литературы XIX–XX веков, истории американской литературы; на спецкурсах, посвященных проблемам утопии, эмигрантской литературе, Literary Trauma Studies, а также в междисциплинарных курсах антропологической направленности.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертации были представлены в виде научных докладов, прочитанных на международных и всероссийских научных конференциях: II–IV Всероссийской научной конференции с международным участием «Национальные коды в языке и литературе. Особенности концептосферы национальной культуры» (Нижний Новгород, 2014, 2015, 2016); Международной научной конференции «Национальные коды в языке и литературе» (Нижний Новгород, 2018); III, V Мемориальной конференции Айн Рэнд (Санкт-Петербург, 2017, 2019); XV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Иностранные языки и литературы в контексте культуры» (Пермь, 2018); 41-й Международной научно-практической конференции «Православные истоки русской словесности и культуры» (Тюмень, 2018); Международной научной конференции «Ссылка, изгнанничество, эмиграция: самосознание, ответственность и сочувствие в зеркале эго-документов и фикциональной литературы» (Тюмень, 2018); Шестых международных Зверевских чтениях по американистике «Коллективная память: власть прошлого в социокультурной жизни Америки» (Москва, 2019); Всероссийской научной конференции с международным участием «Новое прошлое: практики историописания в потоке времени» (Ростов-на-Дону, 2019); Ayn Rand Conference «Reason, Purpose, and Self-Esteem: Keys to a Better Life and Society» (Республика Польша, Варшава, 2020); Девятой международной конференции Института Хайека и Европейского университета «Капитализм и свобода» (Санкт-Петербург, 2020); Международной научной конференции «Современная русская утопия: трансформация метажанра» (Красноярск, 2020); IX международной научной конференции Центра исследований экономической культуры СПбГУ «Деньги и процент: экономика и этика» (Санкт-Петербург, 2021). Поэтика утопического и антиутопического метажанров была предметом кандидатской диссертации автора⁸⁹, и при работе над докторской диссертацией был привлечен необходимый теоретический материал, который был расширен и углублен.

⁸⁹ См.: Григоровская А.В. Пространственно-временная организация и мотивная структура в антиутопии

Основные положения диссертации изложены в 30 публикациях (14 – в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук; 10 – в журналах, индексируемых в международных реферативных базах данных и системах цитирования Scopus и Web of Science; 3 – научные монографии; 3 – в прочих научных изданиях).

Структура работы. Диссертационное исследование включает в себя введение, три главы, заключение и библиографический список. Первая глава носит теоретический характер и дает представление о национальной специфике утопической модели человека в русской и американской литературах и эволюции антропологической утопии в философии объективизма Айн Рэнд. Вторая глава посвящена истокам образа идеального человека в художественном творчестве Айн Рэнд и включает этот образ в контекст антропологических поисков в русской литературе XIX–рубежа XIX–XX веков. В третьей главе утверждение антропологической модели писательницы показано на фоне исканий американской литературы первой половины XX века.

Глава 1. Философская и эстетическая основа антропологической утопии в художественном творчестве Айн Рэнд

§1. Национальная специфика утопической модели человека в русской и американской литературно-философской традиции. Рассмотрение национальной специфики идеала человека предполагает обращение прежде всего к художественной литературе, так как именно в ней находят свое отражение представления народа о желательном устройстве мира. Русская литература, пронизанная духом утопизма, создает целую галерею героев, которые постепенно сформировали образ идеального человека, специфичный именно для этой культуры. Важнейшим при этом следует считать образ **«нового человека»**, так как трансформация и преображение человека (а не государства) – ключевая характеристика русской утопии, что отмечает большинство исследователей⁹⁰.

Изначально концепция «нового человека» формируется в русской культуре под влиянием православной традиции, в которой человек полагался подобием божьим: его следовало преобразить через принуждение – религиозное и государственное. Это порождало реакцию протеста и влияло на появление противоположного типа «новых людей» – не согласных с существующим порядком: «Столкновение государственного утопизма с утопизмом “свободным” будет продолжаться до XVII века и приведет к великому расколу православной церкви...»⁹¹. Представление о «новом человеке», отвергающем привычные модели мироустройства, дают весьма распространенные в XVII веке легенды о «возвращающемся избавителе». К.В. Чистов отмечает, что главными качествами «царя-избавителя» выступают его

⁹⁰ См.: Ковтун Н.В. Русская литературная утопия второй половины XX века. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2005. 536 с.; Мильдон В.И. Санскрит во льдах, или Возвращение из Офира : Очерк русской литературной утопии и утопического сознания. М. : РОССПЭН, 2006. 288 с.; Егоров Б.Ф. Российские утопии. СПб. : Искусство–СПб, 2007. 415 с.

⁹¹ Геллер Л., Никё М. Утопия в России // Книгогид. URL : https://knigogid.ru/books/1221381-utopiya-v-rossii/toread?update_page (дата обращения : 20.03.21).

избранность и самозванчество – противоположные свойства, которые уже на этом этапе формируют принципиально дуальную модель человека⁹².

«Еретические» идеи первоначально осмыслялись в России только в религиозном ключе (например, учение Феодосия Косого), но к середине XVII века акцент постепенно смещается к секулярному пониманию «освобождения» человека. Этому в значительной мере способствовала сакрализация единоличной власти государства, формирующего человека, лишённого индивидуальности, выпавшего из хронологической динамики и представляющего собой «производное» от государства. По классификации Е.Е. Приказчиковой одним из доминирующих типов утопии в это время становится эвпсихия – антропологическая утопия, которая ставит цель трансформировать человека через изменение политического и социального устройства общества, что отражается в мемуарно-эпистолярной литературе того времени: «В своем общем виде антропологический миф в эпоху Просвещения эволюционирует от ветхозаветного червя до масонского БОГОЧЕЛОВЕКА, включая в себя все модификации “умственного” и “модного” вольтерьянства»⁹³. Русская литература середины XVII века реагирует на этот процесс появлением героев, которые проявляют независимость от церкви и государства («Повесть о Горе-Злочастии», «Повесть о Фроле Скобееве», «Повесть о Карпе Сутулове» и др.).

В XVIII веке категория «нового человека» приобретает все более светский характер, а «образцы» для идеала человека все чаще берутся из реальности. Этому способствует появление так называемых «утопических эргологий», которые Е.Е. Приказчикова определяет как «творение идеальной утопии жизни посредством слова»⁹⁴, когда автор моделирует собственную жизнь по мотивам им же написанной утопии. К таким утопиям она относит

⁹² Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). Спб. : «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2011. С. 255.

⁹³ Приказчикова Е.Е. Утопическая традиция эпохи Просвещения в жизни и творчестве А.Н.Радищева («Путешествие из Петербурга в Москву») // Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX-XX веков : колл. монография / отв. ред. Н.В. Ковтун. М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. С. 37.

⁹⁴ Приказчикова Е.Е. Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе русского Просвещения : автореф. дис.д-ра филол. наук. Екб., 2010. С. 7.

«Собственноручные записки императрицы Екатерины II» (1797). Этот же термин она применяет и к сочинениям А.Н. Радищева, который в главе «Крестыцы» из «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790) (содержащей элементы утопии-эвпсихии) представляет план идеального воспитания российского юношества: «А.Н. Радищев...создает...модель воспитания, основанного не столько на общественной пользе, сколько на естественных законах природы»⁹⁵. Важнейшим качеством «нового человека» при этом выступает свобода воли.

Значительное усиление секулярного компонента в трактовке понятия «новый человек» приводит к включению в его смысловое поле таких качеств, как гражданственность, патриотизм и просвещенность. Так, М.В. Ломоносов в поэме «Петр Великий» (1761) воссоздает идеализированный образ русского правителя, который удачно сочетает в себе все черты «нового человека» – стремление к реформаторству, распространение знаний, патриотизм. В работах Радищева возникает еще один элемент в осмыслении «нового человека», связанный с революционным пафосом. Таков герой «Путешествия из Петербурга в Москву» Федор Васильевич Ушаков – вольнодумец и новатор. Так впервые «новый человек» не только создает нечто доселе небывалое – он еще и активно разрушает старое, отжившее.

Свой антропологический идеал Радищев конструирует и в философском сочинении «О человеке, его смертности и бессмертии» (1792). Б.Ф. Егоров отмечает: «Главный смысл трактата – подробные доказательства об отделенности души от тела»⁹⁶. Однако Радищев говорит не только о конфликте двух начал в человеке, но и об их синтезе (что и позволяет Егорову вести речь о том, что в трактате предвосхищается появление русского космизма). Писатель рассуждает о всеобщем сопряжении как в природе, так и человеке, моделируя

⁹⁵ Приказчикова Е.Е. Утопическая традиция эпохи Просвещения в жизни и творчестве А.Н.Радищева («Путешествие из Петербурга в Москву») // Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX–XX веков : колл. монография / отв. ред. Н.В. Ковтун. М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. С. 37.

⁹⁶ Егоров Б.Ф. Указ. соч. С. 108.

идеал человека целостного, в котором все части гармонично и соразмерно расположены (как и природные объекты вокруг него): «Итак, нужно, чтобы для составления нашей единственности, нужно, чтобы была в нас единая мысленная сила и при том неразделимая, непротяженная, частей не имеющая; ибо если в ней подозреваемы хотя будут части, то паки выйдет разногласие частей, единую среду требующих; нужно паки прибегнуть к тому, нечто соображающему, соединяющему в едино, что частями производимо, действуемо, чувствуемо, мыслимо» [63, с. 108–109]. А обретение такого рода целостности, как сообщает нам автор в четвертой части своего трактата, возможно только через совершенствование самого себя. Так возникает еще одна важная черта «нового человека» – целостность, обусловленная трагизмом двойственности мира.

«Новый человек» получает дополнительное измерение в антропологической утопии декабристов (А.Д. Улыбышев, В.К. Кюхельбекер, А.Ф. Вельтман), на которую самое непосредственное влияние оказали сочинения А.Н. Радищева. Ю.М. Лотман отмечает, что декабристы создали «особый тип русского человека», главным качеством которого было новаторство⁹⁷. Основной идеей декабристской утопии, которая в художественной форме выразилась в таких сочинениях, как «Сон» (1817) Улыбышева, «МММСДXLVIII год. Рукопись Мартына Задека» (1833) Вельтмана и др., Н.В. Ковтун называет гармоническое сочетание «человека нравственного и естественного»: «утопическая сторона доктрины заключалась в отождествлении того и другого, в рационализации жизни. Подтверждение своей концепции декабристы вели не от сущего, но от должного, от идеала нравственно совершенного человека (идея масонства), которого можно воспитать здесь и сейчас (идея революции)»⁹⁸. С этим сложно не согласиться,

⁹⁷ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII–начало XIX века). Спб. : Искусство-Спб, 1994. С. 331.

⁹⁸ Ковтун Н.В. Деревенская проза в зеркале утопии. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2009. С. 54.

ведь «новый человек» декабристов впервые получает импульс действия: он становится не просто реформатором, но революционером.

Окончившийся провалом бунт декабристов погружает Россию в состояние ожидания, а в литературе на первый план выходят идеи «собирания» человека. Выразить протест против существующего мироустройства становится возможно только через утопическое сочинение, форма которого позволяет выражать самые смелые идеи. «Тоска» по целостному человеку, восходящая, как отмечает Н.В. Ковтун, к мистической концепции человека-демиурга масонов, становится невероятно важной для текстов В. Одоевского. Он создает свою антропологическую утопию на основе идеи о целостности человека. В малоизвестном эссе «Организм» (1841) он формулирует теорию, согласно которой в мире все со всем связано, а всякое явление – целостный организм: «Эти организмы управляются одними и теми же естественными законами, коих развитие простирается от простейшего атома до самой сложной человеческой мысли и самого сложного общественного сопряжения» [57, с. 243]. Концепцию «органического человека» писатель будет развивать и в романе «4338 год: Петербургские письма» (1835). Как отмечает Н.В. Ковтун, Одоевский «актуализирует не индивидуалистический путь самосовершенствования, но уповает на мистическую взаимосвязь, единство людей в духовном сообществе, которому доступна задача гармонизации “старой природы”»⁹⁹.

Идея «нового человека» претерпевает значительные изменения уже к 1860-м годам XIX века, когда в России складывается такое явление, как «литературный нигилизм». По мысли В.К. Кантора причина его появления в том, что в России не было определенного «духовного наследства», а лишь заимствование западных теорий¹⁰⁰. Необходимо, однако, заметить, что это заимствование всегда было творческим и отличалось крайней степенью радикальности, о какой бы теории ни шла речь. В случае с нигилизмом это

⁹⁹ Ковтун Н.В. Указ. соч. С. 61.

¹⁰⁰ Кантор В.К. Лишенные наследства. К проблеме смены поколений в России // Октябрь. 1996. № 10. С. 164.

более чем верно: «И если теоретически и терминологически отечественный нигилизм вторичен, то по силе практического отрицания “отжившего”, скорости, с какой нигилисты от философских и литературных образов переходят к практическим действиям, и, наконец, по количеству образованных людей, втянутых в водоворот практического нигилизма, – ему нет равных»¹⁰¹. Нигилизм в России, что важно, стал фактором трансформации отношений художественного и философского дискурсов: оба становятся руководством к реальному действию¹⁰². «Новый человек», образ которого воплощается в художественном тексте, становится образцом для подражания, что размывает границы литературы и действительности, и это особенно ярко проявилось в русских утопических сочинениях 1860-х. М. Могильнер назовет этот процесс «беллетризацией жизни», то есть влиянием процесса чтения на формирование исторической реальности¹⁰³.

Появление объединений первых русских социалистов, «исповедовавших» идеи нигилизма, связано с именем М.В. Петрашевского, рассматривающего разум в качестве основной движущей силы человека. Так постепенно в среде революционных демократов В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева и др. формируется представление о «новом человеке» как в первую очередь об атеисте и новаторе (под влиянием сочинений Л.Фейербаха и Ш. Фурье).

В русской литературе середины XIX века под влиянием общественно-политических изменений, заключающихся в стремительной трансформации всех сфер жизни, происходит переход от героя-пропагандиста к герою-деятелю, что заметно, например, в творчестве И.С.Тургенева, Рудин которого еще произносит «пламенные речи», а герой романа «Накауне» Инсаров – уже совершает вполне конкретные поступки. В статье Н.А.Добролюбова «Когда же

¹⁰¹ Фесенко Э.Я. Русская литература XIX века в поисках героя. М. : Академический проект, 2013. С. 260.

¹⁰² Корчинский А. Форманты мысли : Литература и философский дискурс. М. : Языки славянской культуры, 2015. С. 155.

¹⁰³ Могильнер М. Мифология «подпольного человека» : радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М. : НЛЮ, 1999. С. 31.

придет настоящий день?» (1860) термин «новые люди» трактуется как наименование целого социального слоя, наделенного качествами цельности, радикализма и стремящегося к главной ценности – счастью, понимаемого как счастье большинства людей [28]. Эти «новые люди» имеют позитивную программу преобразования общества, что находит отражение в таких критических работах, как «Новый тип» (1865) Д.И.Писарева, «Отщепенцы» (1866) Н.В.Соколова, «Люди будущего и герои мещанства» (1868) П.Н.Ткачева.

Как отмечает Н.А. Вердеревская, в утопии Н.Г. Чернышевского наиболее ярко проявился антропологический принцип, характерный для русской утопической традиции: «В романе “Что делать?” пагубность вмешательства государства в личную жизнь человека – одна из главных тем»¹⁰⁴. «Новые люди» в романе впервые подвергаются классификации: Кирсанов, Лопухов, Вера Павловна – все это обычные люди, которым стала доступна новая мораль, связанная с рационалистическим типом мышления. Но есть также «особенные люди» – исключительный типаж, в тексте представленный Рахметовым. Следует признать, что категория «новый человек» на этом этапе действительно претерпевает качественное изменение, заключающееся в появлении иерархии внутри самого понятия: «особый человек» качественно отличается от «нового человека».

В образе Рахметова нашла воплощение антропологическая идея «сверхчеловека», которая в русской культуре существовала задолго до появления первых работ Ф. Ницше¹⁰⁵. Так, Д.А. Беляев небезосновательно считает, что в русской литературе XIX века происходит художественная экспликация идеи «сверхчеловека». Исследователь связывает это с вхождением русской культуры в европейский интеллектуальный дискурс. Он отмечает, что

¹⁰⁴ Вердеревская Н.А. Утопия и антиутопия в русской литературе XIX века (Н.Г. Чернышевский, М.Е. Салтыков-Щедрин) // Материалы XXXI зональной конференции литературоведов Поволжья. Ч. 1. Елабуга : Елабужский гос. пед. ун-т, 2008. С. 45.

¹⁰⁵ Ю. Синеокая обозначает философию Ницше как «подсознание русской культуры» (см.: «Ницше помог русским интеллектуалам обрести свободу духа» : Юлия Синеокая о восприятии философа в России // Theory and Practice. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/9905-nietzsche-interview> (дата обращения : 12.06.2020)).

образы Евгения Онегина, Григория Печорина и Евгения Базарова уже несут на себе «отпечаток» сверхчеловечности, так как противостоят ценностям традиционной культуры, обладают ярко выраженной «инаковостью»: «Безусловно, делать из Онегина сверхчеловека было бы опрометчиво, наивно и главное ненаучно. Однако увидеть в нем некоторые семантические коннотации, аксиологическое предуготовление к появлению содержательного образа сверхчеловека вполне возможно, и для прослеживания генеалогии формирования идеи сверхчеловека даже необходимо»¹⁰⁶.

Следует заметить, что идеалом русских социал-утопистов было в том числе христианство как прообраз коммунизма. Авторы, тесно связанные с утопическим социализмом (В. Слепцов, Н. Федоров-Омулевский, Г. Данилевский, Н. Бажин, Д. Гирс, А. Шеллер-Михайлов), в своих романах, как отмечает В.А. Недзвецкий, создают образ «нового человека», «по-своему используя древнюю пантеистическую традицию христианства»¹⁰⁷. В них находит свое выражение философская идея, возникшая в античности в учениях софистов и продолженная в работах ренессансных гуманистов. Речь идет об антрополатрии (др.-греч. «anthropos» – человек и «latreia» – служение) – возведении человека в предмет обожествления. В своей статье «Антропологический принцип в философии» (1861) Н.Г.Чернышевский сформулирует четыре начала в человеке, тесно связанные между собой (разумность, деятельность, общественность, эгоизм) – реализация всех четырех ведет к совершенству [106]. Как верно отмечает Б.Ф. Егоров, в основе антропологического мироощущения Чернышевского лежала вера в то, что человек изначально добр и разумен: «Он не был ангелом во плоти, но все же искренне и твердо верил, что все люди имеют добрые и гармоничные основы своих натур и с помощью создания идеального социально-политического

¹⁰⁶ Беляев Д.А. Специфика имплицитного бытования идеи сверхчеловека в отечественной культуре XIX века // Аналитика культурологии. 2011. № 3. С.147.

¹⁰⁷ Недзвецкий В.А. История русского романа XIX века : неклассические формы : Курс лекций. М. : МГУ, 2011. С. 136.

устройства на земле и с помощью идеального просветительского воспитания человечество окажется гармонически бесконфликтным»¹⁰⁸.

Особенно заметно религиозная коннотация проявляется в характеристике «особенного человека». Л.М. Лотман, проводя параллели между Рахметовым и князем Мышкиным, героем романа Ф.М. Достоевского «Идиот» (1869), отмечает общность «функции» этих героев в обоих текстах, несмотря на различия в социальных и этических идеалах писателей. Эта общность заключается в сравнении Рахметова с «апостолом», а князя Мышкина – с Христом: «Это тот неширокий круг избранных, который может быть уподоблен апостолам, это – натуры героические, творящие историю, идеальные в этическом отношении»¹⁰⁹. В. Сердюченко также указывает на то, что оба писателя остаются в рамках «императивов культуры христианского летоисчисления»¹¹⁰. К. Кларк объясняет возможность такого рода параллелей «тяготением к изображению мученичества», связанным с религиозностью радикальной литературы (что позднее возьмет за основу в изображении героя уже литература соцреализма)¹¹¹. Таким образом, мы видим, что исходя из разных, порой совершенно противоположных философских концепций, русские писатели, тем не менее, создают схожий тип «особенного человека».

Однако следует отметить и неоднозначность обсуждаемого нами вопроса о формировании образа «особенного человека» в русской литературе, связанную с рецепцией идеи «сверхчеловека» в русской литературно-философской традиции. Критическое восприятие Достоевским «новых людей» Н.Г. Чернышевского было обусловлено переоценкой идеи Ф. Ницше, связанной с русской традицией народности и коллективизма: «богоборчество» его героев объясняется стремлением трансформировать общество, а не утвердить

¹⁰⁸ Егоров Б.Ф. Указ. соч. С. 228.

¹⁰⁹ Лотман Л.М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века (Истоки и эстетическое своеобразие). Л. : Наука, 1974. С. 166.

¹¹⁰ Сердюченко В. Фурурология Достоевского и Чернышевского : князь Мышкин и Рахметов как ипостаси Христа // Вопросы литературы. 2001. № 3. С. 75.

¹¹¹ Кларк К. Советский роман : история как ритуал. Екб. : Изд-во Уральского ун-та, 2002. С. 46.

собственное «эго». Шигалев, Верховенский, Раскольников являются, по меткому определению Д. Беляева, «социокультурными революционерами», то есть носителями идеи мессианства¹¹². Закономерно и то, что в рассказе «Сон смешного человека» (1877) писатель выразит сомнение в просвещенческой идеологии и свойственной ей категории прогрессизма¹¹³.

Русская литература конца XIX–начала XX веков ознаменована появлением «героя-идеолога», «героя наоборот», главным олицетворением которого стал образ Санина из одноименного романа 1907 года М. Арцыбашева, которому станет подражать русская интеллигенция того времени. М. Могильнер отмечает, что появление Санина «ознаменовало эпоху нового индивидуализма, или собственно индивидуализма», который отличался от нигилистической позиции Базарова¹¹⁴. Санин также может считаться «сверхчеловеком до Ницше», воплощением интенции русского радикализма.

Рубеж XIX–начала XX вв. в России, со слов А.Белого, в целом отмечен «предощущением нового человека» [5, с. 214–215]. Небывалый расцвет антропологических утопий в этот сложный и многогранный период был спровоцирован ощущением кризиса, в котором оказалась Россия. В это время формируются два полярных мировоззренческих течения: богочеловеческое (христианский гуманизм) и человекобожеское (светский гуманизм). Оба этих течения складываются под непосредственным влиянием западноевропейских идей – Ф. Ницше, З. Фрейда, И. Штейнера, антропософии, ренессансных гуманистов. В них, как отмечает С.Л. Слободнюк, находит свое отражение новая форма отношений между Личностью и Абсолютом, частично

¹¹² Беляев Д.А. Универсальность и национальная самобытность идеи сверхчеловека в творчестве Ф.М.Достоевского // Аналитика культурологии. 2012. № 3. С. 12.

¹¹³ В романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города» (1870) это недоверие будет воплощено в финальном образе Угрюм-Бурчеева, через который писатель продемонстрирует ошибочность «утопии, насаждаемой сверху» (см. : Вердеревская Н.А. Указ. соч. С. 47).

¹¹⁴ Могильнер М. Указ. соч. С. 129.

опирающаяся на ренессансную трактовку человека творящего, в итоге становящегося независимым демиургом¹¹⁵.

Антропологические искания символистов демонстрируют первый модус Богочеловека, базирующийся, по классификации М.Шелера, на иудео-христианской и антично-греческой моделях человека¹¹⁶. В их поэзии обнаруживается стремление к «расширению» личности через синтез противоположных начал и созданию «универсального» типа человека. При этом если так называемые символисты-неоромантики (К. Бальмонт, А. Белый, А. Блок) тяготели к типу «стихийного гения» с его бунтом против норм морали, то символисты-неоклассицисты (В. Брюсов, В. Мережковский, Вяч. Иванов, И. Анненский) ориентировались на греко-римскую античность как образец для «возрождения» личности¹¹⁷.

Неоромантики воссоздают образ сверхчеловека, преодолевающего в себе дуализм. Это может быть проявлено, например, через разрыв телесного и духовного и попытку этот разрыв преодолеть (Ф. Соллогуб) или в образе кентавра как символе двойственности человеческого духа, мечущегося между рассудком и чувством (А. Белый). А. Блок обращается к теме конфликта внутри человека, мечтая примирить в нем противоположные начала: индивидуальное и общественное, артистическое и практическое, художника и человека. Неоклассицисты, используя образы античности, предпринимают попытку «синтеза культур». Например, В. Брюсов обращается к греческим мифам, отражающим разные грани человеческого бытия. Символисты, таким образом, создают «синтетического человека», в котором будут преодолены противоречия, свойственные обычному человеку.

¹¹⁵ Слободнюк С.Л. Человек творящий и человек воздающий в мифологии Серебряного века // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2017. Т. 215 (Художественная антропология Серебряного века : материалы междунаро. науч. конф. «Литературные чтения» 20–21 октября 2017 г., Санкт-Петербург). Спб. : СпбГИК, 2017. С. 7–16.

¹¹⁶ Шелер М. Человек и история // THESIS. 1993. Вып.3. С. 135–140.

¹¹⁷ Колобаева Л.А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX–начала XX вв. М. : Московский гос. ун-т, 1990. С. 157–201; 202–249.

Н.В. Ковтун отмечает, что символисты стали наследниками идей Н. Фёдорова о воскрешении предков, идеальный человек которого во многом близок идеалу «шестидесятников», видевших в «новом человеке» образ Христа в новом качестве¹¹⁸. Это подтверждается мистико-революционной трактовкой, которую символисты дают происходящим в России революционным событиям. Так, А. Белый, опираясь на антропософские учения, видит в Христе символ «нового человека». Как отмечает Г.Д. Сулопарова, писатель подразумевает воспитание Христа в отдельно взятом человеке, что достигается различными духовными практиками¹¹⁹.

Второй модус, знаменующий собой воссоздание идеала Человекобога, проявился в творчестве футуристов. В ранних дореволюционных поэмах В. Маяковского («Облако в штанах», 1915; «Человек», 1916–1917) обнаруживаются богоборческие мотивы, явно восходящие к идее «сверхчеловека» Ф. Ницше. Так, обозначая утопию Маяковского как «космически-антропоцентрическую», Сулопарова отмечает, что ницшеанские интенции были переходным этапом от «романтического индивидуализма» к «соборности» в более поздних его текстах¹²⁰. Революционно-мессианский пафос поэмы «Человек» (1903), несмотря на отрицание Бога, демонстрирует «вывернутую наизнанку христианскую аксиологию»¹²¹, продолжая традицию антрополатрии в русской литературе.

Этот же модус обнаруживается в ранних произведениях М. Горького. Образ «гордого человека», представленный в его ранних романтических рассказах и поэмах, также отсылает к «ницшеанской» антропологической модели, однако в нем очевиднее, чем у Маяковского, проявлен рационалистический пафос. Это особенно заметно в поэме «Человек», в

¹¹⁸ Ковтун Н.В. Указ. соч. С. 85–86.

¹¹⁹ Сулопарова Г.Д. Типология утопического мышления в литературе Серебряного века (символизм, футуризм, новокрестьянская поэзия) : автореф. дис. ...д-ра филол. наук. М., 2012. С. 10.

¹²⁰ Сулопарова Г.Д. Указ. соч. С. 14.

¹²¹ Федотова С.В. Три концепции человека в литературе Серебряного века // Вестник ТГПУ. Серия Гуманитарные науки (Филология). 2006. Вып. 6 (50). С. 36.

которой высказывается безграничное доверие к разуму человека, что позволяет говорить о влиянии также антично-греческой антропологической модели¹²². Так в ранней прозе Горького воссоздается «героическая личность», наполненная оптимизмом и «высоким безумством».

Общеизвестно, что на горьковскую концепцию «коллективизма» (которую он изложит в статье «Разрушение личности», 1909) оказала влияние антропологическая концепция А.А. Богданова (Малиновского). Эстетика Пролеткульта, идеологом которой был Богданов, богостроительная и богоборческая по своей сути, трактовала революцию как трансформацию Космоса, которая возможна только через появление «нового человека». Л. Малли отмечает в связи с этим гиперболизацию образа рабочих в текстах пролеткультовцев, которые «изображались как гиганты, правители новой вселенной, даже боги»¹²³.

Однако неверно было бы видеть в образе «нового человека» пролеткультовцев только «нового Мессию», который возникает под влиянием повсеместной автоматизации производства. Сам Богданов в романе «Красная звезда» (1908), по мнению Н.В. Ковтун, продолжая утопическую традицию Н.Г. Чернышевского, использует масонские аллюзии, которые играют важную роль в становлении русской интеллектуальной истории со времен утопии М. Щербатова (XVIII век): «новые люди» в романе, марсиане, представлены как «интеллектуальная элита», постигшая мистику «красной звезды»¹²⁴. Также она отмечает, что он «лишает прописки в фаланстерах их традиционных обитателей – интеллигенцию, и, предвосхищая утопии Л. Троцкого и В. Ленина, отдает молоток Хирама (масонский символ высшей общественной нравственности) в руки необразованного рабочего»¹²⁵. Так «новый человек» в

¹²² Федотова С.В. Указ. соч. С. 34.

¹²³ Малли Л. Культурное наследие Пролеткульта : один из путей к соцреализму? // Соцреалистический канон / под ред.Х. Гюнтера и Е. Добренко. Спб. : Академический проект, 2000. С. 185.

¹²⁴ Ковтун Н.В. Указ. соч. С. 100.

¹²⁵ Ковтун Н.В. Указ. соч. С. 106.

России начинает ассоциироваться с человеком труда, вытесняя интеллигенцию (что в дальнейшем будет одной из причин массового террора).

С.В. Федотова в своей работе о трех моделях утопии в Серебряном веке резюмирует, что антропологическая модель, предложенная символистами, фактически не находит дальнейшего продолжения в истории русской литературно-философской мысли, а модель, связанная с декадентской (ницшеанской) концепцией человека, ляжет в основу эстетик авангардизма и соцреализма¹²⁶. Б. Розенталь высказывает иное мнение, называя соцреализм «версией мифотворчества», которую одни из первых распространяли как раз символисты. Так, Вяч. Иванов пишет о Театре Диониса, в котором поэт выступает в качестве верховного жреца, направляющего народ в коллективном творении нового мифа, долженствующего породить новый культ, новую культуру и новое общество¹²⁷. Представляется важным отметить сложность разграничения границ влияния тех антропологических моделей, которые создаются русской литературой и философией Серебряного века, на формирующийся в 1920-е годы социалистический реализм как ведущий метод советского искусства.

Н.В. Ковтун отмечает, что творцы социалистической утопии опираются на гностицизм (понимаемый ею вслед за Э. Фегелином как бунт человека против трансцендентного Бога), что становится возможным благодаря связи русской интеллектуальной утопии с масонской традицией и особую роль в этом сыграло именно наследие Серебряного века¹²⁸. Идея антроплатрии станет вновь актуальной в проектах «эвпедии» А.С. Макаренки, Л.Д. Троцкого, Е.А. Преображенского, А.В. Луначарского и др., предлагающих проекты создания советского «сверхчеловека». Почти сразу после Октябрьской революции стало ясно, что «новым человеком» нельзя назвать всякого рабочего: его следует

¹²⁶ Федотова С.В. Указ. соч. С. 37–38.

¹²⁷ Розенталь Б. Соцреализм и ницшеанство // Соцреалистический канон / под ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. Спб. : Академический проект, 2000. С. 56.

¹²⁸ Ковтун Н.В. Указ. соч. С. 122–123.

воспитать, причем не просто обучить, а именно трансформировать в принципиально иное существо.

Одним из важнейших качеств «нового человека» должна была стать целостность. Об этом скажет Луначарский в лекции «Воспитание нового человека» (1928), акцентировав недопустимость разрыва между «телесным» и «духовным», «индивидуальностью» и «социальностью» [46]. В основу программы «трансформации» человека также ляжет интерпретация М. Горьким ницшеанства: в статье «О старом и новом человеке» (1932) писатель обозначит сразу три качества *homo soveticus*: рационализм, ориентированность в будущее и оптимизм [23]. Таким образом, наследуя «разумным эгоистам» Н.Г. Чернышевского, новый антропологический тип будет обладать необыкновенной витальностью, позволяющей ему достигать самых небывалых высот в деле строительства социализма. Это отразится и в первых соцреалистических романах – «Чапаеве» Д. Фурманова (1923), «Железном потоке» А. Серафимовича (1924), «Цементе» Ф. Гладкова (1925), которые, на наш взгляд, следует рассматривать как воплощение «модальной раздвоенности», когда утопизм выдается за реализм. Как утверждает К. Кларк, в основе соцреализма лежит «модальная двойственность, создающая возможность для беспрепятственной переброски из реалистического дискурса в дискурс мифический или утопический»¹²⁹.

С приходом к власти И.В. Сталина в 1920–1930-е годы «новый человек», воспитанный по модели социалистического канона, постепенно становится человеком-исполнителем, обслуживающим интересы партии. А. Синявский назовет его «стандартизированным человеком», обладающим фанатической верой в идею коммунизма и коллективным мышлением¹³⁰. Объяснением этой метаморфозы может быть то, что русская культура, как отмечает И.А. Есаулов, всегда колебалась между двумя полюсами соборности и тоталитаризма, подкрепленная «христосоцентризмом» (то есть «сверхчеловеком» как центром

¹²⁹ Кларк К. Указ. соч. С. 33.

¹³⁰ Синявский А. Основы советской цивилизации. М. : Аграф, 2002. С. 213.

мироздания в той или иной вариации)¹³¹. Так проявила себя амбивалентность русской культуры, в рамках которой менялись представления о «новом человеке».

Американский идеал человека складывался в особых общественно-политических условиях, обусловленных историей заселения американского континента. Он определяется Э.Я. Баталовым, как «счастливый человек в счастливом мире, только человек этот – американец со всеми присущими американскому национальному характеру чертами, и мир этот – Америка с характерными для нее особенностями исторического развития»¹³². Важнейшими чертами характера такого человека исследователь называет социальную мобильность, материальный успех, прыжок «из грязи в князи», упорный труд, стойкость, удачу¹³³. Поскольку эти качества на протяжении длительного периода времени служили американскому человеку образцом для подражания (не всегда достижимым в полной мере), сформированный при этом идеал «*self-made man*» (англ. «человек, который сам себя создал») можно обозначить как антропологическую утопию, специфичную именно для США.

Впервые это понятие употребил политический и государственный деятель Генри Клэй в стенах Сената конгресса США в 1832 году, но история этого феномена уходит корнями в первые десятилетия американской государственности. Дж.Г. Кавелти выделяет три этапа эволюции «*self-made man*»: этап протестантской этики (религиозное наполнение понятия), этап индустриализма XIX века (секуляризация понятия) и этап объединения этики индивидуальной самореализации и социального прогресса¹³⁴.

На формирование антропологической утопии США огромное влияние оказало философско-провиденциальное истолкование истории, осуществленное первыми жителями американского континента. Переселение трактовалась

¹³¹ Есаулов И. Тоталитарность и соборность : два лика русской культуры // Вопросы литературы. 1992. Вып. 1. С. 158.

¹³² Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта. М. : Прогресс-Традиция, 2009. С. 60.

¹³³ Баталов Э.Я. Указ. соч. С. 228.

¹³⁴ Cawelti J.G. Apostles of the Self-Made Man. Chicago, London : The University of Chicago Press, 1965. Pp. 4–6.

пуританами как божественное откровение, а они сами воспринимали себя как «новых адамов», впервые ступивших на новую землю для создания «града на холме». Р. Льюис отмечает в связи с этим, что «новые люди», творящие «новую историю», позиционировали себя как личности, независимые от предков, наследственности и расовой принадлежности. Европейская история была воспринята пуританами как «темнеющий Старый Мир», от которого следует избавиться¹³⁵. Для построения же нового мира потребовался и новый тип человека, представляющего собой «*tabula rasa*».

Как отмечает А. де Токвиль, первые переселенцы Нового Света были движимы вовсе не нуждой, но идеей [101, с. 46]. Таким образом, импульсом для создания нового мира в Америке стала вера в некий изначальный идеал человека и общества, что и позволило Ж. Бодрийяру назвать ее «воплощенной утопией»¹³⁶. Но поскольку утопия никогда не может быть реализована до конца (это невозможно), в американском идеале человека заложена перманентная неудовлетворенность им же самим. А. де Токвиль метко обозначил эту неудовлетворенность как мысль о возможности беспредельного совершенствования человека, которая оказалась ведущей именно в демократическом обществе США, где идея равенства всех людей составила основу ментальности. Парадоксальность этой ситуации заключается в одновременном осознании недостижимости этого идеала (хотя его отдельные элементы, безусловно, оказались реализованы в американском обществе) и в вечном стремлении к нему: «Таким образом, всегда ищущий, падающий и встающий на ноги, часто расстроенный, но никогда не разочарованный человек безостановочно стремится приблизиться к тому беспредельному величию, очертания которого он смутно различает в конце долгого пути, который еще предстоит преодолеть человечеству» [101, с. 336].

¹³⁵ Lewis R.W. *The American Adam : Innocence Tragedy and Tradition in the Nineteenth Century*. Chicago : The University of Chicago Press, 1995. P. 5.

¹³⁶ Бодрийяр Ж. *Америка*. М. : Владимир Даль, 2000. С.60.

В «новом Адаме» пуритан слышны отголоски философской доктрины М. Лютера, переосмыслившего католический взгляд на человека. В ее основе лежит абсолютизация деловой активности человека, ориентация на жизненный успех и удачливость. В своей концепции личного призвания он соединяет духовное и практическое, определяя божественный долг каждого человека как поиск профессионального предназначения и реализацию в нем. Так постепенно формируется характерный для американской ментальности тип личности: целеустремленный, рациональный и открытый новому.

Важной чертой первых поселенцев американского континента («отцов-пилигримов») была невероятная фанатичность, заключающаяся в вере в собственную исключительность и мессианских притязаниях, стремлении распространить свои идеалы на весь христианский мир. Это отразилось в первых письменных источниках США – «О Плимутском поселении» (*History of Plymouth Plantation, 1620–1647*) У. Брэдфорда и «Образце христианского милосердия» (*A Model of Christian Charity, 1630*) Дж. Уинтропа. Так уже в мировоззрении первых жителей США, заложивших основы американской исключительности, выразился идеал человека деятельного. Сочинения пуритан служили толчком для преобразования мира: идея меняла реальность и помогала в становлении американской культуры.

При этом представления пуритан об общественном благе были связаны с общиной, а не с индивидуальностью. Так, Дж. Уинтроп в «Образце христианского милосердия» понимал общину как органическое тело, в котором части не могут существовать независимо друг от друга. Идея о самостоятельности каждой личности в рамках определенной общественной формации в дальнейшем окажет самое непосредственное влияние на трансценденталистскую концепцию «self-reliance»: в отличие от русской общины, американская не ограничивает личную свободу человека, а только накладывает ответственность на взаимоотношения между членами социума. Уже американское Просвещение закладывает основы индивидуализма, что нашло свое отражение в Декларации независимости США (1776). В ней

формулируются такие идеалы, как право на стремление каждого человека к счастью, свобода человеческой личности, толерантность к инакомыслящим. Эти идеи звучат в инаугурационных речах «отцов-основателей» (The Founding Fathers) США – Д. Вашингтона, Т. Джефферсона, Д. Мэдисона и др.

«Отцы-основатели» становятся первыми идеальными американскими героями, которые в массовом сознании обретают такие черты, как внутреннее благородство и трезвость суждений. Бенджамин Франклин был одним из них, наиболее сильно повлияв на формирование национальной антропологической модели США. «Альманах Бедного Ричарда» (*Poor Richard's Almanack*, 1732–1758) и «Автобиография» (*Autobiography*, 1771–1789) – тексты, в которых Б. Франклин формулирует свою программу воспитания «нового человека». Главными его качествами провозглашаются самостоятельность, трудолюбие, дисциплинированность, практичность, бережливость, стремление к самосовершенствованию. Все эти качества направлены на скорейшее достижение успеха и получение практической пользы. Также, что немаловажно, в произведениях Франклина звучит мотив утверждения индивидуальности человека (по сравнению с пафосом отрицания личного «Я» пуритан). Так пуританская религиозная модель начинает трансформироваться в светскую.

Сочетание религиозной и секулярной ментальностей породило специфическую и характерную именно для американской культуры амбивалентность идеала человека. Человек преуспевающий буквально испрашивал у церкви «санкцию» на занятия бизнесом. Так, И.Г. Уилли отмечает, что многие известные предприниматели позиционировали себя как «истово верующие»: например, он упоминает Дж.П. Моргана, известного финансиста, который покидал свой офис в перерывах, чтобы отправиться в церковь¹³⁷. Строгий практицизм и одновременно фанатичная религиозность становятся характерной чертой американской ментальности.

¹³⁷ Wyllie I.G. *The Self-Made Man in America : The Myth of Rages to Riches*. NY. : The Free Press, 1966. P. 67.

Идеальный литературный герой первых поселенцев с самого начала складывался под влиянием такого специфического для США феномена, как фронтир. Как отмечает Б.А. Гиленсон, фронтир – это «важнейший фактор формирования таких ярко выраженных черт американского менталитета и национального характера, как свободолюбие, индивидуализм, оптимизм, трудолюбие, предприимчивость»¹³⁸. Первыми фольклорными героями, с которыми ассоциировалась американская фронтирная культура, стали Дэви Крокетт, Дэниел Бун, Майк Финк-лодочник, Поль Баньян и др. Как отмечают Т.Г. Голенопольский и В.П. Шестаков, «модель легенд обо всех этих героях была практически универсальной: брались реальные факты, гиперболизировались до неузнаваемости, в результате чего мифологизировался не только сам герой, но и все его окружение»¹³⁹. Этих героев объединяет набор таких качеств, как авантюризм, смелость, а также деятельность. Кроме того, Фиболд Фиболдсон и Поль Баньян – это еще и герои-демиурги, выпрямляющие дороги и создающие новые географические объекты, а также изобретатели (ледяного плуга, лассо, таблицы умножения, бифштекса с луком).

В 20–40-е годы XIX века наряду с «фермерскими утопиями» (так определяет «фетишизацию» частной собственности и стремления к успеху, господствующие в данное время, Э.Я. Баталов¹⁴⁰), все активнее начинают заявлять о себе противники распада традиционных ценностей, который был вызван развитием промышленного капитализма. Речь идет о формирующейся романтической утопии, которая соединяла в себе эстетическую доктрину, легшую в основу американского романтизма как литературного направления, и социальный эксперимент.

Зрелый романтизм США представлен достаточно разными по своему мироощущению писателями, которых, тем не менее, объединяет идея романтического гуманизма. Б.А. Гиленсон характеризует американский

¹³⁸ Гиленсон Б. А. История литературы США : учеб. пособие. М. : Академия, 2003. С. 7.

¹³⁹ Голенопольский Т.Г., Шестаков В.П. «Американская мечта» и американская действительность. М. : Искусство, 1981. С. 57.

¹⁴⁰ Баталов Э.Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. М. : Наука, 1982. С. 68.

романтизм как не испытывавший разочарования в просветительских идеалах, а потому отличающийся оптимизмом, конкретностью и отсутствием «отвлеченной философичности»¹⁴¹. Аналогичной позиции придерживается А.М. Зверев, отмечающий, что американскому романтизму (по сравнению с европейским) не была свойственна тоска по утраченной целостности человека и скорбь из-за невостребованности интеллектуального и творческого потенциала личности¹⁴². При этом следует признать, что американский романтизм – чрезвычайно неоднородное явление, представленное такими разными писателями, как трансценденталисты Р.У. Эмерсон и Г. Торо, и более пессимистично настроенные Г. Мевилл и Н. Готорн, констатирующие разочарование в человеке.

Американские трансценденталисты опирались на антропологические искания «отцов-основателей» США и их теорию «гармонического человека». Б. Франклин провозглашает гармонию интеллекта и души в качестве естественного состояния человеческого бытия, а Т. Джефферсон в своем письме к Марии Козвей от 12 октября 1786 года описывает диалог разума и сердца, подчеркивая их неразрывную связь [134, с. 246–256]. С. Лаперуз высказывает в связи с этим гипотезу о том, что в основе американского идеала человека лежит в первую очередь традиция «*philosophia perennis*» (лат. «вечная философия»), оказавшая влияние на «отцов-основателей» (а через них – на трансценденталистов), из-за чего человек понимается ими не только как существо разумное, но и духовно развитое¹⁴³. Несмотря на то что эту гипотезу не разделяют многие ученые, следует признать, что утопические чаяния романтиков связаны с поисками нравственного идеала, воплощенного в отдельном человеке: «Наиболее существенный признак этого идеального

¹⁴¹ Гиленсон Б.А. Указ. соч. С. 46.

¹⁴² Зверев А.М. Американский романтизм // История литературы США : в 5 томах / отв.ред. М.М. Коренева. Т. 2. М. : Наследие, 1999. С. 39.

¹⁴³ Lapeyrouse S. Contrasting ideas of man – the “American creed” vs. the “perennial philosophy” // Американский характер. Традиция в культуре / отв. ред. О.Э. Туганова. М. : Наука, 1998. С. 79.

человека или сообщества людей – отсутствие пороков, свойственных буржуазно-демократической Америке первой половины XIX века»¹⁴⁴.

Действительно, трансцендентализм возникает как реакция на «разорванность сознания» (разрыв между достижениями индустриальной цивилизации и системой моральных стандартов). Базируясь на представлении о взаимосвязи и всеединстве всего сущего, эта философия провозглашала идеал человека целостного, что позволило Д. Робинсону определить трансцендентализм как «философию девятнадцатого века», постулирующую объединение человека (его тела и духа)¹⁴⁵. Этот «органический принцип» явился ведущим при воссоздании художественных образов у Р. Эмерсона, У. Уитмена, Г. Торо.

Важнейшим качеством этого «органического человека» стало «доверие к себе» («self-reliance»): он верит в свою мысль, в свое слово, в свою независимость, знает себе цену и действует по наитию. В своем эссе «Доверие к себе» (*Self-Reliance*, 1841) Эмерсон возвращается к идее «нового Адама», которая вела ранних пуритан на их пути освоения нового континента: «И действительно, почти богоподобен должен быть тот, кто отвергнув побуждения и причины, по которым обыкновенно действует человечество, решается иметь доверие к самому себе» [114, с. 76]. В своем эссе «Американский ученый» (*American Scholar*, 1837) философ подчеркнет самобытность американского национального характера, который формировался как нонконформистский и исключительно независимый [113].

Духовная самостоятельность личности и вера в бесконечное совершенствование человека – основа «этической утопии» Эмерсона, которая сконцентрировала в себе суть «self-made man». Э.Ф. Осипова отмечает, что доктрина «доверия к себе» соответствовала американскому характеру, опирающемуся на собственные силы, обладающему упорством и мужеством

¹⁴⁴ Ковалев Ю.В. Герман Мелвилл и американский романтизм. Л. : Художественная литература, 1972. С. 23.

¹⁴⁵ Robinson D. *Natural Life : Thoreau's Worldly Transcendentalism*. NY. : Cornell University, 2004. Pp. 13–14.

первопроходца, а также авантюризмом¹⁴⁶. Она анализирует эссе «Судьба» из книги «Путь жизни» (*The Conduct of Life*, 1860), в котором Эмерсон рассматривает стремление к успеху и благосостоянию как потребность в свободе¹⁴⁷. И.Г. Уилли справедливо делает вывод, что концепция «доверия к себе» фактически стала «благословением» для американских бизнесменов, так как богатство позволяло им иметь свободное время для самосовершенствования¹⁴⁸. Действительно, в своей основе разноплановое и опирающееся на учения античных мыслителей, ренессансных гуманистов, мистика Э. Сведенборга, древнеиндийскую и немецкую идеалистическую философию, а также во многом предвосхищавшее концепцию «сверхчеловека» Ф. Ницше, учение трансцендентализма было воспринято как апофеоз индивидуализма, став основой для дальнейшего формирования «self-made man» в США.

В творчестве другого трансценденталиста, Г.Д. Торо, доктрина «доверия к себе» примет более радикальную форму в виде утопии «естественного человека». Выступая, как и Эмерсон, за «внутреннюю реформу» (самосовершенствование человека), Торо противопоставляет американскую цивилизацию с ее повсеместной технократизацией и жизнь на природе в уединении. Помимо Торо, к идеалу естественного человека обращаются американские поэты – такие, как О.У. Холмс, Д.Г. Уиттнер, У. Уитмен, а также прозаики (Н. Готорн, Г. Джеймс, Г. Мелвилл). Так, в рассказе «Новые Адам и Ева» (*The New Adam and Eve*, 1843) Готорн воссоздает образы новых людей, которые критически оценивают современную автору американскую цивилизацию. В целом, в позднем американском романтизме (творчество Э. По, Н. Готорна, Г. Мелвилла) критические тенденции будут только нарастать. Определенная доля разочарованности в возможности совершенствования человека предопределила поэтику американской литературы этого периода.

¹⁴⁶ Осипова Э.Ф. Ральф Уолдо Эмерсон // История литературы США : в 5 томах / отв.ред. М.М. Коренева. Т.2. М. : Наследие, 1999. С. 218–219.

¹⁴⁷ Осипова Э.Ф. Указ. соч. С. 230.

¹⁴⁸ Wyllie I.G. Op. cit. P. 66.

Наряду с романтическими утопиями, в которых совершенствование отдельного индивида является основной идеей и, как правило, подкрепляется философскими текстами, американская литература XIX века создает утопические романы, в которых предлагается проект государства будущего. Романы Э.Э. Хейла, Э. Беллами, У.Д. Хоуэллса и др. делают акцент на создании «общества-механизма»¹⁴⁹, в котором человек является лишь винтиком в идеальной схеме. И даже в случае с У.Д. Хоуэллсом, который, как отмечает Н.Л. Фесянова, отходит от классического утопического канона, изображая «не проект государства будущего, а нравственное переустройство общества, способн[ого] развиваться»¹⁵⁰, не происходит полной концентрации на идее эволюции индивидуума: он мыслится совершенствующимся лишь в рамках определенного социума.

Массовая литература США, тем не менее, отвечая на запрос времени, ретранслирует миф о простом американце, выходеце из низов, сумевшем добиться успеха собственным трудом. Особенной популярностью пользуется так называемая «literature of success»: молодые американцы увлекаются жизнеописанием известных личностей – в первую очередь, Б. Франклина, Т. Джефферсона, Д. Уэбстера и других. Лекции и книги на тему «как достичь успеха» расходятся огромными тиражами¹⁵¹. Одними из самых успешных работ на эту тему стали книги Э. Карнеги «Триумф демократии» (*Triumphant Democracy*, 1886) и «Евангелие богатства» (*The Gospel of Wealth*, 1900). Горацио Эджер-младший был одним из творцов нового типа романа о герое, который поднялся из самых низов, воплотив в жизнь «американскую мечту» («Оборванец Дик, или Уличная жизнь в Нью-Йорке с чистильщиком обуви», *Ragged Dick; or, Street Life in New York with the Boot Blacks*, 1868; «Удача и

¹⁴⁹ Шогенцукова Н.А. Утопический роман. Эдвард Беллами // История литературы США : в 5 томах / отв.ред. П.В. Балдицын. Т. 4. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 775.

¹⁵⁰ Фесянова Н.Л. Творчество Уильяма Дина Хоуэллса и жанр утопии в американской литературе : автореф. дис. ...канд. филол. наук. Казань, 2011. С. 6.

¹⁵¹ Назовем только некоторые из таких книг: E.T. Freedly *Practical Treasure of Business* (1852), S.R. Wells *How to Do Business* (1857), A.C. McCurdy *Win Who Will* (1872), F.W. Farrar *Success in Life* (1885) и др.

отвага, или Наследство Джона Оукли», *Luck and Pluck, or John Oakley's Inheritance*, 1869). Другие американские произведения, эксплуатирующие формулу «from rags to riches» («из грязи в князи») – жизнеописания успешных американских бизнесменов (У. Огдена, Д. Дрейка). Не являясь утопиями в строгом смысле этого слова, данные тексты популяризировали образ «self-made man», делая его образцом для подражания среди широких масс.

При этом воплощением идеального образа постепенно стал успешный предприниматель. Писателями, которые обратились к фигуре бизнесмена, были Г. Джеймс, Р. Хоули, С. Мервин и Г.К. Уэбстер и др. В своих романах они идеализировали предпринимателя, наделяя его большой фигурой и замещая недостаток образования персонажа его коммерческим успехом. В этой формульной литературе трансценденталистская доктрина «доверия к себе» и пуританские добродетели трансформировались в незамысловатые сюжеты о преуспевающих дельцах. Как справедливо отмечают Т.Г. Голенопольский и В.П. Шестаков, герои Элджера и подобных ему авторов завершают эволюцию «self-made man» от фронтирных героев до формульных персонажей, для которых главное в жизни – успех в обществе, а мерило счастья – деньги¹⁵².

Нарастающая критическая тенденция в отношении данного героя как квинтэссенции «американской мечты» нашла свое отражение в разных текстах данного периода. Ее можно обнаружить в романах Б. Олдрича «История плохого мальчика» (*The Story of a Bad Boy*, 1870), М. Твена и Ч.Д. Уорнера «Позолоченный век» (*The Gilded Age: A Tale of Today*, 1873), М. Твена «Рассказ о дурном мальчике» (*The Story of The Bad Little Boy*, 1875) и «Рассказ о хорошем мальчике» (*The Story of The Good Little Boy*, 1875), в повести У.Д. Хоуэллса «Возвышение Сайласа Лафема» (*The Rise of Silas Lapham*, 1885). В памфлете «Покойный Бенджамин Франклин» (*The Late Benjamin Franklin*, 1870) М. Твен сатирически изобразит «добродетельные нравоучения» Франклина, ставшие в современном ему американском обществе догмой.

¹⁵² Голенопольский Т.Г., Шестаков В.П. «Американская мечта» и американская действительность. М. : Искусство, 1981. С. 42–43.

Повсеместная критика модели «self-made man», отраженная в американской литературе конца XIX–начала XX вв., свидетельствует о серьезном кризисе традиционного американского идеала человека. Глобальные процессы, связанные с разочарованием в прогрессистской модели человека и общества, а также с популярностью социалистических идей, не могли не повлиять на американскую культуру. Обличительная интонация в изображении американского промышленника возникает в работах «макрейкеров» («разгребателей грязи») в конце 1920–1930-х годов, а также в романах Т. Драйзера, Э. Синклера, С. Льюиса и др.

В книге «Американский эпос» (*The Epic of America*, 1931) Дж.Т. Адамс указывает на изначальную амбивалентность «американской мечты», которая в XX веке привела США к опрощению идеалов, которыми жили «отцы-основатели»: стремление к прибыли и материальному благополучию, формирующее человека-потребителя, вытеснили из массового сознания главную идею – о человеке-творце [115, с. 404–405]. Одним из «симптомов» сопротивления «консьюмеризации» идеала человека в США может считаться появление в массовой американской культуре такого образа, как супермен. Впервые возникший в комиксах компании *DC Comics* в 1930-е гг., данный тип героя был порожден внутренним конфликтом, который ощущает человек индустриального общества. У. Эко констатирует: «Идентифицируя себя с таким персонажем, любой бухгалтер в любом американском городке может тайно питать надежду, что в один прекрасный день из кокона его обыденной личности может вылупиться сверхчеловек, способный искупить годы прозябания и посредственности»¹⁵³. Эко также отмечает крайнюю ограниченность супермена в амбициях и устремлениях, что свидетельствует о деградации образа сильного героя в американской культуре.

Свидетельством изменения традиционной американской антропологической модели станет повсеместный «бэббитизм» (слово, ставшее популярным после публикации в 1922 году романа С. Льюиса «Бэббит»), о

¹⁵³ Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике. М. : АСТ : CORPUS, 2016. С. 231.

котором будут говорить американские социологи. Так, Д. Рисмен в 1950 году обозначает переход от «inner-directed man» («личности, ориентированной изнутри») к «other-directed man» («личности, ориентированной извне»), который был осуществлен в западном обществе в XX веке¹⁵⁴. Идеалы «отцов-основателей» превращаются в собственную противоположность: как отмечает С.Лаперуз, в современном американском обществе получило распространение «приземленное и бездуховное» понимание «американской мечты» как сытой и комфортной жизни¹⁵⁵. Э.Я. Баталов, напротив, пишет о том, что «гуманистически-просвещенческая» интерпретация «американской мечты» никогда не была популярна в США, так как в ней всегда господствовали «мещанские интересы», – следовательно, говорить о ее деградации «нет никаких оснований»¹⁵⁶. Тем не менее, следует признать, что изначально идеал «self-made man», несмотря на культ благосостояния, в качестве образца имел духовно дисциплинированную и просвещенную личность и был лишен такого тяготения к прагматизму.

Наиболее активными критиками традиционной американской антропологической утопии в современной Америке стали писатели-битники. Развенчивая стремление среднестатистического американца к успеху и благосостоянию, они по сути утверждали новый идеал – инфантильного подростка-бунтаря (который оставался подростком вне зависимости от биологического возраста). «Прославление красоты американской мечты»¹⁵⁷ в текстах Дж. Керуака, А. Гинзберга, У. Берроуза было связано, как ни странно, именно с разочарованием в ее ценностях. Инверсия «self-made man»,

¹⁵⁴ Riesman D. *Lonely Crowd : A Study of The Changing American Character*. N. Y. : Doubleday, 1953. Pp. 36–37.

¹⁵⁵ Lapeyrouse S. *Towards the Spiritual Convergence of America and Russia : American Mind and Russian Soul, American Individuality and Russian Community, and the Potent Alchemy of National Characteristics*. URL: http://www.americanreflections.net/books/towards_the_spiritual_convergence_en.html (дата обращения : 15.02.21).

¹⁵⁶ Баталов Э.Я. *Русская идея и американская мечта*. М. : Прогресс-Традиция, 2009. С. 254.

¹⁵⁷ Carpenter E.I. *American literature and the dream*. Freeport, N.Y. : Books for Libraries Press, 1968. P. 9.

самостоятельного, взрослого, успешного человека в тинейджера-нонконформиста, по мнению Д. Хаустова, была связана с «переносом» фронта из внешнего мира во внутренний (мир духа)¹⁵⁸. Безусловно, эти поиски «внутреннего» отвечают запросу конца XX века на исследование бессознательного начала человека, которые привели к постулированию антропологической двойственности уже в рамках постмодернистской парадигмы.

Подводя итоги обзора концепций о «новом человеке» и «self-made man», следует отметить, что «новый человек» как ведущая антропологическая утопия русской культуры развивается из православного духовного наследия, что определяет ее так называемый «христосоцентризм» в различных вариантах – от религиозного до секулярного. С этим же (и активным влиянием масонских идей) связана антрополатрия, проявившаяся наиболее явно в соцреалистической культуре. «Новый человек» эволюционирует от еретика-вольнодумца, постепенно приобретающего черты революционера, к «стандартизированному человеку» советского времени. Особую роль в его становлении играет «особенный человек», ярко проявившийся на рубеже XIX–XX вв. и сформировавшийся под влиянием идей Ф. Ницше о «сверхчеловеке». При этом идеальными качествами «нового человека» в России неизменно оставались целостность, самосовершенствование, радикализм.

«Self-made man», антропологическая утопия США, является изначально двойственным конструктом, так как формируется на основе религиозной этики (протестантизм) и прагматических идеалах Просвещения. «Новый Адам», идеальный человек пуритан, постепенно все более индивидуализируется, становится деятельным и независимым. Трансценденталистская доктрина «доверия к себе» определяет такие качества идеального человека США, как духовная самостоятельность, целостность, стремление к самосовершенствованию. В современный период развития «self-made man» под

¹⁵⁸ Хаустов Д. Битники. Великий отказ, или Путешествие в поисках Америки. М. : РИПОЛ классик, 2017. С. 149.

этим понятием все чаще подразумевают успешного бизнесмена, который смог достичь материального и социального успеха.

В целом, «новый человек» и «self-made man» формируются в разных исторических условиях, но следует обратить внимание и на общие черты, которые свидетельствуют о точках соприкосновения между двумя культурами. В первую очередь, это очевидная амбивалентность идеалов человека: религиозное и секулярное неразрывно переплетается в обоих, формируя двойственную модель человека, с одной стороны, ориентированного на решение земных проблем, а с другой – обожествляемого настолько, что он воплощает собой образ Бога. Также следует отметить, что обе культуры в той или иной мере акцентируют внутреннюю нецелостность человека, хотя в русской культуре это приобретает более трагический оттенок. Наконец, мессианство, присущее обеим культурам, повлияло на то, что трансформация человека, через которую осуществляются преобразования в обществе, становится первоочередной задачей как в России, так и в США. Однако как русская, так и американская культура в итоге сталкиваются с той или иной степенью разочарования в своей антропологической утопии, обнаруживая искажение изначальных идеалов.

§2. Эволюция антропологической утопии в философии объективизма Айн Рэнд. Объективизм как философское направление складывается в 1960-е годы, в весьма сложный для Соединенных Штатов Америки период: время разочарования в «американской мечте». К тому моменту в Америке уже оформилось и проявило себя «разбитое поколение», объектом критики которого были как раз философия успеха и идеал человека, ориентированного на материальный успех. Попытка Айн Рэнд реконструировать традиционную для Америки антропологическую модель оказалась в противоречии со все нарастающей критической тенденцией по отношению к ней.

Начиная разговор о формировании идеала человека в философии Рэнд, следует сразу отметить, что ее литературное творчество предшествовало философскому оформлению ее мировоззрения, что позволяет говорить о

важности исследования в первую очередь ее художественных текстов¹⁵⁹. В биографии писательницы авторства Л. Никифоровой и М. Кизилова справедливо отмечается, что «книги Рэнд-беллетриста являлись наглядными пособиями, иллюстрирующими философию Рэнд-мыслителя»¹⁶⁰. В этой же биографии сообщается, что идея о «героической концепции человека» появится у нее еще во время обучения в гимназии Руцинской и Миронович (Евпатория, Крым, 1919–1921 гг.)¹⁶¹. Как следует из биографии Рэнд авторства Э. Хеллер, данная идея во многом является результатом детских впечатлений писательницы. В частности, она пишет о герое одного из французских детских журналов Кире, который появился в рассказе *The Mysterious Valley* Мориса Шампаня и который Алиса прочитала в 1914 году¹⁶². Другим идиологом будущей писательницы и философа была Жанна д'Арк. Хеллер объясняет причину такого восхищения Орлеанской девой: она была «против всех, даже на грани смерти»¹⁶³.

Еще один идеальный «герой» Алисы – это «рыцарь революции» А.Ф. Керенский. Б. Бранден упоминает о восхищении Алисы Розенбаум Керенским¹⁶⁴. Именно Керенскому, единственному из русских, она напишет с просьбой прочитать «Мы живые» и выразить свое мнение: «Из всех великих русских людей в мире ваше мнение – самое ценное для меня...»¹⁶⁵ [LAR, с. 42]. Черты Керенского обнаруживаются в персонажах ее романов. Лео Коваленский никогда не занимался бизнесом, но его авантюризм, «базбашенность», готовность рискнуть жизнью ради свободы – те свойства характера, которые явно «списаны» с Керенского и будут доминировать в

¹⁵⁹ Квинтэссенцией философских размышлений писательницы, зафиксированных в художественной форме, стала многостраничная речь Джона Голта из последнего романа писательницы «Атлант расправил плечи» (*Atlas Shrugged*, 1957), которая будет проанализирована во второй главе.

¹⁶⁰ Никифорова Л.Л., Кизилов М.Б. Айн Рэнд. М. : Молодая гвардия, 2020. С. 261.

¹⁶¹ Никифорова Л.Л., Кизилов М.Б. Указ. соч. С. 94.

¹⁶² Heller A.C. Ayn Rand and The World She Made. N.Y. : Nan. A Talese/Doubleday, 2009. Pp. 32–33.

¹⁶³ Heller A.C. Op. cit. P. 21.

¹⁶⁴ Branden B. The Passion of Ayn Rand. N.Y. : Doubleday, 1986. Pp. 19–20.

¹⁶⁵ Здесь и далее – перевод с английского языка автора работы.

характере Говарда Рорка, Хэнка Риардена, Джона Голта, Рагнера Даннескьолда, героев ее поздних романов. Другой «идеальный герой» Рэнд – ее первая настоящая любовь Лев Беккерман, ради которого она даже хотела остаться в России¹⁶⁶. Беккерман, который разрабатывал двигатель для танка Т-26 на заводе «Большевик» им. Кирова (Ленинград) явно был прототипом Джона Голта в ее последнем романе «Атлант расправил плечи»¹⁶⁷.

Одной из самых важных для формирования дальнейших взглядов на идеал человека, на наш взгляд, была неопубликованная при ее жизни повесть (впоследствии переделанная писательницей в пьесу) «Идеал» (*Ideal*, 1934). Незаслуженно обделенная вниманием исследователей, эта повесть позволяет понять всю дальнейшую историю развития взглядов писательницы. Здесь впервые возникает ведущая в философии объективизма тема – соотношения человеческих ценностей с реальными поступками человека, то есть фактически Рэнд делает предметом своего художественного и философского исследования тему человеческой целостности.

Первой философской работой, в которой Рэнд говорит об этом, явился сборник «Для нового интеллектуала» (*For The New Intellectual*, 1961). До сих пор не переведенная на русский язык, заглавная статья из книги, представляющей собой сборник цитат из романов Рэнд, иллюстрирующих ее философские идеи, на наш взгляд, является ключевой для понимания центральной проблемы объективизма – воспитания «нового интеллектуала». В этом трактате она обеспокоена «интеллектуальным банкротством» Америки и обвиняет в этом философию иррационализма, захлестнувшую мир. Отмечая, что героями времени стали маньяки, убийцы, невротики и наркоманы, она говорит о культурном кризисе в США 1960-х гг. Причиной Рэнд считает отсутствие интеллектуалов в США, а предпосылкой – рассогласованность

¹⁶⁶ Heller A.C. Op. cit. P. 44.

¹⁶⁷ Подробнее об этом см.: Санкт-Петербург, 7-я Советская ул., 6 // Фонд «Последний адрес». URL: <https://www.poslednyadres.ru/news/news899.htm> (дата обращения : 17.06.2021).

между индустриальным развитием американского общества и философскими доктринами, которые им управляют.

Проводя аналогии между тем, как разум и идеи управляют человеком, и тем, как определенная философия конструирует общество, она приходит к выводу, что не индустриализация стала причиной деградации общества, а несоответствие духовного развития общества его материальному прогрессу. Сравнивая процесс создания богатства и процесс создания идей, она, по сути, утверждает неразрывную связь между бизнесменом и интеллектуалом. Последним (она объединяет их под общим наименованием «творцы») всегда противостояли Атилла (человек силы, влияющий на физический мир) и Шаман (человек веры, влияющий на мир сознания), которые образовывали симбиоз человека иррационального. В современном мире это также симбиоз Государства и Церкви: первое защищает второе от необходимости познавать реальность, вторая же дает первому моральную санкцию на действия и защиту от чувства вины (их взаимодействие целиком и полностью основывается на чувстве страха и взаимном шантаже).

В этом эссе Рэнд также излагает свой взгляд на историю развития западноевропейской философии. Античность представляется ей колыбелью философии, когда мистицизм как способ мышления был еще силен, но уже начала зарождаться философия разума (особую роль в этом процессе она отводит Аристотелю). В Средние века философия становится «служанкой теологии», но все меняется в эпоху Возрождения: появление человека, осознавшего себя творцом, особо подчеркивается Рэнд. Этот период ассоциируется у нее с «отцами-основателями» США, которые преодолевают дихотомию души и тела. Ренессанс, по ее мнению, стал «точкой невозврата», после которой пути развития индустриальной цивилизации и философских идей, на основе которых она формировалась, окончательно разошлись. Это значит, что Ренессанс – своеобразный образец, а «*homo universalis*» – идеальная антропологическая модель, обладающая качеством целостности. XIX век вызвал разделение единой модели на два лагеря: те, кто опирался только на

собственные суждения (рационалисты) и те, кто отказывался от идей в пользу опыта (эмпирики). Особую роль в этом размежевании Рэнд отводила И. Канту и его философии. Продолжая освещать с этой точки зрения философские идеи Ф. Ницше, Г. Спенсера, К. Маркса и других, она отмечает, что мораль альтруизма не соответствует запросам индустриального общества, а значит – не обеспечивает рациональное общество кодексом рационального поведения. Рэнд констатирует разрыв между интеллектуалом и бизнесменом в XX веке, а социальной установкой, программирующей общество, Рэнд объявляет триаду «не смотри – не суди – не будь уверен» (в эпистемологическом отношении ей соответствует триада «не интегрируй – не оценивай – сдавайся»)¹⁶⁸.

Выход она видит в рождении нового типа человека, «нового интеллектуала», созданного по образцу идеализированных ею «отцов-основателей» США. Это человек мысли и действия одновременно, избавившийся от дихотомии «разум-душа», он сочетает в себе свойства философа и предпринимателя: «Новый Интеллектуал будет воссоединением близнецов, которые никогда не должны были быть разъединены: интеллектуала и бизнесмена» [125, с. 43]. Это и есть «*integrated man*» – человек и мысли, и действия: «Целостность – это признание того факта, что вы не можете подделать свое сознание, и также того, что вы не можете подделать существование; что человек есть неделимая сущность, объединенное целое двух свойств – материи и сознания, и он не может допускать разрыва между телом и разумом, между действием и мыслью, между его жизнью и его убеждениями...» [125, с. 128].

Следующий философский труд Рэнд, детально освещающий еще один важный аспект ее антропологической концепции – «Добродетель эгоизма» (*The Virtue of Selfishness: A New Concept of Egoism*, 1964). В этой книге явлен подход, который обнаруживается во всех ее философских работах: прежде всего, Рэнд

¹⁶⁸ Здесь легко узнается философская установка постмодернизма, который в 1960-е годы только начинает формироваться в США, и господство которой уже на рубеже XX–XXI вв. Рэнд по сути и предсказала.

стремится морально оправдать то или иное значимое для нее явление. В данном случае таким явлением будет «разумный эгоизм»¹⁶⁹.

Принцип интегрирования и синтеза, столь важный для философии объективизма¹⁷⁰, используется Рэнд для обоснования важности этики «разумного эгоизма» для человека. Задавая вопрос, зачем человеку нужны этические принципы (и шире – философия)¹⁷¹, она сообщает о необходимости для человека концептуального (не автоматического) знания, которое достигается путем интеграции образов. В конечном счете, вопрос «думать или нет?» сводится ею к дилемме «жить или нет?», так как без способности думать человек теряет способность добывать концептуальное знание, а значит – обеспечивать собственную жизнедеятельность, которая целиком и полностью зависит от этой способности. Из этого следует и важность непротиворечивости мышления, а значит – его целостности. Таким образом, если человек хочет выжить, ему необходимо осознать ценность собственной жизни и *разумную интеграцию* с другими людьми, основанную на принципе обмена: «Только на основе разумного эгоизма, на основании справедливости, люди могут жить вместе в свободном, мирном, благополучном, добровольном, рациональном обществе» [97, с. 38].

Нужно сказать, что антропологический идеал Рэнд был тесно связан с понятием этического идеала. Как мы уже отметили, в своих философских рассуждениях она стремится морально оправдать эгоизм (как будет морально оправдывать и капитализм) как составляющую ее антропологической утопии. Г. Салмиери отмечает в связи с этим, что в ранних заметках к своему роману «Источник» писательница размышляла, почему «неэгоистичный человек не

¹⁶⁹ Подробнее об истоках «разумного эгоизма» в романах писательницы см. §1 второй главы.

¹⁷⁰ Об этом подробнее см. работы К.М. Шабарры. Как утверждает ученый, сама Рэнд предпочитала не определять свой метод как диалектический ввиду нежелания иметь ничего общего с диалектическим материализмом СССР, что, тем не менее, не отменяет диалектический характер ее мышления [Sciabarra 2017].

¹⁷¹ «Именно философия устанавливает человеческие цели и определяет путь; только философия теперь может спасти человечество» [97, с. 42].

может быть этичным»¹⁷². Быть эгоистом – означает защищать свой нравственный выбор, поэтому герой для Рэнд – это тот, кто делает это даже ценой собственной смерти (в отличие от того, кто умирает не по собственной воле)¹⁷³ [JAR, с. 78–80]. Она рассуждает о так называемом «фальшивом эгоизме», говоря, что нельзя считать разумным эгоизмом «любое действие, независимо от его сущности... если [оно] выполняется ради собственной выгоды» [72, с. 11]. Принесение в жертву других, свобода действий без учета прав окружающих, желание потакать своим прихотям – это признаки «фальшивого эгоизма».

Определение, которое дает Айн Рэнд понятиям «эгоизм» и «альтруизм», следующее¹⁷⁴: «Я понимаю под ним [эгоизмом – А.Г.] преследование разумного частного интереса каждого индивида. Я имею в виду, что главная цель нашей жизни – добиться собственного счастья, а не жертвовать собой ради других или другими ради себя. "Эгоизм" требует жить, руководствуясь суждением собственного разума, и обеспечивать себя своим трудом, ничего никому не навязывая» [88, с. 133–134]. В предисловии к своей работе «Добродетель эгоизма» Рэнд отмечает, что слово «эгоизм» несет неверную смысловую нагрузку, используя как «синоним зла». Говоря, что эгоизм находится вне моральной оценки, она подчеркивает его нейтральность: заботиться о своих интересах – это нормальное свойство человека. Альтруизм же делает возможным предоставление другому права соблюдать свои интересы за счет твоих собственных – ставя, таким образом, свои интересы выше других. Так создается своеобразная двойная мораль: эгоисты паразитируют на альтруистах

¹⁷² Salmieri G. Egoism and Altruism : Selfishness and Sacrifice // A Companion to Ayn Rand / ed. by A. Gotthelf and G. Salmieri. West Sussex : Wiley Blackwell, 2016. P. 147.

¹⁷³ В свете такой философской предпосылки иначе выглядит смерть Джонни Дауэса из повести «Идеал». Он умирает не потому, что вынужден, а потому, что таким образом защищает свои ценности и идеалы.

¹⁷⁴ Рэнд вкладывает в данное понятие новый смысл, выступая своеобразным интерпретатором давно известного термина (точно так же она «переоткрывает» такие понятия, как «капитализм», «романтизм», «интеллектуал»): «Структурно позиция Рэнд здесь похожа на позицию других мыслителей, которые стремятся реформировать язык, который, по их мнению, отражает и усиливает широко распространенные предрассудки» [Salmieri 2016, p. 145].

[72, с. 11–12]. В системе же объективизма быть эгоистом – моральное достижение: «Подлинный эгоизм, то есть подлинная забота об определении сферы личных интересов, ответственность за действия, ведущие к их удовлетворению, отказ от их предательства путем действия под влиянием слепой прихоти, настроения, импульса или кратковременных эмоций, бескомпромиссная вера в собственную систему суждений, убеждений и ценностей, является очень серьезным моральным достижением» [17, с. 76].

В 1966 году Рэнд выпускает сборник «Капитализм: незнакомый идеал» (*Capitalism: The Unknown Ideal*), в котором она сосредоточивается на обосновании (и моральном оправдании) капитализма как социально-экономической структуры, наиболее, на ее взгляд, подходящей для созданного ею идеала человека¹⁷⁵. Как и в случае с определением, данным ею термину «эгоизм», она «переоткрывает» заново смысл понятия «капитализм». Если рассматривать капиталистический социум как определенную утопическую модель, то Рэнд здесь вовсе не первая: Э. Баталов называет такого рода проекты утопиями «традиционной Америки» (анархо-капиталистические, либертариистские). По словам Баталова, данная утопическая модель отличается обращенностью в прошлое Америки, идеализацией общества и деполитизацией¹⁷⁶. Во многом продолжая традиции фермерской американской утопии, утопия «традиционной Америки» предлагает в качестве метафизической основы свободы индивида частную собственность. Утверждая основы «минимального государства», она выступает защитником индивидуальной свободы человека.

Рэнд также кладет в основу своей философской системы принцип индивидуальных прав человека, важнейшим из которых считает частную

¹⁷⁵ Нужно сказать, что Айн Рэнд не сразу пришла к пониманию преимуществ капитализма перед другими социально-экономическими формациями, а связано это осознание было с идеализацией всего, что имеет отношение к Америке. Дж. Бёрнс отмечает, что главной идеей Рэнд был «принципиальный антикоммунизм», а капитализм она начала восхвалять как «провинциалка», идеализирующая Америку [Burns 2009, pp. 39–40].

¹⁷⁶ Баталов Э.Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. М. : Наука, 1982. С. 257–258.

собственность: «Право на жизнь – источник всех прав, а выражаются они в первую очередь в праве на собственность. Без права на собственность никакие другие права не имеют смысла. Так как человек должен поддерживать собственную жизнь собственными силами, если он не имеет прав на продукт собственных усилий, лишается возможностей делать это. Человек, который производит то, что принадлежит затем другим, является рабом» [90, с. 400–401]. Во многом следуя за Дж. Локком в обосновании концепции неотчуждаемых прав, она, однако, большее внимание уделяет акцентированию ценностей человека как основы утверждения собственности. Повторим, Рэнд важно было морально обосновать необходимость капитализма. В своей статье «Что такое капитализм?» (*What Is Capitalism?*, 1965) Рэнд пишет: «Нравственное оправдание капитализма («the moral justification of capitalism») в том, что это единственный уклад, созвучный природной разумности человека, гарантирующий человеку человеческое существование и руководимый принципом справедливости» [95, с. 22]. Капитализм вырастает из стремления к целостности человека: Рэнд особо подчеркивает, что политический этатизм своей философской основой имел именно «пронизывающ[ую] европейскую культуру дихотоми[ю] “дух/тело”» [95, с. 12].

Подводя философскую базу под экономическую систему, Рэнд устанавливает корреляцию между свободным разумом и свободным рынком. Снова используя диалектический метод, связывая частное с общим, она доказывает, что миром управляют «producers», творцы, производящие ценности, которыми пользуются все остальные: «Капитализм утверждает и защищает не что иное, как основополагающую, метафизическую составляющую природы человека, связь между применением разума и выживанием» [95, с. 21]. Таким образом, она выступает в большей степени философом, чем экономистом, о чем часто забывают исследователи, рассматривая ее работы как прямое руководство к действию¹⁷⁷.

¹⁷⁷ Об этом пишет А. Вайнер в своей книге *How Bad Writing Destroyed The World: Ayn Rand and The Literary Origins of Financial Crisis* (2016), отмечая, что русские корни социально-

Если говорить о реализации модели капиталистического общества в рамках концепции объективизма, то следует признать один существенный момент: эта модель предполагает постепенный рост от антропологической утопии к утопии социальной. Сама Рэнд заявляла, что она против продвижения какой-либо политической партии, а в основе ее концепции капитализма как идеальной экономической модели лежит идея воспитания человека: «Начинайте со средних школ и колледжей, потому что там вы найдете будущих политиков и активных людей. Вы ничего не добьетесь на выборах, если забудете о том, где формируются идеи. Добейтесь того, чтобы в учебных заведениях рассказывали о том, что такое индивидуализм и капитализм» [88, с. 63]. Более того, Рэнд выступала за полную трансформацию человека, смену господствующей философской парадигмы (как мы увидим далее) и только после этого предлагала приступать к формированию в обществе капиталистической модели¹⁷⁸.

В работе «Введение объективистскую эпистемологию» (*Introduction to Objectivist Epistemology*, 1967) Рэнд продолжает формулирование базовых понятий своей философии. Обращаясь к такой области, как изучение знания, его функционирование и развитие, она дает свое объяснение тому, как образуются понятия, определения, как происходит процесс абстрагирования и

философских идей писательницы стали причиной финансового кризиса в США [Weiner]. Это смелое заявление, однако Рэнд действительно сближается с идеями Н.Г. Чернышевского о «разумном эгоизме» и «новых людях» (о чем пойдет речь в следующей главе), литературный проект которого был взят на вооружение большевиками, что привело далеко не к художественно-абстрактным, а вполне к реальным историческим и экономическим последствиям.

¹⁷⁸ Именно в этом заключается противоречие между философией объективизма и движением либертарианцев. Сама Рэнд формулировала это противоречие достаточно жестко, по сути выступая против упрощения своих идей. Не беря в расчет обвинения либертарианцев в плагиате, следует признать, что она выступала против либертарианской риторики из-за того, что считала необходимым философское воспитание «нового интеллектуала» (а вовсе не отмену государственного контроля и формирование свободного рынка) задачей первостепенной важности. Говоря о том, что в долине Голта жили *особые* люди, которые не имели противоречий во взглядах (в реальности же люди совершенно не готовы к такой организации социума), она замечала: «Либертарианский анархизм – чистое поклонение произволу, поскольку либертарианцы отказываются признать, что людьми должны управлять объективные законы, особенно если люди придерживаются разных взглядов» [88, с. 95].

т.п. Следует обратить внимание, что Рэнд подчеркивает существенно важное для человека свойство: осознанность. Л. Пейкофф в своем изложении философии объективизма так определяет это понятие: «“Фокус” (для понятийного пространства) обозначает состояние целеустремленного внимания. “Фокус” оказывается состоянием целеустремленности ума, сосредоточенного на полной осведомленности о реальности»¹⁷⁹.

Тему осознанности человека будет развивать в своей психологической теории один из ближайших учеников Рэнд, Н. Бранден¹⁸⁰. Включая осознанность¹⁸¹ в состав «шести столпов» самооценки (наряду с самопринятием, самоответственностью, самоутверждением, целенаправленностью, личностной целостностью), он практически дословно цитирует Рэнд: «Как говорилось выше, для людей сознание (на концептуальном уровне) является волевым актом. Это означает, что в человеческой природе заложена необыкновенная возможность: намеренно стремиться к осознанию или не делать этого (вплоть до активного избегания), напрягать ум или не напрягать (а то и предпочесть “скатиться” на более низкий уровень осознанности)»¹⁸². В практической психологии это фактор находит применение в случае, когда человек избегает проблемы, однако это не отменяет самого факта ее существования, и чем быстрее мы это поймем, тем быстрее ее решим: «Жить осознанно – значит нести ответственность перед реальностью»¹⁸³. Л. Пейкофф объясняет мысли Рэнд, которая называет такую ситуацию

¹⁷⁹ Пейкофф Л. Объективизм : философия Айн Рэнд. М. : Астрель : Полиграфиздат, 2012. С. 80.

¹⁸⁰ Несмотря на разрыв Рэнд и Брандена, который в 1968 году разделил объективизм на два лагеря и по сути положил конец существованию Института объективизма, основанного в 1962 году, автор работы вслед за К.М. Шабаррой придерживается мнения, что работы последнего продолжают и углубляют многие философские положения первой, несмотря на запрет писательницы (во многом субъективный и сделанный под влиянием эмоций) связывать имя Брандена с объективизмом, а также несмотря на официальную позицию Института Айн Рэнд на этот счет. Без изучения работ Брандена, которые выросли из идей Рэнд, очень многое в философии объективизма может остаться искаженным и непонятым.

¹⁸¹ Психолог отмечает, что почти «во всех духовных и философских традициях мира в той или иной форме содержится идея о том, что люди проводят свои дни будто во сне», а прогресс «с давних времен тесно связан с расширением сознания» [Бранден 2018, с. 87].

¹⁸² Бранден Н. Шесть столпов самооценки. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018. С. 87.

¹⁸³ Бранден Н. Указ. соч. С. 91.

«заблуждением уклонения»: «Для уклоняющегося поддержание определенных чувств важнее достижения правды. Человек воспринимает конкретный факт или курс происходящего как неприятный, пугающий или вызывающий чувство вины. Противостоя реальности, он не хочет признавать фактологичность или события необходимо существующими, а потому решает вымарать оскорбительную данность. Если конкретная идея или политика приятны ему, приносят уверенность или облегчение, ему хочется верить в это и следовать им, даже при осознании противостояния реальности; оттого он решает вычеркнуть нечто известное ему»¹⁸⁴.

Работа Рэнд «Романтический манифест: Философия литературы» (*The Romantic Manifesto: A Philosophy of Literature*, 1969), казалось бы, носит по преимуществу публицистический характер и касается исключительно проблем изучения художественного текста¹⁸⁵, однако является как раз одной из самых важных для понимания идеала человека у писательницы. Рассматривая искусство как подтверждение мировоззрения человека, она считала романтизм самым полным выражением героической концепции человека.

Айн Рэнд в трактате о романтизме дает собственное определение этому понятию: «Романтизм – это эстетическая категория, основанная на признании того, что человек способен к волевому акту» [92, с. 100]. Противопоставляя романтизм и натурализм по данному ключевому критерию, она заключает, что способность человека к волевому акту предполагает выбор ценностей и действия по достижению определенных целей, что выражается в сюжете (в противоположность бессюжетности натурализма). Рэнд пытается объединить рационалистический проект Просвещения и романтический дух, что делает ее мировоззрение еще более парадоксальным. Романтизм, как считала Рэнд, допустил фатальную ошибку, пренебрегая достижениями разума: «Пытаясь

¹⁸⁴ Л. Пейкофф. Указ. соч. С. 87.

¹⁸⁵ Ею также были написаны еще две работы, носящие литературоведческий характер: «Искусство беллетристики: Руководство для писателей и читателей» (*The Art of Fiction: A Guide for Writers and Readers*, 2000) и не переведенная на русский язык работа *The Art of Nonfiction: A Guide for Writers and Readers*, 2001 (обе изданы посмертно).

определить природу романтизма, его поначалу называли эстетической школой, основанной на превосходстве чувств, в противовес классицизму (а позже – натурализму), воплощающему превосходство разума» [92, с. 105]. Рэнд отмечает, что дихотомия разума (классицизм) и эмоций (романтизм) является неправильно истолкованной вследствие неразличения понятий «разум», «воля», «эмоции». Исходя из этого, она заключает, что «романтики с философской точки зрения – поборники воли (которую можно считать корнем ценностей), а не чувств (которые оказываются следствием)...» [Там же]¹⁸⁶.

В рамках обсуждения романтизма в искусстве Рэнд касается и критики современной ей культурной ситуации. 1960–70-е гг. – время зарождения в США постмодернизма как эстетического и мировоззренческого феномена, на этот период пришлись две фазы развития американского постструктурализма. В это время кардинально меняется понятие о человеке: от антропоцентризма Нового времени уже к концу XX века не осталось и следа¹⁸⁷. «Индивид» (целостный человек) превращается в «дивида» (фрагментированного человека): «В современном представлении человек перестал восприниматься как нечто тождественное самому себе, своему познанию, само понятие личности оказалось под вопросом...»¹⁸⁸. Рэнд фиксирует этот процесс в своей работе, возвещая о кризисе человека целостного в современной американской литературе: «Человека – его природу, его метафизически значимую сущность – сейчас представляют алкоголики, наркоманы, сексуальные извращенцы, маньяки-убийцы и психопаты» [92, с. 125]. Здесь она раскрывает такой важный элемент постмодернистской системы, как маргинальность. Характеризуясь

¹⁸⁶ Подробнее о романтизме в творчестве Рэнд – в §3 третьей главы.

¹⁸⁷ Как отмечает Дж. Бёрнс, Рэнд обращается к трудам Аристотеля примерно в 1945 году во время работы над последним романом. Она пишет, что сделать это ее побудило ощущение того, что индивидуализм следует «пересоздать» как раз ввиду распространения тоталитарных идеологий и кризиса либерализма, что поставило под вопрос утверждения о прогрессивном развитии человечества и его рациональности. Это было время поиска выхода из масштабного мировоззренческого кризиса, и Рэнд пошла своим путем в попытках его преодолеть [Burns 2009, pp. 111–112].

¹⁸⁸ Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия : эволюция научного мифа. М. : Интрада, 1998. С. 77.

размытостью структур, феномен маргинальности не предполагает наличия нормы как действующего ориентира. Соответственно, герой-маргинал в рамках постмодернистского дискурса не ориентирован на какой-то идеал, за что и подвергается критике в трактате Рэнд: «Романтики рисовали героев “более героями, чем в жизни”. Сейчас чудовища предстают “более чудовищами, чем в жизни” – или, скорее, человек – “менее человеком, чем в жизни”» [92, с. 126]¹⁸⁹.

К важности мотивировок характера персонажей в художественном тексте писательница обращается в работе «Искусство беллетристики: Руководство для писателей и читателей» (*The Art of Fiction: A Guide for Writers and Readers*, 2000, издана посмертно). Рэнд настаивает на важности отбора художественных средств для воссоздания образа персонажа¹⁹⁰. Так, она отмечает нечеткость мотивировок характера главного героя романа С. Льюиса «Эроусмит», Мартина Эроусмита, говоря, что декларируемая преданность героя науке вступает в противоречие с его личной жизнью и общественными связями: «Попытка сделать Эроусмита обыкновенным парнем и отделить его частную и общественную жизнь от его отношения к науке разрушает его характеристику. За исключением нескольких сцен, посвященных специально медицине, у читателя нет основания, чтобы увидеть какую-либо страсть, движущую человеком» [81, с. 121]. Данное замечание свидетельствует о том, что тенденция к интеграции и преодолению дуализма в человеке была отражена и в ее художественном методе.

Тему кризиса целостности Рэнд продолжит в сборнике статей «Возвращение примитива: Антииндустриальная революция» (*Return of the Primitive: The Anti-Industrial Revolution*, 1971). Здесь она уже не просто излагает свои взгляды на разные аспекты этики и эпистемологии, а критикует современные ей образование, культуру, политику, комментируя различные

¹⁸⁹ При этом парадоксальным выглядит тот факт, что сама писательница по сути выступает таким же точно маргиналом, деконструируя термины, наполненные интуитивно понятными каждому смыслами. Она сама, таким образом, может быть названа культурным маргиналом, который не вписывается в господствующую парадигму мышления.

¹⁹⁰ В противовес ко все нарастающей тенденции к нонииерархии в постмодернистском тексте.

события из американской жизни. Так, в статье «Выгодное дело: студенческие волнения» (*The Cashing-in: The Student "Rebellion"*, 1965) Рэнд рассматривает события в Беркли 1964 года, когда группа студентов устроила ряд выступлений в Калифорнийском университете, не предъявив, с ее точки зрения, никаких внятных претензий¹⁹¹. Она обвиняет в этом саму систему образования, которая не в состоянии воспитать мыслящую личность. В качестве главной проблемы Рэнд называет отсутствие интеграции знаний, что приводит к тому, что «то, что сообщают студентам на занятиях по одному предмету, противоречит тому, что им сообщают другие преподаватели на других предметах, каждый предмет повисает в пустоте, и студенты вынуждены принимать все, что узнают от преподавателя, в отрыве от контекста, а любые вопросы о том, каким же образом собрать все знания в единую картину, отклоняются, высмеиваются и объявляются несущественными» [75, с. 35].

В статье «Аполлон и Дионис» (*Apollo and Dionysus*) Айн Рэнд рассматривает два события, которые в 1969 году были на повестке дня в США: высадку «Аполлона-11» на Луну 16 июля и фестиваль рок-музыки 15 августа (в котором приняли участие хиппи, разгромившие фермы неподалеку от места проведения фестиваля – Вудстока, употреблявшие наркотики и в целом превратившие мероприятие в безобразную оргию). Первое событие предстает в ее глазах как апофеоз аполлонизма, второе – как разгул дионисийства (используя символику Ф. Ницше). Для нее взаимоотношения Аполлона и Диониса равнозначны дихотомии между разумом и эмоциями: «Мы можем принять символику Ницше, но не его мнение о ценности того и другого и не метафизическую необходимость дихотомии “разум-эмоции”. Неверно, что разум и эмоции – непримиримые антагонисты или что эмоции представляют в человеке дикий, непознаваемый, не поддающийся описанию и систематизации

¹⁹¹ Речь идет о студенческих волнениях, в которых принимали участие так называемые «новые левые», выступавшие за демократизацию высшей школы и расширение студенческого самоуправления.

элемент» [66, с. 126]. Далее она заявляет: «Аполлон и Дионис представляют фундаментальный конфликт нашей эпохи» [66, с. 126].

Будучи травмированной последствиями Октябрьской революции, Рэнд сделала критику «антиразумных» концепций основой философии объективизма. Однако было бы неверно говорить о том, что объективизм – это философия исключительно Разума. Айн Рэнд никогда не отрицала эмоций как движущей силы человеческого сознания: дихотомия разума и эмоций виделась ей «пережитком религиозной мысли», потому что именно утверждение такой дихотомии делает возможным существование большинства современных религий. Вообще, надо сказать, что проблема интеграции эмоций и разума волновала философа давно: в переписке с И. Патерсон она обсуждала эмоции и инстинкты и их роль в формировании понятий¹⁹². Еще с 1946 года Рэнд разрабатывает теорию соотношения разума и эмоций, и немалую роль в этом сыграли ее отношения с Натаниэлем Бранденом¹⁹³. Именно ему принадлежит обоснование теории разума как объяснительной системы для эмоций. В своей статье «Психология удовольствия» (*The Psychology of Pleasure*, 1964) Бранден рассуждает о важности ценностей (читай: установок разума) для выбора удовольствий. В качестве иллюстрации он о говорит о «битниках» и об их манере танцевать: «Глядя на такой танец, вы увидите не улыбки подлинной радости, а пустые глаза, порывистые, неритмичные дерганья тел, словно лишенных центрального органа управления, но вместе с тем очень старательно – с истерическим надрывом – демонстрирующих полное отсутствие целей, смысла и мышления. Это “удовольствие” бессознательного существования» [16, с. 82].

Объективизм развивает мысль о том, что все знание приходит от разума, однако эмоции не являются формами разума. Так, У.Томас и Д. Келли в своем исследовании объективизма определяют эмоции как автоматические

¹⁹² Burns J. *The Goddess of The Market : Ayn Rand and The American Right*. N.Y. : Oxford University Press, 2009. Pp. 112–113.

¹⁹³ Sciabarra C.M. *Ayn Rand. The Russian Radical*. Pennsylvania : Pennsylvania State University Press, 2013. Pp. 167–188.

ценностные реакции на объекты, созданные с помощью подсознательной интеграции информации и ценностных суждений¹⁹⁴. Ученые делают вывод, что эмоции не могут являться источником знания. Он основан на двух свойствах эмоций: отсутствие сознательного контроля и отсутствие новых свидетельств для интерпретации фактов при продуцировании эмоций. А знание, как повторяют объективисты, объективно лишь в той мере, в какой оно исключает необъективное и основывается на свидетельстве. Таким образом, несмотря на признание разума единственным источником знаний, эмоции являются важной составляющей частью сознания человека (хоть и подчиненной). При этом эмоции полностью и целиком зависят от мыслей человека и его действий.

Говоря о том, что эмоции не инструменты познания, Рэнд, тем не менее, полагала, что эмоции дают автоматическую связь с окружающим миром, помогают правильному выбору ценностей, привлекают внимание к информации¹⁹⁵. Эмоциональные реакции и впечатления становятся основой для писательского вдохновения, позволяя отбирать информацию, которую интегрирует подсознание: «Но если вы знаете, откуда приходит вдохновение, у вас никогда не закончится материал. Разумный автор использует свое подсознание как топливо. Достаточно сохранять в памяти замысел и продолжать подключать, интегрировать ваши наблюдения в русле избранной темы, позволяя замыслу разрастаться» [81, с. 29–30].

Исследование природы человеческих эмоций приводит Рэнд к выводу о том, что эмоции – производное разума, однако они не взаимозаменяемы¹⁹⁶. Проблема подавления эмоций, их неосознанности, как отмечает Рэнд во «Введении к объективистской эпистемологии», является причиной многих

¹⁹⁴ Thomas W., Kelly D. The Logical Structure of Objectivism : “Beta” Version. Working Draft: not for duplication or release, 1999. P. 44.

¹⁹⁵ Enright M. F. If “Emotions Are Not Tools of Cognition”, What Are They? : An Exploration of the Relationship Between Reason and Emotion // The Journal of Ayn Rand Studies. 2002. Vol. 4, No. 1. Pp. 25–67.

¹⁹⁶ Как отмечает в своем исследовании З.Л. Кэмпбелл, идеи Рэнд сближаются с идеями так называемой когнитивной революции в психологии (прежде всего, идеей ограниченной когнитивной способности). В своих работах Рэнд и Бранден использовали метафору машины для обозначения подсознания как аналога компьютера в обработке эмоций [Campbell 1999].

человеческих конфликтов: «Я приписываю девяносто пять процентов всех психологических бед и персональных трагедий тому факту, что в области самоанализа мы на уровне дикарей (или еще ниже)...» [71, с. 254]. Самоанализ, как полагала писательница, есть главное свойство, которому ребенок должен научиться еще в детстве, однако в большинстве случаев этого не происходит, и тогда у него формируется иррациональная «психоэпистемология»¹⁹⁷, на основе которой выстраивается «sense of life»¹⁹⁸ уже взрослого человека. Формирование иррационализма (болезни общества середины XX века) происходит под влиянием современной системы образования: в своей статье «Компрачикос» (*The Comprachicos*, 1970) Рэнд последовательно описывает этот процесс на каждом из этапов (детский сад, школа, университет). Искажение в процессе эпистемологического становления будущей личности происходит в результате формирования неверных бессознательных паттернов (бессознательное, по мнению объективистов, формируется под воздействием импульсов сознания), которые возникают из-за агрессивной антикогнитивной и антиконцептуальной методологии воспитания и образования. И закономерным итогом этого процесса становится движение хиппи, взрослых детей, следующих философии бездействия: «“Стиль жизни” хиппи – полная конкретизация детсадовских идеалов: никаких мыслей, никакого внимания, никакой цели, никакого труда, никакой реальности...» [84, с. 118].

Только осмысление своих эмоций, их соединение с разумом, позволяет восстановить целостность личности: «В итоге возникает цельная, полностью интегрированная личность: разум и чувства такого человека находятся в гармонии друг с другом, а его ощущение жизни соответствует сознательным убеждениям» [92, с. 27]. При этом отчуждение человека от реальности создает рассогласованность сознательного и бессознательного, ведущую к

¹⁹⁷ «Психоэпистемология – это исследование когнитивных процессов с точки зрения взаимодействия между сознанием человека и автоматическими функциями его подсознания» [92, с. 14].

¹⁹⁸ «Ощущение жизни – это доконцептуальный эквивалент метафизики, эмоциональная оценка человека и бытия, интегрированная на уровне подсознания. Оно лежит в основе эмоциональных реакций и характера человека» [92, с. 22].

«блокировке» чувств и сознания. И именно такая рассогласованность (когда чувства «мстят» человеку за предательство по отношению к разуму), по мнению объективизма, и служит причиной всех бед XX века, в которых традиционно принято обвинять проект Просвещения.

Последняя работа Рэнд, на которой следует остановиться при освещении ее идеала человека, – «Философия: кому она нужна» (*Philosophy: Who Needs It*, 1982, издана посмертно). В 1974 году в Вест-Пойнте она прочитала лекцию на одноименную тему. Как следует из предисловия авторства Л. Пейкоффа, У. Хьюбшер, поклонник писательницы, в 1981 году предложил ей собрать все ее статьи на тему «зачем нужна философия» в одной книге¹⁹⁹. Действительно, Айн Рэнд рассматривала философию в качестве основополагающего фактора, который оказывает влияние на человека и судьбы целых цивилизаций. Абстракция, которая, как думают многие, не имеет ничего общего с реальностью, на самом деле, по мнению Рэнд, играет ключевую роль в формировании сознания как человека, так и нации. Здесь снова проявляется диалектический метод философа: от отдельных идей – к тому, как эти идеи управляют людьми и миром.

В заглавной статье к этому сборнику Рэнд формулирует важную мысль, которая касается человеческой природы: большинство людей живет неосознанно, не понимая, чем они руководствуются при принятии решений и формулировании мыслей. Три вопроса, который задает себе человек («где я?», «как это определить?», «что с этим делать?»), по сути представляют собой элементы самоидентификации человека. Понять, кто и что управляет твоим разумом, эмоциями (которые, как мы уже поняли, Рэнд полагала производными от «sense of life» – базовой эмоции, формируемой на основе рациональных выводов), осознать, какие философские идеи программируют тебя – значит обрести осознанность. От уровня метафизики, эпистемологии, этики и эстетики

¹⁹⁹ Впоследствии последователи Рэнд значительно сузят данную глубокую тему до одной мысли: «зачем философия нужна бизнесмену» (см.: *Why Businessmen Need Philosophy : The Capitalist's Guide to the Ideas Behind Ayn Rand's Atlas Shrugged* / ed. by D. Ghate and R.E.Ralston. N.Y. : New American Library, 2011. 317 p.).

отдельного человека философские идеологемы поднимаются на уровень политики – и начинают определять собой самосознание целых наций и цивилизаций. Философия нужна человеческому разуму затем же, зачем его телу нужны физические упражнения: «Что ж, философское воспитание дает человеку правильную интеллектуальную осанку – гордый, дисциплинированный контроль над своим умом» [130, с. 11].

Продолжая интегрировать собственные идеи, Рэнд объединяет уровень человека и социума. В статье «Определение философии» (*Philosophical Detection*, 1974) она сообщает, что процесс рационализации – придания эмоциям ложной идентичности, искажающей реальность, – переносится из жизни отдельного человека на судьбы целых народов [129]. Пожалуй, в своих последних статьях Рэнд демонстрирует сложный процесс, который она завершить не успела: показать, как те идеи, которые она применяла в области антропологии, возможно перенести на глобальный уровень, вскрыв процессы управления людьми. Только понимание того, *что и каким образом* управляет мыслями людей, дает человеку настоящую свободу и независимость от внешних обстоятельств и институций. Так, в статье «Учреждение учреждения» (*The Establishing of an Establishment*, 1972) она пытается дать ответ на вопрос, почему вообще в США существует интеллектуальный кризис. И снова указывает на «корень зла» – преобладание в обществе иррациональных идей, которые государство всячески поощряет²⁰⁰. О том, как это влияет на образование, Рэнд пишет в статье «Доктрина справедливости в образовании» (*Fairness Doctrine for Education*, 1972): государство в США, утверждает она, фактически монополизирует право университетов на философское образование, оставляя «за кадром» то, что не соответствует его принципам [124, с. 262]²⁰¹.

²⁰⁰ Поощряет посредством грантов на научные исследования в том числе: Рэнд приводит в пример финансируемое правительством США научное исследование Б.Ф. Скиннера, американского психолога, последователя идей бихевиоризма [131, с. 223–225].

²⁰¹ Здесь Айн Рэнд, конечно, неосознанно обращается к опыту своей жизни в России, когда в университетах была фактически одна философская доктрина.

В статье «Что же делать?» (*What Can One Do?*, 1972) Рэнд провозглашает свой знаменитый принцип «начинать с философии, а не с политики»²⁰². Политика, заявляет она, это лишь следствие, «практическая реализация» фундаментальных идей в культуре какого-либо народа, а корень ее – в идеях, которые составляют суть этой культуры. Любой человек руководствуется той или иной формой философии – вопрос только в том, решает ли он сам, какую из них выбрать или это решают за него [133, с. 274]²⁰³. Рэнд осознавала глубинный интеллектуальный и мировоззренческий кризис, в котором пребывала американская нация и выход видела в возрождении идей разума с помощью своей собственной философии.

В этом отношении завершающая статья сборника «Не отпускай» (*Don't Let It Go*, 1971) буквально переводит ее идеи на глобальный уровень. Используя собственный термин «sense of life» («ощущение жизни»), она делает обобщение: не только отдельный индивидуум руководствуется некой базовой философской идеей, но и целая нация. Каждый человек вовлечен в этот процесс – даже тот, кто совершенно безразличен к области идей, говорит она. Сравнивая национальную культуру с убеждениями отдельного человека, Рэнд делает вывод: как убеждения одного человека могут вступить в конфликт с его «ощущением жизни», точно так же и культура целой нации может диссонировать с сутью того или иного народа²⁰⁴. Для иллюстрации своих идей Рэнд обращается к противопоставлению европейской и американской культур. Основное различие, заявляет она, в том, что в Европе человек ощущает себя принадлежащим государству, тогда как в Америке он чувствует себя

²⁰² Именно здесь можно обнаружить корни расхождения философа с либертарианским движением. Рэнд отмечает, что либертарианство берет следствия, которые наступают в результате применения ее философии (свободный рынок, капитализм формата «laissez-faire») в отрыве от метафизики, эпистемологии и этики, на которых она основывается. Для иллюстрации своей мысли Рэнд использует басню И. Крылова «Свинья под дубом» (1825): как свинья, уничтожающая корни дерева, дающего ей пищу, иные интеллектуалы игнорируют причины, довольствуясь следствиями [129, с. 18].

²⁰³ Н. Бранден назовет это «практикой самоответственности» [Бранден 2018, с. 125–136].

²⁰⁴ Интеграция «мысль-слово-дело», которая художественно проиллюстрирована писательницей в повести и пьесе «Идеал».

независимым от чего бы то и от кого бы то ни было²⁰⁵. В целом верно уловив трансценденталистское ощущение, пронизывающее американскую культуру, Рэнд констатирует разрыв между американским народом и американской интеллигенцией, заключающийся в фактическом отсутствии собственной философской системы в США (европейские «огрызки», как назвала их Рэнд, не в счет) [123].

Подводя итоги, следует сказать, что философия объективизма, которую создает Айн Рэнд, главным и сущностным своим элементом имеет создание антропологической модели. Эта задача (а не формирование государства свободного рынка, развитие капиталистической модели «*lassiez-faire*» и иные либертарианские ценности) для нее, безусловно, является первичной и основной, так как все остальное уже является логичным ее следствием. При этом философские рассуждения Рэнд следует признать вторичными по отношению к ее художественному творчеству: они являются не более чем комментарием к ее литературным текстам (однако, на наш взгляд, очень важным комментарием, без которого судить об этих текстах невозможно в принципе).

Своей философией Рэнд отвечает на вызов времени, который характеризовался все нарастающим кризисом антропоцентризма, в американской культуре острее всего выразившимся в разочаровании в «американской мечте» и приведшим в итоге к торжеству постмодерна как «духа времени» конца XX–начала XXI вв. Отсюда ключевая тема ее философских работ – тема человеческой целостности, проблема ее достижения и критика ее кризиса. При этом при обосновании своей антропологической модели Рэнд явно использует диалектический метод рассуждений (излагая все положения по принципу «от частного – к общему»), а также апеллирует к

²⁰⁵ Противопоставление европейской и американской ценностных моделей, как считает, например, М.И. Новинская, касается степени реализуемости утопических проектов. Если для Европы любой утопический проект – всего лишь «ценностная категория», то в США он становится «операциональной категорией», иначе говоря – руководством к действию [Новинская 1998].

морали, используя термин «моральное оправдание», что характерно для русской интеллектуальной традиции. Для философии Рэнд характерно также стремление «деконструировать» то или иное понятие, переосмыслить и заново «переоткрыть» его²⁰⁶.

Выдвигая на первый план проблему создания идеального человека, Айн Рэнд обращается к теме воспитания «нового интеллектуала» («нового человека» в русской традиции), называя отсутствие такового причиной «интеллектуального банкротства» Америки. Весьма характерно, что при этом причиной последнего она также видит отсутствие целостности, только уже в развитии общества, которое находится в диссонансе между индустриальным прогрессом и философскими идеями, которые им управляют (особую роль в этом она отводила эпохе Ренессанса). В последних работах она буквально указывает на то, что человека программируют через иррациональные идеи, создающие в сознании целых наций дихотомии (противоречия) разного порядка. В первую очередь, это дихотомии внутри самого человека, между его разумом и эмоциями, которые, как она показывает, создаются через неосознанность человека, воспитываемую с детства путем отсутствия самоанализа и разрозненные знания, что формирует в нем иррациональную картину мира (психоэпистемологию), рождающую искаженное ощущение жизни («sense of life»).

Если обобщить, то портрет «нового интеллектуала», которого предлагает воспитать Рэнд, выглядит следующим образом. В первую очередь, это человек, обладающий целостностью, то есть ощущение жизни которого не вступает в противоречие с его сознательными убеждениями, так как его эмоции и разум находятся в равновесии. Его этическим руководством к действию является «разумный эгоизм», понимаемый как признание ценности своей жизни, защита своего нравственного выбора, ответственность за свои поступки и полная вера

²⁰⁶ Следствием этого будет отрицание Рэнд какого бы то ни было влияния на свою философскую систему, а также любовь объективистов к составлению терминологических словарей, так как почти на каждое философское понятие у Рэнд имелся свой комментарий. Яркий пример – сайт Ayn Rand Lexicon: <http://aynrandlexicon.com/>

в себя. В области эпистемологии такой индивидуум обладает осознанностью, то есть целеустремленным вниманием ума, полностью осведомленном о реальности и несущим перед этой реальностью ответственность. В эстетическом отношении это романтический герой, понимаемый как существо, способное к волевому акту, которое может трансформировать себя и мир. И лишь в самую последнюю очередь такой человек может сформировать определенный экономико-политический конструкт, обозначенный ею как капитализм и понимаемый как примат частной собственности как продукта интеграции разума человека и физического воздействия на мир путем создания ценностей для собственного выживания. Таким образом, Айн Рэнд идет от антропологии к социологии: сначала следует воспитать нового человека, затем – сформировать новое общество (от «integrated man» к «integrated society»).

Характерно, что Рэнд переносит ключевые понятия своей антропологической модели на американское общество, указывая на рассогласованность между американским народом (к которому она относала бизнесменов в том числе) и американской интеллигенцией (которую полагала стражем первой), предполагая возможность их интеграции в перспективе, но никогда не абсолютизировала (в отличие от современных последователей объективизма) роль предпринимателей в этом процессе. Главной и фундаментальной своей задачей она видела создание новой философской модели, которая претендовала бы на место национальной философии США, которая, на ее взгляд, практически полностью отсутствовала.

Глава 2. Россия: истоки образа идеального человека Айн Рэнд

§1. Идеи «разумного эгоизма» в России середины XIX века и в романах Айн Рэнд. «Разумный эгоизм» как этико-философская доктрина формируется еще в античности: отдельные ее положения можно обнаружить у Аристотеля. Но как самостоятельное учение теория «разумного эгоизма» начнет складываться в XVIII веке в трудах французских материалистов П.А. Гольбаха («Основы всеобщей морали, или катехизис природы», *Filaments de la morale universelle, ou catecliisme de la nature*, 1765) и К.А. Гельвеция («Об уме», *De l'esprit*, 1758) как ответ на запрос времени, который состоял в поиске наилучшего взаимодействия личности и общества в эпоху становления капитализма в Европе. Этику «разумного эгоизма» исследует Л. Фейербах («Основы философии будущего», *Grundsätze der Philosophie der Zukunft*, 1843): у него, в отличие от Гельвеция, появляется антропологическое обоснование этой этики. Он отрицает необходимость государственных санкций для реализации принципа «разумного эгоизма», предлагая выводить его из разумности самого человека.

В России идеи «разумного эгоизма» получают обоснование в XIX веке в работах «шестидесятников» и связаны с развитием антропологической модели «нового человека». Н.Г. Чернышевский в своей работе «Антропологический принцип в философии» (1860) следует за Фейербахом в понимании эгоизма, отмечая, что он лежит в основе самой природы человека, снимая при этом дихотомию «эгоизм-альтруизм»: «В побуждениях человека, как и во всех сторонах его жизни, нет двух различных натур, двух основных законов, различных или противоположных между собою, а все разнообразие явления в сфере человеческих побуждений к действию, как и во всей человеческой жизни, происходит из одной и той же природы, по одному и тому же закону» [106, с. 279]. Несмотря на то что Чернышевский критикует основоположника диалектического метода Гегеля за идеализм, он очевидно следует той же логике диалектики в своих рассуждениях. Еще раньше философ напишет в своей

статье «Критика философских предубеждений против общинного владения» (1958) о диалектике Гегеля: «Какую бы сторону жизни ни взяли мы, везде увидим господство общей нормы, открытой новой немецкой философией, и... мы просили бы людей, которые захотели бы сомневаться в общем владычестве этой нормы, указать хотя один факт, на развитии которого не отпечатлевалась бы она» [107, с. 379].

В России рецепция идей, близких к «разумному эгоизму», была в целом негативной. Помимо Ф.М. Достоевского, который отрицал, что человек движим исключительно принципом собственной выгоды, оппонентом Чернышевского можно считать и В.Ф. Одоевского, который шестнадцатью годами ранее в своей повести «Город без имени» (1840) из цикла «Русские ночи» будет критиковать идею единоличной выгоды. Критика писателя направлена на другую концепцию в рамках консеквенциализма (к которому относится и концепция «разумного эгоизма») – утилитаризм. В названии острова, на котором происходит действие в повести (Бентамия)²⁰⁷, отразится имя создателя концепции, английского философа И. Бентама, который также оказал влияние на Чернышевского.

Эгоизм действительно не является общепризнанной частью русской ментальности. Это зафиксировано даже в толковых словарях русского языка: так, в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой эгоизм определяется как «пренебрежение к интересам общества и окружающих» [ТСРЯ, с. 906]. В американском словаре *Merriam-Webster (An Encyclopedia Britannica Company)* тот же самый термин (*egoism*) допускает двойную интерпретацию: чувство собственной важности может быть преувеличено, а может и не быть таковым ('with or without exaggerated feelings of self-importance' [ЕВ]). Идея соборности (коммюнитарности) признается исследователями фундаментальной основой русской ментальности. Так, Э. Баталов отмечает, что хотя такие русские философы, как А.С. Хомяков, С.Н. Трубецкой, Н.А. Бердяев и др.

²⁰⁷ Которая, как отмечает А. Арустамова, является у Одоевского аллюзией на Америку [Арустамова 2008, с. 85].

истолковывали ее по-разному, но «все видели суть в коллективном единстве, сохраняющем индивидуальность»²⁰⁸. И это, конечно, кардинальным образом отличает русскую ментальность от американской, которая основывается на идее индивидуализма.

Чернышевскому принадлежит заслуга соединения идеи личностного начала и внеличностной общинной идеи. В статье «Критика философских предубеждений против общинного владения» (1958) он рассматривает общину как ступень развития культуры, ее этап (а не преимущество русской цивилизации перед западной, как считали славянофилы) и своей целью видит преобразование русской общины на основе достижений европейской культуры [107]. Как справедливо отмечает В.К. Кантор, идея «разумного эгоизма» не могла в полной мере быть «привита» русскому обществу без коренной ломки устоявшихся ценностей – и Чернышевский это прекрасно понимал²⁰⁹. Поэтому как диалектик он создает некую альтернативу – то самое интеграционное третье – объединение идей общинности и индивидуализма. Эта альтернатива определяется А. Вейнахтом как секулярная соборность, то есть научно, а не религиозно обоснованное сообщество свободных людей²¹⁰.

Айн Рэнд деконструирует термин «разумный эгоизм», желая, как мы уже отмечали в первой главе, «морально оправдать» его. Американская исследовательница Л. Даунинг дает этому объяснение в рамках теории деконструкции: как она пишет, Рэнд стремится «обратить идеи против целей, для которых они используются», чтобы вывести из равновесия господствующие формы власти. Называя данную логику «обратным дискурсивным мышлением»²¹¹, она отмечает провокативность идей эгоизма Рэнд, которая апеллирует к чувству превосходства, свойственному людям. Даунинг

²⁰⁸ Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 149.

²⁰⁹ Кантор В.К. Что значил разумный эгоизм Чернышевского в общинной стране? // Вопросы философии. 2014. № 7. С.183–188.

²¹⁰ Weinacht A. Russian egoism goes to America? A case for a connection between Ayn Rand and the Shestidesiatniki // The Journal of Ayn Rand Studies. No. 1. 2017. P. 14.

²¹¹ Подобие этой логики исследовательница обнаруживает в проекте «заботы о себе» М. Фуко, проводя параллели с «разумным эгоизмом» Рэнд.

объясняет интерес философа к доктрине «разумного эгоизма» и психоаналитически, анализируя детство Алисы, в котором «ощущение исключительности» привело к отторжению ее сверстниками²¹².

Однако помимо желания деконструировать термин, наполненный негативными коннотациями для русской культуры и позитивными – для западной, Рэнд решает через идею «разумного эгоизма» важную задачу преодоления дуализма как внутри человека, так и между человеком и обществом. Г. Салмиери отмечает, что Рэнд, в отличие от «психологических эгоистов» И. Бентама, Н.Г. Чернышевского, М. Штирнера отрицала детерминизм, являясь «этическим эгоистом»²¹³, что фактически означает, что человек в объективизме выбирает, быть ему эгоистом или нет, исходя из своих ценностей. Однако более важным критерием для прояснения истоков идеи «разумного эгоизма» у писательницы представляется диалектический метод, которому она следует. Как отмечает К.М. Шабарра, Рэнд является диалектическим мыслителем, так как она отказывается воспринимать разные стороны одного явления как взаимоисключающие или исчерпывающие, но раскрывает общие корни кажущихся противоречий, предлагая взамен интегрированную альтернативу²¹⁴.

Как мы уже заметили выше, Чернышевский в своих рассуждениях об эгоизме следует диалектическому методу, утверждая, что никакого конфликта между эгоизмом и альтруизмом нет и не может быть, а человек всегда поступает исходя из собственной выгоды. Следовательно, нет и никакого внешнего противоречия между индивидуальным и коллективным благом. По мнению американского ученого А. Вайнахта, Рэнд следует такой же логике: исследователь акцентирует внимание на одинаковом понимании Рэнд и «шестидесятниками» (Н.Г. Чернышевским и Д.И. Писаревым) «общего блага».

²¹² Downing L. *Selfish Women*. N.Y. : Rotledge, 2019. Pp. 63; 66.

²¹³ Salmieri G. *Egoism and Altruism : Selfishness and Sacrifice // A Companion to Ayn Rand / ed. by A. Gotthelf and G. Salmieri*. West Sussex : Wiley Blackwell, 2016. P. 133.

²¹⁴ Sciabarra C.M. *Ayn Rand. The Russian Radical*. Pennsylvania : Pennsylvania State University Press, 2013. P. 15.

Он делает вывод о том, что из «волевого усилия индивидуального эго» у «шестидесятников» и Рэнд вырастает «великая польза обществу»²¹⁵. Действительно, диалектическая идея синтеза индивидуального эгоизма и всеобщей пользы обнаруживается у Писарева в рассуждениях о «новом человеке»: в статье «Мыслящий пролетариат» (1865) публицист отождествляет эти два понятия, нивелируя также дихотомию «ум-чувство»: «А все это вместе может быть выражено еще короче: новыми людьми называются мыслящие работники, любящие свою работу» [59, с. 26]. В этом смысле спор И. Жежко с В. Шляпентохом²¹⁶ относительно марксистских корней Рэнд представляется несколько надуманным. На наш взгляд, дело не в том, насколько сильно на нее повлияли экономические идеи большевиков, а в том, что она переняла тот особый тип восприятия реальности, который был свойствен русской культуре.

Гимназия М.Н. Стоюниной в Санкт-Петербурге, где с осени 1914 по осень 1918 года обучалась Алиса Розенбаум, была основана педагогом М.Н. Стоюниной и ее мужем, выдающимся русским педагогом В.Я. Стоюниным. Стоюнин преподавал в гимназии русскую словесность с даты ее основания в 1881 году до самой смерти в 1888 году. Он был новатором в области методики преподавания русской литературы, и это отразилось на организации гимназии, которая по тем временам была очень прогрессивной. Заслугой Стоюнина был новый тип преподавания литературы, опирающийся на диалектический метод: «Нетрудно распознать в педагогике Стоюнина следование идее “реального образования”, а с точки зрения интерпретативных процедур – воздействие на него идей его старших современников Чернышевского и Добролюбова (“реальной критики”»²¹⁷.

²¹⁵ Weinacht A. Op. cit. P. 11.

²¹⁶ См.: Шляпентох В. Айн Рэнд: ее марксистские и большевистские корни // НЛЮ. 2010. № 4. С. 179–190; Жежко И. Айн Рэнд на американском Tea Party : диалог консерваторов и радикалов // Иностранная литература. 2011. № 1. С.241–252.

²¹⁷ Вдовин А., Зубков К. Генеалогия школьного историзма : литературная критика, историческая наука и изучение словесности в гимназии 1860–1900-х годов // НЛЮ. 2020. № 4. С. 170.

В работе «О преподавании русской литературы» (1868) В.Я. Стоюнин формулирует новые методические принципы, основанные на взгляде на преподавание литературы как целостной системы для воспитания целостного человека. Главным инструментом такого преподавания должен стать идейный анализ художественного текста, который начинается с изучения фактов и установления между ними взаимосвязи и заканчивается выводом о том, подтверждают ли эти факты идею. Стоюнин придерживался мнения, что необходимо включать литературу в широкий контекст – общественный, религиозный, политический, культурный, устанавливая связь анализируемого текста с этим контекстом. Также важным для него представлялась связь общечеловеческого, национального и личного²¹⁸. С именем Стоюнина связывают становление демократической («этической») педагогики в России, пришедшей на смену историческому методу А.Д. Галахова и Ф.И. Буслаева.

Алиса Розенбаум обучалась в гимназии М.Н. Стоюниной уже после смерти ее основателя, поэтому ее учителем словесности мог быть только русский ученый и поэт В.В. Гиппиус. Однако идеи демократической педагогики Стоюнина и его методы преподавания литературы, тесно связанные с диалектикой «шестидесятников», не могли не повлиять на преподавание словесности в начале XX века. Об этом позволяет, например, судить тот факт, что Рэнд оценивала эффект от обучения в гимназии именно с точки зрения диалектического подхода: она упоминает свою письменную работу об «Евгении Онегине» А.С. Пушкина, написанную в 1917–1918 учебном году, как позволившую понять, что о героях следует судить по их поступкам («lesson in literary causality»). Это, с ее слов, помогло ей сформулировать собственную концепцию «мышления в принципах»²¹⁹. Позднее в своем «Искусстве беллетристики...», являющемся руководством для читателей и писателей, Рэнд

²¹⁸ Стоюнин В.Я. О преподавании русской литературы. СПб. : Типо-Литогр. и Фотот. П.И. Бабкина, 1898. 468 с.

²¹⁹ Sciabarra С.М. Op. cit. P. 66.

будет излагать ту же мысль: в художественном произведении необходимо показать, *что* заставляет героя поступать тем или иным образом [81, с. 117].

В гимназии будущая писательница дружила с Ольгой Набоковой, сестрой писателя В. Набокова и часто бывала в их доме. Д.Б. Джонсон в своем исследовании об Айн Рэнд и В. Набокове отмечает общность среды, в которой происходило становление обоих авторов, подчеркивая, что фигура Н.Г. Чернышевского была в ней «особо почитаемой». Указывая на то, что писательница заимствует у Чернышевского «утилитаристский взгляд на литературу», он делает важный вывод: Рэнд создает собственный метод «капиталистического реализма» (сама она называет его «романтическим реализмом») по модели социалистического реализма, одним из предшественников которого был Чернышевский²²⁰. Действительно, хотя А. Терц (Синявский) и называет «положительного героя» соцреализма оторванным от романтизма XIX века²²¹, существует точка зрения, согласно которой соцреализм наследует традиции русских революционеров-демократов Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева, Н.А. Добролюбова и др.²²².

Многие из идей, которые обнаруживаются в философии объективизма, были высказаны Чернышевским еще в середине XIX века. В частности, это мысль о целостности человека. В своей работе «Антропологический принцип в философии» (1860) писатель заявляет, что «наблюдениями физиологов, зоологов и медиков отстранена всякая мысль о дуализме человека. Философия видит в нем то, что видят медицина, физиология, химия; эти науки доказывают, что никакого дуализма в человеке не видно...» [106, с. 223]. Человек является частью общей органической жизни и подчиняется ее законам – этот же принцип стал основой философии объективизма. А. Вайнахт справедливо отмечает, что Чернышевский и Рэнд разрабатывают «идентичное видение

²²⁰ Johnson D.B. Strange Bedfellows : Ayn Rand and Vladimir Nabokov // The Journal of Ayn Rand Studies. 2000. Vol. 2., No. 1. P. 52.

²²¹ Терц А. Что такое социалистический реализм. Париж : SYNTAXIS, 1988. С. 32–33.

²²² Шалагинов Н.В. Русская литература социалистического реализма и проблема ее генезиса : автореф. дис. ...канд. филол. наук. Нижний Новгород : ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2006. 26 с.

интегрированной личности», которая способна достичь «внутренней и межличностной гармонии»²²³.

Говоря о связи Рэнд с идеями Чернышевского, нельзя обойти вниманием диалог Н.Г. Чернышевского и Ф.М. Достоевского, который развернулся во второй половине XIX века. Интеллигенция 1840–60-х годов переживала бум немецкой классической философии с ее идеями «разумного эгоизма» (Л. Фейербах, М. Штирнер, Ф. Ницше), и оба писателя встали по разные стороны баррикад в стремлении объяснить природу человека. Восхищаясь романами Достоевского, Рэнд относила его к романтической школе [88, с. 229]. Подчеркивая уважение к этому писателю, она отмечала в «Романтическом манифесте»: «Я люблю Достоевского за непревзойденное мастерство построения сюжета и безжалостное анатомирование психологии зла, хотя и его философия, и его ощущение жизни почти диаметрально противоположны моим» [92, с. 42]. Будучи антиподом Чернышевского, Достоевский импонирует писательнице за детальный психологический анализ поступков своих персонажей (то есть за ту самую диалектику). Однако у нее вызывает отторжение его «ощущение жизни», а именно (как она поясняет в своем «Искусстве беллетристики...») – его выражение своих ценностей «только через негатив» [81, с. 310], то есть как раз то, чего мы не найдем у Чернышевского, проза которого оптимистична.

Анализируя художественные тексты Чернышевского и Рэнд, следует вспомнить о том опыте «беллетризации жизни», свойственном русской литературе, которая, беря материал из жизни, преобразовывала его и затем возвращала обратно, напрямую влияя на образ будущего. Как верно отмечает К.Н. Мирасова, в этом смысле романы Чернышевского и Рэнд сопоставимы по степени влияния на современное им общество, представляя собой тексты, оказавшие воздействие на ключевые фигуры русской и американской политики – В.И. Ленина, главного идеолога Октябрьской революции и А. Гринспена,

²²³ Weinacht A. Op. cit. P. 17.

бывшего председателя Совета управляющих ФРС США²²⁴. Однако, на наш взгляд, не совсем корректно использовать тут термин «политический манифест» (который употребляет исследовательница), так как ни Чернышевский, ни Рэнд не ставили цели влиять на политику, стремясь, скорее, сформировать определенную философскую стратегию в обществе и оба были поняты не до конца, что подтверждается русской и американской историей²²⁵. Так, Рэнд отмечает относительно своего творчества: «Я создаю впечатление философа, теоретика и романиста. Однако мои интересы в большей степени обращены к последней ипостаси; первая служит лишь средством для реализации художественных замыслов... Однако философские концепции интересуют меня только как способ обнаружения необходимых знаний, которые я использую для достижения своей жизненной цели; а целью моей жизни является создание такой Вселенной, которая понравится мне самой и будет представлением о совершенстве человеческого общества» [67, с. 432].

Жанровая номинация «Что делать? (Из рассказов о новых людях)» (1863) Чернышевского чаще всего обозначается как «роман, иллюстрирующий авторские идеи», «романы-иллюстрации философских идей» в терминологии С. Кошелева. Кошелев отмечает, что познавательная ценность такого рода романа заключается в познавательной ценности выраженных в нем философских идей, а художественное освоение действительности практически отсутствует²²⁶. Ю.М. Лотман использует по отношению к роману Чернышевского термин «философский роман», отличительной чертой которого выступает особая художественная форма: автор излагает и пропагандирует систему своих социальных взглядов, соединяя при этом художественное начало с научным²²⁷.

²²⁴ Мирасова К.Н. «Атлант расправил плечи» Айн Рэнд и «Что делать?» Н.Г. Чернышевского как романы идеи «разумного эгоизма» // Новое прошлое. 2020. № 1. С. 186.

²²⁵ Так, в книге В.Кантора ««Срубленное древо жизни»: Судьба Николая Чернышевского» (2016) проанализирован путь создания в советское время мифа из жизни и текстов писателя [Кантор 2016].

²²⁶ Кошелев С.Л. К вопросу о жанровых модификациях романа в философской фантастике // Проблемы метода и жанра в зарубежной литературе. Вып. 9. М. : МГПИ, 1984. С. 142.

²²⁷ Лотман Л.М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века (Истоки и эстетическое своеобразие). Л. : Наука, 1974. С. 214.

Чернышевский заявляет в заглавии о том, что его роман посвящен новому антропологическому типу. «Новый человек» в творчестве «шестидесятников» обладал свойствами революционера, стремясь активно преобразовать реальность. Но, что не менее важно, он воплощал собой идею секуляризованного христианства²²⁸, которая, как отмечает В. Зеньковский, стремится заместить религиозное мировоззрение, «сохранив, однако, все ценности, открывшиеся миру в христианстве»²²⁹. Поэтому обожествление человека (антрополатрия) воспринималось современниками писателя совершенно естественно. Разумеется, синтез религиозного и секулярного также находился в рамках диалектики, которой неизменно следовал Чернышевский в своей философии.

И. Паперно дает объяснение этому феномену: Чернышевский, имеющий богословское образование, опирается на источники, которые стремились превратить христианство в систему для практического применения. В романе «Что делать?» упомянуты два таких источника, оба принадлежавшие перу французских христианских социалистов: «Социальная судьба» (*Destinee sociale*, 1834) В. Консидерана и «Сущность христианства» (*Das Wesen des Christentums*, 1841) Л. Фейербаха. В этих трудах предлагалась программа «улучшения» христианства: «Суть этих улучшений лежит в инверсии богословского понятия об отношениях человека с Богом: согласно новой вере обожествляется не Бог, вочеловечившийся в Сыне, а созданный по его образу и подобию человек, который призван стать Богом»²³⁰. Эти идеи активно обсуждались в кружке М.В. Петрашевского, который посещали Н.Г. Чернышевский и Ф.М. Достоевский в конце 1840-х годов.

Анализ заметок Айн Рэнд, сделанных ею во время написания романа «Атлант расправил плечи», свидетельствует о том, что она обращалась к

²²⁸ Н.В. Ковтун определяет эту идею как «земное воплощение великого литературного синтеза масонских мистерий, но вне мистического смысла» [Ковтун 2005, с. 64].

²²⁹ Зеньковский В.В. История русской философии. М. : Академический проект, Раритет, 2001. С. 326.

²³⁰ Паперно И. Семиотика поведения : Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М. : НЛО, 1996. С. 167.

религиозным аллюзиям. Так, в заметке от 29 апреля 1947 года она пишет, что туннели «Таггерт Трансконтинентал» похожи на катакомбы ранних христиан в Риме, где скрывается Джон Голт, работающий там путевым обходчиком. Свои размышления она заключает фразой: «А знак доллара похож на знак креста – тайный символ героев и мучеников» [JAR, с. 560]. В другой заметке от 1942 года (к роману «Источник») в кратком конспекте речи Говарда Рорка на суде обнаруживается фраза: «Христос и Ницше» [JAR, с. 222]. Американская исследовательница Ш. Милграм, работавшая с черновиками романа в Библиотеке Конгресса (США), отмечает, что в первом варианте в речи Рорка, который перечисляет творцов, пострадавших за свои способности, помимо Сократа, Жанны д'Арк, Спинозы, Лютера, упоминаются также Иисус Христос и Ницше. Впоследствии писательница вычеркнет их имена, чтобы «убрать намеки на религию и Ницше»²³¹.

В письме к одной из своих поклонниц от 9 июля 1946 года Рэнд напишет, что сравнение Говарда Рорка, главного героя романа «Источник» (и предтечи Джона Голта), и Иисуса Христа некорректно. Писательница объясняет это разной системой ценностей Рорка и Христа: первый – индивидуалист, второй – коллективист [LAR, с. 287–289]. Переписка же Рэнд с американской журналисткой И. Патерсон, бывшей ее ближайшей подругой, свидетельствует, что они спорили относительно обоснования индивидуализма: Патерсон считала, что в рамках атеизма его обосновать невозможно [LAR, с. 183]. Однако назвать романы Рэнд атеистическими просто невозможно: имплицитно они наполнены христианской символикой. Как и Рахметов, который испытывает себя, лежа на гвоздях, в Джон Голт, главный герой последнего романа Рэнд, подвергается пыткам. Как и Христос, Голт фактически воскресает: дьявольская машина ломается прямо во время пытки. Когда в ярости доктор Феррис приказывает механику починить генератор, тот оказывается совершенно беспомощным, зато Голт без запинки сообщает своим

²³¹ Milgram Sh.K. Ayn Rand's Drafts : The Labors of a Literary Genius : 2 audiocassettes. New Milford, Connecticut : Second Renaissance Books, 1998.

мучителям инструкции относительно того, как «оживить» машину: «Механик неотрывно смотрел в глаза Голту, и даже он смог распознать характер искры в темно-зеленых глазах; то была искра презрительной насмешки. Он отступил на шаг. Своим бессвязно-тусклым сознанием, каким-то бессловесным, смутным, неясным образом даже этот маленький человек понял смысл того, что происходит в подвале» [69, с. 509]. Своим «воскрешением» он преображает мир: сцена пытки героя – прелюдия к финалу романа, в котором атланты возвращаются в мир из долины Джона Голта, чтобы установить там свой порядок: « – Путь расчищен, – сказал Голт. – Мы возвращаемся в мир» [69, с. 534]. В финале возникает то самое «крестное знамение» в виде знака доллара, о котором упоминает писательница в заметках к роману: «Он поднял руку и начертил в пространстве над разоренной землей символ доллара» [Там же].

Как и в романе Чернышевского, в последнем романе Рэнд присутствует иерархическое разделение «новых людей» (их можно условно обозначить, как «становящиеся», «умеренные» и «радикалы»). Каждый из них занимает свое место на иерархической лестнице нового общества. Можно подумать, что в отличие от Чернышевского, «становящиеся» (у Чернышевского это, например, работники швейной мастерской Веры Павловны) ей не интересны: в одном из эпизодов романа «Атлант расправил плечи» она отправляет поезд с такими людьми под откос. Однако в романе имеется множество характеров простых рабочих, которые заняты на предприятиях, служа верой и правдой предпринимателям (например, Кормилица). К «умеренным» (те, которые еще не приблизились к «секулярному Христу» – у Чернышевского это Вера Павловна, Лопухов и Кирсанов) можно отнести тех героев, которые сочетают умственную деятельность с предпринимательской хваткой. Самые яркие представители этого типа в ее романах – Говард Рорк, Франсиско д'Анкония, Хэнк Риарден, Дагни Таггерт (аналог Веры Павловны у Чернышевского). Джон Голт же – это «радикал», «особенный человек», «секулярный Христос», который подчинил свою жизнь выполнению определенной миссии, заключающейся в революции в США. Ему в романе Чернышевского

соответствует Рахметов, который представляет собой синтез двух предыдущих типажей: с одной стороны, этот герой максимально приближен к народу (он ест простую пищу, много работает физически), а с другой – обладает выдающимися интеллектуальными способностями (много читает, изучает иностранную культуру).

Джон Голт, как и Рахметов, сочетает в себе интеллектуальное начало (он изобретатель нового типа двигателя) и приближенность к народу (достаточно длительное время он работает простым путевым обходчиком на железной дороге). Рассогласованность интеллигенции и народа – одна из наиболее болезненных тем русской истории. Так, Г. Белая отмечает, что «низовая» и «высокая» субкультуры находились в таком конфликте в России на рубеже XIX–XX веков, как нигде в мире, называя этот конфликт причиной Октябрьской революции²³². «Шестидесятники» остро ощущали это противоречие еще в середине XIX века и пытались его преодолеть. Д.И. Писарев в статье «Реалисты» (1864) отмечал рассогласованность между человеком умственного труда и практическим деятелем (под которым критик понимает простого работника). Он обозначает ее как «гибельный разрыв между трудом мозга и трудом мускулов» [60, с. 60]. Поэтому Рахметов мыслится не просто «новым Христом», а человеком, преодолевшим данное противоречие. Н.А. Вердеревская характеризует Рахметова как «неповторимо-индивидуальный, гармонически-целостный, героически-масштабный человеческий характер»²³³. У Рэнд этот посыл обнаруживается в эссе «Для нового интеллектуала» (1961), подробно проанализированном в первой главе. Неприятие дихотомии умственного и физического труда легко объясняется фактами ее биографии: будучи школьницей, она обучала в постоктябрьском Петрограде грамоте, чтению и счету красноармейцев. Как отмечают Л. Никифорова и М. Кизилев, «Алиса хорошо запомнила, как пришла на первое

²³² Белая Г. Дон Кихоты революции – опыт побед и поражений. М. : РГГУ, 2004. С. 37.

²³³ Вердеревская Н.А. Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» : пособие для учащихся. М. : Просвещение, 1982. С. 78.

занятие, объятая ужасом и страхом. Но, к ее удивлению, эта работа ей понравилась. Понравились честность грубых мужчин, их желание научиться грамоте...»²³⁴.

Принцип воссоздания характеров «новых людей» Чернышевского основан не на соотношении с породившей его средой (как в реализме), а на соотношении с авторскими идеалами, что позволило определить его художественный метод как «сложное сочетание реалистических и романтических принципов изображения действительности»²³⁵. Достоверность (и имитация реализма) в таком романе создаются за счет «авторского вмешательства», введения в текст романа персонифицированного повествователя и многочисленных комментариев поступков героев. Романы Рэнд строятся по схожей «схеме»: ее герои являются «проводниками» идей автора, а обстоятельства их жизни раскрываются сквозь призму его воззрений. Взятая ею за основу формула американской массовой литературы from rags-to-riches, «усовершенствованная» антропологическими идеями объективизма, является аксиомой при воссоздании образов Говарда Рорка, Хэнка Риардена, Джона Голта, а в качестве идеологической основы вместо социализма она берет капитализм²³⁶.

Анализируя особенности характеров «новых людей» в романах Рэнд, следует обозначить их максимализм, свойственный и героям Чернышевского (Вера Павловна угрожает маменьке «броситься из окна», если она выдаст ее замуж за нелюбимого человека). Например, Хэнк Риарден так отвечает Франсиско д'Анкония на вопрос о том, что он будет делать, если его корпорацией завладеют «скулящие подонки»: «Я лучше взорву свои рельсы» [68, с. 142]. Говард Рорк действительно взрывает храм Стоддарда, переделанный под дом для сирот. Герои-максималисты Чернышевского у Рэнд

²³⁴ Никифорова Л.Л., Кизилев М.Б. Айн Рэнд. М. : Молодая гвардия, 2020. С. 113.

²³⁵ Русский романтизм : учеб. пособие / под ред.Н.А. Гуляева. М. : Высшая школа, 1974. С. 282.

²³⁶ Общность философских концепций Чернышевского и Рэнд позволила А. Вайнеру заявить, что последняя «возродила “разумный эгоизм”, приспособив его к капитализму» [Weiner].

«эволюционируют» до экстремистов. «Радикальность» персонажей обоих писателей в целом соответствует портрету «нового человека», который «вырисовывается» в русском культурном поле в середине XIX века.

Диалектическое сочетание эгоистичного и общественного интересов в романах Рэнд имеет параллели с романом Чернышевского, в котором главная героиня в своем первом сне, освободившись из подвала, символизирующего несвободу, задумывается о том, что надо помочь и другим освободиться: «Помни же, что еще много невыпущенных, много невылеченных. Выпускай, лечи» [111, с. 104]. Казалось бы, герои Рэнд отрицают свою заинтересованность в каком бы то ни было общественном благе. Хэнк Риарден на суде заявляет: «Если сейчас мои ближние, называющие себя обществом, верят в то, что ради их блага необходимы жертвы, тогда я скажу: будь проклято общественное благо, я не стану его частью!» [68, с. 174]. Однако на деле все ее герои живут исключительно интересами своего дела, совершенно забывая о личной жизни. Перед нами идеальные «роботы» (именно так их назовет в своей книге А. Вайнер²³⁷): кажется, что они только и делают, что работают. Герои писательницы мотивируют свои действия исключительно материальной выгодой, однако от этого их несомненная польза для общества никуда не пропадает. Стремление «новых героев» к получению собственной выгоды (в соответствии с кредо «разумного эгоизма») должно сопровождаться полным презрением к общественному благу, но на самом деле оба автора следуют все той же диалектике преодоления разрыва между личным и общественным.

Преодолением разрыва «Я» – «Другие» объясняется и тема свободной любви в обоих романах. Отрицание чувства ревности, свобода отношений – это то, что проповедуют как Чернышевский, так и Рэнд. Известно, что Чернышевский предоставил своей жене Ольге Сократовне полную свободу в семейных взаимоотношениях. Аналогично поступает Рэнд, предложив своему мужу, Фрэнку О'Коннору, смириться с наличием у нее молодого любовника, своего студента Натаниэля Брандена. Эта история легла в основу фильма о

²³⁷ Weiner A. Op. cit.

жизни Рэнд *The Passion of Ayn Rand* (1999), снятого режиссером Кристофером Менаулом («Тайная страсть Айн Рэнд» в русском прокате), а также воспроизводится в книге воспоминаний бывшей жены Натаниэля – Барбары Бранден, носящей такое же название, что и фильм. Это биографическое сходство может быть объяснено одинаковой философской установкой обоих писателей, которая была связана со стремлением стереть границу между любовью и свободой.

В этом смысле оппозиция «мужское – женское» также подвергается переосмыслению в обоих текстах. И. Паперно отмечает, что женщина становится в романе «Что делать?» образцом божественного, а идея антрополатрии находит свое выражение в «феминизации Христа»²³⁸. Образы свободы не случайно представлены в романе Чернышевского архетипами женщин: в «Четвертом сне Веры Павловны» главная героиня отождествляется с богиней, претерпевая, по выражению Паперно, «двойное преобразование» («очеловечение Бога и обожествление человека»)²³⁹.

Вера Розальская Чернышевского и Дагни Таггерт Рэнд – это двойники. У обеих женщин есть свое дело (мастерская и железная дорога), обе любят в разное время двух мужчин (Лопухов и Кирсанов; Франсиско д'Анкония и Хэнк Риарден), обе борются с обществом за право быть собой. В обоих романах есть также антиподы главной героине. В романе «Что делать?» это Жюли, в «Атланте...» – Лилиан. Однако вопрос о феминистской интерпретации романов Рэнд достаточно спорный: ее идеальным героем является все-таки мужчина. Как отмечает Т. Грэмстад, Рэнд, активно пользуясь диалектическим методом, при этом «допускает ошибку», разделяя мужчину как Героя и женщину, которая поклоняется Герою²⁴⁰.

²³⁸ И. Паперно. Указ. соч. С. 181.

²³⁹ Там же.

²⁴⁰ Gramstad T. The Female Hero : A Randian-Feminist Synthesis // Feminist Interpretations of Ayn Rand / ed. by M.R. Gladstein and C.M. Sciabarra. Pennsylvania : The Pennsylvania University Press, 1999. Pp. 333–334.

Ее героиня Дагни Таггерт, вице-президент железнодорожной корпорации «Таггерт Трансконтинентал», по факту является руководителем компании, так как ее брат Джеймс, реальный президент, не может принять ни одного решения, подразумевающего ответственность: это делает за него его сестра. Дагни воистину испытывает почти шизоидное раздвоение: с одной стороны, она вынуждена из-за социальных предрассудков играть роль «второго плана» на фоне своего менее способного брата, а с другой – работать на износ, презрев все удобства (героиня часто ночует прямо в одежде на диване в собственном офисе). Тем контрастнее сцена, где Дагни оказывается в подчеркнuto женственном наряде ради свидания с Хэнком Риарденом: «Она облачилась в тонкое бледно-голубое платье, придавшее ей вид беззащитной простоты, создававшее образ статуи, притаившейся в голубых тенях сада в солнечный день. Он принес и набросил ей на плечи накидку из голубого песка, окутавшую ее от подбородка до кончиков босоножек <...> Огромное полотнище меха сделало ее похожей на ребенка, кутающегося от снежной бури» [68, с. 42–43]. Подчеркнутая инфантилизация героини вступает в противоречие с ее карьерными устремлениями, а свойственное поэтике романов Рэнд сопоставление героини со статуей также подчеркивает некоторую искусственность такого образа. Противоречивость женских образов в ее романах заключается в несомненной эмансипированности героинь, парадоксально сочетающейся с традиционным распределением гендерных ролей в любовных отношениях.

С точки зрения художественной образности тексты Чернышевского и Рэнд принято оценивать невысоко, однако цель «романа идей» – донести определенную философскую концепцию до читателя, а не поразить его художественными изысками. Но можно отметить, что оба писателя используют схожие художественные приемы для иллюстрации своей антропологической утопии. В частности, в обоих текстах важную роль играет метафора металла. В «хрустальных дворцах» (которые также фигурируют и у Рэнд: дом в долине Джона Голта «был полностью прозрачен – почти сплошной лист стекла» [69, с.

16)) из сна Веры Павловны все было сделано из алюминия: «Везде алюминий и алюминий, и все промежутки окон одеты огромными зеркалами» [111, с. 375]. В романе упомянут именно алюминий, потому что во времена написания «Что делать?» он только-только начал применяться и считался одним из самых легких и прочных металлов. В романе Рэнд новому сплаву Риардена также пророчат широкую известность: «Потому что сплав этот прочнее и дешевле стали; кроме того, рельсы из него переживут век любого известного нам металла» [67, с. 28].

Метафора стали также служит для обозначения твердости характеров «новых людей», который они «закаляют» через различные аскезы. Рахметов спит на гвоздях – аскеза Риардена заключается в производстве стали («...мгновения самобичевания, когда он отвергал надежду или образец, не позволяя себе ощутить усталость, не давая себе времени на это...» [67, с. 40]). Риарден действительно тверд, как металл: в минуты душевного смятения главной героини он успокаивает ее, произнося: «Дагни... кем бы мы ни были, мы движем миром, и нам вести его вперед» [67, с. 113]. В портретной характеристике Джона Голта обнаруживается сравнение со сталью, а также с золотом²⁴¹, которое является символом высшего духовного развития: «В большинстве древних культур золото является воплощением солнечного света и, следовательно, божественного знания <...> Золото является также существенным элементом в символизме спрятанного или неуловимого сокровища, которое является иллюстрацией плодов духа и высшего вдохновения» [СС, с. 188–189]. Сталь же как символ соотносится с «трансцендентной жестокостью принципа всепобеждающего духа» [СС, с. 412]. Любой сплав – это соединение противоположностей, в данном случае – материи и духа. Глубоко мифологический символ, в фольклоре разных народов он нередко проявлялся испытаниями героя («пройти огонь, воду и медные трубы»). В романах Чернышевского и Рэнд металл – это символ «выковки»

²⁴¹ Подробнее об этом см. §2 второй главы.

«нового человека», характера. Таким образом, диалектическая идея лежит и в основе процесса создания «нового человека» в анализируемых текстах.

Кульминацией обоих романов является утопический эпизод. В романе «Что делать?» – это «Четвертый сон Веры Павловны», в романе «Атлант расправил плечи» – это главы «Атлантида» и «Утопия алчности». Обе утопии населены исключительно «новыми людьми», а их сообщества представляют собой вариации на тему общины. В романе Рэнд объясняется, как индивидуальностям, живущим по правилам «разумного эгоизма», удалось между собой договориться: «Говорят, людям трудно прийти к согласию. Вы поразились бы, узнав, как это легко, если обе стороны считают моральным абсолютом то, что никто не живет для другого, и разум – единственная основа ведения дел» [69, с. 61]. В основу «общины Голта» она кладет единую философскую концепцию, как и Чернышевский, который отмечает в своем романе, что скоро «уже не будет этого отдельного типа, потому что все люди будут этого типа, и с трудом будут понимать, как же это было время, когда он считался особенным типом, а не общею натурой всех людей» [111, с. 195].

Анализ пространственно-временных координат Атлантиды в романе Рэнд позволяет выявить ее истоки. В отличие от романа Чернышевского, где «дивный новый мир» расположен в открытом пространстве поля, ассоциирующегося с русским образом воли и воплощающим собой женское, «бабье» начало [9], идеальное общество Голта находится на вершине горы, которая является миражом: «Да, не удивляйтесь, вершина горы, на которую не станет садиться ни один летчик. То, что вы видели, было ее отражением, спроецированным над этой долиной» [69, с. 10]. В контексте романа Рэнд, изобилующего античными аллюзиями, на вершине горы (Олимпа) призваны жить исключительно боги, достигшие совершенства. Это символ гордости, индивидуализма, мужской символ целеустремленности, соответствующий мифу об американской исключительности, в котором легко узнается аллюзия на образ «града на холме» Дж. Уинтропа.

Чернышевский помещает свою мечту в будущее, ради которого надо работать, к которому надо стремиться, а Рэнд, казалось бы, предлагает жить «здесь и сейчас». Ее выбор – организация секулярного «рая на земле». О таком преобразовании мира грезит уже Кира Аргунова, главная героиня романа «Мы живые». Она мечтает возвести в «пустыне», как характеризуется Советская Россия, свое здание: она учится на инженера, собираясь «построить дома из стали и стекла, а из белого алюминия – мост через голубую реку» [86, с. 43]. Но как русская действительность 60-х годов XIX века не давала реальных возможностей для построения Новой России Чернышевского, так и американская действительность середины XX века не имела их для достижения «капитализма, которого еще не бывало» по Рэнд. Как и Чернышевский, Рэнд «обгоняет время», вкладывая в утопический эпизод свою веру в светлое будущее Америки.

Если в мире Чернышевского царит равенство, все живут в одном большом доме, получают самое необходимое бесплатно, то в новый мир Рэнд попадают лишь избранные, полубоги, по особому приглашению Джона Голта (основателя этого мира) или пройдя через испытания. Тем, кто живет в этом мире, нет дела до оставшихся за его пределами: «Он избавит человечество от ужаса внезапного паралича... Нет, там ничего не узнают о моем открытии» [69, с. 49], – говорит «дезертировавший» врач о своем открытии лекарства от апоплексии. В нем нет и ничего бесплатного, все в нем следует заработать – даже самое необходимое. Индивидуалистическое начало этой утопии выражается также в том, что дома в этом мире все разные: каждый из них выражает характер своего владельца.

Как отмечает Н.В. Ковтун, в утопии Чернышевского «проступает богатый опыт и американских коммунистических общин, их эротических новаций»²⁴². Поэтому американские аллюзии – важная составляющая часть романа. Идеализация Америки в творчестве Рэнд объясняется именно русской

²⁴² Ковтун Н.В. Деревенская проза в зеркале утопии. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2009. С. 68.

западнической традицией, к которой принадлежит и Чернышевский. Идеализированный образ Америки сложился в ее сознании во многом благодаря кинематографу. В СССР выйдут две ее книги об американском кино: об актрисе немого кино Поле Негри (1925) и об истории Голливуда (1926). Рэнд также была студенткой Школы экранного искусства в Ленинграде до момента своей эмиграции в США (1924–1925).

Рэнд обращается к американским образам еще в своих ранних текстах. Во вставной новелле, не вошедшей в последнюю редакцию романа «Мы живые» (1936) и датированной 1931 годом, возникает образ Викинга, в котором узнается аллюзия на Статую Свободы – символ американской независимости, прообразом которой была древнеримская богиня свободы Либертас (в другом варианте – древнеримский бог солнца Сол): «Викинг улыбался так, как улыбаются люди, когда смотрят на небо; однако же он смотрел вниз. Его правая рука была вытянута вдоль опущенного меча, а левой он поднял к небу кубок, наполненный вином. Первые лучи солнца, по-прежнему невидимые для земли, ударили в кристальный кубок. И он запыхал, словно белый факел, осветив лица всех тех, кто был внизу» [74, с. 318]. Являясь олицетворением независимости и свободы, Викинг ассоциируется у писательницы с Америкой.

Американские аллюзии пронизывают роман «Мы живые». Над кроватью Киры висит «изображение американского небоскреба» [86, с. 43], а в кино показывают «ночной Нью-Йорк с его огнями, небоскребами, витринами» [86, с. 140]. В «американских романах» Рэнд сосредоточивается на жизни в США, однако в них отчетливо узнаются «русские» аллюзии (что будет проанализировано далее), и это можно считать своеобразной инверсией по отношению к тексту Чернышевского, в котором тот «зашифровал» Америку.

А. Арустамова называет американское пространство романа «Что делать?» «закадровым»²⁴³. В образе Чарльза Бьюмонта узнается Лопухов, смерть которого инсценирована на страницах романа, а Рахметов готовится к

²⁴³ Арустамова А.А. Русско-американский диалог XIX века : историко-литературный аспект. Пермь : Пермский гос.ун-т, 2008. С. 314.

делу революции в «Северо-Американских штатах»²⁴⁴. Один из героев романа Полозов замечает, что американцы – это «совсем особый народ, у них спрашивают о человеке только по деньгам и по уму» [111, с. 426]. В. Кантор пишет в связи с этим, что «герои романа становятся своего рода русскими американцами, умеющими сами строить свою жизнь («self-made men»). Этот пафос предвещал то несостоявшееся будущее России, которое перед Первой мировой войной померещилось русскому обществу и вызвало в 1914 г. к жизни стихотворение Блока “Русская Америка”»²⁴⁵. А. Эткинд же интерпретирует Новую Россию в утопическом эпизоде Чернышевского как кальку с Америки: «Сезонные обитатели Новой России днем работают на американской земле, а "каждый вечер веселятся и танцуют" в своем хрустальном дворце»²⁴⁶.

Америка действительно интересовала писателя: в своих статьях «О следствиях открытия Америки» (1844) и «Непочтительность к авторитетам» (1861) он рассуждает о важности американских ценностей для дальнейшего развития России, особенно подчеркивая свободный труд как достижение этой страны [108], [110]. Прообразом хрустального дворца из его романа стала промышленная выставка в Нью-Йорке, которая описана им в «Отечественных записках» за 1854 год в статье «Новости литературы, искусств, наук и промышленности» [109]²⁴⁷. Вспомним, что 1820–60-е годы – эпоха «аналогий» между Россией и Америкой, когда проблема крепостного права часто сравнивалась с проблемой американского рабства.

²⁴⁴ См. об этом: Недзвецкий В.А. Роман Н.Г.Чернышевского «Что делать?» и его оппоненты. М. : Изд-во Московского ун-та, 2003. 176 с.; Эткинд А. Толкование путешествий : Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М. : НЛЮ, 2001. 496 с.

²⁴⁵ Кантор В.К. «Подпольный человек» против «новых людей», или О торжестве зла в мироустройстве // Вестник культурологии. 2015. № 1. С. 156. Кантор здесь, вероятно, имеет в виду стихотворение «Новая Америка» (1913), в котором А. Блок пророчит объединение двух стран.

²⁴⁶ Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М. : НЛЮ, 2001 // Электронная библиотека RoyalLib.com. URL : https://royallib.com/read/etkind_aleksandr/tolkovanie_puteshestviy.html#0 (дата обращения : 15.02.21).

²⁴⁷ Подробнее об этом см. : Лапшина Г.С. Н.Г. Чернышевский об Америке // Медиаскоп. 2017. № 2. URL : <http://www.mediascope.ru/2296#13> (дата обращения : 29.06.2019).

Если Чернышевский отдает должное американскому индивидуализму, то в ранних текстах Рэнд можно обнаружить критическое отношение к образу «self-made man». В рассказе «Ее вторая карьера» (*Her Second Career*), написанном около 1929 года, рассказывается история о высокомерной актрисе Клэр Нэш и безвестной статистке Хедди Леланд. Рэнд демонстрирует, как на самом деле устроено американское общество и можно ли в нем добиться успеха каждому, кто прилагает для этого необходимые усилия. Рассказ написан на основе впечатлений писательницы от работы в качестве статистки и сценаристки у культового американского кинорежиссера С.Б. Демилля, а затем – делопроизводителем в костюмерном отделе голливудской киностудии RKO. В рассказе Рэнд «переворачивает» жизнь главной героини, которая соглашается на необычное пари сценариста Уинстона Эйнерса. Сам же он обещает тем временем сделать из статистки Хедди Леланд звезду мирового масштаба. Рэнд критикует лицемерие и косность всей американской системы производства фильмов, показывая, как бездарности становятся звездами, а настоящие звезды тем временем не могут пробиться на сцену [77]. В более позднем творчестве она уже решает задачу создания героя, который мог бы «оправдать» американскую антропологическую утопию.

Интерес Чернышевского к Америке можно трактовать как следование диалектической логике: он объединяет русский и американский опыт, обозначая общность проблем России и Америки и то, чем последняя может быть полезна первой. Рэнд, скорее, бессознательно воплощает в образе Атлантиды русскую общину, в которой индивидуальности подчинены единой философской логике, но ее Америка при этом остается не менее «русской».

Итак, философской основой романов Айн Рэнд является теория «разумного эгоизма», которая генетически восходит к идеям русских «шестидесятников». Несмотря на отсутствие прямых доказательств того, что писательница была знакома с их текстами, следует констатировать факт типологических сходжений (в первую очередь – общественно-типологических, обусловленных господством определенных идейных течений в период

становления писателя) с романом Н.Г. Чернышевского «Что делать?», выраженных в диалектической тенденции, проявленной в ее романах на трех основных уровнях. Первый уровень (внутренний) – это сам человек, преодоление конфликта внутри него. Второй уровень – преодоление противоречий в обществе на горизонтальном уровне (между человеком труда и человеком интеллекта). Третий уровень, вертикальный – движение от человека к социуму, когда индивидуальные цели героев связываются с всеобщим благосостоянием (идеальное сообщество свободных людей, объединенных общей философской концепцией). Как и Чернышевский, Рэнд создает «сплав» идей «разумного эгоизма» и общинного начала, свойственный русской культуре, который получил название «секулярная соборность».

На художественном уровне эта диалектическая модель проявляется в форме «романа, иллюстрирующего авторские идеи», в котором находит эстетическое воплощение концептуальная основа философии объективизма, где герои мотивируются не реальностью, а романтически-утопическими представлениями автора о ней. В центре такого романа находится антропологическая модель «нового человека», основным качеством которого выступает целостность, что выражается на разных уровнях в метафоре «сплава» (портрет персонажа, новый металл, детали одежды и т.д.). Вслед за Чернышевским Рэнд продолжает традицию «секуляризованного христианства», воплощая в образе Джона Голта мессианское начало, свойственное «особенному человеку» Рахметову.

Антропологическая утопия Рэнд повторяет характерную особенность русского утопического романа, реализуя проект определенного жизнеустройства. При этом обращение к американскому опыту у Рэнд не является чем-то новым: здесь она вполне органично включается в поиски русских мыслителей XIX века, которые были направлены на объединение двух национальных моделей.

§2. Образ «*integrated man*» Айн Рэнд и «русское ницшеанство».

Ф.Ницше (1844–1900) – немецкий философ, воздействие которого на умы

интеллигенции XX века было огромным. Как отмечает В.Н. Коновалов, говорить о влиянии Ницше в России не совсем верно: «скорее можно говорить о преломлении идей немецкого философа и их функционировании в варианте русского ницшеанства»²⁴⁸. Он же анализирует и причины этого явления, отмечая ситуацию кризиса позитивистской и религиозной морали, которая вызывала пересмотр моральных ценностей на рубеже XIX–XX вв. в России, благодаря чему идеи Ницше оказались невероятно созвучны исканиям русских писателей и философов. Э. Ключ также подчеркивает эту органичность воззрений Ницше русской культуре, совсем недавно пережившей увлечение идеями «разумного эгоизма» Н.Г. Чернышевского, «новый человек» которого оказался близок «сверхчеловеку» Ницше. Ключ объясняет эту органичность ницшеанства русской культуре такой моделью восприятия литературы, которая «выявляет стремление реализовать прочитанное»²⁴⁹. Среди других причин интереса к идеям Ницше в России исследователи называют стиль работ философа – его афористичность, которая была созвучна традиции русской литературы (В. Коновалов, Ю. Синеокая); близость «сверхчеловека» Ницше «архетипу морального бунтаря» (Э. Ключ); трагическую судьбу самого Ницше, которая вызывала сочувствие у русской интеллигенции (В. Коновалов).

В России идеи Ницше наиболее активно были восприняты философами-идеалистами, символистами и марксистами, причем это восприятие не было единообразным и варьировалось от резко негативной критики и обвинений в аморализме (старшее поколение философов-идеалистов) до принятия и осмысления (младшее поколение философов-идеалистов). Основным импульсом для «усвоения» «ницшеанства» в России был вызов, который немецкий философ бросал традиционным устоям, что для русской культуры рубежа XIX–начала XX вв., находившейся в ситуации поиска новых

²⁴⁸ Коновалов В.Н. Восприятие Ф.Ницше в России (1890–1900-ые годы) // *Deutsch-russische Sprach – Literatur und Kulturbeziehungen im XX. Jahrhundert : Beitrage zur Slavistik. Bd.28.* Frankfurt a/M. : Peter Lang, 1996. С. 89.

²⁴⁹ Ключ Э. Ницше в России. Революция морального сознания / пер. с англ. // Фридрих Ницше. Для всех и ни для кого : к 100-летию со дня смерти : сайт. URL: <https://www.nietzsche.ru/around/russia/klust/> (дата обращения: 25.06.2021).

ориентиров, оказалось невероятно актуальным. Наиболее обсуждавшимся в России аспектом философии Ницше оказалась идея «сверхчеловека», которая была воспринята крайне неоднозначно. В.Н. Коновалов отмечает, что русское сознание «впитало» скорее не того «сверхчеловека», который отрицает Бога и мораль вообще, а «современные догматические представления о морали и Боге»²⁵⁰. Действительно, термин *Übermensch* в русском языке был понят как «человек совершенствующийся»²⁵¹, что предопределило дальнейшую рецепцию ницшеанской идеи, которая стала «трамплином» для создания новой морали и нового Бога.

Россия периода рубежа веков была страной, когда идеи обновления человека и общества выкристаллизовывались очень активно, что стало одной из причин Октябрьской революции 1917 года. Сосуществование в этот сложный период многообразия точек зрения на дальнейшие пути развития России не могло не затронуть мировоззрение Алисы Розенбаум. Становление Рэнд пришлось на период конца второго этапа рецепции Ницше в России (первая четверть XX века)²⁵², когда его идеи уже получили обсуждение в работах В. Преображенского, Н. Михайловского, Вл. Соловьева, Н. Федорова, Н. Грота, Л. Шестова, Вяч. Иванова, С. Франка и многих других. В литературе образ «сверхчеловека» был воссоздан в произведениях А. Куприна, Л. Андреева, В. Ропшина, М. Арцыбашева, А. Вербицкой, В. Каменского. В 1923–1924 гг. книги Ницше были изъяты из библиотек и, как отмечает Н.В. Мотрошилова, единственным аспектом его творчества, который изучался в это время, осталась

²⁵⁰ Коновалов В.Н. Указ. соч. С. 99.

²⁵¹ В немецком языке данный термин скорее следует перевести, как «человек преодоленный», или «нечеловек»/«человек, достигший новой степени совершенства, находящийся за границей наличной меры человеческого» [Беляев 2015, с. 72].

²⁵² Ю.В.Синеокая выделяет четыре основных этапа рецепции Ницше в России: 90-е годы XIX века, первая четверть XX века, 1920–1970-е годы, 1980–2000-е годы (современность) [Синеокая 1999].

ницшевская интерпретация античности (Вяч. Иванов, Ф. Зелинский, В. Вересаев, А. Лосев)²⁵³.

С 1921 по 1924 г. Алиса Розенбаум обучалась в Петроградском (с 1924 г. – в Ленинградском) государственном университете на общественно-педагогическом и литературно-художественном отделении факультета общественных наук²⁵⁴. Именно тогда будущая писательница знакомится с работами Ницше. В рамках философских и литературных курсов она читает Ф. Шиллера, У. Шекспира, Ф.М. Достоевского, особенно восхищаясь сочинениями русского писателя. Как вспоминает Б. Бранден, Рэнд внимательно изучает его литературную технику, чтобы понять, как он «интегрирует сюжеты в идеи»²⁵⁵. Именно после чтения романов Достоевского Рэнд переходит к изучению философии Ницше – как считает К.М. Шабарра, ощущая «духовное сродство» двух мыслителей²⁵⁶.

Другим источником интереса писательницы к Ницше могло стать творчество русских символистов, которые к тому моменту входят в круг чтения в русских гимназиях (хотя и не были включены в школьную программу). В частности, В.В. Гиппиус, преподававший в гимназии М. Стоюниной, отмечал: «На устах моих учениц <...> вращались то Незнакомка, то Ночная фиалка. Кто из них повзрослей – вздыхали – “Ах! Блок!” – и покупали, и вешали, и приклеивали открытки с Блоком...»²⁵⁷. Рэнд называла Блока своим любимым поэтом, отмечая его «жуткое мироощущение» [88, с. 253]. Можно поэтому предположить, что писательница к моменту знакомства с идеями Ницше в

²⁵³ Мотрошилова Н.В. Дискуссии о философии Ф. Ницше в России Серебряного века // Фридрих Ницше и философия в России : Сб. статей. Спб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999. С. 38-45.

²⁵⁴ Sciabarra C.M. The Rand Transcript // The Journal of Ayn Rand Studies. 1999. Vol. 1. No. 1. Pp. 1–26; Никифорова Л.Л., Кизилев М.Б. Айн Рэнд. М.: Молодая гвардия, 2020. 333 с.

²⁵⁵ Branden B. The Passion of Ayn Rand. NY. : Doubleday, 1986. P. 45.

²⁵⁶ Sciabarra C.M. Ayn Rand. The Russian Radical. Pennsylvania : Pennsylvania State University Press, 2013. P. 77. Стоит сказать, что Ницше неоднократно упоминал имя русского писателя в своих сочинениях в связи с высокой оценкой его психологизма. К.М. Азадовский называет тему взаимодействия Ницше и Достоевского «вечной загадкой» [Азадовский 1999, с. 119].

²⁵⁷ Цит. по: Рейтблат А. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М. : НЛЮ, 2009. С. 313.

университете уже была предрасположена к их восприятию через знакомство с русской символистской поэзией, на которую идеи Ницше также оказали определенное влияние.

Достоверно известно, что Рэнд читала по крайней мере три книги Ницше, привезенные ею в 1926 году в США: «Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого» (*Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen*, 1883), «По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего» (*Jenseits von Gut und Böse*, 1886) и «Антихрист. Проклятие христианству» (*Der Antichrist. Fluch auf das Christenthum*, 1895)²⁵⁸. Ницше привлекает ее своим отрицанием коллективизма и альтруизма, критикой религии, воспеванием волевого и героического начала в человеке. Однако очень быстро обнаруживается, что Ницше выступает защитником детерминизма, а именно – превозносит дионисийское начало над аполлоническим, что кажется Рэнд защитой иррациональности и усугублением философского дуализма. Второе, что не устраивало будущую писательницу в философии Ницше, – отсутствие морального начала: Рэнд категорически не соглашается «с идеей Ницше о противопоставлении сверхчеловека посредственностям» [88, с. 192].

Как правило, исследователи, которые изучают влияние философии Ницше на Рэнд²⁵⁹, делают это без учета контекста, в котором происходит восприятие идей Ницше у будущей писательницы. Игнорирование того факта, что Рэнд спорит или соглашается даже не столько с самим Ницше, сколько с его образом, который складывается в России, приводит к тому, что ницшеанство признается лишь стадией в развитии философской основы объективизма. Взаимодействие же между художественными образами русской литературы, возникшими под влиянием идей Ницше, и художественными образами

²⁵⁸ См.: Ayn Rand Library : сайт. URL : <https://www.librarything.com/catalog/AynRandLibrary> (дата обращения: 20.03.21).

²⁵⁹ См.: Merrill E.R. *The Ideas of Ayn Rand*. Chicago : Carus Publishing Company, 1991. Pp. 22–27; Hunt L.H. *Ayn Rand's Evolving View of Friedrich Nietzsche // A Companion to Ayn Rand* / ed. by A. Gotthelf and G. Salmieri. West Sussex : Wiley Blackwell, 2016. Pp. 343–350; Milgram Sh.K. *The Fountainhead from Notebook to Novel : The Composition of Ayn Rand's First Ideal Man // Essays on Ayn Rand's The Fountainhead* / ed. by R.Mayhew. N.Y. : Lexington Books, 2007. Pp. 3–40.

произведений писательницы и вовсе до сих пор остается вне исследовательского фокуса.

Ницшеанские мотивы появляются в набросках Рэнд к неоконченному роману «Маленькая улица» (*The Little Street*, 1928) в характере главного героя Дэнни Ринахана –волевого, решительного и презревшего мнение общества. Тогда же возникает тема, которая станет ведущей в антропологических поисках писательницы – тема целостности человека. В заметках к роману Рэнд выскажет мысль, что чтобы ясно понимать что-то, недостаточно это просто знать, но важно также почувствовать: «Всякое чувство – это мысль, всякая мысль – это чувство» [JAR, с. 24]. Здесь явно видно влияние ницшеанской дихотомии «аполлоническое – дионисийское» и стремление ее преодолеть. Также очевидно влияние Ницше в первой редакции романа «Мы живые», увидевшей свет в 1936 году. В более поздней редакции 1959 года (которая и переведена на русский язык), заявления Киры Аргуновой, главной героини, относительно превосходства сильных над слабыми, уже менее категоричны, чем в первой редакции. К.М. Шабарра настаивает, что в конце концов Кира выражает не ницшеанское презрение к массе, но желание вырваться из пропитанной дуалистичностью системы коммунизма, которая извратила принцип соборности, свойственный русской культуре²⁶⁰. Эта интерпретация демонстрирует связь романа Рэнд именно с «русским ницшеанством», который воспринял идеи немецкого философа сквозь призму неприятия дихотомий, а не с абстрактными идеями Ницше вне контекста.

В своем втором романе «Источник» (1943) она, как считается, вложила философию Ницше в поступки и образ мыслей Гейла Винанда, властолюбивого газетного магната, которому противостоит философия объективизма, еще только зарождающаяся на страницах романов Рэнд и олицетворяемая Говардом Рорком. Как свидетельствуют ранние отрывки из романа, Рорк представлял собой более «ницшеанский» тип героя [73], [93]. «Ранний» Рорк совсем лишен эмоций: его обращение с возлюбленной Вестой Данинг (не включенной в

²⁶⁰ Sciabarra С.М. Op. cit. P. 97.

конечном счете в окончательный вариант романа) представляет собой патологические отношения созависимости, в которых Веста добивается его любви, но он остается совершенно холодным и неприступным. Вероятно, впоследствии Рэнд решила «смягчить» «роботоподобность» своего персонажа, так как она граничила с психопатологией. Кроме того, черновики романа содержат эпиграфы к отдельным частям из философского романа «Так говорил Заратустра» и в целом изобилуют отсылками к работам Ницше (их анализ блестяще произвела американский филолог-русист Ш.К. Милграм²⁶¹).

Заметки, сделанные писательницей в процессе работы над вторым романом, свидетельствуют, что она ставила Ницше в один ряд великими гениями прошлого, которые пострадали за то, что были творцами. Среди таких гениев были Сократ, Жанна д'Арк, Г. Галилей, В. Гюго, Р. Вагнер, П.И. Чайковский, Ф.М. Достоевский и Иисус Христос. Имеется в виду речь Говарда Рорка на суде, в которой он рассуждает о творцах – людях, благодаря которым цивилизация продвинулась вперед: «Они сражались, страдали и дорого расплачивались. Но они побеждали» [83, с. 330]. Имена Ницше и Христа стояли рядом, и Рэнд объясняла это тем, что Христос провозгласил «недосягаемую целостность человеческой души» («untouchable integrity of Man's spirit»), утвердив Эго. Но люди разрушили эту идею альтруизмом, против чего и боролся Ницше²⁶².

Из данного пассажа становится понятно, что Ницше был понят Рэнд как защитник некоего «истинного христианства», которое провозглашало целостность человека. Это потом она вычеркнет имена Ницше и Христа из финальной версии речи Рорка, но текстологический анализ позволяет увидеть, что Рэнд размышляла над проблемой, которая остро была поставлена «русским ницшеанством» – проблемой трансформации религии. Как отмечает В.Н. Коновалов, в русской философской мысли был проявлен образ «страдающего Ницше»: «Его жизнь нередко рассматривалась как реальное воплощение

²⁶¹ Milgram Sh.K. Op. cit.

²⁶² Цит. по: Milgram Sh.K. Op. cit. P. 13.

романтического мифа о гении, дерзнувшем приблизиться к Богу и наказанным за свою дерзость безумием (А. Белый), как повторение пути на Голгофу (Л. Шестов)»²⁶³. Рэнд в своих заметках к «Источнику» напишет, что Ницше умер в сумасшедшем доме, «всеми забытый и непонятый» («friendless and unheard») ²⁶⁴, что включает ее в контекст традиции «сочувствия» Ницше в русской культуре.

Свой идеал человека писательница наиболее полно выразит в последнем романе в образе Джона Голта: все ее герои до этого момента будут лишь его «предтечами». В заметках к роману она напишет, что его главное качество – целостность, понимаемое, как отсутствие изменений («progression») вследствие отсутствия противоречий и внутреннего конфликта [JAR, с. 512]. Парадоксальность этого героя в том, что, несмотря на его несомненную значимость для романа и в целом для всего творчества Айн Рэнд, он появляется в последней, третьей части романа в главе «Атлантида»²⁶⁵. Его образ до физического появления в тексте ассоциируется с тайной, которую люди пытаются разгадать уже очень давно, задавая один и тот же вопрос «Кто такой Джон Голт?» («Who is John Galt?»). Ш.К. Милграм трактует этот вопрос как выражение равнодушия общества к достижениям индивидуальностей²⁶⁶.

Джон Голт ассоциируется с неким мифологическим существом, которое никто никогда не видел, но о котором все говорят. Совершенно в ницшеанском духе («Бог умер») доктор Стэдлер заявляет: «Я знал когда-то Джона Голта. Но он давно умер» [68, с. 31]. Фигурирует он и как миллионер, потопивший корабль и оставшийся в Атлантиде, и как «величайший из всех, кто когда-либо жил на свете», и как «Прометей, который передумал». Дагни Таггерт отмечает, что Джон Голт – это каждый человек на земле, подчеркивая, что таким, как Голт, может стать каждый («Кто такой Джон Голт?»: «Все мы!» [67, с. 302]). В

²⁶³ Коновалов В.Н. Указ. соч. С. 94.

²⁶⁴ Цит. по: Milgram Sh.К. Op. cit. P.12.

²⁶⁵ Что позволяет соотнести образ Джона Голта с образом Рахметова из романа Н.Г. Чернышевского, который также появляется на страницах романа только в середине текста, в главе «Особенный человек».

²⁶⁶ Milgram Sh. Who Was John Galt? The Creation of Ayn Rand's Ultimate Ideal Man // Essays on Ayn Rand's *Atlas Shrugged* / ed. by R. Mayhew. N.Y. : Lexington Books, 2009. P. 57.

конце концов, все истории, описывающие Джона Голта, напоминают истории о некоем сверхъестественном существе, которое оставило мир на произвол судьбы: «Узнав об очередной катастрофе, мы вспоминали о нем, хоть и не могли объяснить, почему это случается при каждом ударе судьбы, при гибели очередной надежды, каждый раз, когда все оказывались в густой серой мгле, непреодолимо окутывающей землю. Наверное, люди слышали, как мы выкрикивали свой вопрос, не зная его смысла ... Они тоже замечали, что в мире исчезло что-то важное. Возможно поэтому они и начали повторять этот вопрос [«Кто такой Джон Голт?» – А.Г.]...» [68, с. 394]. Исчезновение в мире «чего-то важного» связано с тем, о чем Джон Голт скажет в своей многостраничной речи, в которой изложит основные принципы объективизма писательницы: люди перестали чувствовать себя целостными, им внушили «чувство вины», что породило многочисленные противоречия человеческой природы.

Сама идея «сверхчеловека» была воспринята русской философской мыслью, как уже отмечалось, очень неоднозначно. Одной из наиболее известных и влиятельных к началу XX века оказалась интерпретация «сверхчеловека» Вл. Соловьева. В своей статье «Идея сверхчеловека» (1899) он воспринимает антропологическую утопию Ницше в религиозно-метафизическом ключе, увидев, однако, большую опасность в том, что в конце концов Богочеловек может стать «грядущим Антихристом» [100]. Позже представители обновленческого крыла русской православной церкви, которые старались по-новому истолковать христианское учение о человеке, увидят в «сверхчеловеке» Ницше положительные черты. Так, С.П. Знаменский в работе «Сверхчеловек» (1906) отметит, что в «сверхчеловеке» Ницше заложен большой потенциал для развития способностей человека благодаря акценту на самоценности и индивидуальности человеческой личности. Учение Ницше истолковано им как направленное против противопоставления друг другу телесного и духовного, эгоистического и альтруистического. «Под воздействием идеала» любое явление может быть преображено и оздоровлено [39, с. 956].

Идея преодоления дуальных составляющих мира оказалась воспринята и русским символизмом. Не являясь специфически ницшеанской, концепция синтетизма²⁶⁷ становится универсальным принципом культуры на рубеже XIX–XX веков. Преодоление разрыва между человеком и миром – одна из главных концепций Ницше – окажется органичной для русского символизма. В творчестве русских символистов идеи Ницше были восприняты через его эстетический трактат «Рождение трагедии из духа музыки» (*Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik*, 1872), где изложен взгляд на искусство как дуалистическую категорию. И хотя символисты поняли Ницше по-разному и не до конца приняли его идеи, следует говорить об особой роли его диалекты «аполлоническое – дионисийское» в их философии и эстетике.

Так, в творчестве Вяч. Иванова дуализм «аполлоническое-дионисийское» находит свое выражение в идее синтеза Диониса (ассоциируемого у него с «соборной личностью») и Христа. Как отмечает С.С. Аверинцев, в отличие от Ницше, Вяч. Иванов отрицает «брутальный индивидуализм», видя в «сверхчеловеке» вселенское начало²⁶⁸. В статье «Кризис индивидуализма» (1905) он напишет: «Сверхчеловеческое – уже не индивидуальное, но по необходимости вселенское и даже религиозное. Сверхчеловек – Атлант, подпирающий небо, несущий на своих плечах тяготу мира» [40, с. 836]. Эта идея синтеза аполлонического и дионисийского через объединение Диониса и Христа была воспринята и А. Блоком. В.М. Паперный отмечает, что нельзя преувеличивать влияние Ницше на Блока, которое, по его мнению, и ограничивается именно этой идеей синтеза (через концепцию Вяч. Иванова)²⁶⁹.

Как отмечалось в первой главе, Рэнд рассматривает проблему дуализма аполлонического и дионисийского начал в своей статье «Аполлон и Дионис»,

²⁶⁷ Варакина Г.В. Мистериальные истоки русского синтетизма в культуре «Серебряного века»: автореф. дис. ...д-ра культурологии. Кострома, 2009. 37 с.

²⁶⁸ Аверинцев С.С. «Скворешниц вольных граждан...». Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб.: Алетейя, 2002. С. 45.

²⁶⁹ Паперный В.М. Блок и Ницше // Ученые записки Тартуского ун-та. 1979. Вып.23. Русская литература. С. 73–94.

определяя их разрыв как величайший конфликт эпохи. В финальной речи Джона Голта концепция синтетизма будет проявлена на разных уровнях. Герой укажет на разнообразные виды дуализма в человеческой натуре и обществе: природного и общественно порицаемого, эгоистического и альтруистического, морального и разумного, индивидуального и общественного. В антропологической концепции Рэнд Атлант («сверхчеловек») становится индивидуалистом, что отделило писательницу от русской традиции, но само стремление снять антагонизм между оппозиционными сторонами, олицетворяющими собой аполлоническое и дионисийское начало, свидетельствует о следовании за образом мысли, характерным для русской культуры рубежа XIX–начала XX веков.

Русская культура рубежа веков обращается к разным видам искусства в попытке создать синтетическое произведение. Важную роль в этом процессе играет музыка как выражение универсального языка искусства. Как отмечает Л.И. Будникова, русские символисты признавали музыку «первоосновой всего сущего»: «Музыка... понималась ими как универсальная мировоззренческая и онтологическая категория, “истинная сущность всех вещей” (Ф. Ницше), и одновременно как высшая, совершеннейшая форма искусства, как главный критерий художественности»²⁷⁰. Связь музыки и поэзии подчеркивали А. Блок, А. Белый, К. Бальмонт и др. русские поэты-символисты. К. Бальмонт выражал в своих стихах мифопоэтическую концепцию музыки, согласно которой поэзия предельно приближается к музыке и подражает ей («Сонеты Солнца, меда и луны», 1921).

Музыкальная тема проходит через все произведения Рэнд, но особенное значение приобретает в последнем романе писательницы. В образе композитора Ричарда Халлея она представила музыкального гения, чье творчество опередило время. По свидетельству современников, при написании музыкальных сцен Рэнд вдохновлялась своими любимыми композиторами –

²⁷⁰ Будникова Л.И. Творчество К.Д. Бальмонта в контексте русской синкретической культуры конца XIX–начала XX века : монография. Челябинск : Изд-во ЧГПУ, 2006. С. 142.

П.И. Чайковским, С.В. Рахманиновым, а «Концерт Халлея» в романе был написан под влиянием оперы «Борис Годунов» М.П. Мусоргского в исполнении Ганса Киндлера и Национального симфонического оркестра²⁷¹. В своей концепции восприятия музыки, изложенной в «Романтическом манифесте» Рэнд следует уже обозначенной нами диалектической логике: она связывает восприятие музыки с «психоэпистемологическим ощущением жизни» [92, с. 58–59]. Симфония Халлея соответствует героическому «ощущению жизни», воплощая собой связь между разумом и действиями человека: «Звуки взмывали ввысь, они повествовали о восхождении и были его воплощением, сутью и формой движения вверх. Эта музыка олицетворяла собой те поступки и мысли человека, смыслом которых было восхождение» [67, с. 18–19]. Ее способны понять лишь те, в ком эта музыка может вызвать соответствующие эмоции – а эмоции тесно связаны с разумом человека. Так через музыкальную тему в романе вновь возникает идея интеграции противоположных категорий бытия.

Новая мифология, которая творится в эпоху Серебряного века, вступает в культурный диалог с наследием античности. Появление в художественных текстах этого периода мотивов, связанных с античностью, также обусловлено стремлением объединить аполлоническое и дионисийское начала. Идея синтеза была чужда Ницше, что послужило, например, для Д.С. Мережковского предметом полемики. Как отмечает Н.В. Барковская, в своей трилогии «Христос и Антихрист» (1895, 1901 и 1904–1905) он реализует идею универсализма через «сверхобобщения», установление аналогий между эпохами. Связующим звеном между ними становится образ скульптуры. Во всех трех частях романа статуя Афродиты изображена как живая, и противопоставлена «мертвому» пространству. В портретах героев также присутствует метафора статуи, которая «работает» на придание трилогии

²⁷¹ Макконнелл С. Айн Рэнд. Сто голосов. М. : АСТ, 2018. С. 270–271.

устойчивости: «Описанию героев свойственна пластичность, статуарность; они подобны тем изваяниям богов, которых так много на страницах романов»²⁷².

Рэнд в трактате «Романтический манифест» отмечает: «Сказать, что скульптура как искусство почти мертва, – ничего не сказать. Ее расцвет произошел в Древней Греции, цивилизация которой с философской точки зрения была сфокусирована на человеке» [92, с. 49]. Связывая со скульптурой идею совершенствования человека, она подчеркивает, что бог воплощается в облике человека: «Греки мыслили своих богов в человеческом облике – как воплощение всего лучшего, что доступно человеку» [88, с. 258]. Мотив скульптуры впервые появляется у писательницы в повести «Идеал», где главная героиня Кэй Гонда, символизирующая собой истинный идеал, сравнивается со статуей: «Глядя на нее, он понимал, почему древние создавали статуи богов по образу человека» [79, с. 29]. В описании Кэй Гонды в прологе драмы узнается образ Доминик Франкон («Источник»), а точнее, – ее идеальный образ, который воссоздал в статуе скульптор Стивен Мэллори. Кэй Гонда на афише своего фильма изображена как «необычная женщина, высокая, очень стройная, очень бледная; вся ее фигура напряжена, как бы благоговейно и пылко устремляясь к чему-то...» [80, с. 187].

Этот же мотив будет фигурировать в романе «Мы живые» в описании Викинга (вставная новелла, которая не вошла в последнюю редакцию романа). Впоследствии образ Викинга будет узнаваем в описании статуи Натаниэля Таггерта, основателя корпорации «Таггерт Трансконтинентал» («Атлант расправил плечи»): «Ей казалось, что она видит фигуру человека, держащего фонарь в поднятой руке, и эта фигура походила то на статую Свободы, то на человека с золотыми волосами, держащего фонарь на фоне полуночного неба, красный фонарь, остановивший движение мира» [69, с. 300].

Любимой скульптурой Рэнд была Венера Милосская, мужские же статуи казались ей «слишком мясистыми»: «Я специально объясняю, почему это так,

²⁷² Барковская Н.В. Поэтика символистского романа. Екб. : Уральский гос.пед.ун-т, 1996. С. 35.

при описании тела Голта в сцене пыток: они не деятельные мужчины, не современные, не мужчины романтизма, а Голт именно таков» [88, с. 259]. В романе «Источник» статуя Доминик Франкон, созданная скульптором Стивеном Мэллори для храма Стоддарда (призванного восславить величие человека), воплощает собой чистое божество: «Обнаженное мраморное тело с откинутой назад в порыве страсти головой превращало комнату в храм, которого уже не существовало, – храм Стоддарда» [83, с. 38]. В структуре романа эта статуя становится символом величия и целостности человека, которому Говард Рорк возвел храм.

Портретные характеристики Говадра Рорка («Источник») и Джона Голта («Атлант расправил плечи») содержат в себе метафору скульптуры. Говард Рорк в завязке романа стоит на краю утеса, полностью обнаженный, похожий на древнегреческую статую: «Он стоял на фоне неба, расправив плечи. Длинные прямые линии его крепкого тела соединялись углами суставов; даже рельефные изгибы мышц казались разломленными на касательные» [82, с. 11]. Облик Джона Голта описан в таком же ключе: «Легкая ткань рубашки, казалось, не скрывала, а подчеркивала очертания фигуры; кожа была загорелой, тело обладало твердостью, суровой, непреклонной силой, гладкой четкостью отливки из какого-то потускневшего, плохо обработанного металла, вроде сплава меди с алюминием..» [69, с. 7–8]. Через образ статуи в сцене пытки Джона Голта передано несоответствие героя окружающему пространству: «Его обнаженное тело выглядело в подвале неуместно, оно напоминало древнегреческую статую <...> И как образность древнегреческой статуи – статуи человека в образе бога – дисгармонировала с духом современных залов, так его тело дисгармонировало с подвалом, предназначенным для доисторической деятельности» [69, с. 506]. Мотив статуи выполняет идентифицирующую функцию, позволяя «разделить» атлантов и остальных героев, в которых не нашла воплощение концепция целостности. В портретной характеристике атлантов, сравниваемых к застывшими изваяниями, также

выражена мысль о «неизменности» этих героев, их внутренней непротиворечивости.

Идея синтеза, традиционная для русской культуры, приобретает у Рэнд новое звучание, профанируясь в соотнесении с производственными процессами. Так, Джон Голт говорит Дагни Таггерт: «Я... подумал, что, если бы наш век дал надлежащее обличье своим богам и воздвиг статую, символизирующую американские железные дороги, эта статуя была бы вашей...» [69, с. 96]. Во всех упоминаниях статуи у Рэнд звучит одна и та же мысль: не человек создан по образу бога, но бог воплощен в образе человека. Мотив статуи играет в ее текстах роль объединяющего начала – человеческое воплощается в божественном, а божественное – в человеческом.

Синтез «аполлонического» и «дионисийского» (которое символистами понималось как объединение христианского и языческого в том числе) выразится в русской поэзии рубежа веков в еще одном художественном образе – образе солнца. Солнце как источник жизни и безусловной целостности человека появляется в поэзии М. Волошина, Вяч. Иванова, А. Блока, К. Бальмонта. Будучи гетерогенным символом, солнце у символистов вбирает в себя интерпретации различных учений, выражая стремление к синтезу. Так, в поэзии Вяч. Иванова солнце, которое ассоциируется с человеческим сердцем, становится олицетворением единства микрокосма и макрокосма (цикл «*Sol ardens*», 1911). К. Бальмонт реализует с помощью него антропологическую утопию «нового человека» – творческой личности, способной обновить жизнь. Не приняв тезис Ницше о смерти Бога, Бальмонт трактует «сверхчеловека» как «солнечную личность» (творца). Несомненную ценность для поэта представляла свобода человека, понимаемая им как свобода воли и потребность стать «властелином». Этот пафос будет звучать в сборнике «Будем как Солнце» (1903) и в эссе «Солнечная сила» (1918). В стихотворении «Далеким близким» (1903) звучит мысль о расколе внутри человека и потребности в «цельности»: «Вы разделяете, сливаете, / Не доходя до бытия. / Но никогда вы

не узнаете, / Как безраздельно целен я» [4, с. 166]. Эта «цельность» ассоциируется у поэта именно с солнцем.

Образ солнца – один из самых ярких в художественных текстах Рэнд. Лео Коваленский, герой первого романа писательницы «Мы живые», сравнивается с Аполлоном (который выражает собой принцип солнца): «Все, гувернеры, слуги, гости смотрели на Лео тем же взглядом, что и *на статую Аполлона*, стоявшую в кабинете адмирала...» [86, с. 136]. Портретная характеристика внешнего облика других ее героев также содержит те или иные отсылки к «солнечному» началу: «Ветер дул сзади – он ощущал его желобком на спине – и трепал его волосы, не светлые и не каштановые, а в точности *цвета корки спелого апельсина*» [82, с. 11] (Говард Рорк, «Источник»). Сходным образом представлен портрет Джона Голта («Атлант расправил плечи»), цвет кожи которого «сливался с каштановыми волосами, их *пряди золотились под солнцем...*» [69, с. 7].

«Солярный миф» прослеживается в самой структуре романов Айн Рэнд. Образ солнца представлен во вставной новелле о сюжете оперы композитора Халлея («Атлант расправил плечи»), который создал собственную «аранжировку» греческого мифа о Фэтоне, сыне Гелиоса. По версии Халлея Фэтон смог провезти Солнце по небу и не погиб, но добился своей цели. Украденное Солнце у Рэнд символизирует «перекодировку» реальности, в которой человек отказывается от роли «жертвы», беря управление собственной судьбой в свои руки. Солнце выступает также символом победы человека над обстоятельствами.

В контексте романа мифологический образ Фэтона воплощен в совместном творческом дуэте Дагни Таггерт и Хэнка Риардене, рискнувших внедрить новый металл в производство железнодорожных рельсов, несмотря на противостояние социума. Как и Халллей, музыку которого не приняли за «несовременность» ее «героики» и «восторга», а позже назвали гениальной, Дагни и Хэнк сначала подвергаются насмешкам общественности, в затем одерживают победу над консерваторами. Описание первого испытания рельсов

из риарден-металла – прямая аллюзия на оперу Халлея: «Утесы впереди превратились в ясное жидкое золото. В долинах внизу уже густели тени. Солнце опускалось за высящиеся на западе вершины. Они мчались туда, *поднимаясь к солнцу*» [67, с. 311]. Во время «похищения колесницы с Солнцем», символически обыгрываемого в этой сцене, Дагни размышляет о неразрывном синтезе «аполлонического» и «дионисийского» в человеке: «Связь между зрением и осязанием странным образом стала плотнее, думала она, между желанием и исполнением его, между... – после паузы слова вспыхнули сами собой – *душой и телом*. Сперва видение, а потом его физическая форма. Сперва мысль, а потом целенаправленное движение по единственно возможной прямой к избранной цели. Может ли первое иметь какой-либо смысл без второго?» [67, с. 304–305].

«Солнечная» символика как олицетворение триумфа цельности человека воплощается в обыденных производственных процессах. Например, нефтяные вышки «Уайэтт Ойл» сравниваются Риарденом с «новым восходом» человечества, который может заменить им солнце. «Факел Уайэтта», тлеющий даже после пожара на вышках, символизирует собой огонь Прометея (с Прометеем неоднократно сравниваются «атланты» в романе писательницы). Образ факела возникает и во вставной новелле о викинге в первом романе Рэнд как напоминание о человеке, который является целостным и деятельным.

Образ солнца также возникает у Рэнд в «Источнике» в эпизоде, где Доминик Франкон рассказывает о статуе Гелиоса, которую она вывезла из «одного европейского музея», а затем разбила, выбросив в вентиляционную шахту, чтобы «никто другой никогда не смог ее увидеть» [82, с. 165–166]. Здесь в образе статуи бога Солнца воплощен высший идеал героини, и она уничтожает его, так как не желает, чтобы он достался кому-то еще. Как объясняла сама Рэнд, Доминик – героиня, которая убеждена в невозможности победы добра на земле, поэтому она разрушает свои собственные идеалы [88, с. 222–223].

«Ницшеанские марксисты» (термин Дж. Клайна²⁷³), к которым относят А. Богданова (Малиновского), А. Луначарского, М. Горького и С. Вольского, восприняли идеи Ницше иначе, чем символисты – как призыв к действию и практической работе. Ницшеанская идея была «наложена» на марксистскую, определила специфику ее интерпретации в России: «сверхчеловек» был понят как бунтарь, ориентированный на героический пафос революционной борьбы. А. Богданов в своем эссе «Собирание человека» (1904) выразит характерную для всей русской культуры рубежа веков идею о необходимости синтеза, отмечая соответствие между природой (где выделяются активное и пассивное начала) и человеком (в котором оказываются разделены дух и тело). Человек как существо целостное, согласно Богданову, должен продолжать свое «собираение» до тех пор, пока человечество не станет единым организмом [15]. Б.Г. Розенталь отмечает особую роль аполлонического импульса в философии Богданова, который носит в его учении название «организация». Организация позволяет интегрировать человека, перейдя «от дионисийского хаоса к космосу»²⁷⁴.

В качестве идеологической основы, которая бы удовлетворяла задаче усвоения новой реальности широкими массами, была разработана доктрина богостроительства, представляющая из себя секулярный вариант религии и направленная на создание новых «сверхиндивидуальных» объектов религиозного поклонения. Одним из таких объектов была индустрия. А. Гастев в работе «Контур пролетарской культуры» (1919) связывает механизацию деятельности «нового человека» с его мышлением, обозначая такой тип мышления, как «механизирование обыденно-бытового мышления» [21]. Поэтизация техники нашла свое отражение в одном из самых известных романов теоретика Пролеткульта, А. Богданова – «Красная звезда» (1908).

²⁷³ Kline G. L. «Nietzschean Marxism» in Russia // *Demythologizing Marxism : a series of studies in Marxism* / ed. F. J. Adelman. Boston College : Chestnut Hill; Martinus Nijhoff : The Hague, 1969. Pp. 166–183.

²⁷⁴ Rosenthal B.G. *New Myth, New World : From Nietzsche to Stalinism*. Pennsylvania : The Pennsylvania State University Press, 2002. P. 70.

Завод представлен в нем воплощенным раем на земле, ритмично и мелодично исполняющим свою музыку труда: «Ни дыма, ни копоти, ни запаха, ни мелкой пыли. Среди чистого, свежего воздуха машины, залитые светом, неярким, но проникающим всюду, работали стройно и размеренно... Рычаги, похожие на исполинские стальные руки, двигались ровно и плавно... <...> Самый шум машин, когда ухо к нему несколько привыкало, начинал казаться почти мелодичным...» [13, с. 82]. Электричество, которое руководит процессом на заводе, называется писателем «душой этого грозного механизма» [Там же].

Романы Рэнд демонстрируют похожую поэтизацию индустриализации и романтизацию промышленных процессов. Как верно отмечает А. Эткин, Рэнд поручает «новому капиталистическому человеку» восстановление единства тела и духа – через технику и заводы в том числе²⁷⁵. Описание завода «Риарден стил» («Атлант расправил плечи») напоминает описание завода в романе Богданова, выражая ту же степень восхищения отлаженностью происходящих в нем процессов: «Пассажиры не могли осознать всей сложности этого протянувшегося на мили города, работавшего, не обнаруживая признаков человеческого присутствия. Перед ними вырастали башни, похожие на скрученные небоскребы, повисшие в воздухе мосты, в стенах виднелись раны, извергавшие огонь...» [67, с. 37]. Электричество, поддерживающее жизнь завода, как и у Богданова, признается «душой» страны: в финале романа последним эсхатологическим аккордом звучит эпизод, в котором герои наблюдают окончательный крах своих врагов, а по всей Америке гаснут огни электричества, погружая ее во тьму.

Электричество как проявление «огненного» начала выражает в обоих текстах важную идею о страдающем гении, связанную с мифологическим образом Прометея, покинувшего мир и отобравшего у него свой дар. Миф о Прометее как значимый в эстетике марксизма был составной частью соцреалистического канона, который складывается в творчестве писателей-

²⁷⁵ Эткин А. Из измов в демократию : Айн Рэнд и Ханна Арентс // Знамя. 2000. № 12. С. 180.

«ницшеанских марксистов». А.В. Луначарский в работе «Религия и социализм» (1908) связывает миф о сверхчеловеке с мифом о Прометее, присущим всем народам мира [47]. В трактовке Х.-Г. Гадамера Прометей олицетворяет собой культуру²⁷⁶, в интерпретации А. Лосева – цивилизацию²⁷⁷, у «ницшеанских марксистов» этот образ представляет собой секуляризованный образ Христа.

Образ Прометея появляется у Богданова в рассказе «Праздник бессмертия» (1914), тематически продолжающего утопические романы Богданова. Гениальный ученый Фриде, подаривший людям бессмертие, в финале рассказа кончает жизнь самоубийством: «В алькове тайн и чудес он воздвиг костер. Прикрепил себя цепями к чугунному столбу, около которого сложил горючие вещества <...> В последний раз вспомнил миф о Прометее и подумал: “Божественный Прометей добыл когда-то огонь и привел людей к бессмертию. Пусть же этот огонь даст бессмертным людям то, что предназначено им мудрой природой: умирание и обновление духа в вечно существующей материи”» [14, с. 368]. Здесь Богданов обращается к ницшеанской интерпретации Прометея. Как отмечает Н. Сперанская, Ф. Ницше в черновиках конца 1874 года реконструирует несохранившуюся трагедию «Прометей Освобожденный» Эсхила в следующем ключе: Эпимефей (брат Прометея) указывает Прометею на некую ошибку, которую он допустил при создании человека – невозможность человеком осознать собственную смерть, в результате чего каждый уверен в собственном бессмертии. В варианте Ницше Прометей освобождается Зевсом при условии «пересоздания» человечества²⁷⁸.

Мотив самоубийства гения повторится также в романе писателя «Инженер Мэнни» (1913) и будет связан с ощущением трагического раскола в русской культуре рубежа веков. Самоубийство Мэнни трактуется Богдановым как превращение индивидуальности в коллективное тело и как попытка

²⁷⁶ Гадамер Х.-Г. Прометей и трагедия культуры // Х.-Г. Гадамер. Актуальность прекрасного. М. : Искусство, 1991. С. 242–255.

²⁷⁷ Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М. : Искусство 1995. 320 с.

²⁷⁸ Сперанская Н. Дионис преследуемый. М. : Культурная революция, 2014. 536 с.

преодолеть этот раскол: «Через несколько минут наша планета перестанет существовать и ее осколки разлетятся в бесконечное пространство, унося наши мертвые тела и наше живое дело» [12, с. 339]. «Эсхилловская» интерпретация мифа о Прометее у Богданова предполагает существование человечества как целого с помощью создания одиночками «культуры», даже если это влечет смерть отдельно взятого гения.

Прометей у Рэнд имеет окраску «гетевского» Прометея, являющегося «титаническим человеком», несущим жизнеутверждающее начало. Впервые образ Прометея возникнет у нее в ранней повести «Гимн» (*Anthem*, 1938). Главный герой, носящий имя Прометей, борется против тоталитарного государства и изобретает заново огонь, который приносит людям. Как пишет Дж. Коди, Рэнд использует древний архетип Прометея в художественном тексте в целях утверждения величия человеческой жизни («man worship»), сближаясь, по его мнению, в своем «героическом гуманизме» с такими высокими произведениями искусства, как музыка Бетховена, скульптуры Микеланджело, статуя Аполлона в храме Зевса в Олимпии. Отмечая в языке текста эмоциональные коннотации высоты, подъема, почтения, величия, свойственные религиозным интенциям, ученый обнаруживает структуру повести выстроенной в строго циклическом порядке (что свойственно, как пишет он, текстам Гомера)²⁷⁹. Эти сравнения, хоть и слишком абстрактные и не объясняющие генезиса архетипа Прометея у писательницы, в целом верны и отмечают героический пафос повести, сосредоточенной на идее антроплатрии.

Герой второго романа писательницы Говард Рорк («Источник») также ассоциируется с Прометеем, ниспровергающим стандарты общества. С. Коффман отмечает креационистскую окраску этого персонажа, ассоциируя его с Адамом – прачеловеком, давшим людям Знание²⁸⁰. Образ Прометея будет

²⁷⁹ Cody J. Ayn Rand's Promethean heroes // Reason. 1973. Nov. URL : <https://reason.com/archives/1973/11/01/ayn-rands-promethean-heroes/> (дата обращения : 04.07.2019).

²⁸⁰ Coffman S.E. Howard Roark as hero : thesis for the degree of Master of Arts. Denton, Texas, 1965. P. 124.

ключевым в последнем и главном романе писательницы – «Атлант расправил плечи». Джон Голт сравнивается с Прометеем, давшим людям огонь (персонифицируемый в образе вечного двигателя, который он изобрел), но затем забрал его, ожидая «когда люди отзовут своих стервятников» [68, с. 218]. Стервятники – это аналог коршунов, которые терзают Прометея в древнегреческом мифе. Ими в романе являются «паразиты» – такие, как Джеймс Таггерт и Уэсли Моуч.

М.Р. Гладстейн отмечает трансформацию мифа о Прометее у Рэнд: не высшее божество насылает на Голта «стервятников» (как в мифе о Прометее), а обычные люди, «низшие существа», нуждающиеся в том, что он им может дать²⁸¹ (так же, как и в «Гимне», в «Источнике» именно люди являются «мучителями» для Прометея). Этот факт, на наш взгляд, связывает миф о Прометее у писательницы с русской традицией, в которой Прометей был воспринят как аналог Христа, распятого людьми (а не Богом), его секуляризованная версия, созданная в целях построения новой идеологии.

Писательницу волновала проблема соотношения индивидуальности гения и социума, который пользуется его достижениями. В своих дневниках она размышляла над «виной», которую общество вменяло Прометею, Фаятону, Икару за их разум и его достижения [JAR, с. 687]. В то же время в своих публицистических статьях она касается темы «имперских» амбиций тоталитарной власти. В статье «Строители монументов» (1962) она приводит в пример строительство египетских пирамид, которые были построены ценой смерти от истощения огромного количества людей, верящих, что «“престиж” их племени, их вождей или их богов имеет для них самих какую-то ценность» [94, с. 115–116]. По мнению Рэнд, преодоление дихотомии между индивидуальностью и социумом невозможно: творец всегда стоит выше остальных людей, которые не могут навязывать ему свою волю. Поэтому «забастовка» героев романа «Атлант расправил плечи» имеет своей целью единственно возвращение величия истинным «творцам», которые покидают

²⁸¹ Gladstein M.R. Atlas Shrugged : Manifesto of the mind. N.Y. : Twayne Publishers, 2000. P. 35.

Америку, создавая собственную Атлантиду. Джон Голт отказывается сотрудничать с правительством, которое заключает его под стражу до тех пор, пока он не согласится быть их идейным «вдохновителем».

Трактовка роли гения у Богданова демонстрирует разницу между писателями. Гениальный инженер и руководитель Мэнни («Красная звезда»), которого автор выделяет из ряда других, подчеркивая, что «работать много и хорошо могут и вполне обыкновенные люди, люди-исполнители. Мэнни же, очевидно, совсем иное: он гений, человек-творец, создающий новое и ведущий вперед человечество» [13, с. 52]. Имеющий «честолюбие богов», отец героя, попав в тюрьму за убийство Марио, считает своим нравственным долгом работать «на благо человечества» («Инженер Мэнни»). Из романа «Красная звезда» мы узнаем, что своим процветанием марсиане обязаны именно инженеру Мэнни: не зря его портрет висит на самом почетном месте, и ему установлен последний памятник в истории марсиан. До его проекта «Будущее Ливийской пустыни» марсиане были вынуждены ютиться в маленьком уголке своей планеты. Процветание, впрочем, было достигнуто смертью большого количества людей, которые погибли на рытье Великих каналов в «болотистых, нездоровых местностях». Сразу после заключения его под стражу обнаруживается, что инженер принципиально незаменим: «никто из его приемников не в силах вести гигантскую организацию работ» [13, с. 78–79]. Когда марсиане вновь неизбежно сталкиваются с проблемой перенаселения своей планеты (однако ума, равного уму их великого предка, у них так и не появилось: они не в состоянии понять, как сделать пригодной к обитанию Венеру), единственное, что приходит им в голову – захватить Землю, уничтожив «отсталое» буржуазное человечество. Богданов делает выбор в пользу коллектива, избавляясь от «балласта имен прошлого» в свойственной русской культуре традиции соборности, понятой им как растворение индивидуальности гения в коллективном теле.

Интерпретация прометеевского архетипа в текстах связана с событиями, которые потрясли до основания Россию (да и весь мир) немногим позже

создания Богдановым своих романов об инженере Мэнни. Октябрьская революция отвечала основной цели Прометея – «возвратить людям то первобытно-коллективистское равенство... и делает уже поголовно всех людей причастными разуму, воле и свободному развитию»²⁸². «Установка на революцию», которую имела русская интеллигенция, обладала «промеевской» потенцией, а отрицание индивидуализма, свойственное «прометеев» русской интеллигенции, было обусловлено тоской по народной жизни. Рэнд, будучи свидетельницей этих событий, убедится на собственном опыте в пагубности такой установки, которую, впрочем, предвидел еще Вл. Соловьев, угадав в «сверхчеловеке» «грядущего Хама» [100].

Другой писатель, который был приверженцем богостроительства в своем раннем творчестве – М. Горький. В статье «Разрушение личности» (1909) Горький пишет о кризисе индивидуализма, необходимости преодоления дихотомии между человеком и коллективом и о гениальности коллективного творчества, которое соединяло гармонию с формой и создало, в частности, миф о Прометее [25]. В заметке от 24 декабря 1917 года для газеты «Новая жизнь» (опубликованной впоследствии в книге «Революция и культура», 1918) он выскажет мысль о соединении двух начал, которые олицетворяют Христос и Прометей – «бессмертная идея милосердия и человечности» и «враг богов, первый бунтовщик против Судьбы»: «Настанет день, когда в душах людей символ гордости и милосердия, кротости и безумной отваги в достижении цели – оба символа скипятся во одно великое чувство и все люди сознают свою значительность, красоту своих стремлений и единокровную связь всех со всеми» [26, с. 85]. Образы Данко, Сокола, Буревестника в творчестве Горького воплощают промеевскую интенцию в интерпретации «русского ницшеанства», соединяющего религиозное и секулярное начала для творения нового мифа.

Героический пафос революционной борьбы в ранних рассказах Горького, которые, как считается, проникнуты богостроительством, осложняется мотивом

²⁸² Лосев А.Ф. Указ. соч. С. 192.

безумия, возникающего у него в рассказе «Ошибка» (1896). Главный герой рассказа – Кравцов, в образе которого, как считает Э. Клюс, Горький представил самого Ницше, конце концов сошедшего с ума. Его цель «построить убежища счастья» «наводит на мысль о стремлении скорее отгородиться от жизни и борьбы, основав некий утопический мир, нежели улучшать реально существующий мир»²⁸³. Горький, как и все «ницшеанские марксисты», был приверженцем практической деятельности и активного «строительства» «нового мира», поэтому в этом рассказе он вступает в полемику с Ницше. То же активное «делание» предлагается в качестве цели искусства в другом рассказе писателя – «Читатель» (1898). За поиском «маленького человечка», героя рассказа, «бодрых слов, окрыляющих душу» и «призыва к творчеству жизни» уже вырисовывается абрис соцреалистического канона, который определял назначение искусства как воссоздание реальности не такой, какая она есть, но такой, какой ей надлежит быть.

В поэме «Человек» (1903) впервые наиболее ярко и выпукло проявится идея Горького о «новом Прометее-Христе». Ведущим началом этого героя, которого Горький именует Человеком, выступает Мысль: «Я вижу его гордое чело и смелые, глубокие глаза, а в них – лучи бесстрашной Мысли, той величавой силы, которая в моменты утомленья – творит богов, в эпохи бодрости – их низвергает» [27, с. 289]. Задача Мысли как руководящей и направляющей идеи Человека – «найти гармонию между собой и миром», «распутать узлы всех заблуждений и ошибок». Конечную цель писатель обозначает как соединение «в одно великое и творческое пламя мир[а] чувства...с...бессмертной Мыслью», чтобы стать подобным «тем богам, что Мысль моя творила и творит!» [27, с. 293]. В конце концов все враги Человека, воплощенные в метафорических образах Любви, Дружбы, Скуки, Веры, Надежды, Пошлости, Лени, Лжи и Тоски, оказываются побеждены и на свет рождается Человекобог, разрешивший все экзистенциальные противоречия.

²⁸³ Клюс Э. Указ. соч.

Возникающий в поэме библейский образ пустыни («затерянный среди пустынь вселенной...») усиливает героический пафос поэмы, добавляя величия фигуре Человека, который стремится «вперед и выше». Как отмечает Э. Ключ, у Ницше этот образ связан с мотивом экзистенциального одиночества и бездушия, в котором живет каждый человек, в интерпретации же Горького он получает смысл площадки для построения «нового мира»²⁸⁴. Схожий мотив, связывающий М. Горького с русскими «шестидесятниками» и хрустальными дворцами Н.Г. Чернышевского, звучит в его рассказе «Ошибка» (1895), главный герой которого призывает к «оживлению» пустыни и строительству в ней «зданий счастья».

В речи Джона Голта («Атлант расправил плечи») ценности, о которых говорит герой, получают персонифицированную окраску: «Чтобы жить, человек должен считать высшими и решающими ценностями три вещи: Разум, Цель, Самоуважение» [69, с. 364]. Другой пассаж речи персонифицирует Смерть, Жизнь и Разум: «У вас нет шанса выиграть по Морали Смерти или по кодексу веры и силы; поднимите знамя, под которое соберутся честные люди, – знамя Жизни и Разума» [69, с. 421]. Вся речь Голта посвящена той же идее, что и поэма Горького: разум как направляющая сила в человеке соединит в нем кажущиеся противоположности – тело и душу. В качестве врагов, которые отвлекают человека от задачи полной интеграции в целостное существо, у Рэнд выступают «институты власти» – государство и церковь. Антропологическая тематика у нее перерастает в тематику социальную, а речь постепенно сосредоточивается на призыве к революционной борьбе с действующим режимом. Эта борьба, как и у Горького, представлена в линейно-направленном векторе устремления ввысь, метафорически выраженном в фигуре небоскребов, которые в последнем романе писательницы сравниваются с «маяками, рассылавшими слабые, гаснущие сигналы в пустое море, в котором нет кораблей» [67, с. 116]. В финале романа «Источник» возникает образ «самого высокого здания», которое строится Говардом Рорком как символ победы

²⁸⁴ Ключ Э. Указ. соч.

человека над окружающей его «пустыней»: «Линия океана пересекла небо. Океан вздымался вверх по мере того, как город уходил вниз. Она миновала шпили банков, дворцы правосудия. Она поднялась выше церковных шпилей. Перед ней остались лишь океан, небо и Говард Рорк» [83, с. 347].

Образ пустыни как пространства для конструирования «нового мира» также возникает в текстах писательницы. В романе «Мы живые» это Советская Россия, в которой ощущает свое одиночество Кира Аргунова, мечтающая построить там «дома из стали и стекла, а из белого алюминия – мост через голубую реку» [86, с. 43]. В завязке романа «Атлант расправил плечи» поезд, на котором ехала совладелица железнодорожной компании «Таггерт Трансконтинентал» Дагни Таггерт, встает посреди пустоши [67, с. 21]. Этот эпизод подготовит читателя к разворачивающейся на последующих страницах драме борьбы атлантов с пустыней, олицетворяющей собой иррациональность и пустоту.

Идею эволюции человека Горький развивает в пьесе «На дне» (1903), которая имплицитно отсылает к философии Ницше, отрицающей слабость и жертвенность. Как отмечает О. Богданова, образ «сверхчеловека» «незримо» присутствует в пьесе, прорываясь наружу через диалоги Сатина о «Гордом Человеке»²⁸⁵. Сюжет романа Рэнд «Мы живые», посвященного жизни «лишенцев» в послереволюционном Ленинграде, своеобразно преломляет многие мотивы пьесы Горького. В первую очередь, это мотив построения счастья на земле усилиями самого человека. Лука, подарив жильцам ночлежки надежду на лучшую жизнь, бесследно исчезает, что служит испытанием на духовную стойкость для каждого из них. Далекое не все выдерживают это испытание: так, кончает с собой Актер. Один Сатин задумывается над словами Луки о «лучшем человеке», ради которого живут все остальные люди. В романе «Мы живые» разыгрывается схожая драма: в изменившемся до неузнаваемости Петрограде пытаются выжить люди, потерявшие всякую надежду на светлое будущее. Проходя через ряд испытаний, большинство из них сдается: Лео

²⁸⁵ Богданова О. «На дне» М. Горького : новый ракурс // Звезда. 2016. № 10. С. 225–239.

Коваленский погружается в кутежи, Андрей Таганов кончает с собой. Альтер-эго Рэнд, Кира Аргунова, в отличие от большинства, осознает, что «лучший человек» находится внутри нас самих и задача каждого – его произвести на свет: «Это редкий дар – уважать себя и свою жизнь, желать самого лучшего, самого высокого в этой жизни только для себя! Представлять себе рай небесный, но не мечтать о нем, а стремиться к нему, требовать!» [86, с. 115]²⁸⁶.

Пафос ранних текстов Горького, в конце концов создавшего «манифест» социалистического реализма – роман «Мать» (1906), в котором также отражены идеи богостроительства, оказывается схож с пафосом романов Рэнд. Главная черта соцреализма, заключающаяся в изображении характеров героев не в соотношении с реальностью, а с образом этой реальности, формируемой конкретной идеологией²⁸⁷, полностью реализована в положительных персонажах Рэнд, которая в своем «Романтическом манифесте» писала, что ценностью романтического повествования является то, что могло произойти, а не то, что произошло [92, с. 118]. Это соотношение не является чисто формальным (на уровне следования соцреалистическому канону в новой версии «капиталистического реализма»), но имеет отношение к замыслу художественного текста. Так, первым импульсом для написания последнего и главного романа писательницы «Атлант расправил плечи» была идея «забастовки творческих умов», а первое название романа – «Забастовка» (*The Strike*) [JAR, с. 264; с. 390–391], которая в романе «Мать» представлена идеей объединения рабочих ради победы над их угнетателями. Убежденность в том, что добро всегда побеждает зло (естественно, «добро» и «зло» в рамках определенного идеологического дискурса) – общий элемент в поэтике соцреалистических романов и романов Рэнд. В философской системе Рэнд этот феномен имеет собственное определение – «проявление благожелательности

²⁸⁶ Подробнее о романе «Мы живые» - в §4 второй главы.

²⁸⁷ См., например: Терц А. Что такое социалистический реализм. Париж: SYNTAXIS, 1988. 64 с.; Соцреалистический канон : сб. статей / под ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. Спб. : Академический проект, 2000. 1040 с.; Кларк К. Советский роман : история как ритуал. Екб. : Изд-во Уральского университета, 2002. 262 с. и другие работы о поэтике соцреализма.

вселенной» («the benevolent of the universe»)²⁸⁸. Рэнд, например, критиковала романы Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (1878) и Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!» (*A Farewell to Arms*, 1929) именно за то, что в них присутствует «проявление враждебности вселенной» [88, с. 235; 237].

Несмотря на неоднородность в восприятии идеи «сверхчеловека» в русской философии и литературе, в целом все мыслители – от символистов до марксистов – следовали русской традиции органического синтеза, поняв ницшеанство как «зеркало» этой традиции. Ницшеанский образ двух полярностей мира, воплощенный немецким философом в дионисийском и аполлоническом началах, был принят в России как адекватный для выражения дуальности мира. Для находящейся в поисках «нового синтеза» России ницшеанские идеи становились благодатной «почвой» для создания новой философии и новой морали.

Айн Рэнд, следуя русской традиции синтетизма, делает центральной антропологической концепцией своих текстов концепцию целостности. Интерпретировав Ницше по-своему, как и каждый мыслитель рубежа XIX–XX веков в России, она, тем не менее, идет вслед за двумя линиями «русского ницшеанства» – символистами и «ницшеанскими марксистами», воссоздавая узнаваемые образы в своих художественных текстах (образ статуи, «солярный миф», музыкальная тема, архетипический образ Прометея). Стремление к религиозно-метафизической окраске образа «сверхчеловека» в русской культуре приобретает у Рэнд свое «звучание», воплощаясь в «финальном» образе Джона Голта, в котором объединяются противоположные начала секулярности и религиозности.

«Прометеевские» интенции в русской литературе рубежа веков неизменно сопровождались стремлением соединить стихию индивидуальности и стихию общества, «презрев» индивидуализм. Рэнд идет противоположным

²⁸⁸ См.: Benevolent Universe Premise // The Ayn Rand Lexicon : Objectivism from A to Z. URL : http://aynrandlexicon.com/lexicon/benevolent_universe_premise.html (дата обращения : 25.06.2021).

путем, максималистски утверждая индивидуализм своих героев, но в этой противоположности слышится спор с русской литературой, из которой «выросла» поэтика художественных текстов писательницы. Отрицание индивидуализма, стремление к всенародному единению у писателей рубежа веков, приобретшее в конце концов утопические черты в социалистическом реализме, окажется релевантно его утверждению в текстах Айн Рэнд, формируя ту же самую утопичность.

§3. Концепция личности в произведениях Айн Рэнд и утопические проекты «Третьего Возрождения» и русского масонства. Идея синтеза культур, овладевшая русскими мыслителями на рубеже XIX и XX столетий, была направлена на формирование особой концепции личности, главным качеством которой являлась универсальность. В основе концепции универсальности личности лежит идея о совмещении в человеке противоположных начал. Поиск путей конструирования синтетического человека в России в этот период обусловил и интерес к культуре итальянского Ренессанса. Как и эпоха Возрождения, период Серебряного века характеризовался стремлением создать новый тип культуры с помощью синтеза искусств. В творчестве А. Блока, В. Брюсова, И. Анненского, В. Мережковского, Вяч. Иванова, К. Бальмонта ренессансные мотивы занимают важное место и знаменуют собой появление нового типа творца, подобного ренессансному «*homo universalis*» – человеку, находящемуся в центре вселенной и обладающему неограниченными возможностями к развитию.

Н. Бердяев в статье «Конец Ренессанса (к современному кризису культуры)» (1919) констатирует кризисное состояние европейской культуры, которая находится на этапе «трансформации гуманизма», связанной с обнаружением «внутреннего противоречия» и формированием образа «человека раздвоенного», принадлежащего сразу двум мирам (духовному и материальному, языческому и христианскому, античному и средневековому). Проект Ренессанса оказался трагически незавершен, считает философ, и причиной тому явилось несоответствие между духовным развитием человека и

материальным прогрессом. Человек кризисной эпохи наполнен тоской по новому гуманизму, его терзает конечный вариант дуализма – дуализм общества и личности. Русский человек при этом находится в еще более худшем положении: «Мы переживаем в самой крайней форме конец Ренессанса, не пережив самого Ренессанса, не имея великих воспоминаний о прошлой творческой избыточности» [8, с. 44].

О кризисе личности писал и А. Блок в статье «Крушение гуманизма» (1921). Констатируя потерю «равновесия» между человеком и природой, жизнью и искусством, наукой и музыкой, цивилизацией и культурой, Блок сообщает о потере гармонии и внутри человека. «Оставленность духом музыки» породила раздробленность наук, разделение сфер знаний и в конечном счете привела к потребности в появлении человека-артиста – «новой человеческой породы» [11].

В России идея «нового Ренессанса» начинает распространяться благодаря Ф.Ф.Зелинскому – русскому ученому, филологу-антиковеду, профессору Санкт-Петербургского университета (1890–1922), который в 1922 году эмигрировал в Польшу и преподавал в Варшавском университете. Будучи популяризатором идей античности, Зелинский предлагает концепцию «Третьего Возрождения» в России в своей статье «Античный мир в поэзии А.Н. Майкова» (1899), позднее окончательно сформулировав ее в статье «Памяти И.Ф.Анненского» (1911) [36].

В своем двухтомнике «Возрожденцы» (1922) он освещает судьбы людей (Цицерон, Шекспир, Мицкевич и др.), которые «возрождали» в своем творчестве античные идеалы (как и в эпоху Ренессанса). Утверждая взгляд на Ренессанс как эпоху торжествующего индивидуализма, Зелинский отмечает, что ренессансная личность ищет спасения «не в борьбе с интересами массы, а вне ее» [38, с. 34]. Называя Возрождение эпохой пробуждения и освобождения личности, Зелинский утверждает ценность этого временного отрезка перед следующим за ним Просвещением: «Эпоха Просвещения, будучи во многом продолжением и развитием эпохи Возрождения, имеет одну особенность,

которая ее резко отличает от нее; эта особенность – дух пропаганды. Возрождению этот дух совершенно чужд: человек эпохи Возрождения ищет спасения, как мы видели, не в борьбе с массой и ее интересами, а вне массы, в уединении, или в общении с другими личностями, с которыми его связывает дружба; человек эпохи Просвещения, напротив, обращается к массе. Там человек старается выделиться из массы; здесь личность старается подчинить массу себе...» [38, с. 45].

Союз «Третьего Возрождения», идеологом которого явился Зелинский, представлял собой кружок ученых и писателей, функционировавший в 1910-е годы в Петрограде и своей целью ставивший возрождение античных ценностей, которые, как полагал Ф.Ф. Зелинский, были недостаточно «возвращены» в эпоху итальянского Ренессанса. В этот кружок входили такие видные ученые, как Н.М. и М.М. Бахтины, Н. Бердяев, Л.В. Пумпянский, А.К. Топорков (Немов), А. Пиотровский и другие. Важнейшей целью «славянского Возрождения» Зелинский полагал культурное (умственное и нравственное) воспитание человека. Развита впоследствии в работах Вяч. Иванова, идея синтеза античности и славянской культуры, оказалась непроработанной, что привело, как отмечают М.В. Новиков и Т.Б. Перфилова, к тому, что она нашла применение в «усеченном и деформированном виде» в работах Л.В. Пумпянского и А. Пиотровского, пришедших в конце концов к марксизму²⁸⁹.

Зелинский, преподававший в Петроградском университете до 1922 года, скорее всего, не мог быть лектором Алисы Розенбаум, однако будущая писательница посещала класс греческой истории, в рамках которого изучала работы А.И. Тюменева о Древней Греции. История в них рассматривалась диалектически, то есть как единство взаимодополняющих сфер – культуры, политики, экономики, социологии, философии. В рамках курса Алиса

²⁸⁹ Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Ф.Ф. Зелинский и идея славянского Возрождения // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2009. № 3. С. 111.

Розенбаум также могла читать работы Б.В. Фармаковского и Ф.Ф. Зелинского²⁹⁰.

Рэнд полагала эпоху Возрождения ключевой в истории развития западной мысли: в своем эссе «Для нового интеллектуала» (1961) она назовет это время «возрождением человеческого разума» [125, с. 19]. Во введении к трактату «Романтический манифест» она определит Возрождение как переломную эпоху [92, с. 9], а в статье «Левые: старые и новые» (*The left: old and new*, 1970) – как триумф рациональности над мистицизмом – «непродолжительным, неполным, но страстным триумфом, который позволил зародиться науке, индивидуализму и свободе» [85, с. 196]. По воспоминаниям Сильвестра Петро, писателя и профессора юриспруденции, который посещал собрания Рэнд в конце 1950-х и 1960-х гг., она «была готова рассуждать на любую тему, в том числе и об искусстве Ренессанса. Тогда я был большим поклонником Микеланджело, а она обожествляла его... Он обыгрывал героизм точно в таком же плане, как и она сама. Все изваянные и нарисованные им фигуры полны героики, и ей это нравилось. Она не возражала против такого подхода и говорила: “В этом и заключена вся суть искусства – в героизме”... Она видела в них [в Давиде и Моисее – А.Г.] образцы человеческой природы. Не буду утверждать, что цитирую ее, но общая идея была именно такой»²⁹¹.

Общепринятым считается мнение, что на философию Рэнд огромное влияние оказала философия Просвещения. Как отмечает П. Гуревич, философы эпохи Просвещения делали особый акцент только на разуме, что не позволяло им достичь целостности и раскрыть человеческую индивидуальность²⁹². Рэнд отвергает просветительский рационализм, полагая разум неотъемлемым свойством человека, но не деля человека на «существо разумное» и «чувствующее»: «Я отрицаю дихотомию разума и эмоций <...> Такую дихотомию создают иррациональный человек и иррациональная культура» [88,

²⁹⁰ Sciabarra C.M. Ayn Rand. The Russian Radical. Pennsylvania : Pennsylvania State University Press, 2013. P. 371.

²⁹¹ Макконнелл С. Айн Рэнд. Сто голосов. М. : АСТ, 2018. С. 237.

²⁹² Гуревич П. Философия человека : в 2 ч. Ч.2. М. : ИФРАН, 2001. С. 52.

с. 189]. Разум понимается в философии объективизма как неразделимое единство ума и эмоций. Рэнд подчеркивала, что в основании философии объективизма лежит понятие о целостном едином сознании: «Мы должны знать, что есть на свете и какова его природа. Но попытки объяснить “источник” всего – вселенной – сопряжены с противоречием. Куда вы помещаете себя, свой разум, когда пытаетесь найти объяснение? Вы, наблюдатель, – сами часть вселенной» [88, с. 178]. В этих словах заключена ключевая концепция Рэнд: человек не существует отдельно от природы, он – ее часть, а существование каждой из частей нуждается не в объяснении, а в изучении. Таким образом, Рэнд ближе в своем понимании разума к ренессансным гуманистам, нежели к рационалистам эпохи Просвещения.

Рассматривая Просвещение как эпоху, потерявшую ценности ренессансной культуры, Рэнд идет вслед за мыслителями Серебряного века, полагавшими Ренессанс эталоном для возрождения русской культуры. В эссе «Для нового интеллектуала» она обвинит философов девятнадцатого века в том, что они «погасили звезду» Ренессанса [125, с. 23]. Отрицая материализм эпохи Просвещения, Рэнд утверждает порочность рационализма и эмпиризма как источников дихотомий и фрагментации знаний, полагая их опасным предшественником социализма, борьбе с которым она посвятила свою жизнь.

Как верно отмечает В.И. Красиков, в понимании «природы человека Айн Рэнд напоминает великих эгоистов эпохи Возрождения (Пико делла Мирандола, «Речь о достоинстве человека»)…»²⁹³. Помимо итальянца Джованни Пико делла Мирандолы, автора «Речи о достоинстве человека» (*De hominis dignitate*, 1496), величие человека провозглашали такие ренессансные гуманисты, как Джанноццо Манетти («О достоинстве и превосходстве человека», *De dignitate et excellentia hominis*, 1451–1452), Бартоломео Фацио («О превосходстве и исключительности человека», *De excellentia et praestantia hominis*, 1443–1444), Леон Баттиста Альберти («О семье», *Opere Volgari*, 1432–

²⁹³ Красиков В.И. Философы в четырех волнах русской эмиграции в Америке : траектории жизненных судеб // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2009. № 2. С. 86.

1441). Всех этих мыслителей объединяет то, что они воспевают человека как центр мироздания, говорят о его целостности, ценности его достоинства и разума.

Философ И.Я. Грот в работе «Джордано Бруно и пантеизм» (1885) отмечает, что на протяжении всей доренессансной философии существовали и противостояли друг другу две линии мысли – монистическая и дуалистическая. Монизм – полная власть материи, отрицание духовного; естественным следствием монизма будет уничтожение смысла «всякой нравственной борьбы, всякого произвольного самоусовершенствования»²⁹⁴. Дуализм, представляя тело и дух отдельными друг от друга, «ведет логически к теории фатализма и, вследствие этого самого, к апатии и нравственной инертности»²⁹⁵. Доктрина, возникающая в эпоху Возрождения, определяется Гротом как «монодуалистическая» или иначе – пантеистическая. Высшей формой пантеистического мировоззрения философ полагает синтетический пантеизм, который примиряет монизм и дуализм (Бог как начало жизни и как личное бесконечное сознание вселенной). Так, Джаноццо Манетти в своем трактате «О достоинстве и превосходстве человека» рассуждает о духовном и плотском в человеке, закладывая основы реабилитации плотского начала в человеке, которое подавлялось в средневековом мире [52], а Джованни Пико делла Мирандола называет человека «посредником между всеми созданиями», объединяющим материю и дух [58, с. 506].

Рэнд критикует монизм как способ мышления в ранней пьесе «Идеал». Сюжет пьесы строится на противоречии между ценностями героев, которые они декларируют на словах, и поступками, которые они в итоге совершают. Образ Кэй Гонды – метафора честности, которую каждый волен принять или предать, демонстрируя, таким образом, целостность либо дуализм собственной личности.

²⁹⁴ Грот Я. Джордано Бруно и пантеизм. Философский очерк. Одесса : Типография «Одесского Вестника», 1885. С. 23.

²⁹⁵ Грот Я. Указ. соч. С. 22.

Тему дуализма в природе и человеке Рэнд развивает в завязке романа «Атлант расправил плечи». В ней описывается дуб, у которого в детстве любил бывать один из героев романа Эдди Уиллерс: «Оно [дерево – А.Г.] уже простояло здесь не одну сотню лет, и мальчику казалось, что так будет всегда» [67, с. 9]. Олицетворяя для мальчика саму природу, вечную и неизменную, дерево давало ему силу: «Корни дуба впивались в холм, как ухватившая землю пятерня <...> Он чувствовал себя в безопасности возле этого дуба: дерево не могло таить в себе угрозу, оно воплощало величайший, с точки зрения мальчика, символ силы» [Там же]. И в то же время дуб стал для мальчика учителем, показав ему, что и отдельные частицы природы смертны: «Но однажды ночью в дом ударила молния. Эдди увидел дерево на следующее утро. Дуб переломился пополам, и он заглянул внутрь ствола.... Ствол оказался пустым; сердцевина давным-давно сгнила, внутри остался только мелкий серый прах, который уносило дыхание легкого ветерка. Жизнь ушла, а оставленная ею форма не могла существовать самостоятельно» [Там же]. В этом эпизоде утверждается нераздельность формы и содержания и опровергается дуализм всего сущего в природе: как в человеке душа и тело не могут существовать отдельно друг от друга, так и дуб, потеряв целостность, прекратил свое существование. Пройдя через потрясение при столкновении со смертью того, что казалось ему вечным, герой испытал чувство, подобное «невероятному предательству», а причиной этого было ощущение трагического раскола в мире.

В другом эпизоде – встрече Дагни Таггерт и Джона Голта в долине – демонстрируется цельность природы, неразрывно сочетающей в себе мужское и женское начала: «Голт нес ее по узкой извилистой тропе, спускавшейся ко дну долины. На склонах вокруг, неподвижно прямо, в мужественной простоте, будто доведенные до искомой формы скульптуры, стояли высокие темные пирамиды елей – полная противоположность сложному, женственному, многообразному кружеву трепетавших в солнечных лучах березовых листьев» [69, с. 11]. Кроме утверждения гармонии природы, в этом описании можно

заметить сравнение деревьев – воплощения природного начала, с рукотворными скульптурами, чем подчеркивается связь природы и человека.

О конфликте тела и духа говорит главный герой романа «Атлант расправил плечи» Хэнк Риарден. Рассуждая о своем чувстве к Дагни Таггерт, он признает, что испытывал чувство вины из-за навязанного ему извне дуализма тела и сознания: «Это желание – а ведь и его я проклинал как недостойное – родилось не от взгляда на ее тело, а от осознания того, что прекрасная форма, явленная моим глазам, выражает величие духа» [68, с. 272]. Отсутствие целостности Риарден обнаруживает и между материальным и духовным в сфере творения нового металла: «Точно так же они прокляли способность моего интеллекта создавать новый металл, прокляли меня за преобразование материи, служившей мне. Я принял их закон и поверил тому, чему они меня учили: духовные ценности – лишь бессильные устремления, от них не ждут действий, способных стать реальностью...» [68, с. 272].

Трансформируя концепцию целостного человека, зародившуюся в эпоху Ренессанса, Рэнд воспеваает индивидуума, который представляет собой не просто демиурга, но часть природы вокруг себя, причем иерархически высшую ее часть. Если ренессансные гуманисты, обожествляя человека, полагали, что он создан Богом, но будучи подобием Божиим, способен сам изменять себя, то писательница полагает человека слитым с природой, ею сотворенным и способным менять себя и универсум. В завязке романа «Источник» главный герой Говард Рорк стоит на краю утеса абсолютно нагой (что подчеркнуто акцентирует телесность человека, также являясь элементом ренессансной эстетики) и созерцает простирающуюся перед ним природу: «Всплеск гранита взметнулся к небу и застыл над безмятежной водой. Вода казалась недвижимой, утес – плывущим. В нем чувствовалось оцепенение момента, когда один поток сливается с другим – встречным и оба застывают на мгновение, более динамичное, чем само движение» [82, с. 11]. Здесь писательница передает величие природы, в которой все гармонично и взаимосвязано. Бесконечность мира, которым управляет человек-демиург,

воплощена в следующих строках: «Утес уходил в глубину, ничуть не изменившись. Он начинался и заканчивался в небе. Весь мир, казалось, висел в пространстве, словно покачивающийся в пустоте остров, прикрепленный якорем к ногам человека, стоящего на скале» [Там же]. Эпизод передает гармонию универсума, в котором каждое создание самоценно, гармонично взаимодействует с остальными частями, а на вершине стоит человекобог, который, однако, также лишь часть окружающего его бытия: «Лицо его было словно закон природы – неизменный, неумолимый, не ведающий сомнений» [82, с. 12].

В эпоху Возрождения формируется новая система ценностей и пересматривается положение человека в мире. Одним из наиболее ярких принципов ренессансной культуры был индивидуализм. Начав процесс освобождения человека от обусловленности его родословной, Возрождение позволило каждому человеку развиваться самостоятельно и независимо, при этом не гарантируя ему полного равенства с другими, ибо истинный индивидуализм подразумевает конкуренцию. Несмотря на большую свободу от любой жесткой иерархии, закономерно возникающую в эпоху Возрождения, ренессансное общество «сохраняло средневековый иерархический принцип расположения людей, но не на феодальной основе происхождения и не на чисто религиозной основе»²⁹⁶. Имеется в виду иерархия на основе изначально присущих человеку талантов и склонностей и наличия либо отсутствия у человека желания их развивать: «Подобное равенство неизбежно подразумевает неравенство и не противоречит ему»²⁹⁷.

Принцип индивидуализма реализован в повести писательницы «Гимн». В этом произведении Рэнд создает художественный манифест индивидуализма как формы не только жизни, но и мышления. С.И. Шишкина отмечает: «Однако для героя “Гимна” процесс обретения собственного имени становится воистину знаковым явлением, поскольку для него местоимение “я” – вместилище макро-

²⁹⁶ Баткин Л.М. Итальянское Возрождение : Проблемы и люди. М. : РГГУ, 1995. С. 94.

²⁹⁷ Там же.

и микрокосмоса идей, значений, потенциальных возможностей, апофеоз свободы, независимости и значимости»²⁹⁸. В 1941 году Рэнд пишет философский трактат «Манифест индивидуализма» (*The Individualist Manifesto*), в котором комментирует идеи повести [126]. Ход истории, исходя из манифеста, формируется противостоянием двух сил – активности и пассивности, что, как верно отмечает Дж. Бёрнс, напоминает классовую теорию марксизма²⁹⁹. Цивилизация, утверждает Рэнд, развивается только в эпоху активности, индивидуализма и творчества [Там же]. Связь повести с идеями ренессансного гуманизма выражается в понимании мира как дома для человека, включенности человека в природные циклы через наслаждение окружающим миром: «Я есть. Я думаю. Я хочу. Мои руки. Моя душа. Мое небо. Мой лес. Это моя земля <...> Мои глаза видят, и они дарят миру красоту» [76, с. 99].

Ориентация индивида на свое личное «возвышение» – отличительная черта ренессансного гуманизма: «Гуманисты полагали, что божественной природой каждому человеку в принципе дана возможность возвыситься и стать более или менее исключительным, “героическим” благодаря “доблести”. Следовательно, признавалось естественное исходное равенство на пути к превращению в избранных»³⁰⁰. Ф.Ф. Зелинский подчеркивал изначальное неравенство людей, присущее ренессансной философской мысли [38, с. 45]. У Рэнд эта мысль проявится с особой силой в романе «Мы живые» в диалоге Киры Аругоновой и большевика Андрея Таганова. Кира заявляет: «Потому что люди не равны в способностях и нельзя обращаться с ними так, будто они равны» [86, с. 86]. Кира имеет в виду неравенство талантов и способностей, которое присуще с рождения каждому, но не неравенство происхождения. Когда Таганов удивленно спрашивает ее, почему же она не борется с большевиками, она отвечает: «Я не хочу сражаться за людей, я не хочу

²⁹⁸ Шишкина С.Г. Истоки и трансформации жанра литературной антиутопии в XX веке. Иваново : Ивановский гос.хим.-технол.ун-т, 2009. С. 182–183.

²⁹⁹ Burns J. *The Goddess of The Market : Ayn Rand and The American Right*. N.Y. : Oxford University Press, 2009. P. 61.

³⁰⁰ Баткин Л.М. Указ. соч. С. 92.

сражаться против людей. Я не хочу слышать о людях. Я хочу, чтобы меня оставили в покое, я хочу жить» [Там же]. В словах Киры слышится крайний индивидуализм, убеждение, что всякий человек сам ответствен за свою жизнь.

Обратившись к истории главного героя романа «Источник» – Говарда Рорка, мы увидим, что он вовсе не выходец из богатой семьи, не потомственный архитектор (тогда как у его антагониста в романе, Питера Киттинга, богатая семья и связи в обществе), однако именно он становится известным благодаря своему таланту: «Он сам заработал деньги на учебу в школе и на три года института. С самого детства он работал на стройках простым рабочим» [82, с. 23]. Как простой рабочий начинал свою деятельность «стальной король» Хэнк Риарден («Атлант расправил плечи»): «Ему было тогда четырнадцать лет, шел первый день его работы на железном руднике в Миннесоте. Он пытался научиться преодолевать жгучую боль в груди и стоял, ругая себя, потому что заранее решил заставить себя не устать» [67, с. 41]. Дагни Таггерт, вице-президенту железнодорожной компании «Таггерт Трансконтинентал» («Атлант расправил плечи»), руководство компанией досталось «по наследству» от отца. Однако и она начинает свою карьеру простой связисткой на железнодорожной станции. Иерархичность, созданная в художественном мире Рэнд, имеет своей единственной причиной талант, трудолюбие и целеустремленность человека.

Важную роль в антропологической утопии Ренессанса играла архитектура: идеальный город должен был служить целям идеального человека. В эпоху Ренессанса создаются так называемые проекты «идеального города», принадлежащие архитекторам Леону Альберти, Уберто Дечембрио, Леонардо да Винчи и др. «Жизнь людей в таком городе очищена от эмпирического беспорядка и случайностей, возвышена в соответствии со своей идеальной, т.е. подлинной природой»³⁰¹. Роман Рэнд «Мы живые» содержит описание постреволуционного Петрограда, который она называет «монумент силе человеческого духа» [86, с. 242], имея в виду, конечно, его основателя – Петра

³⁰¹ Баткин Л.М. Указ. соч. С. 365.

Великого. Подчеркивая огромное значение личности в строительстве города, писательница отмечает: «Петроград не был рожден, он был создан. Человеческие руки и воля воздвигли его там, где люди не селились испокон веков» [86, с. 239]. Описание родного города писательницы – одна из самых поэтичных страниц ее книг. Каждая строчка тут дышит восхищением: «Петроград нетороплив, но и не ленив; он грациозен и размерен, как и приличествует размаху его огромных улиц. Этот город широко и привольно раскинулся среди болот и хвойных чащоб. Его площади напоминают вымощенные гранитом поля, а ширина его улиц не уступает притокам Невы, величайшей из рек, когда-либо рассекавших великие города» [86, с. 240]. Город уподобляется самой природе; созданный человеком, он гармонично вписывается в окружающее его пространство.

Описание Петрограда наполнено гордостью за величие человеческого духа, который сотворил эту красоту; однако природа, которую человек покорил, не уступает ему своих прав: «Правый берег, тот, что начинается сразу за крепостью, постепенно отвоевывает у города та самая природа, которую он когда-то вытеснил из своих границ; широкий бесконечный Каменноостровский проспект похож на реку, полную предчувствия моря; каждый шаг по нему – шаг навстречу природе» [86, с. 241]. Природа и город сливаются, перетекая одна в другую, знаменуя собой цельность человека как существа социального и природного.

Ренессансные гуманисты воспевали в человеке целеустремленность, трудолюбие, деятельное начало, соединенные в единое целое: «Гуманистическая мысль утверждала не просто самоценность человека – речь шла об активном человеке, о творческом характере его труда, о человеке-творце своего земного бытия»³⁰². Так, Дж. Бруно принадлежит формулировка концепции «героического энтузиазма», согласно которой человек во что бы то ни стало добивается своей цели, преодолевая все препятствия [19].

³⁰² Брагина Л.М. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Идеалы и практика культуры. М. : Изд-во МГУ, 2002. С. 157.

Одной из самых часто цитируемых фраз из романа «Атлант расправил плечи» является следующая: «На мой взгляд, существует единственная форма человеческого падения – потеря цели» [67, с. 190]. Рэнд утверждала, что героем ее романов является «герой», подразумеваемая личность, в которой убеждения находятся в равновесии с мыслями и поступками и который добивается своих целей [89, с. 226]. Так, герой ее пьесы «Идеал» Джонни Дауэс, отдает жизнь за свой идеал, кончая жизнь самоубийством и тем самым спасая Кэй Гонду, предстающую в пьесе метафорой Истины.

В повести «Гимн» писательница создает аллюзию на самого Джордано Бруно. В образе безымянного мученика, казненного на площади города коллективистов, узнается сожжение великого героя эпохи Возрождения: «Мы стояли на площади, и все дети и люди Города, собранные на церемонию сожжения, стояли рядом. Преступника вывели на площадь и подвели к столбу. Ему вырвали язык, чтобы он больше не мог говорить. Он был молод и высок. У него были золотые волосы и глаза голубые, как небо. Он шел на костер, и шаг его был тверд. Из всей толпы на площади, из всех визжавших и вопивших, выкрикивавших проклятия, он был самым счастливым и самым спокойным. Когда его цепями приковали к столбу и пламя лизнуло его тело, он оглядел Город. Тоненькая струйка крови показалась из угла его рта, и губы его улыбались <...> И тогда, стоя на площади, мы подумали, что что-то похожее на Святого было перед нами в огне» [76, с. 36–37]. Сожжение героя трактуется Рэнд с эмоциональной коннотацией величия человека, его героизма, буквально отсылая читателя к образу ренессансного мученика.

Одна из наиболее трагических судеб в творчестве Рэнд, несомненно, принадлежит главной героине ее первого романа «Мы живые», Кире Аргуновой. Девушка настолько поглощена своей целью – покинуть ненавистную ей Советскую Россию, что не останавливается даже перед риском быть убитой на границе, которую она незаконно пересекает. Героиня не боится смерти: «Она понимала, что умирает. Но для нее это больше не имело значения. Она узнала то, что никто из людей не рассказал бы ей» [86, с. 472]. Дерево,

которое, умирая, видит героиня, служит для нее напоминанием о том, что жизнь бесконечна и растворена повсюду в природе: «Непобежденная жизнь существует и будет существовать» [Там же]. Осознавая вечность мира вокруг себя, Кира примиряется с собственной смертью. В этой фразе реализовано «инфинитическое» понимание природы и человека в ней как творца, преобразовывающего природу, а на пороге смерти находящего утешение в вечности мира. Так и юноша – неназванный герой романа «Источник», попав в лес, где строился курорт Монаднок-Велли (проект Говарда Рорка), ощущает вечность всего сущего, которая знаменует собой и вечность человека: «Молодой человек начинал верить, что он не умрет, не должен умереть, если земля может так выглядеть. Никак не должен, ведь он слышал надежду и обещание не в словах, а листьях, стволах деревьев и скалах» [83, с. 137].

Храбрый поступок Киры Аргуновой повторит героиня другого романа Рэнд – Дагни Таггерт («Атлант расправил плечи») в сцене крушения вертолета, за штурвалом которого она находится. Она летит навстречу верной смерти, преследуя самолет, в котором находится человек, работавший над проектом восстановления вечного двигателя. Преодолевая опасность разбиться о скалы, она бесстрашно мчится вниз: «Она думала при этом, что не может бросить бесценное сокровище – мозг Квентина Дэниелса ... Она спускалась в центр горного кольца, окружавшего долину. Полет был опасным – слишком мало места для маневра, но Дагни продолжала спускаться, пытаясь одновременно выполнить две задачи: отыскать дно долины и избежать гранитных скал, которые грозили задеть крылья моноплана» [69, с. 421].

В сцене смерти работника сталелитейного завода «Риарден Стил», Кормилицы, который умирает на руках у хозяина завода («Атлант расправил плечи»), также реализуется принцип «героического энтузиазма». В него стреляют напавшие на завод, чтобы он не смог рассказать правду Риардену о том, что завод разгромили не рабочие, а бандиты из правительства. «Смерть...ничего не значит для химических соединений, но... <...> Но значит для меня... <...> Я хочу жить, мистер Риарден! Господи, как хочу! ... Не

потому что умираю...а потому что понял лишь сегодня вечером, что значит быть по-настоящему живым...» [69, с. 334]. В сцене смерти Кормилицы утверждается преодоление дуализма «тело-разум»: Риарден, неся тело, думал о том, что «то, что он нес, было представлением учителей парня о человеке – набором химических соединений» [69, с. 336]. Отрицая материалистическую парадигму, Рэнд говорит о единстве в человеке природного и социального начал.

Ф.Ф. Зелинский употребляет по отношению к поэтизации человеческого труда в эпоху Возрождения слово «трудорадостность»: «Но замечу это с самого начала, не просто труда, а – прошу разрешить мне это возрожденческое слово – трудорадостности» [35, с. 18]. В эссе «Этика объективизма» (*The Objectivist Ethics*, 1964) Рэнд сформулирует похожее понятие – «добродетель продуктивности»: «Продуктивный труд – это путь неограниченных достижений человека, требующий от него проявления лучших качеств характера: творческих способностей, целеустремленности, уверенности в себе, готовности бороться с любыми неудачами и преданности цели преобразования земли по образу своих ценностей» [97, с. 31].

Созидание «нового мира» для героя-творца романов Рэнд сродни священнодействию. Здание вокзала «Таггерт Трансконтинентал» («Атлант расправил плечи») напоминает Дагни храм: «Глядя вверх, на высокий потолок, она видела неярко освещенные своды, опиравшиеся на огромные гранитные колонны, и верхние абрисы застекленных тьмой окон. Сводь, полные торжественной умиротворенности католического собора, защитным покровом простирались над людской кутерьмой» [67, с. 76]. Храм божий размещается в здании железнодорожного вокзала: это подчеркивает божественность человека-творца и всего того, что он совершает. Говоря о памятнике основателя дороги Натаниэля Таггерта, автор отмечает: «Взгляд, брошенный на него по пути через вестибюль, был единственной известной Дагни разновидностью молитвы» [Там же]. Хэнк Риарден также ассоциирует свой завод с местом для богослужения, когда мать задает ему вопрос: « – И что же такое, этот твой завод – храм что

ли?», он отвечает ей: « – А что...пожалуй, да...», удивляясь, «что такая мысль еще не приходила ему в голову» [67, с. 265].

Другой эпизод, в котором реализован принцип обожествления труда – это побег Дагни на лоно природы после того, как она понимает, что больше не может бороться против надвигающейся диктатуры иррациональности: «Солнечный луч коснулся вершин деревьев на склоне холма, и они засеребрились, отражая голубизну неба. Дагни стояла у двери коттеджа, подставив лицо первым ласковым лучам и любуясь бескрайними лесами, простирившимися у ее ног. Свет, просочившись сквозь ветки, падал на заросли папоротника, которые вновь посылали его вверх яркими фонтанами зеленых лучей. Дагни наслаждалась игрой отражений среди зачарованной дикой природы» [68, с. 321]. Героиня, устав от бурь городской жизни, припадает к природному источнику, черпая в нем энергию для дальнейшей борьбы. В этом ей помогает та самая «трудорадостность»: «Работа приносила желанное успокоение... Просто все преображалось, побуждало двигаться дальше, давая целительное чувство умиротворения» [68, с. 322]. Сравнивая свою работу с природным циклом, писательница говорит о конечном бессмертии всего сущего: «А работа по восстановлению дороги оживляла ее, она не убивала дни, нет, каждый день включал в себя все предыдущие и обретал бессмертие в каждом последующем. Цикл, думала она, это движение, свойственное физической природе» [Там же].

В другом эпизоде из романа «Источник» Доминик Франкон в минуту душевных мучений, когда она понимает, что любит Говарда Рорка, но собирается выйти замуж за Гейла Винанда, также обращается к природе: «Сложив руки под головой, она следила за движением листвы на фоне неба. Это занятие целиком поглощало ее и давало полное удовлетворение. Она думала о том, как чудесна зелень. Есть разница между зеленью деревьев и просто зелеными предметами. В растениях заключен свет, это не просто нечто зеленое, это жизненная сила, ставшая видимой» [83, с. 316–317]. Героиня признается в любви к окружающему ее миру: «Земля прекрасна. Она опора для

всего...» [83, с. 317]. Понимая мир, как «вместилище жизни», она ощущала себя его неотъемлемой частью [83, с. 325].

Необходимая черта человека ренессансного типа – это способность созидать, поэтому важную роль в романе играют научно-фантастические изобретения. Одно из самых известных – риарден-металл, сталь нового образца, вокруг которой разворачивается большая часть перипетий сюжета в романе «Атлант расправил плечи». Одни из самых поэтических строчек текста принадлежат описанию первой плавки риарден-металла: «Прорыв жидкого металла на волю казался подобием наступившего вдруг утра для людей, стоявших у жерла печи. Хлынувший раскаленный добела поток металла светился чистым, солнечным огнем <...> Длинная белая полоса напоминала атлас и празднично блестела. Она покорно текла из глиняного устья между двумя хрупкими берегами. А потом падала на двадцать футов вниз, в ковш, вмещавший две сотни тонн металла» [67, с. 38]. Сравнение творения человеческих рук с образами природы (образы утра и реки отчетливо «читаются» в данном описании) очень органично именно в контексте ренессансного типа мышления, ведь человек в культуре Ренессанса подобен богу, создающему природу, только человек творит окружающее его пространство. Так, Марсилио Фичино, итальянский философ-гуманист, видел в человеке «внутреннего творца», ведь «человеческие искусства творят из себя (*per seipsas*), как и сама природа, словно мы не слуги природы, а соперники»³⁰³.

Благоговение Рэнд перед таким «непоэтичным» процессом, как плавка металла, вполне объяснимо с точки зрения ренессансного мышления, согласно которому шерстоткацкое и шелководельское ремесла «оказываются в перечне рядом с живописью или строительством...»³⁰⁴. Человек в понимании ренессансных гуманистов – это существо, постоянно колеблющееся между Богом и животным: его устремление к божественному должно иметь земной

³⁰³ Баткин А. Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления. М. : Искусство, 1990. С. 41.

³⁰⁴ Там же.

оттенок. Стремление Риардена разработать новый металл – следствие страсти «целостного человека» к «преобразованию земли». Последняя фраза взята из эссе писательницы «Этика объективизма»: человек, говорит она, должен быть предан «цели преобразования земли по образу своих ценностей» [97, с. 31]. По логике ренессансного мышления, *homo universalis* – это человек, создающий вокруг себя разнообразие (*varietas*), ведь природа достается человеку от творца для дальнейшего ее усовершенствования. Эллис Уайэтт, изобретатель особого способа добычи нефти в романе, говорит об этом так: «Расти, расширяться должно все живое. Оно не может застыть. Нужно либо расти, либо сгнуться» [69, с. 32]. Уайэтт указывает на стебель растения, «искореженный непосильной борьбой», но все же стремящийся к солнцу: так и человек должен стремиться все выше и выше, соревнуясь с природой.

Еще одно научно-фантастическое изобретение в романе – это так называемый мотор нового образца (вечный двигатель). Идея вечного двигателя привлекала особое внимание мыслителей Ренессанса. Поскольку, как мы уже отметили, ренессансный тип мышления был насквозь пронизан ощущением единства с окружающим человека мирозданием и стремлением подражать в своем творчестве природе, вечный двигатель был идеальной задачей для изобретателя. Вечное движение пронизывает природу: это течение реки, движения планет, циклы рождения и смерти. Создатель вечного двигателя в этом смысле уподобится творцу природы, что созвучно ренессансной идее об «обоожествлении» человека.

В романе Рэнд вечный двигатель оказывается погребенным среди никому не нужного мусора на пустыре – это все, что осталось от завода «Двадцатый век». И там-то, среди «пакет[ов] из-под попкорна, бутылк[и] из-под виски, журнал[а], издававш[егося] какой-то сектой» [67, с. 363], Дагни Таггерт и обнаруживает свою находку – обломок чужой эпохи. Она говорит Хэнку: «Сначала я заметила катушку, потому что видела похожие чертежи, не точь-в-точь, но что-то подобное... много лет назад, когда еще училась в колледже...старая книга, в ней было написано, что от идеи этой

отказались...отказались давным-давно... В той книге говорилось, что одно время идея эта разрабатывалась, люди потратили годы на эксперименты, но так и не сумели решить задачу и в итоге сдались» [67, с. 364]. Джон Голт, изобретатель вечного двигателя, здесь ассоциируется с Леонардо да Винчи³⁰⁵, который разрабатывал проект вечного двигателя.

В романе идея создания вечного двигателя выступает как особая форма мессианства: «Перед нами величайшая революция в энергетике после изобретения двигателя внутреннего сгорания – нет, нечто большее! Этот двигатель уничтожит остальные – сделает возможным абсолютно все» [67, с. 365]. Дагни описывает последствия внедрения этого изобретения: исчезновение старых способов получения энергии, абсолютное, полное, всеобщее благоденствие: «Этот двигатель мог бы привести в движение всю страну, вдохнуть в нее огонь» [67, с. 366]. Но двигателя, увы, нет – он растащен на куски толпой, не оценившей его возможностей, а ум, способный его создать вновь по обрывкам, «рожда[е]тся раз в столетие» [Там же].

В романе изобретение вечного двигателя является свершившимся фактом: на его основе построена и функционирует электростанция в долине Голта. Само сооружение сравнивается с древним храмом (метафора, нередкая для ее произведений), попасть в которое можно лишь каким-то замысловатым образом. Сначала Джон Голт сообщает, что дверь «не поддается никакой физической силе. Открывается она только мыслью» [69, с. 43]. Затем он говорит: «Но поймите же, наконец, самое главное – и секрет двигателя откроется вам, как и... – голос его впервые прервался ... – как и все другие секреты, которые вы захотите узнать» [Там же]. Что имеет в виду Голт? Он зачитывает девиз разумного эгоизма, начертанный над входом в электростанцию, но зачитывает с особой интонацией, «будто снова давая

³⁰⁵ Рэнд здесь следует интеллектуальной традиции русского Серебряного века, обращавшейся к образу ренессансного гуманиста. Так, К. Бальмонт напишет в стихотворении «Леонардо да Винчи» (1921): «Среди людских, текущих к Бездне рек, / Им предугадан был сверхчеловек» [4, с. 239].

клятву» [Там же]. Затем он резюмирует, что верит в то, что Дагни не произнесет этих слов, пока не вложит в них особого смысла, который вложил Голт. Эта ситуация из романа напоминает легенду о Шамбале, вход в которую сокрыт от глаз посторонних. Конечно, слова Голта о том, что это всего лишь «акустический замок» служат необходимым для научно-фантастического текста объяснением. Ренессанс же был проникнут магией, которая парадоксальным образом совмещалась с великими научными открытиями.

Смысл изобретения Джона Голта – поддерживать жизнь во вселенной. Герои Рэнд подчеркивают, что их открытия дают человечеству бесценный ресурс – время: «Но Дагни понимала и то, что двигатели, заводы и поезда не самоцель, их единственное назначение – дарить человеку радость, и они этому служат. Она не уставала восхищаться достижением человека, породившего новую энергию, представлявшего себе землю местом радости, а не губительного, самоубийственного труда, но знавшего, что разумный труд по достижению этого счастья становится целью, мотивом и смыслом жизни» [69, с. 42]. Функция научно-фантастических изобретений в романе, таким образом, вовсе не ограничивается сюжетной мотивировкой, но служит целям развития человека и его целостности.

В эпоху Возрождения было пересмотрено отношение к деньгам по сравнению со средневековым представлением о богатстве как о грехе. Поджо Браччолини в трактате «О жадности» (*De avarizia*, 1428–1429) признает жажду накопительства естественной для человека и, мало того, – полезной для прогресса: «Если каждый будет довольствоваться необходимым... исчезнет весь блеск городов, исчезнут красота и великолепие, не будут сооружаться храмы и портики, прекратят существование все искусства, да и вся наша жизнь и общественный порядок расстроятся»³⁰⁶. В эссе «Для нового интеллектуала» Рэнд назовет богатство «продуктом способности человека мыслить» [125, с. 88]. Один из героев ее пьесы «Подумай дважды» Гастингс говорит по этому поводу: «Но вот в чем разница: человек, который заявляет, что хочет денег,

³⁰⁶ Цит. по: Брагина Л.М. Указ. соч. С. 159.

прав. Он обычно ценит заработанное. Он не убивает ради денег. Ему это не нужно. Но посмотрите на того, кто истошно вопит, что презирает деньги. Посмотрите внимательно на того, кто вопит, что и остальные должны их презирать. В нем есть кое-что гораздо более страшное, чем любовь к деньгам» [89, с. 197]. Герои Рэнд ценят деньги и умеют их зарабатывать, не считая богатство грехом, если оно заработано своим трудом. Символом Атлантиды – утопической страны, куда писательница отправила своих «атлантов» – является доллар как утверждение ценности человеческого труда. Способность наживать деньги становится еще одной стороной целостности человека как существа одновременно телесного и духовного.

Помимо проекта возрождения ренессансной эстетики, русская философская и культурная мысль рубежа XIX–XX вв. обращается также к масонской утопии. Так же, как и идея «русского ренессанса», масонская утопия в России была связана с концепцией синтетизма, направленной на преодоление дуализма в человеке. Вступая в критику с прогрессистскими идеями Просвещения, интерпретирующими природу человека как одномерного существа, русские масоны следовали логике «мышления в соответствиях», которое понималось ими как взаимосвязь между личностью и миром для обретения человеком «изначального совершенства»³⁰⁷.

Русская литература была тесно связана с масонской традицией: к масонству имели отношение такие русские писатели XVIII–XIX вв., как Н.М. Карамзин, А.Н. Радищев, И.Ф. Богданович, А.С. Пушкин. Выступая в оппозиции к официальной политической власти, они отстаивали принципы свободы человеческой воли и идеал нравственно совершенного целостного человека. Н. Бердяев в работе «Русская идея: основные идеи русской мысли XIX века и начала XX века» (1946) отмечает, что масонство «вырабатывало нравственный идеал личности», особенно подчеркивая противопоставленность русской масонской идеи «деспотизму власти и обскурантизму» [6, с. 28].

³⁰⁷ Халтурин Ю. Эзотеризм и мировоззрение русского масонства XVIII–XIX веков : попытка определения // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 4. С. 99.

Масонские мотивы появляются в одной из первых русских утопий – «Путешествие в землю офирийскую г-на С...., шведского дворянина» (1784) М.М. Щербатова. Н.В. Ковтун отмечает, что одним из источников этой утопии был «зашифрованный масонский текст» «Новая Атлантида» (1626) Ф. Бэкона³⁰⁸. Масонский мотив сооружения Храма царя Соломона из утопии Щербатова перейдет в утопические произведения В. Одоевского, а затем – и в сны Веры Павловны у Н.Г. Чернышевского.

В начале XX века русская культура вновь обращается к масонской утопии. Масонская символика обнаруживается в поэзии М. Волошина, А. Блока, Д. Мережковского, Л. Гумилева. Русские символисты, как отмечает Ковтун, стали наследниками идей Н. Фёдорова, основателя утопии космизма, который в качестве модели заимствует у масонов «Вселенский музей-храм»³⁰⁹. Утопия Фёдорова предвосхищает утопии модерна и соцреализма, повлияв на таких писателей, как М. Горький, А. Богданов, А. Платонов.

Масонский код наиболее явно представлен во втором романе Рэнд, названном ею «Источник». Мотивируя выбор профессии главного героя, писательница отмечает синтетизм архитектуры как вида искусства: «Я выбрала архитектуру, поскольку в ней сочетаются наука и искусство. Она в огромной мере задействует и инженерное дело, и эстетику» [88, с. 221]. В «Романтическом манифесте» Рэнд отметит особый статус архитектуры, а именно – диалектическое соответствие между зданием и этикой: «Архитектор не воссоздает действительность, а создает строение – жилое или иного назначения, – отражающее его ценностную систему» [92, с. 45].

Портретная характеристика главного героя романа «Источник» Говарда Рорка создает о нем впечатление, как о выдающейся личности, выделяющейся из толпы: «Ряды домов...сходились впереди так близко, что ему казалось, будто он может расправить руки и, ухватившись за шпили, раздвинуть дома»

³⁰⁸ Ковтун Н.В. Деревенская проза в зеркале утопии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. С. 35–36.

³⁰⁹ Ковтун Н.В. Указ. соч. С. 56.

[82, с. 114]. Повелитель пространства, он воспринимает мир как его хозяин: «Он смотрел на гранит, которому, думал он, предстоит быть расчлененным и превращенным в стены... Эти горы, думал он, стоят здесь для меня. Они ждут отбойного молотка, динамита и моего голоса, ждут, чтобы их раздробили, взорвали, расколотили и возродили. Они жаждут формы, которую им придадут мои руки» [82, с. 12]. Необходимо отметить, что одним из центральных понятий в масонстве выступает камень. Это «символ бытия, означает прочность, гармонию с самим собой... В масонстве обработка камня строительными инструментами является символом постоянного интеллектуального и морального совершенства. В течение всей своей масонской жизни адепт Братства обязан шлифовать “дикий камень своей души”, стремясь к нравственному совершенству»³¹⁰. Индивидуальная человеческая жизнь в масонстве представлена метафорой камня. Необработанный камень подвергается шлифовке, как и каждая человеческая жизнь, – таким образом человек эволюционирует.

Строительство курорта в Монаднок-Велли, ставшего архитектурной удачей Рорка благодаря его индивидуалистической концепции мира (дома расположены так, будто человек наедине с самим собой на мили вокруг), описывается следующим образом: «Это была новая земля, их собственная. И у них была еще одна защита – архитектор <...> человек, который сделал это возможным, мысль в голове этого человека, и даже не суть его мысли, не результат, не видение... а система его мышления, закон его функционирования... Он стоял на страже над долиной и над воинами-крестоносцами в ней»³¹¹ [83, с. 143]. Масштабы деятельности Рорка сравнимы с творением нового мира. Образ стража появляется в романе не случайно. Имя «Говард» (англ. Howard) восходит к слову «страж» (англ. guardian, ward).

³¹⁰ Карпачев С.П. Масоны. Словарь. Великое искусство каменщиков. М. : АСТ : Олимп, 2008. С. 203.

³¹¹ Происхождение масонства от движения крестоносцев выдвигается в качестве гипотезы многими исследователями масонства. См., например: Спаров В. Полная история масонства в одной книге. М. : АСТ, 2010. 500 с.

Данный образ является мифологическим и олицетворяет собой в масонстве воина со сверхчеловеческими возможностями³¹².

Важным приемом в тексте выступает аналогия здания и человека, которая является не чуждой и масонству. Рорк говорит: «Здание живое, оно как человек. Его целостность в том, чтобы следовать собственной правде, собственной теме и служить собственной и единственной цели. Человек не берет займы свои члены, здание не заимствует части своей сущности» [82, с. 21]. Согласно представлениям масонов, человеческое тело есть микрокосм, в котором разные части симметрично относятся к целому. Связь дома (здания) с человеческим телом в масонской утопии символизирует целостность вселенной. Исследователь масонской традиции М. Холл описывает принципы строительства «дионисийских архитекторов», здания которых были «проповедями в камне». Эти архитекторы верили, что определенная комбинация линий создает определенное состояние у человека, а неверное их сочетание – напротив, разрушает его³¹³. Рорк неоднократно говорит о внутренней гармонии здания, которая современными ему архитекторами совершенно не учитывается: «Он объяснял, почему у такого строения не может быть классического фасада. Он объяснял, почему честное здание, как и честный человек, должно быть самим собой, должно быть единым. Именно это составляет источник жизни, смысл существования любого предмета или существа <...> Он объяснял, что добрым, великим и благородным на земле может быть лишь то, что способствует единству и цельности» [82, с. 224]. Клиенты Рорка сообщают о соответствии спроектированных им домов их внутренней личности. Например, Остин Хэллер так говорит об этом: «Мне казалось, что, когда я перееду в этот дом, у меня начнется совершенно новая жизнь и даже в самых обыденных моих занятиях появится некая честность,

³¹² Карпачев С.П. Указ. соч. С. 413.

³¹³ Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. М. : АСТ–Астрель, 2005. С. 407.

некое достоинство, которое мне трудно определить словами... у меня такое чувство, будто и я сам обязан стать достойным такого жилища» [82, с. 155].

Дом целостный и дом, который лишь производит такое впечатление, но внутренне дисгармоничен, в романе выступают метафорами «человека целостного» и «секонд-хендера», определения которым Рэнд даст в заметках к роману [JAR, с. 82–83]. Примером второго может служить миссис Сэнборн, желавшая, чтобы ее дом «выглядел величественным и старинным, словно всегда принадлежал их семье; конечно, признавала она, люди будут знать, что это не так, но, по крайней мере, он будет таким казаться» [82, с. 191]. Эта же идея получила выражение в другом эпизоде романа – описании ежегодного костюмированного бала искусств, на который «всех архитекторов пригласили прийти в костюмах, изображавших лучшие их творения» [82, с. 369]. Выявление несоответствия архитекторов и макетов зданий, которые они на себя надели, подчеркивает отсутствие целостности в этих людях.

Иронически обыгрывается масонская тема в эпизоде, посвященном книге Эллсворта Тухи, архитектурного критика, которая носит название «Проповедь в камне»: «Книга вышла в неброской темно-синей суперобложке с четкими серебряными буквами и серебряной пирамидой в углу» [82, с. 84]. Пирамида – классический масонский символ, который символизирует преодоление человеком самого себя и стремление к вершине³¹⁴. Тухи отрицает роль индивидуальности в архитектуре, обесценивая личный вклад гения в свое творение. Согласно масонской традиции, архитектура становится проповедью в камне тогда, когда здания гармоничны – тогда они начинают выражать некую идею, возвещая миру истину. Таким образом, название книги – скорее пародия на масонские идеалы, чем их утверждение. Более того, ясно, что сам Тухи издевается над своими же собственными высказываниями, заключая их под обложку с таким названием.

Кульминация масонской утопии в романе «Источник» – строительство Говардом Рорком так называемого храма Стоддарда. Тесно связанная со

³¹⁴ Карпачев С.П. Указ. соч. С. 306.

строительством Соломонова храма в Иерусалиме, идея морального самосовершенствования человека как метафора строительства храма, является центральным понятием в философии масонства. Архитектор – это мастер Хирам, легенда о котором «символизирует дуализм: смерть – рождение, воскрешение убиенного архитектора в душе нового мастера, очищение и возвышение души»³¹⁵. Храм, спроектированный Рорком, посвящен «человеческому духу», что вступает в спор с пониманием храма, сформулированным Элсвортом Тухи. Архитектурный критик заявил на суде над творцом здания, что «храм изначально был сооружением, в котором человек должен испытывать два чувства: благоговейный трепет и смирение... Все это [культовые сооружения прошлого – А.Г.] призвано внушить человеку глубокое чувство собственной незначительности, подавить его одними только размерами, вселить в него тот священный ужас, который ведет к кротости и добродетели» [82, с. 400]. Уничтожение Рорком уже построенного храма выражает в романе конфликт между индивидуалистской и коллективистской установкой в понимании человеческого творения.

Дж. Бёрнс называет в качестве прототипа храма Стоддарда один из проектов американского архитектора Ф.Л. Райта³¹⁶ – «Храм Единства», созданный им для унитарной церкви в 1904–1908 гг. Общей концепцией этого проекта было создание «храма человеческого»³¹⁷. Форма Храма Единства минималистична: он словно «распростерт» по земле, что отвечает концепции Райта, согласно которой Бог – не на небесах, а на земле, среди людей. П. Рейди отмечает, что Рорк, подобно Райту, приспособил здание храма к «человеческим масштабам»³¹⁸. Однако только здания Райта, построенные в стиле «органической архитектуры», не могли стать прообразом храма Стоддарда в

³¹⁵ Карпачев С.П. Указ. соч. С. 450.

³¹⁶ Считается, что основатель направления органической архитектуры Ф.Л. Райт является прототипом Говарда Рорка (подробнее о связях Рэнд с Райтом см. в §1 третьей главы). Райт также проектировал дом для американского миллионера и масона Ч. Энниса, который затем выкупил масон и философ-мистик М.П. Холл.

³¹⁷ Burns J. Op. cit. P. 305.

³¹⁸ Reidy P. Frank Lloyd Wright and Ayn Rand // Atlas Society. 2010. Jul. 7. URL : <https://www.atlassociety.org/post/frank-lloyd-wright-and-ayn-rand> (дата обращения : 14.07.2018).

романе. Идея соответствия здания его функции и его органичной включенности в природный ландшафт, разработанная Райтом, привлекает писательницу именно в связи с ее приверженностью концепции синтетизма, свойственной русской культурной традиции. Образ архитектора, который воплощает собой Райт, скорее отсылает к образу фронтирного героя-пионера, а не к образу мятежного гения-революционера, уничтожающего свое творение ради потребности изменить общество, которым выступает Рорк в романе.

Являясь апофеозом антрополатрии в текстах Рэнд, данное сооружение, помимо всего прочего, отсылает нас к так называемому «храму Соломона»³¹⁹. Строительство храма Соломона связано с легендой о Хираме – ландмаркой³²⁰ масонского движения. Хирам Абиф был послан к царю Соломону царем Тира для строительства храма в Иерусалиме. Данная легенда в 1730 г. была включена в состав масонской символики³²¹. Хирам ассоциировался масонами с мастером, который поделил строителей храма на три категории (Ученик, Подмастерье, Мастер), дав каждому тайное слово, по которому их можно было узнать. Однако трое захотели стать мастерами раньше срока и силой попытались выведать его у Хирама. Хирам отказался – и был убит. Холл отмечает, что «Хирам должен рассматриваться как прототип человечества. На самом деле он является платоновской *идеей* (архетипом) человека. Как Адам после падения символизировал идею человеческой деградации, так и Хирам через свое воскрешение символизировал идею человеческого возрождения»³²².

По сюжету романа Элсворт Тухи, архитектурный критик, уговаривает миллионера Хоптона Стоддарда отдать заказ на строительство задуманного им храма именно Говарду Рорку лишь для того, чтобы затем предать его, очернив в глазах заказчика. «Хоптон Стоддард решил осуществить давнюю мечту <...>:

³¹⁹ В русской утопической литературе Храм масонского образца будет воздвигнут в новом, преобразенном Петербурге. В частности, в утопии А. Улыбышева «Сон» (1845) этот Храм описан как вместилище культа «единого Бога».

³²⁰ Ландмарка (англ. «landmark» – межа) – «заповедь» масонства. «Древность происхождения – самый главный и существенный элемент такой заповеди <...> Другая особенность ландмарки – она неизменна и неотменяема» [Спаров, 2010, с. 109].

³²¹ Карпачев С.П. Указ. соч. С. 449.

³²² Холл М.П. Указ. соч. С. 173.

он решил возвести храм. Не храм какой-то определенной веры, но межконфессиональный, экуменический монумент, посвященный религии вообще, храм веры, открытый для всех» [82, с. 361]. Заказчик в романе представлен в весьма неприглядном свете: как зависимый от чужого мнения человек, религиозный до слепоты: «Он нашел облегчение в религии – это была своего рода взятка» [Там же].

Сходство храма Стоддарда, спроектированного Рорком, с так называемым масонским храмом, заключается уже во внешней форме. Во-первых, храм имеет прямоугольную форму, которая является символом человеческого организма у масонов. Во-вторых, храм «распростерт на поверхности, как руки на уровне плеч, ладонями вниз, в жесте великого молчаливого приятия» [82, с. 383]. Масонский храм также горизонтален по отношению к земле. В-третьих, в храме находится статуя: «В конце зала, примыкавшего к входу, стояла скульптура – нагое человеческое тело» [Там же]. М. Холл отмечает, что первые жрецы (предшественники современных масонов) ставили в святилище статую человека, которая символизировала собой божественную власть³²³.

Моделью для скульптуры в храме Стоддарда послужила Доминик Франкон, тайная возлюбленная Говарда, а скульптором стал еще один непризнанный гений – Стивен Мэллори. Создание будущей скульптуры описывается в тексте как акт восхищения человеком: «Он видел перед собой ее тело, прямое и напряженное; голова была откинута назад, руки она держала ладонями наружу. Та же поза была у нее и раньше, но теперь ее тело ожило, и ожило настолько, что, казалось, трепетало, неся ему весть, которую он все время хотел услышать; гордая, благоговейная, восторженная, она внимала явившемуся ей видению и вся отдалась ему в тот высший миг, после которого образ качнется и распадется. Сейчас же все в ней светилось открывшимся ей миром» [82, с. 384]. Завершенная, скульптура выглядела самодостаточно: «Обнаженное мраморное тело с откинутой назад в порыве страсти головой

³²³ Холл М. Указ. соч. С. 161.

превращало комнату в храм, которого уже не существовало, – храм Стоддарда» [83, с. 38].

Анализируя композицию романа, следует отметить, что она четырехчастная. Каждая из частей названа именем одного из главных героев: Питера Киттинга, Эллсворта Тухи, Гейла Винанда, Говарда Рорка. И только имени Доминик Франкон среди них нет, хотя каждый из героев связан с этой женщиной. Символика статуи обнаженной женщины в храме Стоддарда, моделью для которой была эта героиня, перекликается с символикой Исиды из Саиса, богини, древнейшего принципа плодородия, лицо которой покрыто покрывалом – символом невежества и эмоциональности, стоящими между человеком и Истиной³²⁴. Исида – богиня плодородия, сакральная фигура в мифологии в целом и в масонстве – в частности. Она представляет собой Истину в чистом, первоначальном виде, а также саму материю (мать-природу), ведь «Исида, или Природа, первая материя...была сущностью четырех элементов (жизнь, свет, тепло и сила), чья квинтэссенция порождает все вещи»³²⁵. Исида держит в руках цимбалу – «квадратный металлический предмет <...> Через процесс смерти и распада, через постоянное изменение она дает жизнь различным созданиям. Цимбале придана не треугольная, а квадратная форма для того, чтобы символизировать превращение и возрождение всех вещей через гармонию всех четырех элементов»³²⁶.

Четыре элемента, о которых идет речь, регулярно фигурируют в масонских работах, но они, скорее, имеют общесимволический смысл, источник которого установить довольно трудно. «Четвертичное распределение элементов... соответствует трем состояниям материи и посреднику, который через них переносит трансформации материи, соответствующие идее» [СС, с. 497]. Существует также пятый элемент – эфир («дух», «квинтэссенция», «душа вещей»), который является неким «началом, определяющим силу демиурга»

³²⁴ Холл М.П. Указ. соч. С. 89.

³²⁵ Холл М.П. Указ. соч. С. 95.

³²⁶ Холл М.П. Указ. соч. С. 94–95.

[СС, с. 498]. В словаре масонских терминов мы находим такое определение символики числа «четыре»: «В масонстве символизирует четыре элемента жизни: воздух, воду, землю, огонь. Символ стабильности, прочности, определенности, внешней активности, основательности, тяжелого труда, рациональности»³²⁷. Напомним, что Рэнд считала своим предшественником Аристотеля: «В каком-то смысле есть лишь один философ – Аристотель. Иногда он ошибался – непогрешимых людей не бывает, – но охватил все принципиально важное» [88, с. 177]. А ведь в философской картине мира Аристотеля базовой аксиомой признается существование четырех элементов: тепло, холод, сухость и влага. Он именовал их принципами, которые суть проявления единой первоматерии [3].

Проанализируем заглавие романа – «Источник» (*Fountainhead* в оригинале). Источник – это начало, причина (синонимы в английском: source, origin), или иначе – принцип (лат. principium, др.-греч. αρχή). Слово «источник» встречается в романе в контексте, связанном с феноменом целостности – того, что составляет смысл всего существующего и его причину. Доминик Франкон, будучи последовательно принадлежащей трем мужчинам, каждый из которых представляет собой определенный принцип, выражает собой первомерию. То, что Доминик может воплощать в романе данный принцип, сообщает нам уже ее имя: Доминик – от лат. Dominicus, то есть «принадлежащий Господу». Каждый из героев, будучи связанным с этой женщиной, оказывается вовлеченным в процесс творения: она добывает заказы для первого мужа Питера Киттинга, затем полностью меняет мировоззрение второго мужа Гейла Винанда и, наконец, возводит на пьедестал третьего мужа Говарда Рорка. Как только она покидает каждого из мужчин, от тех отворачивается удача: Киттинг полностью деградирует, Винанд окончательно теряет остатки собственного «Я», а Рорк не может достигнуть славы, пока Доминик не выходит за него замуж. Доминик ассоциируется в этом смысле с образом Веры Павловны из романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?», которую М. Вайскопф определяет как

³²⁷ Карпачев С.П. Указ. соч. С. 462–463.

«очередную ипостась масоно-теософской Софии или Вечной Женственности»³²⁸.

Питер Киттинг, первый муж Доминик, может быть определен как «ложный творец». Имя этого персонажа снова отсылает нас к масонской традиции: «Peter» с др.-греч. – «Πέτρος» («скала, камень»). Его творения несамостоятельны, лишены целостности, полностью являются жалкими подобиями творений своей противоположности – Говарда Рорка («истинного творца»). Второй муж Доминик – Гейл Винанд. Единственной целью этого человека, владельца крупнейшей в США газетной империи, является власть: «Это власть... Единственное, чего я всегда хотел. Знать, что в мире нет человека, которого я бы не смог заставить делать все, что мне угодно. Все, что я пожелаю» [83, с. 129]. Ради этой цели он пошел на сделку с собственной совестью, имея иллюзию того, что он управляет массами, на самом же деле позволяя толпе решать за себя, что он любит и ненавидит, чем восхищается и что презирает, не имея, в конце концов, даже права публично выразить свое мнение. Принцип данного героя можно обозначить как «власть толпы».

Особняком стоит принцип Эллсворта Тухи, загадочной закулисной фигуры. Он не взаимодействует с Доминик Франкон напрямую, однако является зачинщиком различных ситуаций: он уговорил Стоддарда отдать заказ на строительство храма Рорку, а затем предал его остракизму; он подсунул Гейлу Винанду статую Доминик, сведя их таким образом вместе; он заставил Питера Киттинга признаться в том, что тот не является автором большинства своих зданий. Единственный человек, который знает истинную причину действий этого персонажа – Доминик Франкон (и это понятно, она ведь – воплощение принципа «истины» в романе): «Ты ведь танк – оружие очень честное и наивное [речь о Гейле Винанде – А.Г.] <...> Он же [Эллсворт Тухи – А.Г.] – разъедающий, отравляющий газ. Я уверена, что есть тайный ключ к самой сердцевине зла. И Тухи его знает. Не знаю, каков этот ключ, но знаю

³²⁸ Вайскопф М. Птица-тройка и колесница души : Работы 1978–2003 годов. М. : НЛО, 2003. С. 341.

методы и цели Тухи. – Подчинить себе империю Винанда? – Да, подчинить себе прессу как одно из средств достижения цели. – Какой конечной цели? – Подчинить себе весь мир» [83, с. 133]. Итак, принцип Эллсворта Тухи – «тайная власть».

Каждый из трех героев – Питер Киттинг, Гейл Винанд и Эллсворт Тухи – последовательно предают Говарда Рорка, как предали Хирама строители храма Соломона. Питер Киттинг отрекается от него на суде, Гейл Винанд уничтожает его через свою газету, Эллсворт Тухи последовательно делает его карьеру невозможной. Однако в финале романа Рорк торжествует. Через Доминик как принцип Истины Рорк получает самый крупный заказ в своей жизни – на строительство здания Винанда. Газетный магнат так напутствовал архитектора: «Воздвигни его как памятник той духовной силе, которая есть у тебя... и которая могла быть у меня» [83, с. 345]. Это здание обещает стать самым высоким в мире, символизируя собой полную победу человека над окружающим пространством. В образе высотки легко узнается американский небоскреб, который Рорк возводит в качестве нового храма человеческому духу – целостному и непобежденному.

Итак, концепция синтетизма в России на рубеже XIX–XX вв. выражается также в обращении к ренессансной эстетике и масонской утопии, продолжая поиски русских мыслителей в направлении создания «нового человека», главным качеством которого будет целостность. Трагически воспринимая раскол между человеком и миром, а также внутри человека, русская мысль фиксирует кризис гуманизма в человеке и обществе, что приводит писателей и философов к попыткам возродить ценности Ренессанса, а также противопоставить свободу и развитие человеческой индивидуальности, столь ценные в русском масонстве, уже сгущающимся на горизонте тучам тоталитаризма.

Айн Рэнд реконструирует в своих текстах ренессансные и масонские мотивы как «отголоски» своего личного культурного опыта, полученного ею в России. Ренессансная культура привлекает собой ищущих возрождения

величия человека в переломные эпохи человечества, и Рэнд не была исключением, даже находясь в рамках массовой американской культуры. Неизменным для таких реконструкций становится возвращение к лучшим идеям античности, признание человека как существа целостного и свободного. Творчески перерабатывая и переосмысляя философские концепции Возрождения (антропоцентризм, величие человека как существа земного и одновременно божественного, способность к творческому преображению земли), она переносит их на новую «почву» современности.

Прочтение романа «Источник» с точки зрения масонской символики, конечно, не сообщает о прямых и осознанных аллюзиях к масонской философии, как то имело место в текстах М. Щербатова, В.Ф. Одоевского, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого и других русских писателей, но говорит о связи текста с русской утопической традицией, в рамках которой и вырастает художественная система писательницы. Приближение человеческой природы к божественной – это вопрос преодоления себя, постижения своей высшей, пока неоткрытой природы, ставившийся в русской масонской традиции. В романе Рэнд он приобретает современные формы, трансформируясь в успех в избранной профессии, которого достигает главный герой. Таким образом, эзотерическая символика в тексте Рэнд десакрализуется, становясь элементом массовой литературы, но при этом не теряя первоначального смысла.

§4. Травма Октябрьской революции в русской эмигрантской прозе «первой волны» и романах Айн Рэнд. Поиски путей развития России и человека на рубеже XIX–XX вв. обрываются событием, изменившим весь ход российской и мировой истории – Октябрьской революцией 1917 года. Как пишет Г.А. Белая, в России к тому моменту уже была создана «почва»: «Иначе говоря, у русской интеллигенции была установка на революцию, какой бы огонь ни несла она с собою: “губительный” или “очистительный” (А. Блок)»³²⁹. Ощущение кризиса отражено в статьях Вяч. Иванова, А. Блока, А. Белого, Д. Мережковского, которые были наполнены эсхатологическими мотивами

³²⁹ Белая Г. Дон Кихоты революции – опыт побед и поражений. М. : РГГУ, 2004. С. 23.

(несмотря на то, что понимание революции у них порой было противоположным)³³⁰. Главной мыслью всех работ, посвященных предчувствию катастрофы, была констатация глубокого разрыва между различными слоями общества (между интеллигенцией и народом в частности), а также ощущение конфликта личности с «мировой гармонией» в формулировке Н. Бердяева [6, с. 80]. Революция была призвана разрешить это противоречие.

Концепция синтетизма, которая оставалась актуальной для русской литературной и философской мысли на протяжении XIX–начала XX веков, формирует предпосылки для преодоления этих противоречий. Одним из мыслителей, которые будут работать в данном направлении, станет русский философ-интуитивист Н.О. Лосский. Как предполагает К.М. Шабарра, философ преподавал на курсе у Алисы Розенбаум в Петроградском университете и высоко оценил ее как студентку: на экзамене по философии у Лосского она получила высший балл за смелую критику философии Платона³³¹. На самом деле Алиса могла общаться с Лосским, еще обучаясь в женской гимназии М. Стоюниной в Петрограде (М. и Н. Стоюнины были родителями жены Лосского, и он являлся приглашенным преподавателем логики и психологии в старших классах гимназии)³³².

В работе «Мир как органическое целое» (1917) философ высказывает ключевую идею о том, что бытие любого вида связано с системой всего мира как часть мирового целого: «Иными словами, всякий познаваемый предмет и весь познаваемый мир есть целое (или момент целого), в котором можно различать стороны, но не чистая множественность самостоятельных элементов» [44, с. 14]. Выступая против субъект-объектной дихотомии,

³³⁰ См.: Д. Мережковский «Не мир, но меч» (1914), Вяч. Иванов «Революция и народное самоопределение» (1917), А. Белый «Революция и культура» (1917), А. Блок «Интеллигенция и революция» (1918).

³³¹ Sciabarra C.M. Ayn Rand. The Russian Radical. Pennsylvania : Pennsylvania State University Press, 2013. P. 79.

³³² Sciabarra C.M. The Rand Transcript // The Journal of Ayn Rand Studies. 1999. No.1 (Fall 1999). P. 5.

Лосский формулирует идею «органической демократии», осмысляя произошедшее в России в 1917 году. Рэнд трансформирует эту концепцию в соответствии с методом, названным ею «the art of context-keeping», то есть «искусство сохранения контекста», способность одновременно связывать несколько разнородных понятий. Человек, по мнению Рэнд, взаимодействует с социумом не по вертикали, но по горизонтали через три уровня («ощущение жизни», «культура», «политика») ³³³.

Статьи Лосского о судьбе России и мира, написанные в разное время в России и США ³³⁴, свидетельствуют об общем ходе мысли учителя и ученика. Лосский и Рэнд оба критиковали коммунистический строй в Советском Союзе, полагая его сосредоточением частной собственности в руках кучки людей, однако расходились в понимании капитализма: первый считал его временным явлением на пути к «органической демократии», а вторая полагала капитализм единственной разумной и моральной экономической системой, выступая как «заземляющий» фактор для США, охваченных в некоторые периоды времени увлечением социализмом «по советскому типу». Лосский и Рэнд одинаково пришли к пониманию деградации антропологической модели, которая сложилась в России в результате событий Октября. Лосский пишет об «упадке личного, индивидуального бытия человека», о «тенденции деперсонализации человека» в России и США, полагая таковыми как коммунизм, так и индустриализм [42, с. 246–247]. На первый взгляд кажется, что Рэнд выступает оппонентом Лосского, защищая капитализм и индивидуализм, однако она также подчеркивает несоответствие научно-технического и духовного развития общества, их рассогласованность, называя ее главной причиной интеллектуального кризиса в США [125, с. 8–9].

³³³ Sciabarra C.M. Ayn Rand. The Russian Radical. Pennsylvania : Pennsylvania State University Press, 2013. P. 277–279.

³³⁴ «Коммунизм и философское мировоззрение» (1923), «Органическое строение общества и демократия» (1925), «Индустриализм, коммунизм и утрата личности» (1936), «Философия и психология в СССР» (1939), «Какой идеал противопоставить коммунизму?» (1954), «О возникновении русской революции и смысле ее» (1955) и т.д.

И Рэнд, и Лосский в конце концов эмигрировали: Лосский – в 1922 году в Европу, Рэнд в 1926 году – в США. Будучи современницей как Февральской, так и Октябрьской революции, Рэнд, безусловно, может считаться их *моральным свидетелем* (в терминологии А. Ассман)³³⁵. Октябрьский перелом стал для Алисы Розенбаум важнейшим историческим событием, повлиявшим на всю ее последующую жизнь. По свидетельству Б. Бранден, маленькая Алиса восприняла Февральскую революцию с чувством восхищения. Она «романтизировала» революцию, что было неудивительно для ребенка ее интеллекта (на момент революции писательнице исполнилось двенадцать лет), которая казалась ей борьбой за свободу и индивидуализм³³⁶. Александр Керенский, лидер Февральской буржуазно-демократической революции, как уже отмечалось, стал для юной Алисы «иконой»³³⁷.

Главные выводы, которые сделала будущая писательница после событий Февральской и Октябрьской революций – это осознание ценности свободы для человека и признание зла коммунистического режима. Национализация имущества семьи Розенбаумов после Октябрьской революции стала потрясением для Алисы. Рэнд будет вспоминать позднее, что именно тогда она впервые осознала «основной принцип коммунизма», который заключался в тотальной несправедливости³³⁸. Современниками Рэнд отмечалась ее патологическая неприязнь к коммунизму. Так, Ферн Браун, кузина Рэнд, вспоминала: «Она ненавидела, ненавидела и ненавидела большевиков и всегда пользовалась этим словом. Она считала их худшими людьми на земле. Это они разрушили всю ее прежнюю благополучную жизнь, которую прежде вела ее семья. В этом она была непреклонна. Красных она по-настоящему ненавидела.

³³⁵ Моральный свидетель сочетает в себе роли жертвы и очевидца: «он становится свидетелем не погибнув, а выжив» [Ассман, 2014, с. 54].

³³⁶ Branden B. *The Passion of Ayn Rand*. NY. : Doubleday, 1986. P. 19.

³³⁷ Реальная встреча Рэнд и Керенского, случившаяся уже в 1945 году в Нью-Йорке, разочаровала писательницу [Branden, 1986, с. 20].

³³⁸ Branden B. *Op. cit.* P. 21.

И все время говорила об этом. Называла их убийцами, грабителями, ворами и так далее. Она ненавидела коммунизм»³³⁹.

С 1918 по 1921 гг. семья Розенбаумов проживала за пределами России³⁴⁰. По мнению Л. Никифоровой и М. Кизилова, именно крымский период, период «изгнания», оказал огромное влияние на становление Алисы Розенбаум. С этим трудно не согласиться, ведь писательница получила там главную «прививку» против социализма, столкнувшись лицом к лицу с несправедливостью большевистской власти: «Именно в Евпатории, во второй раз наблюдая национализацию и экспроприацию имущества, которую она отождествляла с учением альтруизма, будущая писательница сформулировала свою концепцию индивидуализма и систему жизненных ценностей»³⁴¹.

В целом, следует выделить *два основных этапа* осмысления Рэнд своего «Я» как эмигранта: так называемый «русский роман» «Мы живые» (1936) и «американские романы» «Источник» (1943) и (в большей степени) «Атлант расправил плечи» (1957). Свой первый роман «Мы живые» писательница посвятила описанию послереволюционного Петрограда. Ему предшествует киносценарий «Красная пешка» (*Red Pawn*, 1930). Оба произведения имеют схожий сюжет, однако в киносценарии действие происходит в тюрьме. В романе же, как метко отмечает Р. Меррил, вся Россия представлена как тюрьма³⁴². В обоих текстах воссоздается схожий тип героини, которая противостоит коммунистической диктатуре, в художественной форме воплощая основной принцип объективизма, гласящий, что человек не может быть разрушен какой-то системой, а сам строит свою жизнь даже в условиях тоталитарного режима³⁴³.

³³⁹ Макконнелл С. Айн Рэнд. Сто голосов. М. : АСТ, 2018. С. 49.

³⁴⁰ В ноябре-декабре 1918 года – в Одессе, с декабря 1918 года-января 1919 года по июль 1921 года – в Евпатории.

³⁴¹ Никифорова Л.Л., Кизилов М.Б. Айн Рэнд. М. : Молодая гвардия, 2020. С. 116.

³⁴² Merrill E.R. The ideas of Ayn Rand. Chicago : Carus Publishing Company, 1991. P. 30.

³⁴³ Подробнее об этом см.: Trammel J. *Red Pawn* : Ayn Rand's Other Story of Soviet Russia // Essays on Ayn Rand's *We The Living* / ed. by R. Mayhew. N.Y. : Lexington Books, 2012. Pp. 279–298.

Автобиографические схождения между автором и ее героиней Кирой Аргуновой неоднократно отмечались исследователями. С. Макконнелл, например, называет Рэнд и Киру Аргунову «духовными близнецами»³⁴⁴. Обе ненавидели коммунизм, стремились покинуть Россию. Их общей формой эскапизма было голливудское кино, из которого и Рэнд, и ее героиня почерпнули материал для создания своей идеальной страны, образ которой обе проецировали на Соединенные Штаты Америки.

Работа над первым романом «Мы живые» имела для Рэнд «важное личностно-психологическое значение»³⁴⁵. «Русский» опыт писательницы постоянно напоминал о себе: ей снились кошмары о той поре ее жизни. «“Мы живые” выкинули Россию из моей головы”, – сказала она. – “К тому моменту, как книга была завершена, вопрос с Россией был для меня закрыт”»³⁴⁶. Воссоздавая один из самых трагических моментов русской истории, Октябрьскую революцию, она брала на себя большую ответственность, ведь на западе в те годы была сформирована идеалистическая картина Советского Союза³⁴⁷: «Пожалуй, сложно найти более неподходящее время для создания этого произведения. В 1930-е годы политические элиты Америки, люди искусства, ученые и литераторы, разочарованные финансовым кризисом, испытывали глубокие симпатии к Советскому Союзу. Американское десятилетие с 1930 по 1940 год даже принято называть “Красной декадой” – так сильны были просоветские и прокоммунистические настроения»³⁴⁸.

Нужно заметить, что мало какой роман о жизни в России после Октябрьской революции, написанный эмигрантом, вызвал столько жарких споров. Многие американские критики (в частности, газеты *Cincinnati Times-Star*, *The Nation* и др.) написали, что Рэнд преувеличивает картины запустения,

³⁴⁴ McConnell S. *Parallel Lives : Models and Inspirations for Characters in We The Living // The Essays on Ayn Rand's We The Living / ed. by R. Mayhew. N.Y. : Lexington Books, 2012. P. 46.*

³⁴⁵ Branden B. *Op. cit.* P. 113.

³⁴⁶ Там же.

³⁴⁷ Большую роль в этом сыграл, например, Теодор Драйзер, написавший после поездки в Россию книгу «Драйзер смотрит на Россию» (*Dreiser Looks At Russia*, 1928) и параллельно – другую, с говорящим названием «Трагическая Америка» (*Tragic America*, 1931).

³⁴⁸ Никифорова Л.Л., Кизилев М.Б. Указ. соч. С. 184.

смерти, нищеты на страницах своего романа.³⁴⁹ Однако сама писательница настаивала, что цель романа – не столько критика советской власти, а показ последствий подавления личности государством: «“Мы живые” – это не история о Советской России 1925 года. Это история о диктатуре, любой диктатуре, будь то Советская Россия, нацистская Германия или – это то, что роман помог предотвратить – социалистическая Америка»³⁵⁰.

Однако социализм как более знакомая Рэнд система подавления человека и стала предметом изображения в романе. В статье «Строители монументов» (1962) она дает определение социализму: «Важнейшая характеристика социализма – отрицание права на частную собственность; в социалистическом обществе право на собственность (то есть право использовать и распоряжаться ею) отдано “обществу в целом”, то есть коллективу; производство и распределение продукции контролируется государством, то есть правительством» [94, с. 111]. Мотив, который движет всеми идеологами этатизма, по мнению Рэнд, – жажда власти. А возвыситься над толпой и возвести свою «пирамиду» можно только одним способом – отобрав у человека свободу воли и обесценив тем самым его жизнь. Поэтому основной конфликт, который переживают герои романа «Мы живые» – даже не между государством и человеком, а внутренний конфликт между правом *думать и не думать*. Л. Пейкофф описывает три альтернативы, которые ожидают индивида при таком конфликте: попытаться покинуть страну (как Кира Аргунова), покончить жизнь самоубийством (как Андрей Таганов) и приспособиться к системе, «притупляя рассудок развратом, наркотиками, алкоголем и их эквивалентами» (как Лео Коваленский)³⁵¹. Каждый из героев романа делает свой выбор, переживая личную трагедию. Кира теряет место в техникуме, а вместе с ним – и мечту стать инженером. Лео медленно скатывается в цинизм, хороня в себе остатки

³⁴⁹ Подробнее об этом см.: Burns J. The Goddess of The Market : Ayn Rand and The American Right. N.Y. : Oxford University Press, 2009. P. 36.

³⁵⁰ Heller A.C. Ayn Rand and The World She Made. N.Y. : Nan. A Talese/Doubleday, 2009. P. 91.

³⁵¹ Пейкофф Л. Объективизм : философия Айн Рэнд. М. : Астрель : Полиграфиздат, 2012. С. 385.

человека после тщетных попыток вырваться из страны. Андрей вынужден скрывать свои отношения с Кирой из-за ее «непролетарского» происхождения. Сестра Киры, Ира, уходит в религию, не в силах вынести окружающую ее реальность.

Опыт любой революции, безусловно, является травмогенным. Как объясняет социолог П. Штомпка, это происходит из-за того, что революция нарушает привычный уклад жизни индивида (ситуацию экзистенциальной безопасности), стремительно и неотвратно разрушая ценности, нормы, устои общества и создавая разрыв между привычным и новым³⁵². На парадоксальность восприятия травматического опыта Октябрьской революции указывает И. Калинин, подчеркивая, что опыт революции одинаково травматичен как для тех, кто ее «делал», так и для тех, кто ей сопротивлялся. Те, кто воспринял революцию как «разрушительную и деструктивную силу, отнявшую у них прежний порядок и идентичность», попытались смягчить утрату, сохранив даже в эмиграции национальную идентичность, оберегая «ядро идентичности» (культуру, язык, традиции)³⁵³. При этом, как он отмечает, для концептуализации травматического опыта могут быть использованы различные культурные модели. Но, как правило, русские эмигранты стремились сохранить прежнюю идентичность в новых условиях, что достигалось при помощи воспроизведения культурной традиции на новой почве³⁵⁴.

Хронологически Рэнд следует отнести к «первой волне» русской эмиграции (1918–1940), куда традиционно включают таких писателей, как И. Бунин, Д. Мережковский, В. Набоков, И. Шмелев, М. Алданов, Г. Газданов и др. Всех этих писателей объединяет задача осмысления трагического для человечества опыта социалистической революции в России. Что касается оснований для типологии прозы русских писателей-эмигрантов «первой

³⁵² Штомпка П. Социология социальных изменений. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 367.

³⁵³ Калинин И. Историчность травматического опыта : рутина, революция, репрезентация // Новое литературное обозрение. 2013. № 124. С. 20.

³⁵⁴ Калинин И. Указ. соч. С. 21.

волны», то ими могут считаться «различные формально-содержательные аспекты структуры художественного текста: мотивная система и стилевые особенности произведений, их проблемно-тематический уровень, мировоззренческая позиция авторов, особенности творческой индивидуальности»³⁵⁵.

При этом имя Рэнд до сих пор не звучит в контексте русских писателей-эмигрантов, так как она приняла американское гражданство и не разделяла «дореволюционных» ценностей, проповедуя индивидуализм в рамках новой концепции капитализма в США. Но созданная в ее текстах антропологическая утопия служит свидетельством того, что она наследует русской культурной традиции синтетизма, идущей от «шестидесятников» и писателей Серебряного века, и это говорит о необходимости рассматривать ее творчество как реакцию на травму событий рубежа XIX–XX веков в России.

Формирование эмигрантской прозы «первой волны» шло в двух основных направлениях, которые в целом можно считать разной реакцией на опыт Октябрьской революции. Первая группа писателей (старшее поколение) идеализировала ценности «старой» России, прорабатывая травматический опыт эмиграции через конструирование прошлого в художественных текстах (И. Бунин, И. Шмелев, А. Ремизов, Д. Мережковский и др.). Вторая группа (младшее поколение) в большей степени адаптировалась к западным реалиям, отказавшись от реконструкции дореволюционных ценностей (В. Набоков, Г. Газданов, Б. Поплавский, Д. Кнут и др.). Обе группы, однако, в равной степени объединены ощущением травматичности ситуации, повлекшей за собой эмиграцию. Человек, оказавшийся в эмиграции, сталкивается со множеством проблем психологического характера, что вызывает потребность выразить данный опыт в слове. Доминантой такого опыта становится кризисное мироощущение.

³⁵⁵ Строганова И.А. Проза писателей эмигрантов первой волны : принципы типологии // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия Филологические науки. 2013. № 3. С. 63.

Писатели-эмигранты, которые так же, как и Рэнд, покинули страну после революции, рассматривали ее как катастрофу, разрушившую жизнь человека. Наиболее близкими к роману «Мы живые» в плане художественной образности оказываются, на наш взгляд, романы двух писателей «первой волны» эмиграции – М. Алданова (Ландау) и И. Шмелева. Основанием для отбора текстов служит тот факт, что, во-первых, они хронологически принадлежат к так называемой «первой волне» русской эмиграции (1918–1940), во-вторых, – все три писателя положительно восприняли Февральскую революцию, но не приняли Октябрьскую. Кроме того, научно значимым представляется факт сопоставления романа Рэнд с текстами писателей-эмигрантов разных поколений. Шмелев, как уже отмечалось, относится к старшему поколению, реконструирующему традиционные ценности. Алданова же, как отмечает Г.П. Струве, «не совсем правильно причислять к писателям старшего поколения. Но, с другой стороны, нельзя его отнести к тому молодому поколению эмигрантских писателей, годы рождения которого падают под конец девяностых годов и на начало нынешнего столетия»³⁵⁶. Тем не менее, поэтика текстов Алданова явно тяготеет к поэтике произведений младшего поколения, отказавшегося от идеализации дореволюционной России.

А.С. Поршнева отмечает, что главной проблемой эмигрантского романа следует считать проблему самоопределения героя-эмигранта (который часто является альтер-эго самого автора-эмигранта), которая тесно связана со стремлением «героя покинуть мир мертвых и стать живым, т.е. не-эмигрантом»³⁵⁷, что и обуславливает основную оппозицию такого текста – «живое – мертвое». При этом герой (вслед за автором) находится в ситуации выбора своего отношения к родине, которую он покидает, а новое место жительства оказывается вторичным: важно лишь то, в какой форме тот или

³⁵⁶ Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Париж : YMCA-Press; М. : Русский путь, 1996. С. 87.

³⁵⁷ Поршнева А.С. Мир эмиграции в немецком эмигрантском романе 1930–1970-х годов (Э.М. Ремарк, Л. Фейхтвангер, К. Манн) : монография. Екб. : Изд-во УМЦ УПИ, 2014. С. 285.

иной автор рефлектирует свой травматический опыт. Рэнд эмигрирует в США, и проблема сохранения собственной идентичности, казалось бы, стоит перед ней менее остро, чем перед писателями, эмигрировавшими в Европу. Это обстоятельство связано со спецификой американской культуры, склонной поглощать иные культуры. Однако следует учитывать такой фактор, как особенности художественного воплощения опыта эмиграции. В этом смысле, например, В. Набоков, эмигрировавший, как и Рэнд, в США, не может быть поставлен с ней в один смысловой ряд по нескольким причинам. Во-первых, из-за отсутствия схожего травматического опыта в биографии писателя, семья которого практически сразу после Октябрьской революции уезжает в Германию. Во-вторых, Набоков получает образование в Европе, заканчивая Кембриджский университет (тогда как Рэнд свое единственное образование получила в СССР, что предопределило ее формирование как мыслителя). В-третьих, поэтика текстов Набокова, являющихся образцами модернистской и постмодернистской техники, не может считаться релевантной поэтике текстов Рэнд³⁵⁸.

Ни М. Алданов, ни И. Шмелев, ни Айн Рэнд в Россию не вернулись. Однако причины для этого у них были разные. Если Алданов и Шмелев надеялись, что приход большевиков к власти – это временное явление и вскоре последует возврат к прежнему укладу жизни, то Рэнд, как считается, отрицала как дореволюционные, так послереволюционные ценности России. Основной причиной этого было неприятие ею коллективизма. По всей видимости, писательница отождествляла понятия «коллективизм» и «соборность» и рассматривала социализм как прямое следствие традиционно общинного уклада в России. Именно поэтому она станет критиковать И. Солженицына, называя его тоталитаристом, выступающим за «диктатуру под властью русской

³⁵⁸ Об этом коренном различии поэтики двух писателей и роли фигуры Н.Г. Чернышевского в этом расхождении подробнее см.: Johnson D.B. *Strange Bedfellows : Ayn Rand and Vladimir Nabokov* // *The Journal of Ayn Rand Studies*. 2000. Vol. 2., No.1. Pp. 47–67.

церкви»: «Хочет, чтобы русская религия, греческое ортодоксальное православие, стало заменой марксизма» [88, с. 83].

Как мы уже сказали, в основе неприятия Рэнд революции лежала ее собственная семейная драма – как и в основе неприятия революции другими писателями-эмигрантами. Безусловно, в России писательница не смогла бы реализовать и части своего таланта: родители Алисы беспокоилась, что она закончит свою жизнь в советской тюрьме, поэтому всеми силами стремились выслать ее из страны. Неприятие Алдановым революции тоже имеет причиной детские впечатления. Как и Рэнд, он родился в еврейской зажиточной семье, однако свою любовь к России писатель пронес через все творчество: «Душой Алданов навсегда остался в России»³⁵⁹. В отличие от Алданова и Рэнд, Шмелев был уже зрелым человеком, когда настал 1917 год. Октябрьскую революцию он расценил с позиций христианства – как нарушение норм нравственности. С революцией была связана глубокая рана в жизни писателя: его сын был убит большевиками.

Что касается понимания революции как историософского феномена, то у М. Алданова и Айн Рэнд оно принципиально разное. Первый формулирует «философию случая»³⁶⁰, вторая же отрицает роль случая в истории и эффективность социализма как такового. Но романы обоих посвящены жизни «лишенцев» – людей, которые еще вчера составляли цвет русской жизни – предпринимателей, ученых, интеллигенции. Время действия романа Рэнд охватывает послереволюционный период (первые десятилетия после Октябрьской революции, а именно – 1922–1925 годы), второй роман Алданова из его трилогии «Ключ. Бегство. Пещера», 1929–1932 («Бегство») также посвящен этому периоду и написан практически одновременно с романом Рэнд – в 1930 году. Его роман «Самоубийство» (1956) охватывает широкую

³⁵⁹ Чернышев А. Гуманист, не веривший в прогресс : предисловие к 6-ти томному изданию сочинений М. Алданова // М.А. Алданов. Собрание сочинений : в 6 т. Т.6. М. : Новости, 1996. С. 5.

³⁶⁰ Эту концепцию Алданов подробно изложил в книге «Ульмская ночь. Философия случая» (1953).

панораму событий – от II съезда РДСП в 1903 году до смерти В.И. Ленина в 1924 году. Схожа и рецепция текстов обоих авторов. Так, роман «Мы живые» был воспринят в США как пасквиль на Советскую Россию, а в России вообще не издавался вплоть до 1990-х (первая публикация на русском языке – 1993 год). Романы Алданова русскому читателю также были неизвестны до этого же времени (первая публикация романа «Самоубийство» в России состоялась в 1991 году). Таким образом, рецепция обоих авторов на своей исторической Родине была достаточно запоздалой.

Интерпретация причин революции у писателей отражает их взгляд на природу человека. Так, в романе «Мы живые», когда «лишенец» Лео Коваленский приходит искать работу, он получает ответ «пролетария»: «До революции я был безработным, а вы, буржуи, пожалели меня? Вот теперь вы сами можете на своей шкуре испытать, что это такое» [86, с. 166]. Героиня романа «Самоубийство», Людмила, которая в первой половине текста сочувствует большевикам, так формулирует цель социалистов: «Создать такие общественные условия, при которых никому не надо будет продаваться» [2, с. 101]. Неравенство, логически существующее при дореволюционном строе, вызывает у нее только раздражение. Герой другого романа Алданова Браун («Бегство») отмечает по этому поводу: «Оказалось, достаточно сказать низам: “вы будете жить еще много хуже, чем жили прежде, но зато те, которые прежде жили хорошо, будут гораздо несчастнее вас” – чтобы привлечь низы на свою сторону» [1, с. 245] В основе русской революции, по мнению обоих писателей, лежит банальная зависть к тем, кто оказался более талантливым и трудолюбивым.

Из этого следует и отношение обоих писателей к предпринимателям как к людям-творцам. Рэнд считала бизнесменов «символом свободного общества», защищая их права в своих «американских романах» и публицистике. Герой романа Рэнд «Атлант расправил плечи» Хэнк Риарден сетует: если бы он знал себе цену, то им бы не воспользовались в своих целях паразитирующие на предпринимателях бездельники [68, с. 267–269] (Рэнд здесь метафорически

воссоздает события Октябрьской революции, спроецированные на Америку). Предприниматели, спонсировавшие революцию в романе Алданова, осознали, что ими использовали те, кого они снабжали деньгами для совершения революции. Уже после революции Татьяна Михайловна Ласточкина, героиня романа «Самоубийство», «растерянно подумает»: «Как же мы не замечали, что нас так ненавидят!» [2, с. 377]. Россия начала XX века в целом описана в романе как становящаяся капиталистическая страна, которая сравнивается с Америкой. Ласточкин уважительно отзывается о предпринимателях: «Пора перестать судить о них по пьесам Островского или Сумбатова <...> Между ними есть истинно культурные люди» [2, с. 34].

В свою очередь, идеологи революции представлены в текстах писателей в весьма неприглядном свете. В романе Рэнд «Атлант расправил плечи» большевики метафорически соотнесены с «паразитами», которые пользуются трудом творцов. Так, сталелитейный магнат Риарден, являясь благотворителем организации «Друзья Глобального Прогресса», сталкивается с их лицемерием, когда они просят не указывать его имя на чеке, так как люди считают его «самым черным ретроградом» [67, с. 56]. Лицемерие идеологов революции и их презрение к тем, кто дает им деньги, демонстрируется в эпизоде из романа Алданова «Бегство», в котором большевичка Карова задает вопрос «важному партийному деятелю» о том, стоит ли ей прекратить принимать у своего отца («буржуя») материальную помощь: « – Да это безумие! – воскликнул важный партийный деятель. – Вы, напротив, должны в максимальной степени выпотрошить папашу» [1, с. 255].

Сторонники большевиков показаны в романе Рэнд как люди, которые не умеют самостоятельно мыслить. Такой типаж представлен у нее в образе товарища Сони, которая беспрекословно выполняет все указания партии. Героиня романа Алданова «Бегство», Ксения Карова, живущая в мороке социалистической утопии и не замечающая всех противоречий, в ней заложенных, – типичный представитель своего лагеря: «Размышлять ей, в сущности, было не о чем: за Карову, как почти за всех ее партийных

товарищей, неизменно размышляла двадцатилетняя груда брошюр» [1, с. 380]. Образы социалистов у обоих авторов проникнуты сатирическим началом: подчеркиваются лицемерие и хищность такого типа героев.

В романах Алданова и Рэнд есть схожий эпизод с трамваем. Кира Аргунова («Мы живые») заскакивает в заполненный до отказа трамвай, боясь опоздать на работу: «Теперь придется полчаса ждать другого, а это значит, что она опоздает, а если она опоздает, ее уволят. Она бросилась вслед ускользающему трамваю, подпрыгнула и ухватилась за медную ручку, но на ступеньках не было места, и ее ноги так и волочились по замерзшей земле. Чья-то сильная рука схватила ее за воротник пальто и втащила в вагон <...> – Ты что – ненормальная? Вот так и гибнут люди!» [86, с. 192]. Ласточкины («Самоубийство») оказались лишены автомобиля и в своем достаточно преклонном возрасте были вынуждены ездить в трамвае. Дмитрий Анатольевич выпал из переполненного трамвая прямо на рельсы. В результате герой потерял обе ноги, что и послужило причиной того, что он окончательно решается на самоубийство [2, с. 395–396]. В этих двух эпизодах выражено отношение авторов к социализму как к системе, которая обесценила человеческую жизнь.

Значимость частной собственности художественно демонстрируется в романе Рэнд в эпизоде переезда Аргуновых. Вернувшись в свой бывший особняк, чтобы забрать мебель, герои с грустью отметили, что вещи, которые они заботливо выбирали для обустройства дома, в новой реальности оказались никому не нужны: «Галина Петровна бросила грустный взгляд на свое старое венецианское зеркало, на ониксовой подставке которого теперь стояло ведро с краской, и, ничего не сказав, пошла вниз, в каретный сарай на заднем дворе» [86, с. 47]. Когда в финале романа в дом Ласточкиных («Самоубийство»), заработанный на их кровные, вселят чужих людей, им останется только утешать себя тем, что жильцы «не развели клопов, не подслушивали, не подглядывали, не ругались, не следили за каждым движеньем “буржуев”» [2, с. 389]. Другой герой Алданова, Фомин («Бегство»), сбежав от революции на Украину, размышляет, что настоящим счастьем, оказывается, были «милая,

красивая, добрая жена, дети, свой сад, свои лошади, своя наливка, свое варенье, все то, над чем мы так глупо смеялись сто лет... Нужна была война и революция для того, чтобы мы оценили прелесть чая в своем саду, собственного варенья, легавой собаки, винта со столетними прибаутками...» [1, с. 289]. В романах обоих авторов отражена ценность индивидуализма и личной свободы человека.

Человек в романах Айн Рэнд, М. Алданова и И. Шмелева гибнет как физически, так и духовно. В романе Рэнд тема смерти становится основой для противопоставления героев – «живых» и «мертвых». Коммунисты Виктор Аргунов и Андрей Таганов – два образа-антипода. Виктор умирает как человек при жизни, обрекая жениха своей сестры Ирины (а вместе с тем, и ее саму) на верную гибель и произнося при этом расхожую советскую фразу «наш общественный долг превышает всех личных интересов» [86, с. 362]. Андрей, напротив, демонстрирует лучшие человеческие качества, спасая Лео Коваленского от властей ради Киры, которую любит больше жизни. Духовная смерть при жизни первого оттеняется самоубийством второго.

Похороны Таганова изображены в романе в inferнальных красках: «Стоял пронизывающий до костей холод, который, под стать густому туману, проникал в дома сквозь стены и щели в замазанных окнах. Небо было разорвано на серые лоскуты, и облака, казалось, были замазаны бледными голубоватыми чернилами, по низу которых еще нанесли слой мутной воды с мыльными хлопьями, окончательно размывшей голубой цвет» [86, с. 440]. Эти похороны достигают масштабов похорон целой страны. Ужас происходящего усилен случайно вырванными репликами горожан, насильно согнанных на похороны «павшего борца революции». Каждый из них говорит о своем, каждый диалог – это монолог отдельно взятого одиночества: « – Вот черт! Я оставила суп на примусе. Растечется по всей комнате. – Товарищ, перестаньте чесаться. За жи-и-изнь его, че-е-есть и сво-о-ободу... – Товарищ, перестаньте щелкать семечки. Это неприлично. – Делается это так, Прасковья: чистишь лук и добавляешь щепотку любой муки, какой сможешь достать, после чего

выливаешь немного льняного масла и... – А этим-то с какой стати стреляться?» [86, с. 443].

Рэнд в своем первом романе создает образы людей, которые по-разному справляются с «пустотой», пришедшей в Россию вместе с революцией. Кончает с собой Андрей Таганов, но продолжают жить и бороться другие герои. Героизмом проникнуто описание отношений Александра Чернова и Ирины Аргуновой, зарегистрировавших брак и сразу оказавшихся на разных концах страны (оба были политзаключенные). Прощаясь навсегда, Ирина шепчет Саше: «Иногда мы будем смотреть на луну – луна же везде одна, – таким образом мы будем смотреть вместе на одно и то же» [86, с. 359].

Самоубийство – ведущая тема одноименного романа Алданова. Автор имеет в виду, безусловно, не только финальную сцену своего произведения, но и метафорическое самоубийство России в огне революции. Появляясь неоднократно, эта тема лейтмотивом проходит через текст. Описывая исторических лиц (В.И. Ленина, Б. фон Бюлова и др.), сыгравших свою роль в революции, Алданов замечает: «Все они бессознательно направляли Европу к самоубийству и к торжеству коммунизма – тоже, конечно, не вечному, но оказавшемуся уже очень, очень долгим» [2, с. 83]. В буквальном смысле метафора реализуется в упоминании в газетах череды суицидов, попадающих на глаза главному герою романа Дмитрию Анатольевичу Ласточкину, самой ошеломительной из которых стала смерть Саввы Морозова. Ласточкин пытается примерить эту ситуацию на себя, но никак не может понять, что движет самоубийцами. Он рассуждает как человек, который привык работать и трудиться. Девизом таких людей в дореволюционной России были слова Луиша де Камонса, португальского поэта эпохи Возрождения, которые Ласточкин приводит в связи с успехами воздухоплавания: «Плыть по морям, по которым никто еще никогда не плавал» [2, с. 39]. Однако герой не думал, что когда-нибудь окажется в ситуации, где личные усилия не будут стоить решительного ничего, где ты в одночасье станешь «врагом народа» только за то, что вчера производил и творил.

Мысли о самоубийстве приходят в голову и героям другого романа Алданова – «Бегство». «“Да, покончить с собой, это очень просто”, – подумал он [Горенский – А.Г.], опять смутно чувствуя то же самое: прежде его самоубийство было бы сенсацией на всю Россию; теперь оно не произвело бы впечатления почти ни на кого» [1, с. 300]. Главный герой трилогии «Ключ. Бегство. Пещера», химик Александр Браун и вовсе кончает с собой, не найдя «ключа» к пониманию *мира В*, который вторгся в его привычный *мир А*. Последовательно проводя своего героя от поисков «ключа» к бегству в контрреволюционную деятельность, Алданов оставляет его в пещере собственного страдания, что и приводит героя к самоубийству.

Итак, тексты Рэнд и Алданова (а также, как мы увидим далее – и Шмелева) объединяет тема смерти и разложения личности в условиях тоталитарного государства. Отражена она и в заглавиях, а значит, может считаться ведущей и объединяющей все тексты на уровне поэтики.

Другой русский писатель, эмигрировавший вскоре после Октябрьской революции и воссоздавший свою картину событий той поры (гражданская война в Крыму в 1917–1920 гг.), – Иван Шмелев. Он сосредоточен в своих романах не только на человеке, но и на природе, других существах, что живут рядом с ним. Одно из самых сильных произведений писателя о тяжелых революционных годах, – это роман «Солнце мертвых» (1923). Роман Шмелева показывает более масштабную картину происходящего в пореволюционной России, чем текст Рэнд, которая, как уже отмечалось, сосредоточена в большей степени на жизни бывших предпринимателей, после 1917 года лишившихся своей собственности. Не зря сам Шмелев определяет жанр своей книги как «эпопея». Читатель видит судьбы совершенно разных социальных сословий, а природа и человек показаны как органически взаимосвязанные – они одинаково хотят жить и одинаково же гибнут.

Мортальная образность занимает ключевое место в текстах как Рэнд, так и Шмелева. Смерть в них становится «состоянием мира», в них мертво все – даже неодушевленные предметы: «Смотрят в *пустой песок выбитыми*

глазами дачи» [112, с. 27] (у Шмелева о Крыме); «Словно *мертвые*, они [окна – А.Г.] смотрели на *пустынную* улицу» [86, с. 124] (у Рэнд о Петрограде). Холод, смерть, разложение, пустота – всеми этими образами полны описания советского Ленинграда и умирающей крымской деревни у Рэнд и Шмелева. Закатное солнце, символизирующее Советскую Россию, описывается в «Мы живые» зловещим и холодным, «как *мертвая кровь*» [86, с. 96]. В романе Шмелева «солнце как будто светит, но это *не наше солнце*... – подводный какой-то свет, *бледной жести*» [112, с. 6]. Дома, словно «*мертвые*...смотрели на *пустынную* улицу» [86, с. 124] («Мы живые»); «Смотрит на нас *калека-дача* на пустыре, с *дохлой* клячей под сенью *вонючих* “уксусных” деревьев» [112, с. 104] («Солнце мертвых»). Улицы напоминали «*длинный серый тоннель*, в котором стояла *мертвая* тишина» [86, с. 157]; «В парадном подъезде царил *мертвый сырой холод мавзолея*» [86, с. 364] («Мы живые»).

Апокалиптическое ощущение в романах усиливается отдельными устойчивыми образами. Советская Россия представлена в романе Рэнд с помощью очень яркого образа *тюрьмы*. Из нее нет выхода: «Вы живете здесь, в Советской России. Можете ненавидеть ее, можете задыхаться здесь, но не пытайтесь отсюда сбежать» [86, с. 126]. Другой образ, возникающий в связи с родиной писательницы, – *кладбище*. Герои «погребены заживо на этом *советском кладбище*» [86, с. 259]. Этот образ появляется и у Шмелева в парадоксальном контексте: «Да когда же накроет ночь это *ликующее кладбище?!*» [112, с. 128]. «Ликующее кладбище» – это такой же оксюморон, что и «солнце мертвых», подчеркивающий «перевернутость» всего в этой новой стране. В романе Рэнд убежденный коммунист Андрей Таганов (представляющий собой образ «честного» коммуниста, который искренне верил в идеалы большевиков) объясняет Кире смысл революции с помощью метафоры солнца: «Мы живем на рассвете огромного нового солнца, доселе невиданного. Мы – его первые лучики. Мы несем на себе страдания не только всех прошлых, но и будущих поколений. Каждая минута наших нынешних страданий превратится в десятилетия счастья для будущих поколений» [86, с.

15]. Это – «солнце мертвых», которое хоронит предков «будущих счастливых поколений».

Оба автора используют ассоциативное сравнение большевиков с вошью. Данное сравнение у эмигрантов «первой волны» типологически восходит к роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» («вошь ли я, как все, или человек?») ³⁶¹. В романе Рэнд изображение «огромной белой вши» на плакате, призывающей к борьбе с тифом, встречает людей на вокзале Петрограда как символ «нового мира», в котором теперь придется жить вернувшейся из Крыма героине. Бывший революционер Тимошенко отметит: «Но победу над нами одержала *вошь*. Большая, толстая, медлительная белая *вошь* <...> Когда-то людьми правили ниспосылаемые Богом с небес гром и молния. Затем ими стал править меч. Сегодня людьми правит примус» [86, с. 10]. В романе Шмелева доктор Михайла Васильич констатирует деградацию России при большевиках: «От обезьяны, от крови, от помойки – к высотам, к Богу-Духу... нисхождение, как с горы на салазках, ко *вши*, кровью кормящейся и на все с дерзновением ползущей!» [112, с. 102]. Победа «вши» трактуется обоими авторами как символ унижения человека, из богоподобного существа ставшего рабом.

Рабство человека подчеркивается ежедневной борьбой за выживание, в которую вынуждено вовлекаться каждое живое существо. Кира Аргунова в романе «Мы живые» произносит пламенную речь в адрес красного комиссара, умоляя отправить на лечение ее возлюбленного Лео Коваленского: «Но, когда это касается самой жизни, товарищ комиссар, мы должны быть серьезны, разве нет? Мы не можем позволить всем этим придуманным вещам отнять чью-либо жизнь» [86, с. 227]. Но он остается равнодушен к ее мольбам. В системе, которая ставит идею выше человека, его жизнь больше не стоит ничего: «День ото дня страшнее – и теперь горсть пшеницы дороже человека» [112, с. 18] («Солнце мертвых»). Бытовые подробности борьбы за выживание наполняют

³⁶¹ Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918–1996). М. : Терра. Спорт, 1998. С. 96–97.

оба текста. У Рэнд это примус, который стал в постоктябрьской России источником жизни. Перед ним преклоняются, как перед языческим богом, его считают «первым знаменем новой жизни», невзирая на надпись «сделано в Швеции». Другой подобный образ – буржуйка, которая имелась «у тех, кому не по карману было топить настоящими поленьями печи в своих когда-то роскошных домах» [86, с. 133]. Бытовые сцены романа крутятся вокруг примуса: на нем готовят, о нем говорят, его дарят наряду с «полным собранием сочинений Ленина в красном бумажном переплете» [86, с. 303]³⁶². Примус (а шире – выживание) – то, ради чего люди ежедневно отдают свою настоящую жизнь: «Два часа ежедневного чтения новостей государственного строительства ради пятнадцати минут стряпни над примусом?» [86, с. 334]. В «Солнце мертвых» упоминаются страшные детали голода: доктор, который питается сухим горохом, катая его во рту, а также жарит миндаль («Амигдалин улетучивается, яд-то самый» [112, с. 106]); пареный лист, которым «набивают зобы» курочки; виноградный жмых, который на базаре продают вместо хлеба и т.п.

Рэнд называет свой роман «Мы живые», чтобы показать разницу между «извивающимися ничтожествами» [86, с. 381], «мертвенно-бледными, замерзшими тенями» [86, с. 94], как она называет тех, кто продался революции, и «живыми», – теми, кто, как ее главная героиня, всеми силами стремится остаться Человеком. Выживание» и «жизнь» становятся для главной героини романа Киры Аргуновой нетождественными понятиями. Первое описывает ее жалкое существование в Советской России, второе же в ней невозможно. Есть этот мотив и у Шмелева: автор-рассказчик на фоне всеобщей вакханалии, когда не то что животных не жалеют – даже людей едят – не трогает своей друзей: курочек, павлина и старую лошадь Лярву, оставаясь живым Человеком до конца.

³⁶² В ранней драме Рэнд «Идеал» (*Ideal*, 1934), которая была написана почти одновременно с романом «Мы живые», предметы советского быта – керосин, печка-буржуйка, примус – также являются символами «омертвевшей» страны.

Если все сильные духом герои Алданова (Ласточкин, Браун, Федосьев) кончают с собой или смиряются с жизнью в Советской России, а герои Шмелева медленно умирают в тюрьме Советской России от голода, то иная драма разворачивается в романе Рэнд. Кира Аргунова лелеет мечту: покинуть Россию навсегда. Надо сказать, ни один из положительных героев Алданова такую возможность не рассматривает (у героев Шмелева же ее просто нет), а эмигранты Фомин («Бегство») и Людмила («Самоубийство») представлены как отрицательные и предавшие Родину. Но в романе «Мы живые» именно мечта Киры уехать из России помогает ей выдержать весь тот ужас, через который героине предстоит пройти.

Лео Коваленский, которому судьба дарит Киру Аргунову, буквально спасшую ему жизнь, не смог устоять перед искушениями революции. Вместо того чтобы копить на побег из «тюрьмы» Советской России, где он вынужден влачить жалкое существование, герой транжирит последние деньги. Разительная пропасть между ним и Кирой обнаруживается в его монологе, обращенном к ней: « – Ты когда-нибудь спустишься с небес на землю? Чего ты хочешь? <...> Не кажется ли тебе, что было бы гуманнее позволить мне утонуть в этом болоте? Тогда бы я шагнул в ногу с нашим временем и ничего бы больше не чувствовал...ничего... никогда...» [86, с. 428]. Однако Коваленский всегда был слабым: об этом говорит и его неудачный побег в Германию, и его беседы с Кирой в начале их отношений, в которых он заявлял: «Безопаснее в наши дни смотреть вниз – и чем глубже, тем надежнее» [86, с. 79]. Так проявляется главная философская идея романа: Коваленский изначально был не уверен в себе и своих идеалах, он не был целостным – поэтому и потерпел поражение в схватке с жизнью. Революция ломает даже сильных людей – такой вывод делает Алданов, показывая саморазрушение лучших своих героев. Революция сжигает в своем огне всех и каждого – это вывод из романа Шмелева. В романе Рэнд представлена иная точка зрения: не революция ломает человека, а человек обнаруживает свою духовную слабость перед ее лицом.

Пережив предательство Лео, Кира не отказывается от своей мечты. Для нее бегство из России – не самоцель, она может отречься от него ради любви (что она и делает, отказав Таганову, который достал для них поддельные немецкие паспорта), потому что она цельный человек: никакая революция не заставит ее отказаться от своих ценностей и идеалов³⁶³. Однако когда она теряет Лео, ее уже ничто не держит в России и она предпринимает безумную попытку одиночного бегства, которая заканчивается трагически. О том, почему Рэнд «убила» свою героиню, писательницу спрашивали неоднократно. Она ответила в одном из своих интервью, что смерть Киры – символ бездушия и тирании тоталитарного государства: «Спасение Киры сделало бы роман бессмысленным. Тема “Мы живые” такова, что ей пришлось умереть» [88, с. 221]. От смерти героев Алданова ее смерть отличается тем, что она нашла в себе силы бороться в, казалось бы, безвыходной ситуации. В этом и проявилось отличие в понимании природы человека у обоих авторов: у Алданова он – игрушка в руках случая, у Рэнд – сам творец своей судьбы.

Страницы прощания Киры Аргуновой с Родиной наполнены переживаниями самой писательницы. Об истории ее эмиграции подробно рассказано в биографии Рэнд, написанной Б.Бранден. Писательница ждала вердикта консула относительно ее американской визы в тогда еще свободной от Советов Латвии 1926 года, но все чуть было не пошло прахом из-за путаницы в документах, где было указано «помолвлена с американским гражданином». Консул чудесным образом поверил Алисе, что это ошибка³⁶⁴.

Символика белого цвета, в который облачается Кира для побега, помогает писательнице передать важность этого решения для Киры. Кроме чисто утилитарного значения (белая одежда будет незаметна на снегу, а значит, пограничники не смогут ее увидеть), белый цвет – символ чистоты. Надевая свадебное платье матери, Кира символически готовится к новому рождению –

³⁶³ Образ Киры Аргуновой интерпретируется как образ «синтетической личности» в работе В. Луаре-Пруне [Loiret-Prunet, 1999, с.103–110].

³⁶⁴ Branden B. The Passion of Ayn Rand. N.Y. : Doubleday, 1986. Pp. 60–61.

там, за границей: «Кира не была мертва. Она просто ждала своего рождения» [86, с. 462]. Но белый – также символ смерти во многих культурах мира (покойников заворачивают в белый саван). Белый цвет имплицитно появляется еще до того, как Кира садится в поезд: она покупает сахарин у дяди Василия. Покупка становится для героини актом прощания с родной землей. Затем в поезде Кира замечает «женщину, прижимающую холодную белую грудь к устам младенца» [Там же]. Символ жизни – женская грудь – совмещается с белым цветом, цветом смерти, и наделяется эпитетом «холодная», чем подчеркивается невозможность жизни в Советской России.

Финал романа перекликается с его началом: в тексте вновь появляется образ поезда, а затем – пустыни, бескрайнего, ничем не заполненного пространства, мертвого и ожидающего жизни. Чтобы пересечь границу, героиня должна пройти через огромное заснеженное поле: «Позади у нее ничего не оставалось. Она словно выбиралась из белой, нереальной пустоты <...> Она жива, жива, находясь в одиночестве посреди мертвой пустыни. Она еще не умерла, и поэтому ей нужно идти. Она должна выбраться» [86, с. 465]. Героиня умирает от случайного выстрела пограничника, не достигнув границы. В романе приводится подробная биография этого пограничника с обобщенным именем Иван Иванов. Подчеркивая полную никчемность этого человека, подкрепленную его безграмотностью («Гражданин Иван Иванов так и не научился читать» [86, с. 468]), Рэнд тем самым показывает ужасающий контраст между *живым* и *мертвым*: между рвущейся из страны, полной жизни и планов, Кирой, и бесполезным, тупым, равнодушным и мертвым внутри пограничником.

В финальной сцене, на рассвете, героиня видит последнее живое существо перед собой. И это – дерево: «Посреди равнины одиноко стояло маленькое деревцо. Хрупкие редкие веточки его не удерживали снега. В напряженном ожидании будущей весны и жизни оно тянулось своими тонкими черными ветками к заре, занимающейся над необъятной землей» [86, с. 472]. Дерево в финале романа символизирует собой неразрывную связь между

жизнью и смертью, ибо в последние минуты своей жизни Кира понимает, что с ее смертью жизнь на земле не прекратится: «Непобежденная жизнь существует и будет существовать» [Там же]. Этот образ – общий для романов Алданова и Рэнд. Перед тем, как принять окончательное решение о самоубийстве, Ласточкин («Самоубийство») перечитывает роман Л.Н. Толстого «Война и мир» и размышляет над эпизодом поездки князя Болконского в Отрадное, где он вспоминает свою жизнь у дуба и ему является мертвое лицо его жены: «Это тоже “лучшая минута жизни”? – вдруг с сильным волнением подумал Дмитрий Анатольевич <...> Что же это такое? Значит, не всегда худо, что человек умирает?» [2, с. 391]. Дерево напоминает герою о том, что жизнь все равно всегда торжествует.

Приято считать, что Россия изображена Рэнд только в ее первом романе «Мы живые», тогда как Б.Г. Розенталь отмечает присутствие «советских» аллюзий и в двух более поздних романах писательницы – «Источнике» и «Атлант расправил плечи»³⁶⁵. «Американские» романы представляют собой *второй этап* осмысления писательницей травмы Октябрьской революции. Время после написания «Источника» приходится на годы Второй мировой войны. Б. Бранден вспоминает, что писательница беспокоилась о своей семье, находящейся в блокадном Ленинграде, о своей младшей сестре Норе, «о которой она часто думала и по которой мучительно скучала»³⁶⁶. Рэнд вела переписку со своей семьей с 1926 по 1936 годы (письма родственников к ней хранятся в Архивах Айн Рэнд в США, письма писательницы в Россию – безвозвратно утрачены во время Великой Отечественной войны). Она отправляла домой не только письма, но и посылки: например, американские книги, которые ее мать, Анна Борисовна, могла переводить и этим зарабатывать себе на жизнь³⁶⁷.

³⁶⁵ Rosenthal B.G. The Russian Subtext of *Atlas Shrugged* and *The Fountainhead* // The Journal of Ayn Rand Studies. 2004. No.1. Vol.6. Pp. 195–225.

³⁶⁶ Branden B. Op. cit. P. 176.

³⁶⁷ Никифорова Л.Л., Кизилев М.Б. Указ. соч. С. 208–214.

После 1936 года Рэнд перестала писать в Россию. В интервью для книги С. Макконнелла Элеонора Дробышева (Розенбаум), младшая сестра Рэнд, скажет: «На самом деле это она перестала писать нам. Возможно, потому что больше не видела в нас никакой пользы»³⁶⁸. Однако писать в то время в СССР из США было занятием небезопасным для русских: конверты вскрывали, поэтому семье писательницы могла угрожать опасность. Странно, что сестра Алисы про это не знала, давая интервью в 1997–1998 гг. Рэнд даже не решалась делать запрос в Государственный департамент США о судьбе своей семьи, боясь ей навредить³⁶⁹.

В последнем романе Рэнд, «Атлант расправил плечи» русский «субтекст» представлен в полной мере. Даже пейзаж в произведении во многом напоминает Советскую Россию. Так, описание шпиля на башне небоскреба похоже на советскую красную звезду: «Шпиль светился красным светом, подобным отражению огня: уже не пылающего, но догорающего, который *слишком поздно гасить*» [67, с. 8]. Появившись в самом начале романа, это описание настраивает на определенный лад: «призрак коммунизма» витает над страной, которая в романе названа Америкой, и от него слишком поздно пытаться избавиться. И если в завязке у читателя не возникает сомнений, что речь идет о США, то с развитием событий картина меняется радикально: в тексте появляется множество деталей, которые начинают все больше напоминать Советский Союз.

Описывая альтернативное будущее Америки, Рэнд ориентируется в своих «прогнозах» на собственный негативный опыт жизни в послереволюционной России. Именно поэтому ее «сценарий» развития ситуации в США в том числе является «проговариванием» травматического опыта, полученного ею на родине. Национализация науки («правительственные научные исследования»), дефицит сырья, нормы «расходования угля», упоминание «внутренних» и «внешних» врагов, бессодержательные и лживые лозунги по радио и даже

³⁶⁸ Макконнелл С. Указ. соч. С. 40.

³⁶⁹ Branden B. Op. cit. P. 176.

сжигание профессурой книг «из своих библиотек» – все эти «советские» аллюзии словно «списаны» писательницей с родины. В романе даже упоминается голод в Калифорнии и политика «коллективизации», что отсылает к событиям 1932–1933 гг. в СССР.

Современники писательницы отмечали ее «отчуждение от собственных эмоций», обусловленное противоречием между стремлением слышать независимое мнение и страстным желанием, чтобы с ней соглашались³⁷⁰. В итоге это не могло не привести к выражению подавленных эмоций в тексте. В качестве проекции своих переживаний она создает литературного «двойника», свое «альтер-эго». Дагни Таггерт стала «голосом» Рэнд в ее последнем романе. Являясь «двойником» Киры Аргуновой из первого романа (Кира мечтала строить мосты – Дагни делает это), героиня представляет собой нереализованную часть писательницы, ее подавленные эмоции относительно той проблемы, которую она считала для себя решенной. Дагни Таггерт, как сама писательница призналась однажды, – это и есть она сама, совершенная и без недостатков³⁷¹.

На протяжении всего текста ее героиня отчаянно борется сама с собой и со своими эмоциями по отношению к стране, охваченной адом социализма. Р. Меррил пишет о том глубоком внутреннем конфликте, который раздирал Дагни и который отмечала сама Рэнд: героиня полагала, что она способна изменить мир вокруг себя, внушить «паразитам» свой образ мыслей и таким образом спасти свою корпорацию³⁷². В заметках к роману (14 April 1946) писательница напишет, что Дагни пытается нести ответственность за весь коллектив, не замечая, как «служит злу», помогая «врагам» пользоваться своим интеллектом [JAR, с. 417].

В первой части «Атланта...» мы видим женщину, демонстрирующую преданность своей компании, и немалую роль в этом играет тот факт, что

³⁷⁰ Branden B. Op. cit. P. 206.

³⁷¹ Branden B. Op. cit. P. 225.

³⁷² Merril E.R. The ideas of Ayn Rand. Chicago : Carus Publishing Company, 1991. Pp. 68–71.

компания является гордостью ее рода. Ее дед, Натаниэль Таггерт, служит для Дагни образцом: в трудные минуты она смотрит на его портрет в своем кабинете или приходит к его статуе, находящейся у входа в Терминал Таггертов: «Дагни иногда сожалела о том, что Нат Таггерт был ее предком. Ее любовь к нему трудно было вместить в рамки семейных отношений <...> Горделиво подняв голову. Он принимал вызов и радовался тому, что способен принять его. Все, чего Дагни ждала от жизни, содержалось в этом желании держать голову, как он» [67, с. 77–78]. В образе основателя «Таггерт Трансконтинентал» узнается отец писательницы, Зиновий Розенбаум – «self-made man», по словам Б. Бранден³⁷³. Отец, которому пришлось оставить аптеку из-за национализации собственности после Октябрьской революции, воплощен в предке Дагни со всей очевидностью. Борьба героини за собственную компанию, нежелание покинуть ее даже когда стало очевидно, что она обречена, отдана «на съедение» шакалам социализма – это инвертированное желание самой писательницы «исправить прошлое». Отец Алисы так же не смог бросить свое дело в первые дни Октябрьской революции, хотя жена уговаривала его уехать за границу. Он хотел спасти свою аптеку. Но, как отмечает Б.Бранден, «спасать было уже нечего»³⁷⁴.

Эпизоды романа, связанные с «отделением» Дагни от корпорации, сопровождаются ощущением ею экзистенциального одиночества. *Первое* «отделение» было связано со строительством «Линии Джона Голта», когда Дагни временно обособляется от «Таггерт Трансконтинентал». Героиня переезжает из офиса компании в штаб-квартиру в заброшенном районе Нью-Йорка: «На нее нахлынуло чувство, с которым она боролась не один год: **чувство одиночества**, куда большего, чем просто это мгновение, чем царящее в комнате безмолвие, чем сырая и безлюдная улица, – одиночества серой пустоши, одиночества, в котором нет цели, достойного стремления к ней; **одиночества ее детства**» [67, с. 278]. Смотря на здание «Таггерт

³⁷³ Branden B. Op. cit. P. 4.

³⁷⁴ Branden B. Op. cit. P. 21.

Трансконтинентал», она ощущает себя «*в ссылке*, из которой не возвращаются». Если проанализировать эмоции Дагни, становится понятно, что она хочет вернуться обратно, однако не в тот мир, которым он был («*это не тот мир, в котором я хотела быть жить*»), а в тот, каким он должен быть: «И ее представление о жизни, какой она *должна быть*, останется единственным видением того мира, в котором она хотела бы существовать» [67, с. 279].

Второе «отделение» Дагни связано с ее поездкой в отпуск вместе с Хэнком Риарденом. Оно наиболее интересно с точки зрения анализа скрытой метафорической составляющей романа: герои обнаруживают руины завода «Двадцатый век», явно напоминающего Союз Советских Социалистических Республик. Завод с говорящим названием расположен на заброшенном пустыре, который посещают Дагни и Хэнк. Первое, что мы о нем узнаем – это то, что завод считался одним из лучших и что закрылся он «как-то странно». Риарден говорит об этом крае: «Это какая-то новая, еще никем не открытая страна» [67, с. 357].

Однако дальше оптимистичная интонация исчезает: «*Труп*, замеченный обоими в траве возле обочины, оказался ржавым цилиндром бензонасоса, на котором еще сохранились остатки стеклянного циферблата» [Там же]. Тематика смерти («труп») далее будет только усиливаться, снова отсылая к первому роману Рэнд, где оппозиция живого и мертвого является ключевой. Образ часов («остатки стеклянного циферблата») здесь не случаен: мы словно бы совершаем путешествие во времени вместе с героями – в будущее той страны, которая «зашифрована» в эпизоде о заводе «Двадцатый век». Остатки былого величия напоминают кладбище: «Перед ними возник *изрытый пустырь*, над которым из земли и клочьев асфальта торчало несколько каркасов бетонных блоков. Кто-то потрудился над ними, разбив стены и увезя обломки; никакая трава не могла уже расти на ставшей *бесплодной земле*. На гребне далекого холма, на фоне неба, *подобный кресту над огромной могилой* стоял покосившийся телеграфный столб <...> Внутри *скелета*, оставшегося от прежнего промышленного городка, стояли несколько брошенных домов <...> Строения

превратились в вертикально стоящие *руины* <...> На окраине торчал железобетонный остов, некогда принадлежавший школе; он походил на *череп с пустыми глазницами* выбитых окон... С него свисали редкие пряди волос – оборванные провода» [67, с. 357–358]. Апокалиптическая картина воссоздается при помощи использования слов с смертельной окраской, отсылающих к аналогичным описаниям Советской России в первом романе Рэнд. Например, так изображается здание Петроградского ГПУ в «Мы живые»: «Дом номер 2 по улице Гороховой был бледно-зеленым, словно гороховый суп. Краска и штукатурка облупились. На окнах не было ни занавесок, ни решеток. Словно *мертвые*, они смотрели на *пустынную* улицу... Люди замолкали, когда речь заходила о *старых кладбищах*, домах с привидениями, испанской *инквизиции*, доме 2 на Гороховой. Сколько тревожных ночей пронеслось над Петроградом, сколько шагов прогремело в тишине, сколько раз настойчиво дребезжал дверной звонок, сколько людей *никогда не вернулись* домой» [86, с. 125].

Впечатление смертности усиливается, когда из дома на пустыре возле бывшего завода, который описан как «строгая, неприступная крепость» и снаружи кажется находящимся «в полном порядке», выходит старуха: «Согбенная, опухшая, одетая в сшитое из мешковины платье, она едва перебирала ногами» [67, с. 358]. «Старуха с косой» – символ смерти, который появляется в завязке романа «Мы живые» как символ наступившего конца привычной жизни. Именно старуха встречает семью Аргуновых, когда они возвращаются в послереволюционный Петроград из Крыма: «Через узкую щель они увидели лицо *старухи*, закрытое свисающими *косами*, живот под грязным полотенцем, повязанным как передник, и одну ногу в мужском тапке» [86, с. 24]. Выражение принципа смертности усиливается контрастом между реальным возрастом «старухи» и ее внешним видом: ничто живое тут невозможно. Кроме того, старуха беременна, и если за этим образом скрывается принцип социализма, тогда аналогия становится ясной: социализм порождает подобные режимы, распространяя смерть на всю землю.

Итак, в образе моторостроительного завода «Двадцатый век» в последнем романе Айн Рэнд «зашифрована» Россия. Этот вывод подтверждается рассказом бродяги, случайно встреченного Дагни в поезде, об истории этого завода, где он проработал двадцать лет. Там был осуществлен эксперимент, суть которого заключалась в том, что «каждый на заводе работал сообразно своим способностям, а оплату получал согласно своим нуждам» [68, с. 382]. Сомневаться в том, что тут Рэнд описывает социалистический эксперимент, поставленный в СССР, не приходится. Последствия распределения благ «по потребностям» привели к тому, что «все как один превратились в попрошайки, потому что никто не мог требовать оплаты как законного заработка: у него не было прав, не было заработка, его труд ему не принадлежал, он принадлежал “семье”, которая ничего не давала ему взамен, и единственное, что он мог предъявить – свою потребность <...> Человек предъявлял страдания. Потому что они, а не его работа, встали во главу угла. И шесть тысяч человек превратились в соревнующихся попрошайки, кричащих, что его нужда острее, чем у его брата» [68, с. 384]. Постепенно люди стали скрывать свои способности, потому что наиболее одаренных заставляли работать больше, чем других. В эпизоде представлена аллюзия на систему доносов в Советской России: «Мы завели стукачей, доносивших, например, о тайно купленной индейке для воскресного семейного обеда, за которую, скорее всего, заплатили деньгами, выигранными в азартные игры» [68, с. 387–388].

Владельцы этого завода – три человека, каждый из которых представляет одну из ипостасей социалистического режима. Эрик Старнс – символ инертности и безразличия, Джеральд Старнс – символ грабежа и незаконного заработка и Айви Старнс – символ фанатизма. Объясняется в этом эпизоде и то, почему люди выбрали такую форму управления (то есть автор снова объясняет причины Октябрьской революции): «Не было человека, кто, голосуя за план, не думал бы о том, что под эту музыку он захапает часть прибыли более способных людей» [68, с. 390]. Постепенно завод стали покидать лучшие из лучших: «Мы продолжали терять людей, они постоянно бежали с завода, как из

холерного барака, пока мы не остались с людьми с потребностями, но без людей со способностями» [68, с. 391]. Все это напоминает эмиграцию из России после установления советского режима, когда страну покинули философы, писатели, ученые, художники. Венчает установление диктатуры на заводе «железный занавес»: «В старые времена никто не увольнялся с “Двадцатого века”, а мы не могли поверить, что прежнего завода больше нет. Спустя время мы уже не могли уйти, потому что другой работодатель не принял бы нас, за что я лично не стал бы его корить» [Там же]. Потом «выезд» за пределы экспериментального завода и вовсе стал невозможен: «Помните, отныне ни один из нас не может покинуть завод, потому что всех нас связывает воедино нравственный закон, который мы приняли!» [68, с. 393].

Показана в этом эпизоде и аналогия на советскую пропаганду, рассказывающую всему миру об «успехах советских пятилеток» и «великом вожде»: «Мы видели в кабинете Джеральда стофунтовые пачки журналов – сто фунтов, мы взвешивали – проспектов, полных историй про наш завод и наш благородный план, с большими фотографиями Джеральда Старнса, где он назывался величайшим общественным деятелем» [68, с. 389]. Эту тему Рэнд уже поднимала в первом романе, описывая британскую делегацию, которой показывали «парадные декорации» Советской России.

«Эксперимент» закончился печально: поскольку на заводе не осталось ни одного способного человека, он стал производить дефектные моторы, которые просто перестали покупать: «Наша агония длилась четыре года, со дня первого собрания и последнего, и привела она к единственно возможному результату: к банкротству» [68, с. 392]. Рухнувшая мечта о социалистическом рае на земле нимало не смутила ее создателей: они объяснили все происками «алчного, эгоистичного мира», который не принял их идеалы. Предсказывая судьбу СССР за много лет до его распада, Рэнд руководствуется экономическими выкладками экономистов австрийской школы – Ф. фон Хайека и Л. фон

Мизеса, которые оказали огромное влияние на экономические воззрения писательницы³⁷⁵.

Пустырь, который остался от завода, описывается Рэнд с явной ностальгией: «Это было все равно как *вскрыть труп любимого*» [67, с. 362]. Завод не просто покинули после провала эксперимента – его разграбили. Впоследствии, в попытках отыскать автора двигателя, обнаруженного на пустыре, Дагни и Хэнк обошли нескольких людей, которым в разное время после развала принадлежал завод. Предприятие буквально переходило из рук в руки, его делили на части разные компании: «Она [компания – А.Г.] была продана одновременно двум разным владельцам. В свое время, два года назад, это был крупный скандал. А теперь все... превратилось в бумагу, ожидающую судебного рассмотрения. И я не вижу, каким образом какой-нибудь судья сумеет установить по ней права собственности или вообще какие-нибудь права» [67, с. 369].

Галерея последних владельцев завода, предстающая перед нами в романе, заслуживает отдельного рассмотрения. Каждый из них обладает какой-то выпуклой чертой характера. Так, мэр Баском – первый в «списке» Дагни – имеет еще некий «лоск». Перепродав завод, он извлек свою выгоду: обстановка его комнаты не шикарна, но и не бедна, хоть и полна противоречий: «персидские ковры на покоробившемся деревянном полу», «дорогой радиоприемник, на котором стояла старая керосиновая лампа». Человек недалекий и прагматичный, он заявляет: «Идеи мне не нужны, мне нужно три раза в день плотно поесть» [67, с. 373]. Следующий бывший владелец завода – Юджин Лоусон. Он олицетворяет собой человека, который «служит высшему идеалу». За этими красивыми словами ничего не стоит: Юджин столь же не осведомлен о двигателе, создававшемся у него под носом, как и наслышан о «кружевных занавесках» на окнах завода и цветах на его подоконниках.

³⁷⁵ Sciabarra C.M. Ayn Rand. The Russian Radical. Pennsylvania : Pennsylvania State University Press, 2013. Pp. 267–268.

Третий владелец завода – Ли Гансекер – внушает читателю отвращение не только своими мещанскими рассуждениями, но и внешним видом: «Щеки его нуждались в бритве, рубашка жаждала стирки» [67, с. 396]. И, как всегда у Рэнд, выглядит герой-паразит значительно старше своих лет. А это именно паразит с манией величия, ненавидящий людей и требующий к себе особого отношения. Но последние две фигуры, возникающие в романе как бывшие хозяева завода, хуже всех. Опустившийся Джеральд Старнс, подбирая монетку, выпавшую из кармана бродяги, «зло улыбается». Замыкает ряд владельцев завода Айви Старнс, его сестра, олицетворяющая принцип зла в его конечной форме: она искренне верит в свой эксперимент, несмотря на то, что он провалился: «Но мы потерпели поражение из-за жадности, эгоизма и низменной, животной природы человека» [67, с. 408].

Дагни ищет того, кто создал двигатель новой конструкции, обнаруженный среди мусора. Бродяга, рассказавший Дагни об «эксперименте», упоминает некоего человека, который первым покинул завод со словами «Я остановлю мотор, движущий мир» [68, с. 394]. Это и был изобретатель нового двигателя, Джон Голт. Как уже было сказано, Джон Голт является секулярным образом Иисуса Христа в тексте. В этом смысле загадка метафорического образа завода «Двадцатый век» становится ясной: если завод – это Советская Россия, то Джон Голт – это Бог, покинувший эту страну.

Возвращаясь к повествованию о травматических этапах сепарации Дагни Таггерт от своей родины, отметим, что *третье* «отделение» героиня испытывает в связи с закрытием «Линии Джона Голта» и национализацией частной собственности. Свою боль она сравнивает с болью отца: «Несколько поколений назад тебе тоже пришлось пережить нечто подобное... тебе было так же непросто, так же худо, но это тебя не остановило» [68, с. 209]. Подав в отставку, Дагни отправляется в свой коттедж в Беркширских горах: «Бывали минуты, когда она не могла с собой справиться и, не в силах переносить *почти физическую боль*, падала на пол или траву и сидела, застыв, пряча лицо, борясь с желанием *завыть в голос*» [68, с. 324]. Из этой карусели страдания ее

вырывает сообщение о крушении «Кометы» в Колорадо – и она возвращается «в мир», влекомая чувством долга перед корпорацией.

Четвертое «отделение» Дагни происходит в Атлантиде. До этого писательница просто воспроизводит реалии Советского Союза и реакции людей на них, знакомые ей по своему прошлому, что говорит о следовании методике так называемого «нарративного фетишизма» в «проговаривании» травмы (в терминологии Trauma Studies). Э. Сантнер определяет «нарративный фетишизм» как стратегию, «с помощью которой индивид старается по собственной воле восстановить принцип удовольствия». Эта стратегия освобождает человека от потребности переосмыслить свою идентичность в новых, посттравматических условиях, убеждая его в том, что причин для тревоги нет. Цель «нарративного фетишизма» – просто в очередной раз рассказать о травматическом опыте, описать переживания и страдания его участников – настолько, насколько они поддаются воплощению в письменной форме³⁷⁶.

Следующая же часть романа демонстрирует попытку «проработки» травматического опыта («working-through») в терминологии Д. ЛаКапры³⁷⁷. «Проработка» – это уже попытка «реформулировать и реконструировать идентичность»³⁷⁸. Способ «проработки», избранный Рэнд, весьма типичен для русской литературы – это создание собственной утопии. Форма утопии во все времена в России была возможностью автора продемонстрировать свою социальную и политическую позицию, а в терминологии Trauma Studies – «отработать» травматический материал.

Попав в Атлантиду будто бы случайно, в поисках «разрушителя», она обнаруживает там того, кого так долго звала одинокими ночами, человека «за горизонтом», который «держит в руках рельсы, сходящиеся в одну точку».

³⁷⁶ Сантнер Е. История по ту сторону принципа наслаждения : размышление о репрезентации травмы // Травма : пункты. Сборник статей. М. : НЛЮ, 2009. С. 397.

³⁷⁷ LaCapra D. Writing History, Writing Trauma. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2001. P. 22.

³⁷⁸ Сантнер Е. Указ. соч. С. 404.

«Разрушитель» оказывается «самозванцем» – это и есть он, ее идеальный герой: «Открыв глаза, Дагни увидела солнечный свет, зеленую листву и мужское лицо. Подумала: “Я знаю, что это”. Это был мир, который в шестнадцать лет она ожидала увидеть, и вот оказалась в нем» [69, с. 7]. До тех пор, пока «атланты» не вернутся в мир, героиня не покинет его. Да и сделает она это в финале романа лишь для того, чтобы снова вернуться, уже изменив его: «Это не вызвало у нее чувства отчуждения от города: она впервые ощутила, что это *ее город*, и она *любит* его, любит, как не любила никогда до этой минуты, с очень личным, торжественным, уверенным чувством обладания» [69, с. 497]. Триумфальное возвращение Дагни на родину, где все будет, как хочет она – этот финал романа требует продолжения (что построят атланты на разоренной земле? не повторят ли они ошибок прошлого?), которого писательница не стала создавать – возможно, потому, что он выполнил свою функцию «проработки» травмы для нее.

Однако в пространстве последнего романа Рэнд существует другой женский образ, также выражающий эмоциональное состояние писательницы. Это Черрил Брук, жена Джеймса Таггерта. Сделать этот вывод нам позволяет тот факт, что это единственная героиня произведений Рэнд, которая совершает суицид (не считая Джонни Дауэса из «Идеала», но там самоубийство имеет совершенно иной смысл³⁷⁹). Обычно герои Рэнд до последнего борются со злом и, если и умирают (как Кира Аргунова), то лишь в процессе этой борьбы. Таким образом, Черрил Брук – необычная героиня: к ней у писательницы, видимо, было особое отношение. Прежде всего, следует ответить на вопрос, почему же она отказывается жить.

Черрил, как предполагает О. Гейт, не хватило знаний Дагни о мире и она в конечном счете совершила трагическую ошибку из-за того, что не осознала, что вселенная «благожелательна»³⁸⁰. Можно рассматривать самоубийство

³⁷⁹См. об этом: Salmieri G. Egoism and Altruism : Selfishness and Sacrifice //A Companion to Ayn Rand / ed. by A. Gotthelf and G. Salmieri. West Sussex : Wiley Blackwell, 2016. Pp. 130–156.

³⁸⁰ Ghate O. The part and chapter headings of *Atlas Shrugged* // Essays on Ayn Rand's *Atlas Shrugged* / ed. by R. Mayhew. N.Y. : Lexington Books, 2009. P. 42.

Черрил как приговор системе социализма, обладающей «моральностью», принципиально «антижизненной». Однако, на наш взгляд, существует и другая причина суицида героини. История ее жизни во многом напоминает историю жизни самой писательницы. Родители Черрил были бедны, а она сама буквально сбегает от них: «И я подумала, что если не уберусь отсюда, то сдамся...прогнию насквозь, как и они. Поэтому я просто купила однажды билет на поезд и уехала. Даже не попрощалась» [67, с. 331]. Она восхищается Америкой и ее менталитетом: «Я увидела фотографии Нью-Йорка и подумала... я подумала, что тот, кто построил эти здания, не сидит без дела и не скулит о том, что на кухне грязно, крыша прохудилась, трубы засорены, мир вокруг проклят...» [Там же]. Как и Рэнд, она навсегда покидает отчий дом в поисках лучшей жизни, полная надежд и желаний действовать: «Именно этого я и не могла перенести – того, что им *на самом деле* все было безразлично. Они и пальцем не хотели пошевелить» [Там же].

Встреча с Джеймсом Таггертом, который олицетворяет в романе все худшие качества советской системы, становится роковой для героини. Приняв по неопытности (не зря *cherry* в переводе с английского – «вишня», а вишня – это символ незрелости, невинности, чистоты во всех культурах) Джеймса за воплощение идеала, она сначала враждебно воспринимает сестру своего мужа, которого боготворит за то, что он «снизошел» до нее: «Но знаете, Джим замечательный. Он не против того, что я – простая продавщица из магазина дешевых товаров и живу в таком месте. Он не имеет ничего против этого» [68, с. 65].

Обратим внимание на закономерность, присутствующую в романе. Если Джон Голт (идеальный герой Дагни) является обычным путевым обходчиком в «этом» мире (в Атлантиде он – великий изобретатель вечного двигателя), то Джеймс Таггерт – де-юре хозяин крупной корпорации «Таггерт Трансконтинетал», а де-факто – лишь пешка в чужой игре. Так же и Дагни Таггерт, наследница железнодорожной корпорации, будучи всегда на вторых ролях, не чураясь грязной работы, по сути руководит компанией. Все эти

«инверсии» персонажей и любовь к «серым кардиналам» весьма характерны для текстов Рэнд и скрывают желание писательницы изменить наличный порядок вещей в мире. Черрил Брук в этой системе можно рассматривать как «разочаровавшуюся» часть писательницы, слепо поверившую в революцию еще девочкой, но так и не обретшую счастья на родине.

Примирение Черрил с Дагни – тоже важный психотерапевтический эпизод в романе. Черрил сама приходит к Дагни, чтобы попросить у той прощения за то, что она *принимала Джеймса за нее* (то есть за подмену идеалов). Как мы уже отмечали, писательница считала Дагни Таггерт идеальной собой: именно такой она хотела бы быть – целеустремленной (*target* в переводе с английского – цель), способной изменить Россию. Но для этого Черрил Брук, наивная девочка из прошлого Алисы, должна была умереть.

Система социализма поглощает лучших, присваивая себе их таланты, ее цель – сломить волю именно таких. «Ты женился на мне, так как знал, что я не приму трущобы ни вокруг себя, ни в себе, знал, что я старалась подняться и буду стараться впредь, так ведь? <...> Ты...ты убийца...который убивает ради убийства» [69, с. 235], – наконец понимает Черрил правду о Джеймсе. Самоубийство героини, произошедшее сразу после разговора с Дагни и объяснения с мужем по поводу его измены, ее разочарование в Джеймсе, а заодно – во всех идеалах, в которые она верила, представляет собой символическое «самоубийство» той части Алисы Розенбаум, которая когда-то верила, что в России возможны перемены, восхищаясь Александром Керенским. «Внезапно оказавшись на широком перекрестке, она увидела вдали силуэты огромных небоскребов. Они бездушно покоились в тумане, подсвеченные легким мерцанием зари позади, напоминая прощальную улыбку. Когда-то они казались многообещающими... Теперь она понимала, что это памятники, стройные обелиски, вздымающиеся в память о своих погубленных создателях...» [69, с. 237]. Символ мечты и свободы становится надгробием, и эта катастрофическая метаморфоза приводит героиню в отчаяние, от которого нет спасения – только смерть. Причина, по которой

Черрил не может «найти» свою Атлантиду, как раз в этом: героиня просто не знает о ее существовании. Фактически, Рэнд «проживает» через самоубийство Черрил свою смерть в России, которую легко вообразить, если бы она осталась на родине. Символическое «жертвоприношение» было необходимо тексту, чтобы «искупить» метафизическую вину писательницы перед родиной. Черрил и Дагни – два «альтер-эго» писательницы, два ее этапа проживания травмы.

Работа над последним романом, по словам Б. Бранден, стала для Рэнд способом сбежать от реальности. Та Америка, которую показывали в новостях, не была той Атлантидой, о которой она писала. Уважая страну, которая дала ей спасение от тирании Советской России, писательница не воспринимала реальность, которая была намного сложнее утопии. Все более усугублявшийся внутренний конфликт и сложности в межличностных отношениях – это следствие длительных напряженных интеллектуальных усилий, направленных на создание «идеальных людей», живущих в «идеальном мире»³⁸¹. Бранден отмечает, что «разделение мира на черное и белое» было свойственно детству Алисы, которое прошло в эпоху предреволюционного противостояния и которое она так и не сумела преодолеть, живя в Америке³⁸².

«Атлант расправил плечи» стал последним романом писательницы, после которого она сосредоточится на написании философско-публицистических работ. Художественное творчество было для нее, как уже отмечалось, способом выразить свои философские концепции, но также и возможностью «проговорить» травматические переживания, связанные с Россией. Если другие писатели-эмигранты стремились сохранить собственную идентичность, создавая диаспоры и открыто «проговаривая» свои чувства в текстах, то Айн Рэнд сама лишила себя этой возможности в попытке «интегрироваться» в американскую культуру, минуя неизбежный этап скорби³⁸³. Это породило

³⁸¹ Branden B. Op. cit. P. 267.

³⁸² Branden B. Op. cit. Pp. 268–269.

³⁸³ По определению Э. Сантнера, работа скорби – это «процесс переработки и привыкания к реальности утраты или травматического шока путем их воспоминаний и повторов в

психологический зазор между тем, какой она видела Америку и какой она ее *хотела* видеть. Перенеся свои интенции «исправителя» на вновь обретенную родину, Рэнд испытала неизбежный психологический диссонанс, который в последнем романе вылился в обилие скрытых аллюзий на советскую действительность: «работа скорби» неизбежно должна была свершиться, пусть даже таким образом.

Итак, Октябрьская революция вызывает масштабные изменения в восприятии образа идеального человека в России. Попытка преодоления противоречий внутри русского общества вызвала еще больший раскол, сформировав, как следствие, расколотую личность. Именно поэтому объектом исследования писателей-эмигрантов «первой волны» становится то, как разрушается человек после катастрофы, разделившей жизнь России на «до» и «после». Свойственная русской философской традиции установка на органическое мировосприятие прослеживается и в попытке рассказать о травме Октябрьского слома: человек остро ощущает неспособность вписаться в кризисную ситуацию и ищет пути для восстановления утраченной гармонии.

М. Алданов, И Шмелев и Айн Рэнд создают романы, обладающие рядом схожих черт: 1) особый тип героя, который находится в лиминальной ситуации, обусловленной травмой Октябрьской революции; 2) ограниченность пространства пореволюционной России, ощущение «тюрьмы»; 3) мотив смерти как основной; 4) открытое неприятие революции и попытки объяснить происходящее в России с философской точки зрения; 5) выраженность в романах органического начала как принципа, формирующего историю (у Алданова это – историософия случая, у Шмелева – неразрывная связь человека и природы, у Рэнд – целостность человека как основа его нравственности). Все три писателя используют метод «нарративного фетишизма», в рамках которого проработка травмы подменяется историей травмы и «проговариванием» травматических последствий катастрофы Октября.

символически и диалогически опосредованных дозах; это процесс перевода, метафоризации и олицетворения утраты...» [Сантнер 2009, с. 392].

При всем при том Рэнд выбирает другой путь для восстановления целостности расколотой личности. Название ее романа о жизни «лишенцев» – «Мы живые», что подчеркивает жизнеутверждающее начало философии писательницы, тогда как заглавия романов Алданова и Шмелева содержат смертельную лексику и отражают пессимистическую установку неспособности их героев вырваться из тюрьмы Советской России. Смерть становится в романах последних двух писателей выходом из страшной посттравматической реальности. Рэнд же делает смерть отправной точкой для противопоставления «живого» и «мертвого» в тексте, воплощая основной принцип своей антропологической утопии, заключающийся в том, что внешние обстоятельства не могут повлиять на человека, если он обладает качеством целостности.

В поздних романах Рэнд продолжает обращаться к травме Октябрьской революции, не просто осмысляя прошлое своей родины, как в первом романе, но проецируя его на свою вторую родину – США. Советское прошлое становится американским будущим в ее текстах. Используя прием скрытых аллюзий, фигуру «альтер-эго» и инверсию, она в конце концов создает индивидуальную утопию как форму «проработки» травматического опыта. Здесь писательница идет вслед за своим учителем Н.О. Лосским, рассматривавшим русскую революцию в качестве предупреждения Западу.

Можно сделать вывод, что специфической чертой русской утопической традиции является концепция синтетизма, с помощью которой воссоздается образ человека в русской литературе XIX–начала XX веков. Идея синтеза по-разному проявлялась в ходе развития антропологической утопии в России (от религиозного к секулярному модусу), но неизменной оставалась тенденция к преодолению внутреннего конфликта в человеке и как следствие – преодоление противоречий в социуме.

Русская литература стала для Рэнд отправной точкой в формировании художественной системы ее романов. Она научила ее выстраивать причинно-следственные связи – между человеком и его мыслями и поступками, а также между различными сферами жизни, сформировав диалектику «keeping in

context». Эта диалектика выразилась в первую очередь в форме концепции целостности человека. Спор с русской культурой, которая виделась Рэнд отрицающей свободу и индивидуальность человека, подтолкнул ее к идеализации максимально эгоистичной личности, но до конца уйти от использования тех же самых приемов, которые проявлены в русской художественной литературе, она не смогла.

Отрицание своей национальной идентичности парадоксальным образом становится для Рэнд одним из способов репрезентовать травму эмиграции, что приводит к обращению к уже привычным повествовательным приемам, реализованным в русской утопической литературе. Утопические проекты, которые были ведущими на протяжении XIX–начала XX века в России, в утопии писательницы будут отражены на разных уровнях поэтики. «Разумный эгоизм» Чернышевского, сформировавший идейное ядро его философского романа, станет основой для формирования этики героев Рэнд. «Русское ницшеанство» привнесет в романы писательницы переосмысленную в ключе традиции синтетизма идею «сверхчеловека». «Русский ренессанс» и русская масонская мысль сформируют идеи гуманизма и ценности человеческой личности.

Рэнд, первым и главным импульсом к творчеству которой были воспоминания о травматическом опыте Октябрьской революции, продолжает в романах поиски синтеза внутри как отдельно взятого человека, так и социума. Индивидуализм и отрицание коллективизма осознаются Рэнд как единственно возможный путь к сопротивлению массовой деперсонализации, охватившей русское общество. Именно это обстоятельство и определяет эволюцию антропологической утопии в ее романах. Писательница будет от романа к роману все явственнее развивать идею синтеза практического и интеллектуального начал в человеке, его телесной и духовной природы, а также идею эволюционного развития человека, преодоления им своей природы и радикальной трансформации.

В целом, в романах Рэнд персонифицируется два антропологических образа: внутренне целостная личность, противостоящая окружающему хаосу и разладу и внутренне расколота личность, которая не выдерживает испытания – в чем бы оно ни выразалось (революция, профессиональная самореализация, личные отношения). Расколота личность не выносит противоречия между идеалом и реальностью, не в силах привести в гармоничное состояние свой собственный внутренний мир.

Идеальный герой писательницы – человек, в котором разрешены все противоречия и который абсолютно самодостаточен. Антрополатрия как свойство русской антропологической утопии доводится писательницей до максимальной степени выражения, вытесняя собой христианскую традицию и служение коллективу как два ценностных ориентира русского общества на разных этапах его развития.

При этом основная линия, в рамках которой развивается аксиологический конфликт внутри персонажей ее поздних романов, связана с осью «разум-эмоции». Эмоциональная жизнь персонажей оказывается в тесной связи с их рациональным выбором, что приводит к созданию особого типа личности, эмоции которого находятся под полным контролем разума, воплощаясь в форме когнитивно-эмоционального монодуализма. Такой своеобразный способ личностной интеграции связан с бессознательной попыткой преодолеть трагический раскол в человеке, который констатируется в рамках русской литературно-философской традиции.

Этический кодекс «разумного эгоизма», которым руководствуются персонажи Рэнд, тесно связан с традицией секулярной соборности, свойственной русской культуре. В своих романах она стремится преодолеть последний раскол русской культуры – между человеком и обществом. Проецируя на американское общество проблемы русского и балансируя между крайним индивидуализмом и стремлением к объединению личностей со схожей системой ценностно-философских ориентиров, писательница пытается

разрешить главный конфликт русской культуры, ставший причиной ее собственной эмиграции в США.

Глава 3. Америка: утверждение образа идеального человека Айн Рэнд

§1. Образ «integrated man» Айн Рэнд и антропологические утопии США первой половины XX века. Эмиграция Айн Рэнд в США в 1926 году стала новой страницей в жизни писательницы. Она «входит» в пространство американской культуры в сложный и во многом переломный для нее период: это время переосмысления «американской мечты» – оплота американской цивилизации. В 1931 году выходит книга Дж.Т. Адамса «Американский эпос» (*The Epic of America*, 1931), в котором «американская мечта» представлена как утопия о новом социальном порядке. В этой работе анализируется «исконное» понимание данного термина и его деградация в современном Адамсу американском обществе, в котором стремление к прибыли и материальному благополучию, формирующее *человека-потребителя*, подменило собой идею о *человеке-творце* [115]. Как резюмирует С. Лаперуз, Адамс считал, что «на основе “высокого уровня жизни” должно быть достигнуто то, что можно назвать “высоким уровнем бытия” человека, его ума, души, образования, развития и, в конечном счете, его духовных устремлений»³⁸⁴.

С самого начала утопический конструкт «американская мечта» обнаруживает амбивалентность другого порядка: противоречие между утверждением о всеобщем равенстве, отраженном в Декларации независимости США, и реально существующим в Америке социальным неравенством. Другое явное противоречие американского национального мифа проявилось в области антропологии: тенденция к противопоставлению общественного и индивидуального приводит к тотальному отчуждению человека – от социума и от себя самого. Американская философская антропология постулирует распад человеческой природы и превращение человека в функцию³⁸⁵. По мнению

³⁸⁴ Лаперуз С. В поисках «Американской мечты» : Избранные эссе // Американские размышления : сайт Стивена Лаперуза. URL : http://www.americanreflections.net/books/the_search_for_the_american_dream_selected_essays_ru.html (дата обращения : 08.10.20).

³⁸⁵ См.: Tillich P. Love, power and justice : Ontological Analyses and Ethical Applications. Oxford : Oxford University Press, 1954. 127 p.; Niebur R. The nature and destiny of man : A Christian

отдельных исследователей, данная оппозиция оказывается изначально заложенной в самом понятии «американская мечта»: «Индивидуализм “американской мечты”... подразумевает возможность реализации любой личной мечты о счастье, однако возможность эта ограничена требованиями некоего коллектива, или общества, или самого государства. В Соединенных Штатах существует и определенное коллективное... понимание того, что есть счастье, таким образом, личное видение “американской мечты” всегда так или иначе противостоит коллективному»³⁸⁶.

В качестве репрезентации данного противоречия, сложившегося в середине XX века, необходимо обозначить отмеченный Д. Рисменом переход от «inner-directed man» («личности, ориентированной изнутри») к «other-directed man» («личности, ориентированной извне»). В своей книге «Одинокая толпа: исследование меняющегося американского характера» (*Lonely Crowd: A Study of The Changing American Character*, 1950) Рисмен называет общество переходного типа плацдармом для формирования «inner-directed man». В качестве условий для появления такого социума он называет повышенную личную мобильность и постоянное расширение производства. К обществам такого типа относится, например, европейское общество эпохи Ренессанса. Однако в США 1950-х годов начинается процесс перехода к «other-directed man», обусловленный индустриализацией, урбанизацией и развитием капитализма. Возникает кризис американской антропологической модели, ориентированной на идеал «self-made man»³⁸⁷. Следствием этого стала политика позитивных действий («affirmative actions»), направленная на всеобщее «выравнивание», что явилось нарушением принципа равных возможностей и опоры личности на собственные силы. Иными словами, Америка вступила в

Interpretation : in 2 vol. Vol.1. Human Nature. Louisville-London : Westminster John Knox Press, 1996. 305 p.; Barret W. Irrational Man : A Study In Existential Philosophy. N.Y. : Doubleday, 1977. 278 p.

³⁸⁶ Рабеев С.К.Б. Бинарные оппозиции как средство концептуализации «американской мечты» (на примере произведений литературы США вт. пол. XX–нач. XXI вв.) : автореф. дис. ...канд. филол. наук. Воронеж, 2019. С. 10.

³⁸⁷ Riesman D. Lonely Crowd : A Study of The Changing American Character. N. Y.: Doubleday, 1953. 359 p.

эпоху перемен, ознаменованную «вытеснением индивида – как главного действующего лица, главного героя американского общества эпохи свободной конкуренции – государством»³⁸⁸.

Обращаясь к мировоззренческому кризису в США середины XX века, следует отметить, что он также был связан с кризисом просвещенческих ценностей, которые подвергаются критике в рамках формирующейся постмодернистской парадигмы³⁸⁹. Америка как наследница Духа Просвещения, «отцы-основатели» которой положили просвещенческие ценности в основу американской ментальности, особенно остро переживала этот кризис, охвативший весь мир. Кризис сопровождался ощущением распада единой парадигмы, в рамках которой человек представлялся существом гармоничным. Как отмечает американский философ Р. Тарнас, вследствие этого формируется «расколотое мировоззрение»: «Поскольку современный тип мышления испытал на себе огромное воздействие романтического сознания, а отчасти был с ним отождествлен, тогда как притязания науки на истину по-прежнему оставались в силе, то современный человек испытывал, по существу, непреодолимое чувство собственного раздвоения между разумом и душой»³⁹⁰.

Относительно Просвещения как мировоззренческого проекта сложилось два основных подхода. Первый включает в себя так называемые «концепции социальной деструкции», рассматривающие проект Просвещения как деструктивный вследствие доведения до абсурда идеи триумфа Разума, обернувшейся безумием тотального контроля человека над природой и человека над человеком³⁹¹. Второй подход позиционирует позитивное отношение к просвещенческому проекту и объясняет все проблемы

³⁸⁸ Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта. М. : Прогресс-Традиция, 2009. С. 278.

³⁸⁹ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М. : Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 1998. 160 с.

³⁹⁰ Тарнас Р. История западного мышления (Страсти западного ума). М. : Крон-Пресс, 1995. С. 543.

³⁹¹ Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. СПб. : Медиум, Ювента, 1997. 312 с.

современности искажением идей Просвещения³⁹². Дискуссия вокруг проекта Просвещения, в сущности, лежит в плоскости дихотомии, относящейся к человеку, который в эпоху постмодернизма, когда ведутся ожесточенные баталии вокруг просвещенческих ценностей, оттеснен на максимально возможную периферию. Привычка разделять человека на две части (разум и эмоции) и позволяет исследователям говорить о том, что тоталитаризм – всего лишь теневая сторона Просвещения как проекта рациональности. Именно отсутствие целостности толкает человека к различным крайностям, представленным двумя качествами его природы. На их же основе создаются различные тоталитарные режимы, религиозные институты и всевозможные философские концепции.

Начиная работу над своим последним романом «Атлант расправил плечи», Рэнд не случайно обратится к такой философской фигуре, как Аристотель. Как пишет Дж. Бёрнс, ощущение «исчерпанности» всех идеологий, наступившее к середине XX века, настигло писательницу после размышлений над книгой Ф. фон Хайека «Дорога к рабству» (*The Road to Serfdom*, 1944). Она отмечает, что в заметках писательницы на полях этой книги есть рассуждения о том, что расцвет тоталитарных идеологий вызвал кризис либеральной мысли и сомнение в идее прогресса разума³⁹³. Аристотель виделся писательнице своеобразным образцом, на который следует ориентироваться при создании новой идеологии, долженствующей вернуть мир к этой идее. Основанием для этого, по мнению Рэнд, является, прежде всего, неразличение Аристотелем «мира явлений» и «высшей» реальности, то есть отрицание дихотомии в масштабах космоса³⁹⁴.

³⁹² Тодоров Ц. Дух Просвещения. М. : Московская школа политических исследований, 2010. 120 с.

³⁹³ Burns J. *The Goddess of The Market : Ayn Rand and The American Right*. N.Y. : Oxford University Press, 2009. Pp. 111–112.

³⁹⁴ Lennox J.G. *Who Sets the Tone of a Culture? : Ayn Rand's Approach to the History of Philosophy // A Companion to Ayn Rand / ed. by A. Gotthelf and G. Salmieri*. West Sussex : Wiley Blackwell, 2016. P. 335.

Преодоление дихотомии как антропологическая проблема стала актуальной для западной цивилизации уже к середине XX века ввиду обозначенных выше обстоятельств. «Расколотое мировоззрение» эпохи настойчиво требовало синтеза противоположных идей. В попытке преодолеть этот раскол возрождается древняя идея о «сверхчеловеке», «идея-блок»³⁹⁵, которая путешествует сквозь время, оставаясь в то же время связующим компонентом в истории человеческой мысли. Не случайным в этом смысле представляется популярность в США идеи «гармонического человека» Г. Гурджиева, который с 1933 по 1949 гг. организует там группы своих учеников. Основание мыслителем своего собственного Института гармонического развития человека (1922 год, Париж) свидетельствовало о важном процессе, в который оказалась вовлечена вся западная цивилизация. Он заключался в пробуждении интереса к трансформации человека через духовное самосовершенствование.

Рэнд была знакома с антропологической концепцией Гурджиева, что представляет несомненный научный интерес. Несмотря на то, что философ читал свои лекции и в России (1911–1917 гг.), историю этого знакомства следует восстанавливать через отношения писательницы с американским архитектором Ф.Л. Райтом, основателем направления органической архитектуры. В 1937 году Рэнд написала ему письмо, в котором сообщила, что замысел ее романа «Источник» связан во многом с личностью архитектора: «Мой герой – это не вы... Его жизнь не станет вашей, как и его работа, – возможно, даже и его художественные идеалы. Но его душа, я полагаю, – ваша...» [LAR, с. 109].

История споров о том, насколько сильным было влияние личности Райта на образ Говарда Рорка, главного героя романа, подробно освещены в статье М.С. Берлинера. В частности, он отмечает, что Р.С. Туомбли, Ф. Винстен, М. Сикрест, Ф. Токер и ряд других исследователей полагают, что роман

³⁹⁵ Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи. М. : Дом интеллектуальной книги, 2001. 376 с.

«Источник» основан на «карьере Фрэнка Ллойда Райта»³⁹⁶. Д.Л. Джонсон, автор книги *The Fountainheads: Wright, Rand, the FBI and Hollywood* (2003) утверждает, что сходство между Райтом и героем Рэнд заключается в их принципиальности и новаторстве³⁹⁷. Однако позиция самой Рэнд относительно связи Говарда Рорка и Фрэнка Ллойда Райта весьма неоднозначна. Как указывает М.С. Берлинер, в 1944 году она отмечает очевидное влияние Райта на своего героя. Но позднее, в 1950 году, она утверждает совершенно обратное, заявляя, что никакого сходства между Райтом и Рорком нет и быть не может³⁹⁸. Сопоставив жизненные истории и философские взгляды Рорка и Райта, Берлинер в итоге делает вывод, что настоящей «психологической моделью» Рорка была сама писательница³⁹⁹. Действительно, Райт имел отличное от героя Рэнд мировоззрение даже относительно архитектуры: будучи противником небоскребов, Райт предпочитал проектировать дома, «приближенные» к земле (достаточно посмотреть на карандашный набросок одного из самых известных его проектов, воплощенных в жизнь, – «Дом над водопадом», спроектированный для четы Кауфманов в 1935 году).

Важно отметить, что отрицание связи Рорка и личности Райта появилось в печати сразу после поездки Рэнд в Талиесин (резиденция четы Райт в штате Висконсин). История опубликованной переписки писательницы и архитектора это подтверждает: в письме Рэнд к Райтам, датированном 30 ноября 1945 года, говорится: «Дорогие мистер и миссис Райт, благодарю вас за дни, проведенные в Талиесине. Это был волнующий опыт, которого я ждала долгие годы и который всегда буду помнить» [LAR, с. 115]. Поездка Рэнд в Талиесин, на наш взгляд, требует отдельного, более внимательного рассмотрения. Поверхностно этот вопрос затрагивается в книге Р. Фридланда и Х. Зелмана *The Fellowship* (2006), полностью посвященной сообществу «Содружество Талиесин», которое

³⁹⁶ Berliner M.S. Howard Roark and Frank Lloyd Wright // Essays on Ayn Rand's *The Fountainhead* / ed. by R. Mayhew. N.Y : Lexington Books, 2007. P. 43.

³⁹⁷ Jonson D.L. *The Fountainheads : Wright, Rand, the FBI and Hollywood*. Jefferson : McFarland & Co., 2005. Pp. 54–59.

³⁹⁸ Berliner M.S. Op. cit. P. 48.

³⁹⁹ Berliner M.S. Op. cit. P. 50.

функционировало начиная с 1931 года под руководством третьей жены, Лазович Ольги Ивановны (по прозвищу Ольгиванна). На Ольгу Лазович значительное влияние оказало теософское общество, а также она являлась ближайшей ученицей мистика Георгия Гурджиева⁴⁰⁰. Жена Райта читала лекции и устраивала так называемые «ритуальные танцы», основанные на учении философа. Его влияние на свои взгляды она описала в книге *The Struggle Within* (1955) [136]. В «Содружестве Талиесина» Гурджиев был почетным гостем. Как отмечает М. Сикрест, жена Райта заимствует у него основные принципы учения, делая их основой жизни в коммуне⁴⁰¹.

Рэнд отзывалась о своем посещении Талиесина достаточно критично, отмечая, что коммуна напомнила ей «феодалное учреждение», а ученики были похожи на «средневековых крепостных»⁴⁰². Назвав «Содружество Талиесина» «кастовой системой», она оказалась абсолютно разочарована во всем, что она увидела и услышала⁴⁰³. Год спустя после своего возвращения из Талиесина (10 сентября 1946 года) Рэнд напишет чете Райтов письмо, в котором скажет, что начала работу над новым романом, поэтому она пока «мертва для мира» [LAR, с. 116]. Писательница имела в виду свой последний и самый известный роман – «Атлант расправил плечи», который был завершен в 1957 году. На наш взгляд, именно в этом романе и следует искать «следы» влияния философии Гурджиева на нее.

На учение Гурджиева оказали влияние самые разные философские традиции: эзотерическое христианство, зороастризм, суфизм, тибетский буддизм⁴⁰⁴. Наиболее адекватным изложением идей философа является книга

⁴⁰⁰ Friedland R., Zellman H. *The Fellowship : The Untold Story of Frank Lloyd Wright and The Taliesin Fellowship*. HarperCollins e-books, 2007. 655 p.

⁴⁰¹ Secrest M. *Frank Lloyd Wright : A Biography*. Chicago, London : The University of Chicago Press, 1992. P. 308.

⁴⁰² Friedland R., Zellman H. *Op. cit.* P. 380.

⁴⁰³ При этом сама писательница образовала вокруг себя примерно такое же «сообщество», именуемое «Класс-43» (иронически называемое участниками «Коллектив»), где все присутствующие подчинялись ее авторитету. Подробнее об этом см.: Burns J. *The Goddess of The Marke t: Ayn Rand and The American Right*. N.Y. : Oxford University Press, 2009. P. 144.

⁴⁰⁴ Кучеренко В.А. *Учение о человеке Г.И.Гурджиева в контексте духовных исканий современности* : автореф. дис. ...канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 24 с.

его ближайшего ученика П. Успенского «В поисках чудесного» (1949), написанная в течение 1916–1917 гг. под влиянием встреч с философом во время его пребывания в Москве и Петербурге. Сам Гурджиев писал свои тексты эзоповым языком, в форме притч (такова трилогия «Все и вся», написанная после 1924 г.), поэтому пояснения ученика весьма ценны для обычного читателя.

Философия Гурджиева классифицируется исследователями как антропокосмическая, то есть принадлежащая философской концепции, которая развивает представление о гармоническом единстве человека и вселенной⁴⁰⁵. Идея «родства» человека и космоса уходит корнями в древность. Основные принципы антропокосмизма, которые прослеживаются в учениях индуизма, даосизма, пифагореизма, ренессансных гуманистов, русского космизма – это единство мироздания и человека и эволюционистическое восприятие человека и мира. Совершенный человек рассматривается в рамках антропокосмизма как экзистенциальная ступень сознания к «сверхчеловеку»⁴⁰⁶.

Гурджиева волновала одна из «великих историй» – история эволюции человека, наиболее полно до него проявившаяся в философии Ф. Ницше. Гурджиев, по мнению исследователей, идет дальше Ницше, так дает конкретную методiku по созданию «сверхчеловека»⁴⁰⁷. Можно выделить два основных этапа, через которые призывает пройти своих последователей философ. Это, во-первых, эволюция человека в контексте Вселенной, а во-вторых – обретение целостности (совершенства) как следствие этого процесса.

Влияние философии Ницше на Рэнд уже обсуждалось нами во втором параграфе второй главы. Как и Гурджиева, ее волновало практическое применение методик усовершенствования и трансформации человека, для чего она не ограничивается художественным изложением своих идей, а превращает

⁴⁰⁵ Бурханов Р.А. Классификация направлений философии культуры русского космизма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 6. Ч. 2. С.48–52.

⁴⁰⁶ Маркина Е.П. Антропокосмизм в контексте идей русского космизма // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 4. С. 207.

⁴⁰⁷ Кучеренко В.А. Указ. соч. С. 13.

их в философскую систему, претендующую на реализацию. Эволюция человека в системе последних («американских») романов писательницы является, по сути, сюжетообразующим приемом. Философия Рэнд как элитарная выделяет из общей массы людей, которых она называет «атланты»⁴⁰⁸. Этот лейтмотив ее романов перекликается с идеей Гурджиева о семи типах людей, каждый из которых находится на одном из уровней развития. Первые три – «обычные люди», или, как философ их называет, «машины». Седьмой уровень – это уровень «сверхчеловека». Ключевой во всей этой системе является, конечно, мысль о том, что люди не рождаются априори равными друг другу, а должны последовательно и методично развивать себя и свое сознание.

Герои Рэнд не находятся на горизонтальной плоскости: структура персонажей в ее текстах иерархична. Несмотря на то что во всех ее текстах есть определенная элита, противостоящая массе, эта элита тоже очевидно различается между собой по уровню развития. Собственно, сюжеты романов «Источник» и «Атлант расправил плечи» строятся на допущении, что существуют «машины» (Джеймс Таггерт, Эллсворт Тухи, Лилиан Риарден и др.) и «сверхлюди» (которые находятся на разных уровнях – выше всех, конечно, располагается Джон Голт). Причем последние развивают себя с великим трудом, преодолевая препятствия: из самых «низов» поднимаются на вершину Говард Рорк, Джон Голт, Хэнк Риарден и другие ее герои. Дагни Таггерт («альтер-эго» самой писательницы) также показана в становлении: она мечется от болезненной привязанности к делу своих предков и осознанием того факта, что надо стать выше этой привязанности, чтобы перейти на иной уровень развития.

У Гурджиева часто встречается упоминание «объективного» знания как знания «человека номер семь», то есть человека «высшего порядка» на

⁴⁰⁸Здесь Рэнд включается в дискурс так называемой «теории элит», которая наиболее детально была разработана в элитарной культурологической концепции Х. Ортега-и-Гассета. О сходствах концепции Рэнд с данной философской парадигмой см. подробнее: Johnson G. Ayn Rand & Ortega y Gasset // Counter-Currents Publishing : Books Against Time. URL : <https://www.counter-currents.com/2015/06/ayn-rand-and-ortega-y-gasset/> (дата обращения : 02.07.21).

эволюционной лестнице (об эволюционной составляющей учения Гурджиева речь пойдет ниже). Целостность как высшее проявление природы человека трактуется философом как получение знания одновременно с помощью ума, чувств и ощущений [102, с. 119–120]. Как отмечает В.А. Кучеренко, мыслитель полагал, что только целостный человек обладает тремя аспектами – волей, бытием, телом⁴⁰⁹. Используя метафору «машины» как неосознанного человека, Гурджиев утверждает, что важнейшим качеством целостности выступает ответственность за свои слова, мысли и поступки [102, с. 22].

Антитеза ответственности «атлантов» и безответственности, неосознанности «машин» лежит в основании главного конфликта в последнем романе Рэнд. Джеймс (президент компании «Таггерт Трансконтинентал») не желает брать на себя ответственность ни за утверждение заказа рельсов из риарден-металла, ни за его отмену. Это делает Дагни (вице-президент компании), демонстрирующая качества «атланта» [67, с. 30–31]. В другом эпизоде – крушения поезда «Комета» – повествователь подводит читателя к мысли, что к катастрофе привело нежелание большинства взять на себя ответственность за происходящее в стране [68, с. 317–318]. Эта конфликтная ситуация является сюжетообразующей для ее текстов, причем неосознанность «машин» в конце концов по диалектическому принципу достигает глобальных масштабов, угрожая жизни всей цивилизации, построенной усилиями «атлантов».

Целостность человека становится у Гурджиева основанием для разделения людей на тех, кто «существует» и «не существует». Относящиеся ко второй категории не способны ничего решать относительно своего будущего [102, с. 16]. К процессу «не-существования» личность приходит путем определенного процесса, заключающегося в «смерти» сущности человека, тогда как его личность и тело продолжают жить. По Гурджиеву, у большинства цивилизованных людей «личность», то есть часть человека, «чужая» для него, воспитанная культурой, социумом, различными, по выражению М. Фуко,

⁴⁰⁹ Кучеренко В.А. Указ. соч. С. 17.

«эпистемами»⁴¹⁰, значительно превалирует над «сущностью». Последняя и представляет собой «ядро» личности [102, с. 179–182]. Эта же антитеза есть и в романах Рэнд. Уже упомянутая нами во второй главе (§4) оппозиция «живое» – «мертвое» в творчестве писательницы может быть рассмотрена в контексте гурджиевской антропологии: «извивающиеся ничтожества», изуродованные тоталитарной идеологией («Мы живые»), и есть те люди, в которых умерла их «сущность». Основа для формирования «личности» («эпистемы») в ее романах – это этика коллективизма, альтруизма, паразитизма. Таковы, например, мертвые внутри герои Эллсворт Тухи («Источник») и Джеймс Таггерт («Атлант расправил плечи»). Этот мотив настолько важен для художественной системы романов Рэнд, что он находит отражение в постоянно повторяющемся из текста в текст образе пустыни (символ «мертвого») и – в противовес этому – образе цветущей Атлантиды (символ «живого»).

Превращение в человека высшего уровня, обретение «сущности», возможно лишь при условии работы над собой. Важнейшую роль при этом, по Гурджиеву, играет труд. Мыслитель предлагает человеку путь постоянной борьбы, используя такие термины, как «сплавление», «кристаллизация». Он сравнивает психическое состояние обычного человека с состоянием «механической смеси», противопоставляя его процессу плавления, в ходе которого смесь приобретает новые качества, ранее ей не свойственные [102, с. 35–37]. «Алхимическую» метафору «coniunctio oppositorum» («соединение противоположностей») использует и Рэнд: один из ее главных героев, Хэнк Риарден, буквально «положил жизнь» на изобретение нового вида сплава. В ходе этого непростого и творческого процесса менялся, закаляясь в борьбе, и сам герой, жизнь которого – путь через череду препятствий: «Продвигаясь к намеченной цели, он работал на рудниках, сталелитейных заводах, металлургических комбинатах севера страны. Об этих своих работах он помнил лишь то, что окружавшие его люди, похоже, никогда не знали, что делать, в то время как он всегда имел четкое представление о себе» [67, с. 41]. И если

⁴¹⁰ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М. : Прогресс, 1977. 489 с.

«машины» самоутверждаются через власть и паразитирование на «атлантах», застыв при этом на одном уровне развития, то последние меняют как мир вокруг, так и самих себя, чтобы двигаться дальше. Повторяющийся в романах писательницы образ дерева, символизирующий вечность развития и эволюции всего живого, художественно воспроизводит космологическую соотнесенность человека со Вселенной, о которой говорил Гурджиев [102, с. 98–99].

В антропологической утопии Гурджиева иерархичен не только социум, но и человек. Мыслитель формулирует четырехуровневую концепцию человеческой личности, используя метафору колесницы: «повозка» (тело), «лошадь» (чувства, эмоции), «возница» (ум), «господин» (Я, сознание, воля). При этом философ ссылается на восточные учения», которые также используют эту метафору [102, с. 45–46]. Вероятно, философ имеет в виду индуистские учения (иудаизм и суфизм): «Колесница (по-еврейски Меркаба) есть также символ цепи нисхождения от Бога через человека в мир явлений и затем триумфального восхождения духа» [ЭС, с. 35]. В XX веке колесница как символ человеческой сущности была «переоткрыта» психоаналитиками (последователями К.Г. Юнга).

Рэнд использует метафору колесницы в романе «Атлант расправил плечи» в эпизоде об опере Халлея. Тут следует остановиться на глубинном смысле мифа о Фаэтоне, отнюдь не исчерпываемом повествованием о бунтующем сыне Гелиоса. Согласно Платону, миф о Фаэтоне – это отголосок космического события: миф описывает не что иное, как катастрофу, приключившуюся на заре человечества с планетой Фаэтон⁴¹¹. Трактуя миф о Фаэтоне, нельзя не заметить, что в нем затрагивается также тема тщеславия человека, вознамерившегося «переплюнуть» само Солнце, то есть Бога. Утрата «равновесия» между человеком и Богом, вызванная разрушением Фаэтона, вызвала разрыв и между людьми. Система ценностей индивидуума и система

⁴¹¹ Сухих В.В. О возможной интерпретации мифа о Фаэтоне // Исседон–ΙΣΣΕΔΩΝ : Альманах по древней истории и культуре. Т.1. Екатеринбург : Уральский гос.ун-т им. А.М. Горького, 2002. С.6–15.

ценностей Абсолюта более не совпадают. Отсюда – вечный конфликт личности и коллектива, в XX веке проявившийся в череде кровавых тоталитарных режимов. Противостояние человека и общества, традиционный романтический конфликт, возникает во всех трех романах писательницы. В романе «Атлант расправил плечи» символика непокорного Фаэтона трактуется писательницей как воскрешение силы человеческого духа, однако реальный конфликт – создателя оперы «Фаэтон» Ричарда Халлея и публики, не признавшей его творение, – остается нерешенным и вынуждает композитора, как и других титанов в романе Рэнд, скрыться в долине Джона Голта.

Идея целостности человека сопровождается у Гурджиева мыслью о триединстве всего сущего. Триада «Мысль – Слово – Дело» является чрезвычайно древней идеей. Достижение целостности, согласно Гурджиеву, возможно только посредством соблюдения равновесия между тремя силами – активной, пассивной и нейтрализующей [102, с. 62]. Наиболее явно эта же идея выразилась у Рэнд в ее ранней метафорической пьесе «Идеал». Изначально созданная как повесть, она представляет собой зашифрованный в форме детектива философский текст о загадочной актрисе Кей Гонде, обвиняемой в убийстве и на протяжении всего сюжета пытающейся попросить убежища у каждого из своих «преданных» поклонников. Последовательно показывая «отречение» каждого из них от своего «идеала», повесть констатирует главный «грех» практически каждого человека – отсутствие целостности [80].

Повторяющаяся сюжетная ситуация в текстах писательницы («сверхчеловек», достигающий своей цели, что становится для него часом триумфа) – именно следствие соблюдения равновесия между тремя силами. В «Источнике» описан триумф Говарда Рорка, который в финале возвышается над городом на вершине самого высокого здания в стране, спроектированного им как символ величия человеческого духа [83, с. 345–347]. В «Атланте...» представлен триумф Дагни Таггерт и Хэнка Риардена, которые отправляются в путь на поезде, впервые пущенном по рельсам из нового металла [67, с. 303–313]. В «Мы живые» есть аналогичная ситуация: в финале Кира Аргунова

погибает в попытке пересечь границу Советского Союза, но погибает она триумфально, потому что вся ее жизнь – лишь цепочка соблюдения равновесия между Мыслью, Словом и Делом: «Она узнала то, о чем никто из людей не рассказал бы ей. Она прожила годы в ожидании этой жизни, верила в возможность ее существования, а сейчас почувствовала, что с самого детства она жила ею» [86, с. 472]. Именно поэтому в самом известном романе писательницы («Атлант расправил плечи») три части – по числу законов логики Аристотеля: «Непротивление» (закон исключенного противоречия), «Или-Или» (закон исключенного третьего), «А есть А» (закон тождества).

Несмотря на то что философия Гурджиева повлияла на таких известных американцев, как архитектор и писатель Б. Клод, писательница Г. Зона, пианист и композитор Д. Кит, психиатр Д. Ленгмюр, балетмейстер Э.К. Линкольн, химик Р. Ида, психолог Ч. Тарт, фотограф М. Уайт и др., антропологический проект мыслителя не получил широкого распространения в США⁴¹². Иная судьба ожидала другую антропологическую утопию Америки середины XX века – битничество, которую по праву можно назвать специфически американским «продуктом». Появление бит-поколения связано с разочарованием американской молодежи в идеалах, представлявших ценность для предыдущего поколения. Модель «одномерного человека», описанная Г. Маркузе в книге «Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества» (*Der eindimensionale Mensch*, 1964), явилась причиной протеста битников против существующего положения дел. Главное обвинение, предъявленное западной цивилизации в этой книге, касается «сублимации» рабства, которое в обществе тотального потребления не осознается самими рабами. Одномерность сознания современного западного человека проявляется в односторонней направленности его мышления на потребление и повсеместном отчуждении, виной чему, как считает Маркузе, –

⁴¹² Хотя в Нью-Йорке по сей день функционирует группа последователей философии Гурджиева. См.: Gurdjieff Club. URL : <https://gurdjieffclub.com/karta-raspolozheniya-gurdzhievskih-grupp/> (дата обращения : 14.07.21).

наука Нового времени. Выход он видит в реализации проекта «Великого Отказа», то есть отказа от ценностей тоталитарной системы для создания нерепрессивной цивилизации и целостного человека, у которого разум и чувства находятся в равновесии⁴¹³.

Рэнд в статье «Левые: старые и новые» (*The Left: Old and New*, 1970), которая строится вокруг рассуждений о статье «Грядущее десятилетие: в поиске целей», опубликованной 19 декабря 1969 года в журнале *Time*, выступает в защиту «аполлонической» цивилизации. Критикуя «дионисийскую утопию будущего», которая отвергает рационализм и культ индустриальных достижений, она предлагает ее поборникам отправиться в прошлое, где азиатский крестьянин или южно-американский индеец обрабатывают землю с помощью примитивных орудий, или в СССР, «чтобы выстоять там длинную очередь за продовольственным пайком» [85, с. 201].

Американская литература второй половины XX века отразила ситуацию кризиса, в которой оказалась национальная утопическая идея. Антропологический кризис был вызван конфликтом идеализации США как мира неограниченных возможностей и реальностью. Романы битников демонстрируют раскол между ценностями «отцов-основателей» и современной Америкой, в которой уже не было места высокому идеалу человека-творца. Усталость от многолетнего доминирования просвещенческой идеологии, превозносившей разум, сделала возможным «провал» в иную крайность – бездну эмоционального мира, наполненного наркотиками, беспорядочным сексом и постоянным движением. Дж. Рассел назовет последнее буквально «потребностью в движении», которая, безусловно, была связана с американским символом фронта, привычкой американца открывать новые горизонты даже когда все открыто – только уже внутри себя самого⁴¹⁴.

Движение битников не столь однородно, как может показаться на первый взгляд. Так, Д. Хаустов, автор книги «Битники. Великий отказ, или

⁴¹³ Маркузе Г. Одномерный человек / пер. с нем. М. : Рефл-бук, 1994. 368 с.

⁴¹⁴ Russell J. *The Beat Generation*. Harpenden : Pocket Essentials, 2002. P. 15.

Путешествие в поисках Америки» (2017) справедливо указывает на эксплуатацию битниками образа «современных дикарей», хипстеров, которые отказались от «голоса разума», тогда как реальные битники отнюдь не спешили поступать аналогично: «Битник использует хипстера, но и последний, конечно, не остается в накладе – он получает что-то большее, чем компенсацию, ибо он обретает легендарный статус, он приобретает образ иконы»⁴¹⁵. Таким образом, битничество оказывается не более чем художественным проектом, который сформировал целое поколение хипстерской субкультуры.

Роман Дж. Керуака «В дороге» (*On The Road*, 1957) – это главное произведение бит-поколения, его «программный» текст. Посвященный истории отношений двух друзей, Дина Мориарти и Сала Парадайза, роман повествует об их бесконечном путешествии по Америке. Созданный в формате травелога, текст представляет собой реализацию национальной американской идеи фронта: внешние пространства покорены, поэтому герои совмещают перманентное движение по дороге с погружением в глубины дионисийской стихии (на каждой второй-третьей странице мы обнаруживаем сцены беспорядочного секса, приема наркотиков, приобщения к первобытной стихии джазовой музыки).

Несмотря на явные мировоззренческие расхождения между битниками и Рэнд, исследователи указывают на совершенно парадоксальный факт: писательница являлась для самих битников своеобразной «иконой». Как отмечает Дж. Риггенбах, ссылаясь на социологический опрос журналистов Р. Вайнера и Д. Стиллмана, проводившийся в конце 1970-х годов, имя Айн Рэнд находилось на 29-м месте из 81-й позиции среди людей, оказавших наиболее сильное влияние на американскую молодежь – тех самых битников (наряду с К.

⁴¹⁵ Хаустов Д. Битники. Великий отказ, или Путешествие в поисках Америки. М. : РИПОЛ классик, 2017. С. 92.

Воннегутом, Ж.-П. Сартром, А. Камю, Г. Гессе, С. де Бовуар и т.п.)⁴¹⁶. Если проанализировать причины, по которым американская молодежь восприняла идеи Рэнд, то главной окажется буквальное прочтение «разбитым поколением» художественных текстов писательницы, исключаящее их из контекста ее философии. Оно сделало акцент на бунтарском и индивидуалистском пафосе ее текстов, совершенно упустив из виду трагическую идею раскола внутри человека в ее философии и творчестве. Именно поэтому Риггенбах назовет «битников» «отрекшимися детьми» объективизма⁴¹⁷.

Однако если все же ввести художественное творчество Рэнд в ее философский контекст, то окажется, что на самом деле совершенно любой текст Рэнд мог бы быть рассмотрен как оппозиция текстам битников (в том числе ее последний роман «Атлант расправил плечи», написанный одновременно с романом Керуака). В художественных текстах Рэнд воспроизводится одна и та же модель диалектики объективизма, данная через призму эволюции главного героя. Эту «схему» психологического роста героя в произведениях писательницы анализирует К.М. Шабарра. По его мнению, герой Рэнд подавляет эмоции (исходящие от его разума) из-за социального давления, однако затем разум берет верх, и он начинает обретать целостность эмоций и мыслей. Он приводит в пример эволюцию Хэнка Риардена в романе «Атлант расправил плечи», который, влюбляясь в Дагни Таггерт, отрицает в себе это чувство, потому что считает его (из-за стереотипов общества) греховным, однако осознав причину своих противоречивых эмоций, перестает испытывать ощущение «расколотого» сознания⁴¹⁸: « – Дам тебе намек. Противоречий не существует. Если ты усматриваешь где-то противоречие, проверь исходные данные. И найдешь ошибку в одном из них» [67, с. 253]. Данная схема является универсальной для всех художественных произведений

⁴¹⁶ Riggenbach J. The Disowned Children of Ayn Rand // Reason. 1982. Dec. URL: <https://reason.com/1982/12/01/the-disowned-children-of-ayn-r> (дата обращения : 05.11.19).

⁴¹⁷ Там же.

⁴¹⁸ Sciabarra C.M. Ayn Rand. The Russian Radical. Pennsylvania : Pennsylvania State University Press, 2013. P. 173.

писательницы, так как (как справедливо отмечает все тот же Шабарра) роман Рэнд фактически повторяет жанровую форму русского романа, в котором герой является воплощением абстрактного принципа, а значит единственной формой психологического роста в нем будет преодоление психологического дуализма⁴¹⁹.

Рэнд, как мы уже отмечали, называла изучение творчества Ф.М. Достоевского важным для себя этапом осмысления того, как следует писать художественный текст с точки зрения его идейной составляющей. В романах русского писателя создается герой, выступающий воплощением некоей идеи, которая проверяется или проживается им в пространстве романного текста. Романы Достоевского – «двойной эксперимент», в котором разворачивается противоборство «персонифицированных идей»⁴²⁰. Схожая модель, в рамках которой осуществляется поиск целостности через борьбу двух идей, была реализована Рэнд в ее романах.

Повесть Рэнд «Гимн» позволяет изучить эту модель наглядно (именно из этого текста «выросли» «американские» романы писательницы). Как правило, этот текст, представляющий собой классическую антиутопию, рассматривается как ответ писательницы на тоталитарную угрозу. Так, М.Р. Гладштейн отмечает, что повесть изображает последствия идеологии коллективизма, главным и неизбежным из которых выступает технологическая отсталость⁴²¹. Однако, на наш взгляд, повесть может быть «прочитана» и как художественный манифест философии объективизма, которая, как мы уже определили выше, стремится преодолеть дихотомию «разум – эмоции»⁴²².

⁴¹⁹ Sciabarra С.М. Op. cit. P. 174.

⁴²⁰ Ребель Г.М. Жанровые модификации русского классического романа и современные романно-жанровые тенденции // Дергачевские чтения-2008. Русская литература : национальное развитие и региональные особенности. Проблема жанровых номинаций : Материалы IX Междунар. науч. конф. : в 2 т. Т. 1. Екб. : Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 270.

⁴²¹ Gladstein M.R. The Ayn Rand Companion. Westport : Greenwood press, 1984. Pp. 34–35.

⁴²² О психоаналитической функции антиутопии, в которой герой «обретает синтез всех традиционно подавленных полюсов» см.: Жолковский А. Замятин, Оруэлл и Хворобьев : о снах нового типа // USC Dornsife : College of Letters, Arts and Sciences. URL : <https://dornsife.usc.edu/alexander-zholkovsky/orwell> (дата обращения : 15.03.20).

В центре повествования «Гимна» – история героя по имени Равенство 7-2521, который живет в антиутопическом мире, напоминающем художественный мир романа Е. Замятина «Мы»⁴²³. В нем царит полное подчинение индивидуума коллективу, но отнюдь не это является магистральной темой произведения. Как справедливо отмечает С.И. Шишкина, обретение «личного, индивидуального слова как начало пути возвращения к себе – основная проблематика романа-антиутопии “Гимн”...»⁴²⁴. Слово, будучи центральным объектом критики постмодернизма, подвергается деформации и в тексте Рэнда⁴²⁵: исчезновение из лексикона человечества местоимения «Я» приводит к ужасающим последствиям. Рэнд демонстрирует разрушительные для развития личности последствия коллективизма, показывая, как тотальное усреднение интеллектуальных возможностей неизбежно приводит к тому, что главный герой, стоящий по уровню развития выше своих ровесников, оказывается вынужденным страдать из-за этого: «Мы пытались подражать Союзу 5-3992. Они были бледный мальчик, у которых не хватало половины мозга. Мы пытались говорить и делать все так, как они, чтобы быть похожими на них, но каким-то образом Учителя всегда выводили нас на чистую воду. Нас пороли чаще других» [76, с. 11].

Роман Керуака также целиком и полностью посвящен поискам целостности главного героя. Как отмечает М. Скау, сам Керуак был «одержим путаницей внутри собственной личности», называя одну часть себя – нормальной, другую – шизоидной⁴²⁶. Отвержение традиционных ценностей,

⁴²³ Подробнее о связях двух текстов см.: Saint-Andre P. Zamyatin and Rand // *The Journal of Ayn Rand Studies*. 2003. Vol. 4. No. 2. Pp. 285–304.

⁴²⁴ Шишкина С.Г. Истоки и трансформации жанра литературной антиутопии в XX веке. Иваново : Ивановский гос. хим.-технол. ун-т, 2009. С. 174.

⁴²⁵ О том, что Айн Рэнд критиковала многие тенденции едва нарождавшегося в середине XX века постмодернизма, свидетельствует тот факт, что в ее последнем романе «Атлант расправил плечи» воплощается как пагубная идея иррационального мышления, тяготеющего к фрагментарности. Таков стиль мышления автора вымышленной книги «Почему вы думаете, что вы думаете?» Флойда Ферриса.

⁴²⁶ Skau M. *The Making of Paradise // What's Your Road, Man? Critical essays on Jack Kerouac's On The Road* / ed. by H. Holliday and R. Holton. Carbondale : Southern Illinois University Press, 2009. P. 157.

базирующихся на рационалистической идеологии, закономерно приводит автора к созданию «расколотых» персонажей. Так, Сал Парадайз («альтер-эго» автора) просыпается в самом начале своего пути в «мрачной старой гостинице» «Равнины» и обнаруживает, что потерял свою идентичность: «И в это совершенно особое, самое удивительное мгновение моей жизни я вдруг забыл, кто я такой <...> Я не был напуган. Просто я был кем-то другим, неким незнакомцем, и вся моя жизнь была жизнью неприкаянной, жизнью призрака» [41, с. 22].

Метаморфоза главного героя повести «Гимн» тоже начинается с мучительных поисков себя. В начале своего пути Равенство 7-2521 соглашается со всем, что говорит ему Мировой Совет, олицетворяющий «власть коллектива». В соответствии с доктриной объективизма, согласно которой разум определяет эмоции человека, герой отчаянно борется с желанием стать Ученым и, понимая, что это порицается обществом, выражает эмоции путем самоповреждения: «Итак, мы мечтали о Доме Ученых. От одной мысли об этом по ночам наши руки начинали дрожать, и мы до боли кусали их, чтобы уменьшить ту, другую боль, которая была невыносима. Это так порочно <...> Человек не должен ничего хотеть для себя» [76, с. 13]. Далее, когда Мировой Совет выносит вердикт – герой станет Подметальщиком, – его эмоции оказываются подавленными (теми мыслями, которые внушаются ему со стороны социума), что очевидно даже на физическом уровне (блокировка разума вызывает блокировку тела): «*Мышцы нашей шеи напряглись*, когда мы поднимали голову, чтобы посмотреть на членов Совета, и мы были счастливы. Мы осознавали свою вину, но вот нам предоставлена возможность искупить ее» [76, с. 15].

Поворотным моментом повести становится обнаружение героем подземного хода, где он устраивает собственную научную лабораторию. Избавление от вины приходит вместе с изучением тайн мира: здесь разум, обогащенный новым знанием, рождает иные эмоции, свободные от чувства вины: «И все же мы не чувствуем ни стыда, ни сожаления, называя себя

предателем и злодеем, не чувствуем тяжести на душе и страха в сердце <... > А на сердце – неисповедимы пути пророка – спокойно, как никогда» [76, с. 23–24].

Если герой Рэнд отделается от коллективного эгрегора, то герой Керуака поступает совершенно иначе, несмотря на протестный пафос бит-поколения. Личность Сэла стремится отождествиться с личностью Дина Мориарти, который представлен в романе новым «Иисусом Христом» – «святым шутом»⁴²⁷. Следуя за ним по дороге, Сэл все глубже и глубже погружается в дионисийскую стихию. М. Скау справедливо указывает на инфантилизацию героя, которая связана со стремлением вернуться назад, в лоно первозданной Америки, где еще ничего не освоено⁴²⁸. «Неправильность» нынешней «версии» США отражается в тонкой психологической детали: в поднятом вверх тормашками американском флаге, который Сэл спьяну вывешивает на шестидесятифутовом шесте.

Сал Парадайз на протяжении всего романа задает одни и те же вопросы разным людям, что характерно – чаще женщинам (на наш взгляд, это также связано с поисками целостности – только уже андрогинной). Эти вопросы связаны со смыслом жизни, со стремлением к определенным целям – то есть со всеми теми ценностями, которые критикуются новым поколением за их «одномерность». « – Чего ты ждешь от жизни? – спросил я. ... – Не знаю, – ответила она. – Буду просто работать официанткой и жить дальше. <... > Лежа на спине, мы глядели в потолок и думали, зачем это Бог сотворил жизнь такой печальной» [41, с. 69–70]. Инфантильность героев и полное отсутствие целеполагания демонстрируют неспособность их разума к активным действиям.

Ролло Греб – персонаж, олицетворяющий в романе распад речи. Полностью слившись с «дионисийской» стихией, он становится неспособен произнести что-то членораздельное: «Он что-то лепетал, корчился, падал на колени, стонал, выл, он в отчаянии валился наземь. Он едва мог вымолвить

⁴²⁷ Дин Мориарти может быть интерпретирован как герой-праведник [Крупа 2002].

⁴²⁸ Skau M. Op. cit. P. 160.

слово – так возбуждала его жизнь» [41, с. 154]. Распад речи символизирует распад мышления: Слово как Логос больше не имеет никакого смысла, важна лишь стихия эмоций, низводящая человека на уровень растения (Ролло Греб, со слов Дина, только тем и занимался, что «раскачивался взад-вперед» [Там же]). Другой пример такого же распада Слова представлен в эпизоде, где один из многочисленных попутчиков Сала и Дина в дороге, Хайман Соломон, читает книгу, но не знает, как она называется: «Он и не потрудился взглянуть на название. Всмотривался он только в слова, да так, словно нашел подлинную Тору там, где ей и место, – в пустыне» [41, с. 166–167].

В противовес лингвистическому «разложению» героев художественного мира Керуака, герой повести Рэнд обретает себя именно в Слове, «вспоминая» личное местоимение «Я». Однако он приходит к этому обретению не только через разум, работая над познанием мира, результатом которого становится изобретение электричества, но и через воссоединение со своей женской половиной – то есть в фокусе внимания произведения оказываются также и эмоции. Именно в момент осознания своих чувств к Свободе 5-3000 герой начинает замечать эмоции и других людей: «Они [братья – А.Г.] стояли, опустив головы, глаза их были грустны, и никогда никому из них не решиться посмотреть в глаза другому. Плечи их ссутулены, тела хилые, сжавшиеся, как будто стремящиеся стать невидимыми. И когда мы смотрим на братьев, нам в голову приходит одно-единственное слово. И слово это – страх» [76, с. 33]. Главный герой видит неадекватность телесного проявления эмоций братьев формально постулируемому всеобщему счастью: один из них «может вдруг беспричинно расплакаться посреди дня или ночи», а другой «кричит во сне...голосом, от которого холодеет сердце» [76, с. 34].

Как верно резюмирует Д. Хаустов, Сал Парадайз совершает в конце романа «путешествие к целостности самого себя, воплощенное в образе дикой Мексики»⁴²⁹. Представленная как земля обетованная, Мексика противопоставлена Америке так же, как дионисийское, стихийное начало

⁴²⁹ Хаустов Д. Указ. соч. С. 141.

противопоставляется аполлоническому, рациональному: «Теперь встречавшиеся на дороге индейцы были похожи на жителей потустороннего мира. Это был народ, замкнувшийся в себе, горные индейцы, отрезанные от всего на свете, кроме Панамериканского шоссе...» [41, с. 364]. Здесь Керуак, следуя концепции «социальной деструкции» М. Хоркхаймера и Т. Адорно, объявляет цивилизацию ущербной по сравнению с дикими людьми Мексики. Эти люди тянулись к цивилизации, однако «им и не снилось, какое в ней царит глубокое уныние, сколько в ней жалких разбитых иллюзий» [41, с. 367]. Обретение целостности в финале романа подменяется возвращением в изначальное состояние анимистического бытия, «где было положено начало всех начал, где был вскормлен и получил урок познания Адам» [41, с. 344]. Хаустов трактует эту встречу человека дикого и человека цивилизованного как обретение последним своего истинного «Я», «где вытесненное и вытесняющее наконец-то примирены, сведены ко всеобщему образу»⁴³⁰. Однако Дин (божественное начало) предательски покидает Сала (как представителя рода человеческого): история вновь повторяется по кругу, и человек остается в экзистенциальном одиночестве.

Обретение целостности героем повести Рэнд также связано с возвращением к праистокам человечества, однако она избегает противопоставления человека просвещенного и первобытного, как избегает и акцента на чувстве одиночества. Ее вновь обретший себя Адам (получивший новое имя – Прометей) возвращает себе собственное «Я» сразу несколькими способами. Оказавшись в Неведомом Лесу – диком, заброшенном месте, где еще сохранились остатки цивилизации (разрушение которой предрекали битники) – герой Рэнд обнаруживает себя *физически* в отражении ручья: «Встав на колени перед ним, мы нагнулись, чтобы попить. И замерли. На голубом фоне перед собой мы впервые увидели собственное лицо» [76, с. 79]. Следующий шаг – обнаружение себя *эмоционально*, постижение через любовь собственной природы: «Мы одни, единственные, и любим вас одного. Душа

⁴³⁰ Там же.

наша разрывалась в поисках слова, но мы не нашли его» [76, с. 87]. И *слово* обнаруживается лишь после того, как в руки к герою попадает Книга. Через Слово к человеку вновь возвращается осознание себя цельной личностью – к нему возвращается местоимение «Я»: «Это случилось, когда я читал первую книгу, которую нашел в доме. Я видел слово – «я», и, когда понял его, книга выпала из моих рук и я заплакал, я, который не знал слез» [76, с. 105]. Так происходит окончательное воссоединение частей личности через *рациональное* восприятие. От *телесного* через *эмоциональное* внутреннее «Я» движется к *рациональному*, чтобы впоследствии выстраивать обратную цепочку при взаимодействии с окружающим миром: такова диалектика объективизма.

Таким образом, поиски американской культуры второй половины XX века шли по пути восстановления целостности в человеке, что было связано как кризисом проекта Просвещения в западной культуре в целом, так и с разочарованием в «американской мечте» как идее, определившей идеал человека в культуре США, – в частности. Образ «integrated man», предложенный Айн Рэнд, становится чрезвычайно актуален именно вследствие интеллектуального раскола, который переживает в то время США. Две противоположные тенденции в развитии антропологической утопии Америки представлены прогрессивной и деградтивной моделями: первая призывает к реконструкции идеалов Просвещения (или к их пересмотру), тогда как вторая критикует их за несовершенство, предлагая взамен лишь бунт против разума.

Философские романы Рэнд, став своеобразным символом борьбы за свободу, были прочитаны «расколотым поколением» с точки зрения культивирования индивидуализма и нонконформизма, без соответствующей опоры на ее философские идеи. Это повлекло за собой непонимание истинной сути ее творчества, в котором писательница выступала за возрождение целостного человека, а не за бунт против существующей экономической и политической ситуации. Отсюда и разница в изображении личности у Рэнд и битников: если у первой герой находит себя через воссоединение телесной, эмоциональной и рациональной частей своего «Я», то у последних он

становится еще более расколотым, погружаясь в дионисийскую стихию эмоций, растворяясь в ней полностью и без остатка.

В этом смысле система мистика Г. Гурджиева оказалась намного ближе к ее антропологической модели, несмотря на критику писательницей общины четы Райт в Талиесене. Учение Рэнд, как и учение Гурджиева, будучи реальной системой самосовершенствования человека, служит практическим целям. Методика самосовершенствования человека, предложенная Гурджиевым, словно бы находит свое воплощение в образе жизни персонажей писательницы, становясь органичным дополнением к системе объективизма.

§2. Романы Айн Рэнд и критика капитализма в американской литературе первой половины XX века. Стремление к богатству и карьерному успеху, в которое выродилась «американская мечта» уже в первой половине XX века, подвергается остракизму в американской литературе не только битниками. Объектом критики в литературе американского реализма становятся обладатели богатства и успеха⁴³¹. В уже упомянутой книге «Американский эпос» (*The Epic of America*, 1931) Дж.Т. Адамс в главе с названием «Век динозавров» (*The Age of The Dinosaurs*) критикует американских магнатов – В.Х. Вандербильта, Дж. Гулда, Э. Карнеги и др. Разоблачением «продажных капиталистов» занимались и так называемые «разгребатели грязи» («макрейкеры»). В первую очередь этот термин относят к группе журналистов (Джосайи Флинт, Айда Тарбелл, Сэмьюэл Хопкинс Адамс, Линкольн Стеффенс и др.), которые в начале XX века публиковали статьи, вызвавшие в США широкий общественный резонанс (о детском труде, о спекуляциях на бирже, о фальсификациях при изготовлении лекарств и т.п.)⁴³².

По мнению М.В. Тлостановой, деятельность «разгребателей грязи» нужно ограничить сферой журналистики, а писателей, относящихся к этому ряду,

⁴³¹ По выражению П. Смита, в Америке усиливался «шизофренический раскол», противопоставлявший светлое и темное в американской ментальности. См. об этом: Smith P. *The Rise of Industrial America : A people's History of The Post-Reconstruction Era*. N.Y. : McGraw-Hill, 1984. P. 945.

⁴³² Подробнее см.: Cook F.J. *The muckrakers : Crusading journalists who changed America*. N.Y. : Doubleday, 1972. 182 p.

классифицировать как «натуралистов»⁴³³. Натурализм в американской литературе сближался с реализмом и был тесно связан с философией детерминизма, которая все в мире объясняла биологической природой человека. Писатели, разоблачавшие злодеяния американских капиталистов, выступали за преобразование американского общества по образцу социализма. Их произведения отличаются социальным пафосом, вниманием к общественно-политическим проблемам, «социологическим» уклоном в ущерб стилю и психологической проработке характеров⁴³⁴.

Идеи социализма в США обретают популярность к тому моменту, как Рэнд покидает СССР: «Новый этап в развитии социалистической мысли в США наступает в 30-е годы XX столетия, когда сторонники социализма активно включаются в общий поиск путей вывода страны из кризиса и преобразования американского общества»⁴³⁵. В это время выходят романы А. Смедли, М. Голда, Дж. Конроя и других, посвященные жизни простых рабочих. Действительно, американское общество проявило интерес к «великому эксперименту», который ставила Советская Россия, что было обусловлено контрастом между экономическим спадом, который переживали в то время США, и подъемом советской экономики.

Рэнд принимала самое активное участие в антикоммунистической деятельности в США⁴³⁶. Она давала показания комиссии по расследованию антиамериканской деятельности в 1947 году, а также была членом МРА (*Motion Picture Alliance for the Preservation of American Ideals*) Кинематографического альянса за сохранение американских идеалов. В памфлете «Руководство для американского кинематографа» (*Screen Guide for Americans, 1947*)

⁴³³ Тлостанова М.В. «Разгребатели грязи» // История литературы США : в 5 т. / отв. ред. П.В. Балдицын. Т.5. М. : ИМЛИ РАН, 2009. С. 454.

⁴³⁴ Мазирка И.О. Романы Синклера Льюиса 30–40-х гг. XX в. : эволюция проблематики, своеобразие жанра и стиля : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. С. 14.

⁴³⁵ Баталов Э.Я. Американская политическая мысль XX века. М. : Прогресс-Традиция, 2014. С. 95.

⁴³⁶ В статье «“Экстремизм”, или Искусство подмены понятий» (*“Extremism”, or The Art of Smearing, 1964*) писательница высказывает свое отношение к «маккартизму», отмечая, что это синоним «антикоммунизма» [65, с. 217].

писательница утверждает, что авторы голливудских сценариев «встраивают» социалистические идеи в сценарии, чтобы уничтожить Америку⁴³⁷.

В своих романах Рэнд делает главными героями именно американских капиталистов. Ее интерес к теме предпринимательства далеко не так однозначен, как может показаться на первый взгляд. «Человек активный», который персонифицирует собой инстинкт свободы в ее «Манифесте индивидуализма», вовсе не подразумевает только лишь предпринимателя. Как отмечает Дж. Бёрнс, предприниматели становятся ее «целевой аудиторией» намного позднее, уже после публикации романа «Атлант расправил плечи» в 1957 году: они увидели в ней защитника своих интересов, наставника и с удовольствием приглашали для выступлений на различных мероприятиях⁴³⁸. В небольшой заметке «Ответ бизнесменам» (*An Answer for Businessmen*, 1962) Рэнд проводит параллели между бизнесом и философией, призывая предпринимателей тщательнее выбирать философские критерии своей деятельности [121, с. 278–280]. Таким образом, она разграничивает бизнес, построенный на моральной основе и бизнес, у которого ее нет.

Одним из самых известных критиков американских предпринимателей в американской литературе был Т. Драйзер. Его «Трилогия желания» (*The Trilogy of Desire*, 1912–1947) писалась в разные периоды мировоззренческого становления писателя: первые две книги «Финансист» (*Financier*) и «Титан» (*Titan*) были созданы в пору увлечения Драйзера идеями Г. Спенсера (1912 и 1914 гг.), а последняя книга «Стоик» (*Stoic*) – в 1945 г. (издана в 1947 г.), когда он уже обратился к идеям социализма. Рэнд скептически отзывалась о творчестве писателя: «Теодора Драйзера я бы втиснула где-то между Эптоном Синклером и литературой. На деле писать он не умеет. Если отрешиться от содержания, его вещи не имеют ни структуры, ни стиля» [88, с. 236].

⁴³⁷ Цит. по: Branden B. *The Passion of Ayn Rand*. N.Y. : Doubleday, 1986. P. 199.

⁴³⁸ Burns J. *The Goddess of The Market : Ayn Rand and The American Right*. N.Y. : Oxford University Press, 2009. Pp. 171–172.

Огромное влияние на идеосферу первых двух книг трилогии Драйзера оказала философия позитивизма, метафорически выраженная в эпизоде пожирания омаром каракатицы («Финансист»). На связь философских воззрений Рэнд с социал-дарвинизмом указывает Э.Ф. Осипова, сравнивая ее отношение к богатству с воззрениями американского социолога У.Г. Самнера⁴³⁹. Однако, как отмечает А. Биссел, объективизм и дарвинизм имеют совершенно разный взгляд на природу невмешательства государства в дела индивидуума. В частности, в объективизме индивидуум активно взаимодействует с социумом, а не противопоставлен ему, как в дарвинизме⁴⁴⁰. Объективистский принцип «keeping-in-context» неразрывно и органически связывает человека с миром, а не противопоставляет ему, как в дарвинизме⁴⁴¹.

Другой важный аспект, который связан с изучением творчества Т. Драйзера, – это рецепция писателем идей Н. Макиавелли. Главный герой трилогии писателя не брезгует средствами для достижения цели, не считается с нормами морали, полагает общество заведомо безнравственным. Возрожденческий идеал человека, «разлагаясь» в философии Макиавелли, перерастает в свою противоположность. Объективизм также обвиняли в «макиавеллизме», на что Рэнд возражала, что рациональность «интригана в духе Макиавелли» стоит под сомнением. Она отмечала, что действия такого человека находятся «вне контекста»: «Первое правило рационального мышления – если вы цените собственную жизнь и верите, что она принадлежит вам, то должны признавать это право и за другими людьми. Нельзя доказать, что вы имеете право на свою жизнь, а другой человек не имеет» [88, с. 198].

Побывав по приглашению Кремля в России, Драйзер напишет книгу «Драйзер смотрит на Россию» (*Dreiser Looks at Russia*, 1928). Видимо, об одной

⁴³⁹ Осипова Э.Ф. Путешествие идей: из истории культурных связей России и США. Спб. : Нестор-История, 2019. С. 160.

⁴⁴⁰ Bissel A. Social Darwinism // The Atlas Society. 2020. Dec.11. URL : <https://atlassociety.org/commentary/commentary-blog/4119-social-darwinism> (дата обращения : 04.07.19).

⁴⁴¹ Рэнд своей статье «Стимул и реакция» (*The Stimulus and the Response*, 1972) определяет социальный дарвинизм и некоторые другие схожие философские системы (позитивизм, прагматизм и т.п.) как «залатанный труп со свалки философии» [132, с. 68].

из таких делегаций, на которых иностранцам была показана «парадная» сторона социализма, и писала Рэнд в романе «Мы живые». Американский писатель заявляет в своем прощальном послании, написанном перед отъездом из СССР в 1928 году, что советский рабочий не понимает сути совершенных в России реформ, отдельно отмечая потерю им индивидуальности, которую подменяют продуктивностью [30, с. 424]. Как отмечает Драйзер, в Советской России много говорят о будущем, но мало делают в настоящем: он замечает ужасающую антисанитарию и большое количество бездомных детей на улицах страны. Напоследок он заявляет, что в России слишком развит коллективизм: «Я выступаю против этого, и я считаю в этой связи, что, если бы в этой могучей стране было больше индивидуализма и меньше коммунизма, то это стало бы ее огромным преимуществом» [30, с. 428].

Наряду с У. Фрэнком, Э. Уинтером, А.Л. Стронг и многими другими американскими писателями, побывавшими в СССР и написавшими об этом книги, Драйзер воспринял красивую утопию об обществе всеобщего равенства и братства некритически, вдохновившись идеями социализма. Недовольство капиталистической Америкой зрело в его творчестве, а в образе Советской России он нашел тот идеал общественного устройства, который он так долго искал. Прототипом Фрэнка Каупервуда, главного героя «Трилогии желания» стал американский миллионер Чарльз Йеркс. Несмотря на то, что автор, по-видимому, восхищается своим героем, он в то же самое время явно обеспокоен происходящим в США. В частности, в 1931 году он напишет об экономическом кризисе 1929 года в своей книге «Трагическая Америка» (*Tragedy America*, 1931). В ней он выскажет мнение о капитализме как о кровожадной системе, которая должна быть уничтожена. В частности, он обратится к фигуре основателя железнодорожной американской империи К. Вандербильта, критикуя его за алчность и бесчеловечность: «Вот нравственный облик наших финансовых кумиров, которые, по крайней мере во всем, что касается денег, довели до идеала наш американский девиз: “Не жди, пока тебе дадут, – хватай сам!”» [33, с. 144].

В статье «Заметки об истории американского свободного предпринимательства» (*Notes On The History of American Free Enterprise*, 1966) Рэнд отмечает, что такие титаны, как Вандербилт, являются жертвами государственной системы: «Нечестность порождается системой и является ее неотъемлемой частью» [78, с. 132]. Рэнд объясняет, что проблема заключается не в «алчных» капиталистах, а в государственном контроле над экономикой, который вынуждает брать взятки, притесняет предпринимателей и приводит к уничтожению здоровой конкуренции. В статье Рэнд также освещает ситуацию, связанную с монополией «большой четверки» в железнодорожном бизнесе, которая будет в центре сюжета первого тома трилогии Т. Драйзера.

Главный герой трилогии Фрэнк Каупервуд представлен как человек, который вынужден «вписываться» в механику государственного контроля для достижения своих целей. Драйзер недвусмысленно упоминает о «разн[ых] средств[ах] и способ[ах], дабы заручиться протекцией того или иного полезного лица, способного повлиять на членов комиссии, от которых зависит решение дела...» [31, с. 22–23]. Роман Рэнд «Атлант расправил плечи» также полностью посвящен железнодорожному бизнесу. Как у Драйзера, так и у Рэнд продемонстрировано внедрение инновационных методов перевозки: у первого изображен исторический переход на железную дорогу и метрополитен в США конца XIX–начала XX в., у второй – фантастическое допущение о внедрении нового типа металла для производства скоростного типа рельс. Мотивы новаторства и сопротивления социума волевому решению «титана» также прослеживаются у обоих авторов.

Одним из художественных приемов, которым активно пользуются оба писателя, является гиперболизация героя, что видно из названий романов («Атлант расправил плечи» у Рэнд и «Титан» – вторая часть трилогии у Драйзера). «Гигантизм» определяет и облик ключевых персонажей обоих авторов. Драйзер так описывает своего главного героя: «И в сердце этого города, в его деловом центре, Фрэнк Алджернон Каупервуд вырос в фигуру огромного масштаба. Неудивительно ли, что некоторые люди растут и

набирают силу до тех пор, пока не превратятся в такого колосса, что мир становится для них лишь подножием?» [34, с. 597].

Образом, наиболее близким к образу главного героя трилогии Т. Драйзера, Фрэнку Каупервуду, у Рэнд выступает Франсиско д'Анкония – тоже предприниматель-миллиардер. Как и Каупервуд, он талантливый финансист: «Его финансовое дарование считалось феноменальным; никто и никогда не мог обыграть его ни в одном деле, и он умножал свое немислимое состояние с каждой очередной сделкой, вместе с каждым предпринятым шагом, когда благоволил сделать его» [67, с. 68]. Каупервуд тоже постоянно увеличивает свое состояние. Как и герой Драйзера, д'Анкония как будто бы обладает повышенной любвеобильностью: о его многочисленных похождениях даже пишут газеты. Однако разница между этими двумя героями раскрывается уже в лаконичной и едва заметной внешней характеристике. Драйзер любил сравнивать людей с животными, и Фрэнк Алджернон Каупервуд описан у него в его «фирменной» манере: «Глаза Каупервуда смотрели дружески, приветливо, как глаза преданной овчарки. Они светились пониманием, сочувствием, более того, в них было философское осознание недоступного ему душевного мира» [32, с. 619]. Франсиско Доминго Карлос Андрес Себастьян д'Анкония представлен иначе: «Общее мнение утверждало, что он наделен жизненной силой здорового зверя, однако существовали смутные подозрения в его ошибочности. Он был наделен жизненной силой здорового *человека* [курсив Рэнд – А.Г.], явлением настолько редким, что никто не мог опознать его. Франсиско был наделен силой уверенности» [67, с. 150]. Поскольку портрет является важнейшим средством выражения авторской позиции в литературоведении, этой формулировкой (и графическим выделением ключевого слова) Рэнд фактически вступает в полемику с социал-дарвинизмом Драйзера⁴⁴².

⁴⁴² Помимо всего прочего, Франсиско, как и другие «атланты», имеет черты древнегреческой статуи: «Никто не описывал его внешность как латинскую, но именно это слово больше всего подходило к нему – не в современном, а в изначальном смысле, когда оно относилось

Оба автора подробно останавливаются на описании детства двух героев. Фрэнк вырос в семье банкира, и уже с детства проявлял задатки лидера: «Они [братья мальчика – А.Г.] с детства привыкли смотреть на старшего брата как на главаря, с чьими словами следует считаться» [34, с. 18]. Отношения Франсиско с друзьями детства Дагни и Эдди были иными: «Они не могли понять, кто кому принадлежит: они ему или он им. Разницы не было никакой: и в том, и в другом случае они были счастливы» [67, с. 122]. Рэнд показывает своего героя окруженным равными ему личностями.

В диалоге между Джеймсом Таггертом и Франсиско о деньгах заключен важный смысл для понимания разницы в мироощущениях двух авторов. Франсиско объясняет, что он должен увеличить состояние своих предков в два раза. Когда Джеймс спрашивает о том, для чего ему это, Франсиско говорит, что считает умение делать деньги «величайшей из добродетелей». Джеймс возражает: « – Деньги делать может любой жулик. – Джеймс, однажды тебе предстоит узнать, что каждое слово имеет свой смысл» [67, с. 124]. Первый делает деньги, чтобы сохранять свою власть. Второй – потому что такова его жизненная философия.

Выбор профессии героем Рэнд связывается с его желанием видеть за повседневностью «нечто более великое». Беседуя с Хэнком Риарденом, он говорит, наблюдая бурю за окном: «Какая ужасная ночь для любого животного, застигнутого непогодой на равнине... В такой момент понимаешь весь смысл человеческого существования» [67, с. 187]. Рэнд не только не отождествляла человека с животным, но и считала, что только человек способен подняться над окружающим его хаосом, преодолеть стихию, покорить природу. Соответственно, лучшие герои ее романов могут быть только такими: стремящимися трансформировать себя и подчинить себе мир, этим *оправдывая* величие своего существования.

не к Испании, а к Древнему Риму <...> Черты его были вылеплены со скульптурной точностью» [67, с. 150].

Иначе трактуется талант героя Т. Драйзера: «Призвание Каупервуда, как он его понимал, было в том, чтобы манипулировать материальными ценностями, или, точнее, их финансовыми эквивалентами, и таким путем наживать деньги» [32, с. 18]. Автор отмечает, что Фрэнк выбрал профессию, подражая отцу. Никакой философии в его выборе не было: он «не придерживался никаких установленных правил <...> и поступал только так, как считал нужным» [32, с. 14]. Драйзер вскрывает истинную причину, стоящую за желанием героя делать деньги, и она заключается в том, чтобы превратиться в «финансового короля», став равным капиталистам с Уолл-стрит: «А пока он не стал с ними в ряд, пока не построил свой дворец всем на зависть и на диво, пока не создал свою коллекцию, которая прославит его на весь мир, пока у него нет Беренис, нет желанного количества миллионов – как мало он еще достиг в сущности!» [32, с. 553]. Очевидно, что свой талант Фрэнк направил на достижение власти и обретение популярности среди людей.

Несмотря на слухи, ходящие вокруг него, Франсиско всю жизнь был верен одной женщине: «В долгие месяцы его отсутствия она никогда не занимала себя мыслями о том, верен он ей или нет; она знала, что Франсиско хранит верность» [67, с. 139–140]. Фрэнк же представляет собой типаж мужчины, открыто использующего женщин в своих целях. Они для него не более чем трофеи, служащие для удовлетворения тщеславия: «В своих суждениях о женщинах Каупервуд руководствовался больше чувством, чем разумом. Стремясь добиться богатства, престижа и влияния, он, конечно, придавал большое значение представительности женщины, ее положению в обществе и всему прочему» [34, с. 48]. Отношения героев Рэнд и Драйзера с женщинами очевидно различаются и эта разница объясняется философией, которой каждый из них руководствуется.

Несмотря на то что даже свое первое предприятие оба героя «проворачивают» одинаково (герой Рэнд втайне от отца выигрывает на фондовой бирже деньги, а герой Т. Драйзера проделывает свою первую спекуляцию с мылом, выпросив у отца денег), в дальнейшем их жизнь

складывается по-разному: Фрэнк Каупервуд становится финансовым магнатом, покоряющим вершину за вершиной, а Франсиско д'Анкония методично разрушает свою финансовую империю. Используя прием умолчания, автор демонстрирует нам «моральное падение» своего героя (отчего он начинает напоминать героя Драйзера), лишь в финале романа раскрывая причины его поведения.

На протяжении всего романа «Атлант расправил плечи» читатель может наблюдать сходство между ее финансистом и финансистом Драйзера, и лишь чувство недоумения мешает ему до конца поверить в то, что следующая фраза принадлежит *реальному* Франсиско, а не пародии на него: « – Вы спрашиваете, зачем я хочу делать деньги? У меня их достаточно, чтобы три поколения моих потомков могли наслаждаться жизнью в той же мере, что и я сам» [67, с. 148]. Кутежи Франсиско удивительно напоминают мотовство Фрэнка: первый устраивал вечеринки, на которых удивлял всех роскошеством и оригинальностью (например, возвел в алжирской пустыне павильон из тонких листов льда и заставил присутствующих дам раздеваться по мере того, как стены будут таять); второй – вкладывал деньги в шикарные особняки, в которых также организовывал богатые приемы, удивляя публику предметами искусства, служащими ему единственно в целях удовлетворения своего тщеславия.

Постепенно читатель понимает, что за игру ведет д'Анкония. Разрушая собственные предприятия, он добивается разорения «паразитов», которые захватили США. Он притворяется столь искусно, что никто и не догадывается о том, что трата денег вовсе не доставляет ему удовольствия. А ведь по своей натуре Франсиско обладает таким качеством, как «наслаждение жизнью» («joy in living»). Как отмечает Ш. Милграм, изначально Рэнд «готовила» эту характеристику для своего главного героя – Джона Голта, но впоследствии

основным носителем «гедонистического» начала в романе стал Франсиско⁴⁴³. Рэнд понимала это качество как «своеобразную, глубоко естественную, безмятежную, всепроникающую радость жизни» («peculiar, deeply natural, serene, all-pervading joy in living») [JAR, с. 512]. Герой Драйзера и тут схож с предпринимателем Рэнд: он полон жизни, энергичен, влюбчив и «похож на новый, только что отпечатанный доллар» [32, с. 618] (тем неожиданнее его внезапная болезнь и смерть).

В финале трилогии Т. Драйзера («Стоик») возникает образ алчных «стервятников»: «Слишком много стервятников набросилось под прикрытием закона на состояние Фрэнка после его смерти» [31, с. 467]. В романе Рэнд этот же образ появляется в сатирической форме, когда Дагни Таггерт идет мимо витрины книжного магазина и видит «пирамид[у] кирпичей в коричнево-фиолетовых переплетах с надписью “Коршун линяет”. “Роман столетия, – вещал рекламный плакат. – Исчерпывающее исследование природы жадности бизнесмена. Бесстрашное разоблачение порочности человека”» [67, с. 85]. Драйзер показал в финале трилогии тех самых «паразитов», которых обличала Рэнд в своих статьях и книгах: разрушив планы Фрэнка, всю жизнь собиравшего свое состояние, толпа «коршунов» отобрала все его деньги, на которые он хотел построить больницу для бедных, а также пустила с молотка великолепную коллекцию картин и скульптур в принадлежащем ему дворце, который он хотел превратить в бесплатный музей.

Драйзер, подводя нас в «Стоике» к мысли о тщетности усилий своего героя, о пустоте его жизни, потраченной на зарабатывание миллионов, испарившихся сразу же после смерти их владельца, по логике объективизма демонстрирует природу американского общества, в котором существуют «титаны» и «стервятники». Франсиско же в финале романа Рэнд представлен как победитель: внося свой вклад в разрушение мира «паразитов», он

⁴⁴³ Milgram Sh. The Spirit of Francisco d'Anconia : The Development of His Characterization // Essays on Ayn Rand's *Atlas Shrugged* / ed. by R. Mayhew. N.Y. : Lexington Books, 2009. P. 80–81.

обосновался в Атлантиде, где у него был свой собственный рудник, названный Дагни «начертанн[ой] на горах истори[ей] человеческого богатства» [69, с. 110]. Возвращаясь в конце концов во внешний мир, герой олицетворяет собой символ нового времени: «Услышав следующую фразу, Франсиско резко вскинул голову и рассмеялся; это был радостный смех, смех победы, смех свободы, смех избавления. Они не могли слышать музыку Пятого концерта Халлея, парящую где-то в вышине, но смех Франсиско был под стать ее звукам» [69, с. 534]. Так разная философская позиция персонажей позволяет двум авторам создать совершенно разные финалы романов, в которых героем является капиталист.

Другой писатель, который в своих произведениях поднимает вопрос о жизнеспособности американского идеала «self-made man» – это лауреат Нобелевской премии по литературе 1930 года С. Льюис, книги которого Рэнд высоко ценила. Парадоксальность ситуации заключается в том, что Льюис при этом был критиком американского образа жизни в целом и капитализма – в частности. В своей статье «Отношение романа к социальным противоречиям наших дней: закат капитализма» (*Relation of the Novel to the Present Social Unrest: The Passing of Capitalism*, 1914) Льюис, анализируя романы Р. Херрика, Т. Драйзера, Дж.К. Кука, Г. Уэллса, предсказывает скорую гибель капитализму [49]. В отличие от Льюиса Рэнд утверждает, что капитализма «в чистом виде» еще не было, а был государственный контроль над творцами – теми, кто создает блага цивилизации. Еще начиная с 1930-х годов, времени работы над ее вторым романом «Источник», она встает в оппозицию к политическому мейнстриму, а именно – «Новому курсу» Ф.Д. Рузвельта, комплекс мер которого сводился к усилению государственного регулирования экономики для выхода из масштабного экономического кризиса в США, известного как Великая Депрессия (1929–1933). Как уже отмечалось ранее, отличительной особенностью доводов Рэнд было «моральное обоснование» капитализма («justification of capitalism») как системы, единственно возможной для существования ее антропологического идеала – «integrated man».

С. Льюис обращается к критике современного ему американского социума в романе «Бэббит» (*Babbitt*, 1922). Город Зенит представлен в этом тексте цитаделью капиталистической Америки (действие другого романа писателя – «Эроусмит» – будет происходить в этом же городе, обозначая важную темпоральную характеристику художественного мира Льюиса). Одной из узловых проблем романа является оппозиция капитализма и социализма. Его главный герой Джордж Бэббит критикует благотворительность, называя ее «лазейкой для социализма» [48, с. 35]. В этом Рэнд согласилась бы с Бэббитом: в ее последнем романе Робин Гуд, раздающий богатства бедным, олицетворяет собой зло самопожертвования: «Он – худший из всех существ, двойной паразит... а люди стали смотреть на него, как на нравственный идеал» [68, с. 286]. Дагни Таггерт заявляет в ответ на упреки в нежелании помогать Мексике: «Помощь кому бы то ни было меня не интересует. Я хочу делать деньги» [67, с. 30].

«Власть материального» в обоих текстах проявлена через предметно-вещный мир. Главный герой Льюиса наслаждается хорошо обставленным домом как ребенок забавляется игрушкой: «Он смотрел на огромную ванну, на красивые никелированные краны, на кафельные стены и чувствовал себя гордым обладателем всей этой роскоши» [48, с. 98]. Спальня Бэббитов словно сошла со страниц модного журнала тех времен: «Спальня была выдержана в приятных мягких тонах и обставлена по стандартным эскизам одного из лучших декораторов...» [48, с. 33]. В описании интерьера рефреном проходит слово «стандартный»: «стандартная ночная лампочка», «стандартная книжка для чтения на ночь». Подчеркивается обезличенность этого помещения, его искусственность: «Но спальня эта существовала безотносительно к Бэббитам и вообще к кому бы то ни было» [Там же].

Спальня Лилиан Риарден («Атлант расправил плечи») напоминает спальню четы Бэббитов своей лакированностью, искусственностью, подчеркиваемой такими деталями, как «свет из-под абажура цвета яблоневого лепестков», «серебряные туалетные принадлежности, словно выложенные из

чемоданчика хирурга инструменты». Повествователь заключает: «Спальня являла собой пример созданной дизайнером декорации: дама отходит ко сну, и тревожить ее нельзя» [67, с. 201]. В том же духе обезличенности представлена гостиная Бэббитов, описание которой венчает резюме: «Чистая, безликая, она походила на кусок искусственного льда» [48, с. 96].

Несмотря на обилие дорогих и модных вещей, в доме героев Льюиса не было главного: «В сущности, у дома Бэббитов был только один недостаток: в нем не было домашнего уюта» [48, с. 34]. Отсутствие уюта в доме Риардена передается через эпитет «голый»: «Дом стоял на пригорке... он казался голым, его в некоторой степени украшали лишь несколько колонн в псевдоколониальном стиле; и было видно, что наготу эту являть не стоило» [67, с. 43]. Сравним это описание с аскетичным жилищем Дагни Таггерт: «Она занимала двухкомнатную квартиру на верхнем этаже небоскреба. Сходящиеся углом стекла окон гостиной превращали ее комнату в подобие движущегося корабля...» [67, с. 86]. Футуристические мотивы в интерьере героини проецируют вовне ее революционную природу. Таким образом, уже на уровне предметно-вещного мира наблюдается очевидная *одномерность* романа Льюиса и *двумерность* романа Рэнд: герои последнего явно поделены на два лагеря.

В обоих романах нашла свое отражение классическая модель благочестивой семьи с женой-домохозяйкой и мужчиной-добытчиком. Отношения Джорджа Бэббита и его жены можно сравнить с отношениями пары из романа Рэнд – Хэнка Риардена и его жены Лилиан. Так же, как и чету Бэббитов, их связывает уже только привычка. У Риардена не было «никакого желания разделять ее интересы, не было и стремления узнать хотя бы, в чем они заключаются» [67, с. 164]. Джордж тоже женился на Мойре из чувства долга и на протяжении всего романа мучается от нежелания находиться с нею рядом. Отношения другого героя романа Льюиса, Поля Рислинга, со своей женой Зиллой тоже имеют сходство с браком Хэнка Риардена и Лилиан. Зилла все время унижает своего мужа на людях, что приводит к трагедии: Пол не

выдерживает и стреляет в нее (она остается жива), а сам попадает в тюрьму. Вся эта история включена в роман, на наш взгляд, по единственной причине: показать главному герою, что «от сумы и от тюрьмы» не стоит зарекаться. Вообще все происходящее в романе Льюиса искусственно формирует у главного героя отвращение к деньгам.

В поисках себя Бэббит начинает изменять жене с клиенткой Танис. Отношения Джорджа и его любовницы напоминают отношения Джеймса Таггерта и его жены Черрил в романе Рэнд. С самого начала Джеймс ощущает свое превосходство над Черрил, которая ниже его по социальному статусу, и это осознание сквозит буквально в каждом его жесте. Он наслаждался «огромным смыслом, которым были наделены для нее его движения, его запонки, шнурки его ботинок, его абажуры и пепельницы» [67, с. 332]. До того как закрутить роман с Танис, Бэббит встречается пару раз в маникюршей Идой, рассуждая: «А почему, собственно говоря... почему бы и не пообедать с бедной девушкой, для которой истинное благо – общаться с таким зрелым и образованным человеком, как он» [48, с. 255]. Измена Хэнка Риардена своей жене имеет совершенно другой характер: его чувства к Дагни Таггерт не похожи на чувства Бэббита к Танис, хотя он точно так же стремится сохранить брак из чувства долга. Это союз двух людей с общими ценностями: в логике объективизма любовь является «откликом на ценность» [88, с. 162].

В конце концов Бэббит испытывает разочарование от того образа жизни, который он ведет. Представление о том, насколько его жизнь отличается от жизни «атлантов» Рэнд, дает описание его ежедневных обязанностей, которые он исполняет с великой неохотой, ведь «в конторе его все раздражало, и в одиннадцать часов, когда пошли бесконечные посетители и непрерывные телефонные звонки, он сделал то, чего давно хотел, но не смел: удрал из конторы... и отправился в кино» [48, с. 242]. Сделав вывод, что деньги в жизни не главное, герой находит смысл своего существования в том, чтобы ухлестнуть за смазливой девушкой или сбежать с другом от жены на край света.

Выгода, между тем, интересует Джорджа Бэббита как единственная цель его работы. За ней не стоит никакой философии, но принято говорить «о некоей туманной штуке, именуемой Этикой, о которой известно только то, что если она у тебя есть, ты – Первоклассный Посредник, а нету – ты пройдоха, плут и проходимец» [48, с. 57]. В начале романа герой получает удовольствие, подсчитывая, что ему удалось заработать в этом году больше, чем в прошлом, однако постепенно он как будто разочаровывается в избранном пути. Очень показателен диалог Джорджа со своим другом Полем, который заявляет, что он мечтал стать скрипачом, а торгует толем. Дабы подчеркнуть меркантильность своего героя, автор «вкладывает» в голову Бэббита такие мысли, когда его жена заболевает и ей грозит операция: «Кстати, интересно, во сколько обойдется операция? Надо было поторговаться с Диллингом» [48, с. 327–328].

Есть ли цель у Бэббита? Он и сам не знает, ведь «делать деньги – сомнительное удовольствие, что вряд ли стоит растить детей только для того, чтобы они потом сами растили детей, а те, в свою очередь, растили своих детей. К чему все это? Что ему, в сущности, нужно?» [48, с. 241]. Поэтому он пускается сначала в любовные похождения в отсутствие своей жены Мойры, а потом примыкает к стану забастовщиков-социалистов. Впрочем, довольно быстро его запал угасает, и он становится прежним Бэббитом, который ругает социализм и слушается свою жену. Утопические мечтания «бросить все» и «уехать на лоно природы» оказываются для него не более чем фантазиями, которыми питался его ум исключительно от отсутствия истинной, настоящей цели.

Надо признать, что роман «Бэббит» почти бессюжетен: основные события происходят на психологическом уровне и связаны с главным героем. Через бесконечное описание вещей, дома, работы, домов друзей главного героя автор стремится передать пустоту и бессмысленность его жизни: «Чрезвычайным событием явилось перекаладывание всех вещей из карманов коричневого костюма в карманы серого. К своим вещам Бэббит относился серьезно. Он видел в них вечные ценности, такие же, как бейсбол или

республиканская партия» [48, с. 29–30]. Жизнь Бэббита – череда обладания вещами, к созданию которых он не приложил никаких усилий, что не может не вызывать в конце концов апатию и усталость от жизни.

Усталость главных героев С. Льюиса и Рэнд от той жизни, которой они живут, принципиально разная, несмотря на внешнее сходство их деятельности. Хэнк Риарден устал от отсутствия понимания со стороны близких людей: «Он устал... Он не ощущал ничего, даже желания двигаться. Он не ощущал в себе сил ни на что – даже на страдание. Он выжег в себе все, что могло гореть; он, рассыпавший вокруг себя столько искр, затевая новые дела, теперь гадал, найдется ли кто-нибудь, способный заронить в него самого ту искру, в которой он так отчаянно нуждался именно в этот момент...» [67, с. 41]. Сравним с описанием чувств Бэббита: «Эх, удрать бы от всего на свете! В конторе тоже забот и хлопот не оберешься. Поневоле взбесишься – доводят... Ох и устал же я...» [48, с. 41]. Усталость Бэббита проистекает от самой бесцельности его существования, от невовлеченности во что-то большее, чем просто зарабатывание денег ради денег. И хотя герои Рэнд постоянно говорят о том, что их цель – заработать больше денег, но за этой фразой стоит нечто большее, чем меркантильный интерес: ее герои обладают отчетливо выраженным *стремлением к пересозданию мира*.

В то время как «новые люди» Рэнд ничем не напоминают главного героя Льюиса, противостоящие им персонажи похожи на него всем. Например, Джеймс Таггерт, быт которого описан весьма красноречиво: «Джеймс Таггерт оглядел гостиную своих апартаментов, гадая, который час; ему не хотелось шевелиться, чтобы отыскать часы. Он сидел в кресле, в мятой пижаме, но с босыми ногами; искать шлепанцы было бы слишком хлопотно» [67, с. 90]. Устав от собственной никчемности (компанией «Таггерт Трансконтинентал» на самом деле управляет его сестра Дагни), он женится на бедной девушке Черрил, используя ее для самоутверждения. То же самое можно сказать о Лилиан Риарден, которая методично делает своего мужа Хэнка несчастным: «Ему осталось мучиться ясным осознанием того, что Лилиан никогда не

захочет оставить его, что он никогда не получит права расстаться с ней, что он в долгу перед ней за ее, хоть и извращенную, симпатию и должен уважать ее чувство, которое не может понять и на которое не в состоянии ответить взаимностью...» [67, с. 390].

Между «атлантами» и Бэббитом существует серьезная разница. Казалось бы, они делают деньги, и только. Но о герое С. Льюиса сказано, что «он, в сущности, ничего не умел производить: ни масла, ни башмаков, ни стихов, – зато превосходно умел продавать дома по цене, которая мало кому была по карману» [48, с. 24]. «Атланты» Рэнд умеют не только «производить» – они способны творить, создавать вещи заново, убежденные, что «ради собственного удовольствия следует переделать землю, ведь только человеческий дух придает смысл неодушевленной материи, заставляя ее служить намеченной цели» [67, с. 318]. Главное, что печалит «атлантов» – это всеобщая ретроградность, царящая в обществе: «Люди перестали делать новые вещи» [67, с. 78]. Идея «пересоздания мира» глубоко чужда героям Льюиса, хотя «общество потребления», казалось бы, находится в центре повествования и там, и там. Герои, противопоставленные «атлантам» в романе Рэнд, часто говорят о том, что «в жизни есть занятия поважнее, чем делать деньги» [67, с. 15]. Однако они ничего не производят и не помогают тем, кто создает что-то новое.

Центральной темой другого романа С. Льюиса – «Эроусмит» (*Arrowsmith*, 1925) – стали отношения науки и власти в капиталистическом социуме. Это произведение продолжает затронутую им в предыдущем романе тему «бэббитизма», при этом предлагая ему альтернативу: «Для Синклера Льюиса той областью, в которой, по его мнению, всего слабее ощущалась мертвящая длань бэббитизма, оставалась наука. Его героями стали те представители американской научно-технической интеллигенции, энтузиасты, увлеченные творческими исканиями на благо человечества, которых он противопоставлял дельцам, “загребаящим деньги”»⁴⁴⁴.

⁴⁴⁴ Гиленсон Б. А. Америка Синклера Льюиса : монография. М. : ИНФРА-М, 2020. С. 63.

В романах Льюиса и Рэнд можно выделить диаметрально противоположные образы ученых: те, которые сотрудничают с властью, и те, которые выступают против нее. У Рэнд к первым можно отнести Роберта Стэдлера, Флойда Ферриса, Саймона Притчета, доктора Поттера, ко вторым – Хэнка Риардена (он не только предприимчивый бизнесмен, но и талантливый ученый, изобретатель нового сплава металла) и Джона Голта (первооткрыватель вечного двигателя), а также Хью Экстона – профессора философии, освоившего профессию бариста. В романе Льюиса чиновники от науки – это, в первую очередь, Альмус Пиккребо и ряд других второстепенных персонажей, а самобытными учеными изображены Мартин Эроусмит, Макс Готлиб и Терри Уикет. Нельзя не упомянуть и дока Викерсона, обучавшего Эроусмита началам биологии и химии.

Оба лагеря в произведениях двух авторов отчетливо дифференцированы. Первые пользуются поддержкой властей (или сами входят в какую-либо властную группировку), вторые – страдают от общественного давления и пересудов толпы. Показателен в этом смысле пример Мартина Эроусмита. Этот герой стал неуютен властям только на основании того, что честно делал свою работу, рекомендуя закрыть молочную ферму, в молоке которой он нашел палочки брюшного тифа, а также предлагал уволить некоторых людей из-за того, что они являлись ее носителями. Как видим, социуму не понравились такие его качества, как честность, открытость, прямота, принципиальность, стремление исполнить свой профессиональный долг. В романе Рэнд этими же качествами обладают и «атланты». Общественность осуждает Хэнка Риардена за алчность, безнравственность, эгоизм. Подробности его личной жизни (роман с Дагни Таггерт) становятся поводом для шантажа. При этом власти не могут обойтись без его сплава, который называют «чудесный металл». История изобретателя «вечного двигателя» Джона Голта еще более драматична. Он не может существовать в условиях социалистического эксперимента и покидает моторостроительную компанию «Двадцатый век», на которой когда-то трудился.

Отношения науки и власти в романе «Атлант расправил плечи» можно охарактеризовать как принудительно-неравноправные. Так, изобретение, над которым работал Стэдлер, в руках власти стало оружием массового поражения, а его создателя использовали «как пешку в какой-то тайной игре, почти как... как арестанта» [69, с. 141]. Автор показывает, что сделка ученого с тоталитарной властью неизменно заканчивается гибелью первого – моральной или физической. В рамках тоталитарного режим невозможно сохранить право на собственное изобретение, так как государство паразитирует на ученом, в конце концов уничтожая его и отбрасывая на ненужность: « – Я изобрел «Ксилофон»! Я создал его! Я сделал его возможным! – Ты? Ну что ж, док, большое спасибо. Большое спасибо, но ты больше нам не нужен. У нас есть свои механики» [69, с. 495].

Аналогичная ситуация паразитизма государства на интеллигенции представлена в романе С. Льюиса. Талантливый ученый Макс Готлиб, уволенный из-за своих принципов из университета, в поисках работы попадает в фармацевтическую кампанию «Досон Ханзикер и Ко». Проведя ряд исследований за счет средств этой компании, он делает открытие – антитоксин в пробирке. Не желая делать его всеобщим достоянием без предварительных опытов, он вступает в конфликт с чиновниками. Они манипулируют «вдовами и сиротами», то есть взывают к милосердию: «Вы понимаете, наши пайщики – а сколько среди них бедных вдов и сирот! – вложили в наше дело все свое скромное достояние, и мы должны оправдать их доверие» [51, с. 477]. Правда, в отличие от Стэдлера из романа Рэнд, Готлиб отказывается подчиняться властям и уходит работать в Мак-Герковский институт.

Образ чиновника от науки Альмуса Пиккербо в романе Льюиса нарисован комическими красками. Вместо того чтобы заниматься серьезной наукой, он сочиняет слоганы (излюбленное занятие предпринимателей из «Бэббита»), воображая, что с их помощью он помогает снизить заболеваемость: «Каждый раз, когда Мартин брал под вопрос поток его цифр касательно туберкулеза, каждый раз, когда он скромно указывал, что причина ослабления

болезни была, возможно, в естественном росте иммунитета, а не в крестовых походах против харканья и затхлого воздуха, Пиккербо считал, что его помощник тем самым берет под сомнение искренность своего шефа в устройстве таких походов» [51, с. 559]. В романе Рэнд чиновники показаны кучкой мечущихся паразитов, которые зависят от людей-творцов: например, в эпизоде, в котором президент США Томпсон и его подчиненные уговаривают Джона Голта вступить с ними в партнерские отношения и помочь спасти страну от окончательного хаоса [69, с. 455–465]. Чиновники в целом вызывают у авторов обоих текстов презрение.

В связи с темой взаимоотношений науки и власти в романе Рэнд возникает и осмысление современной ей парадигмы научного знания, которая связана с кризисом проекта Просвещения и все нарастающим релятивизмом мышления. «Эпистемологическое сомнение», в рамках которого рационализму и логоцентризму традиционной науки Нового времени противопоставляются тотальная неопределенность и иррациональность мироздания, становится объектом критики в романе. Писательница начинает развивать эту тему еще в первых томах романа, периодически показывая нам людей, которые формировали эту философскую модель «иррациональной науки». Доктор Притчетт так определяет ее: «И на долю нашего столетия выпало заново определить цель философии. Она заключается вовсе не в том, чтобы помочь человеку определить смысл жизни, но в том, чтобы доказать, что такового не существует вовсе» [67, с. 169]. Один из философов, который преуспел на данном поприще, – Флloyd Феррис, автор книжного бестселлера «Почему вы думаете, что вы думаете?». Стэдлер возмущен книгой: « – Но вы освятили вашу несусветную чепуху престижем науки! Все это в пору сомнительной посредственности вроде Саймона Притчетта... Вы заставляете думать, что это наука! Наука! Вы используете достижения разума для разрушения самого разума» [68, с. 15]. Философия «вторичности» и игры со смыслами прошлого порождает логичное следствие: «Все пользуются чужими находками. Никто не способен ничего изобрести» [67, с. 333].

В романе С. Льюиса поднимается вопрос организации научного процесса в современных университетах и научных институтах. В консервативно настроенном научном сообществе все нововведения воспринимаются скептически. Попытка открыть собственный институт в Уиннемакском университете стоила талантливому ученому Готлибу работы: «Он считал, что должна быть на свете такая медицинская школа, которая была бы вполне научной, ставила бы во главу угла точное знание...» [51, с. 465]. В итоге против Готлиба выступает весь «свет» медицинской науки, и он оказывается без работы с обвинениями в «неподчинении авторитету своего декана, своего ректора и попечителей», «измене интересам штата Уиннемак», «нарушении общепризнанной врачебной и университетской этики», «безграничном эгоцентризме», «атеизме» и т.п. [51, с. 467]. Ситуация напоминает отчисление из университета за вольнодумство Говарда Рорка, главного героя романа Рэнд «Источник», который олицетворяет собой прогрессивного ученого. Так в обоих романах возникает тема возвращения к «славному прошлому» Америки, во времена фронта и первооткрывателей.

С. Льюис конструирует в романе общество, в котором процветает потребительское отношение к науке, где научный поиск заменен пустым зарабатыванием денег, что является сатирой на современную ему Америку. В романе «Эроусмит» автор сосредоточился на анализе медицинского сообщества: «Они [медики] заботятся не о спасении жизней, а о том, как бы не “угробить пациента” – не потерять свои доллары» [51, с. 367]. Все происходящее в таких медицинских учреждениях, как клиника Раунсифлда, где «слишком много просвечивали рентгеном искалеченных светской жизнью женщин... и, может быть, слишком кровожадно хмурились на каждую миндалину...» [51, с. 603], где существовало мнение, «что каждая часть тела, без которой человек может как-нибудь обойтись, должна быть немедленно удалена» [51, с. 604], является только следствием того, что труд ученого не оплачивается достойно. Ученые, сотрудничающие с властями из романа Рэнд, гордо заявляют о том, что цель их научных разработок военного назначения –

не деньги: «Но, как вы превосходно заметили, проект “Икс” и не должен быть коммерческим предприятием» [69, с. 147]. Ученые же, которые являются независимыми творцами, наоборот, позиционируют себя как стремящихся зарабатывать на своих научных разработках. Разумеется, такая инверсия обусловлена специфическим пониманием писательницей государственного регулирования как основной причины всех проблем современной экономической системы США.

Эроусмит и «атланты» в конце концов выбирают один и тот же эскапистский вариант: удаление от общества. Герои Рэнд создают собственное поселение в горах, которое называют Атлантидой. Эроусмит же со своим другом ученым Терри Уикетом уединяется на берегу озера в хижине. Б. Гиленсон отмечает по этому поводу: «Подобный весьма иллюзорный выход, предложенный романистом, скорее всего был навеян индивидуалистическими концепциями Генри Торо, любимого писателя Льюиса... Генри Торо считал, что человек должен покинуть общество, развращенное пороками, чтобы освободиться от господствующих в нем законов и норм, подавляющих личность»⁴⁴⁵. У Рэнд же Атлантида является лишь промежуточным этапом для «атлантов», после которого они возвращаются для трансформации мира.

Разница в восприятии американского социума, несмотря на общность позиций авторов, заключается в том, как оба трактовали те политические системы, которые они защищали. Если С. Льюис критиковал капитализм, то лишь в том его понимании, которое отрицала Рэнд. В капитализме Льюиса не было места индивидуальности, творческому поиску и диалогу ученого и власти. Обращаясь к социализму как к альтернативе капитализма, он, тем не менее, воспроизводит в своих романах модели поведения человека, которые идут вразрез с идеологией коллективизма, лежащей в основе социалистических представлений о мире. В своей работе «Искусство беллетристики. Руководство для писателей и читателей» Рэнд отмечает, что Мартин Эроусмит работает на благо общества, занимаясь наукой, но непонятно – делает ли он это ради этого

⁴⁴⁵ Гиленсон Б. А. Указ. соч. С. 66.

самого общества или движим только эгоистической любовью к науке [81, с. 138]. Рэнд рассуждает как русский писатель, создающий идеологов вместо героев, отмечая, что в мотивировках характеров Льюиса недостает глубины: «Говоря “поверхностный” наблюдатель, я не имею в виду “глупый” (Льюис ни в коем случае не глуп). Я подразумеваю – “не философ”. Я имею в виду кого-то, кто не думает абстрактно о природе человека или человеческой мотивации» [81, с. 139].

В 1937 году Айн Рэнд отправила в редакцию *New York Herald Tribune* письмо (которое не было опубликовано), где выступила против этатической политики Ф. Рузвельта, предупреждая о том, что тирания в таких странах, как СССР и Германия, тоже устанавливалась постепенно. Оно заканчивалось фразой: «“Вы полагаете, у нас это невозможно? Что ж, это уже происходит!”»⁴⁴⁶. Здесь писательница делает отсылку в роману Льюиса «У нас это невозможно» (*It Can't Happen Here*, 1935). Экземпляр этого романа 1936 года издания с автографом писателя Рэнд получила в качестве ответа на письмо, которое она отправила Льюису, где назвала его «величайшим из ныне живущих писателей», «последней надеждой в отвратительном, бессмысленном беспорядке, называемом литературой» [128].

В этом романе С. Льюис выразил свои опасения относительно возможности установления в США тоталитарной диктатуры. Позже в романе «Атлант расправил плечи» Рэнд выскажет такие же опасения через антиутопическую линию, в которой «атланты» борются с режимом. Президент Томпсон соотносится у писательницы с диктатором Бэзом Уиндропом из романа Льюиса, а Джон Голт – с либералом Траубриджем из его же текста. Как Льюис, так и Рэнд вскрывают механизмы создания тоталитарного государства, которое держится на «средних людях», не интересующихся политикой и не вникающих в происходящие в обществе процессы. Метафора идущего в тоннель и сходящего с рельсов поезда, наполненного обывателями, в романе

⁴⁴⁶ Цит. по: Burns J. *The Goddess of The Market : Ayn Rand and The American Right*. N.Y. : Oxford University Press, 2009. Pp. 48–49.

Рэнд передает ее отношение к царящему в обществе равнодушию, выражаемому фразой «Кто такой Джон Голт?». У Льюиса такие же обыватели, слушая проникновенные речи Уиндрипа и его союзников, обещающих лишить богатства всех бизнесменов и раздать его в пользу бедных, повторяют фразу, передающую тот же смысл: «У нас это невозможно!».

Тонкая грань между демократией и тоталитаризмом держится на уважении к производящим ценности – эта мысль станет для Рэнд основой для создания ее философии. То, что Льюис выразит в художественной форме как приговор «американской мечте», деградировавшей до максимально примитивных материальных запросов, у Рэнд примет форму философской системы, выросшей на бэкграунде ее русского травматического опыта. Идея противостояния тоталитаризма и либерализма превратится в ее философии в идею противостояния людей-творцов и людей-паразитов, которым в данный исторический отрезок времени досталась власть.

Еще одним американским писателем, исследующим проблемы американского капитализма, был Э. Синклер. Как отмечает М.В. Глостанова, он «сыграл довольно важную роль в создании и оформлении особого варианта жанра документального романа»⁴⁴⁷. В статье «Искусство Маммоны» (*Mammonart*, 1925) Синклер отождествляет искусство с пропагандой [99]. В своих романах он создает героев, которые воплощают определенные тенденции развития общества. Рэнд в работе «Искусство беллетристики: Руководство для писателей и читателей» рассуждая, как «интегрировать философское содержание в художественное произведение», приходит к выводу о том, что идеи необходимо вкладывать в рассуждения персонажей «на отвлеченную тему в приложении к их собственным проблемам и конкретной ситуации на глазах читателя» [81, с. 133]. Она резюмирует: «Однако если действие не предполагает этого, то такой принцип будет торчать как пропагандистский плакат» [Там же]. Несмотря на то что Рэнд не считала Синклера серьезным писателем и

⁴⁴⁷ Глостанова М.В. Эптон Синклер // История литературы США : в 5 т. / отв. ред. П.В. Балдицын. Т.5. М. : ИМЛИ РАН, 2009. С. 526.

сравнивала его романы с «советской литературой»⁴⁴⁸, их взгляды на создание литературного произведения во многом совпадают: художественный текст должен выражать определенную идею.

Синклер, как известно, был фанатичным социалистом. Как отмечает Л. Кауфман, социализм был для него формой религии, высшим выражением заповедей Христа⁴⁴⁹. Писатель полагал Америку страной, в которой неизбежно наступление социалистического рая, причем этот идеал никак не противоречит «американской мечте», декларированной «отцами-основателями». Именно капитализм, по его мнению, явился «виновником» Великой депрессии 1929–1933 гг. в США. «Игры» Синклера в социализм были типичным явлением для американской культурной жизни первой половины XX века. Утопические идеи даже пытались претворить в жизнь: писатель наряду с его соратниками был владельцем здания бывшей школы для мальчиков в штате Нью-Джерси *Helicon Hill*, где в 1906 году им была основана социалистическая коммуна (по образцу фаланстеров Р. Оуэна), просуществовавшая всего один год: «Синклер был мечтателем, который не мог соотносить большую идею с реальностью повседневных забот и деталей»⁴⁵⁰.

Роман Синклера «Автомобильный король» (*The Flivver King: A Story of Ford-America*, 1937) повествует о реальном изобретателе, создателе автомобильного двигателя, внедрившем его в массовое производство, успешном предпринимателе, оказавшем огромное влияние на развитие промышленности и экономики не только США, но и во всем мире, – Генри Форде. Рэнд восхищалась этим человеком: в письме, основателю *Republic Steel and Vultee Aircraft* Т. Гирдлеру (от 12 июля 1943 года), писательница сообщает, что Томас Эдисон и Генри Форд – люди, принесшие миру огромную пользу, однако они делали это в эгоистических целях, а благо, которое они принесли

⁴⁴⁸ «Я сомневаюсь, что книги Синклера – это литература. Он пишет скверные пропагандистские памфлеты. Ужасный писатель с точки зрения стиля... Как советская литература в худших своих проявлениях» [88, с. 236].

⁴⁴⁹ Кауфман Л. Эптон Синклер и социализм // Новая литература. Март 2018. URL : http://newlit.ru/~kaufman/6012.html#_ftn0 (дата обращения : 25.01.20).

⁴⁵⁰ Там же.

обществу, – лишь вторичное следствие [LAR, с. 82]. Также известно, что «Манифест индивидуализма» Рэнд был прочитан Фордом. Писательница просила Де Витта Эмери, руководителя Американской ассоциации малого бизнеса в 1930-х гг., помощи в организации встречи с Фордом: Рэнд надеялась убедить его в своих идеях, называя Форда «лучшим символом капитализма» [LAR, с. 58]. Однако, судя по всему, они так никогда и не встретились.

Форд – прежде всего изобретатель, а потом уже «эффективный менеджер». Этот факт он сам обозначил в своей автобиографии: «Возьмем хотя одну незначительную идею – идею, которую мог бы создать каждый, но разработка которой выпала на мою долю...» [103, с. 3]. Отличие «реального» Генри Форда от героев Рэнд заключается уже в этом. Ее герои – это «integrated men», соединяющие в себе качества философа и бизнесмена, преуспевшие и в науке, и в управлении бизнесом. Генри Форд явно «не дотягивает» до этого идеала, о чем, кстати, пишет Э. Синклер в своем романе, говоря, что он «не умел оперировать теориями» [98, с. 267]. Великолепный практик, гениальный изобретатель не разбирался, по словам Синклера, в экономике: «В умах людей, не привыкших к отвлеченному мышлению, могут бок о бок существовать всевозможные противоречия» [98, с. 268].

Казалось бы, образ Форда, представленный у Синклера и Рэнд, имеет определенные сходства. Так, в романах обоих авторов есть мотив изобретения: в романе Синклера Герни Форд, названный в завязке «сумасшедшим» и «чудаком», пытается создать «устройство двигателя нового типа» [98, с. 201]. Кроме того, оказавшись в гостях у писателя-идеалиста, Форд рассматривает обнаружившийся у того в гараже «карбюратор незнакомой для них конструкции» [98, с. 267]. В романе Рэнд «Атлант расправил плечи» Джон Голт изобретает «perpetuum mobile», который снабжает электроэнергией всю Атлантиду, а Дагни Таггерт с Хэнком Риарденом находят его остатки на развалинах завода «Двадцатый век». В произведениях обоих писателей социум испытывает недоверие к изобретению гения,.

Герои-изобретатели Синклера и Рэнд начинают свою карьеру одинаково, и никому из них богатство не достается по наследству: Генри Форд, как и Хэнк Риарден и Джон Голт – выходцы из небогатых семей. Как и персонажи Рэнд, Генри Форд в романе Синклера отказывается прекратить свои эксперименты с «бензиновыми бричками»; здесь он даже больше похож на героя ее романа «Источник», Говарда Рорка, который бросает университет и отказывается от престижной работы, чтобы творить исключительно в своем собственном стиле, а также на деда Дагни Таггерт, Натаниэля Таггерта, самостоятельно построившего мост, проектирование которого отказалось субсидировать правительство.

Противоречия между авторами начинаются с того момента, когда каждый из них высказывает свое отношение к «американской мечте». Э. Синклер явно саркастически относится к этому понятию, подчеркивая его манипулятивный характер в деле управления массами: «Америка – страна возможностей, и каждый день в ней происходят удивительные вещи. Самый бедный мальчик имеет право стать президентом; помимо этого главного приза, было множество помельче...» [98, с. 204]. «Американская мечта» Рэнд – это, скорее, «улучшенная версия» «оригинала», представляющая собой сплав из идеализированных представлений об «отцах-основателях» и американской демократии, немалое влияние на формирование которых оказал ее русский опыт. В романе Рэнд «Атлант расправил плечи» Америка представлена как последний оплот капитализма в охваченном социализмом мире: «Но, когда в мире стали возникать народные республики, Америка стала единственной страной, где людям не приходится выкапывать в лесу корни, чтобы прокормиться...» [68, с. 89]. Франсиско д'Анкония произносит слова о «высочайшем» типе человека – «человек[е], который сделал себя сам – американск[ом] промышленник[е]» [68, с. 96].

Дискуссионным является и вопрос национализации частной собственности. Рэнд в художественной форме демонстрирует последствия этого явления в романе «Атлант расправил плечи», показав развал еще вчера

процветающей страны вследствие введения Директивы номер 10-289 («атланты» именуют ее «мораторий на мозги»). Героями романа это событие воспринимается как трагедия и «предчувствие непоправимого несчастья» [68, с. 258]. В романе Синклера Генри Форд реагирует точно так же, как «атланты» Рэнд: «Но когда писатель заговорил о передаче автомобильной промышленности в руки народа и назначении Генри ее руководителем, промышленник явно забеспокоился. Нет, Генри не желает, чтобы политики вмешивались в его дела» [98, с. 268]. То же касается и отношения к свободной рыночной конкуренции. Если Рэнд полагала ее основой благополучия экономики, то герой романа Синклера, социалист Том Шатт поясняет на собрании профсоюза рабочих, что конкуренция промышленников – причина безработицы [98, с. 373].

Различны и позиции авторов относительно отношений хозяина предприятия с рабочими. Роман «Автомобильный король» отмечен явным противопоставлением двух персонажей – Генри Форда и его рабочего Эбнера Шатта. Эбнер Шатт жил по соседству с семьей Фордов, когда Генри был мальчиком. До конца своих дней Эбнер гордился тем, что «знал этого парня, еще когда он делал свою первую машину» [98, с. 214]. Однако контраст Форда и Шатта очевиден даже автору: «Он [Форд – А.Г.] будет думать не только за себя, но и за Эбнера, – и это как нельзя лучше устраивало Эбнера; его мыслительные способности были ограничены да и никогда не развивались» [98, с. 220]. Действительно, Эбнер Шатт показан как необразованный, умеющий выполнять только механическую работу человек, фанатично преданный «секте Форда» – выписывающий журналы, выпускаемые компанией, интересующийся лишь мнением «господа Форда» по всем вопросам в мире: «Эбнер...напоминал мула, но впряженного в привод, мула, который ходит и ходит по кругу, поддерживая работу механизма» [98, с. 347].

Сын Эбнера Шатта, Том Шатт, в отличие от своего отца, получает университетское образование и принимает решение: «Я буду таким рабочим, который понимает, что с ним происходит, и может разъяснить это другим» [98,

с. 351]. Том становится социалистом и начинает «мстить» за отца. Последние девять главок романа построены по принципу параллелизма: повествование в них ведется с использованием приема чередования сюжетных планов: первый – план Томаса Шабба, который выступает перед рабочими на тайном собрании профсоюза завода Форда, затем садится со своей подругой в автомобиль и на него осуществляется разбойное нападение; второй – план Генри Форда, который вместе с женой присутствует на приеме у старинного семейства в Детройте. Такое чередование создает ощущение взаимосвязанности жизненных линий хозяина и рабочего, которые доселе были разделены стеной интеллектуального и финансового неравенства. В повествовании даже появляются русские аллюзии: Генри Форд сравнивается с Николаем II, а его рабочие – с угнетенным русским народом. В конце концов сюжетные планы сходятся в одну точку: Форд с женой проезжают то место на дороге, где без чувств лежит избитый Том, а его подруга взывает о помощи: «Лимузин мчался дальше. Шофер и телохранитель действовали по приказу, они никогда не останавливали машину. Они везли миллиард долларов, а такая сумма денег не может вызывать ни сочувствия, ни любопытства: ей хватает своих забот» [98, с. 383].

В романе Рэнд «Атлант расправил плечи» совершенно иная интерпретация положения рабочих при капитализме. Во-первых, автор возлагает на них ответственность за происходящее в стране как раз в силу их интеллектуальной неразвитости: «Сегодня способности стали не нужны. Раньше...требовали наилучшего исполнения обязанностей и соответственно награждали. Сейчас он не мог ожидать ничего, кроме наказания, если стал бы поступать по совести. Раньше от него требовалось уметь думать. А теперь...» [68, с. 309]. Во-вторых, она показывает насколько сильно люди сами деградировали, переложив ответственность думать и размышлять на других людей: «Дагни не видела глаз, только влажные овалы, поблескивающие в свете луны. Вот они, думала она, люди нового века, те, кто требуют самопожертвования и принимают его. Ее остро полоснуло чувство гнева,

крывшееся в молчании людей, гнева, говорящего о том, что никто и не думал ей помогать – от нее ждали жертвы...» [68, с. 399]. В-третьих, Рэнд доказывает, что на самом деле виноваты не капиталисты, а паразиты, которые захватили в стране власть: «Они едят нас живьем, им никого не обмануть словами о том, что во всем виноваты богачи» [68, с. 176].

В романе Рэнд есть образ рабочего Кормилицы, верой и правдой служащего сталелитейному магнату Хэнку Риардену. Правда, изначально он «исповедовал» паразитическую философию и был одним из «менеджеров» на заводе Риардена, назначенных «сверху», однако со временем осознал, что не желает быть «клопом» и хочет быть простым рабочим. В конце концов парень отдает жизнь за своего хозяина в стачке, якобы организованной рабочими его завода, а на самом деле подстроенной «бандитами из Вашингтона»: он боролся с ними и прополз, раненый, много метров, чтобы сообщить правду Риардену [69, с. 331]. Рабочие в романе Рэнд испытывают доверие к своим хозяевам. Это видно, например, в эпизоде, в котором Дагни Таггерт понадобилось выбрать шофера для того, чтобы впервые провести поезд по дороге, проложенной из рельсов, сделанных из риарден-металла: «Свои услуги предложили все машинисты фирмы Таггерт. Так же поступили кочегары, тормозные рабочие и кондукторы» [67, с. 298]. Таким образом в романе воссоздан принцип «рабочий – это компаньон капиталиста».

Рэнд напоминает в своем последнем романе о том, что хозяин предприятия – это выходец из низов, сам начинавший как простой рабочий, а не поставленный «сверху». Этот руководитель не боится грязной работы и может выполнить ее не хуже любого рабочего, чем заслуживает его уважение. Таковы Дагни Таггерт, которая начинает свою карьеру вице-президента «Таггерт Трансконтинентал» обычной связисткой и во время проблем с электричеством помогает рабочим вручную переводить стрелки на железной дороге, или Хэнк Риарден, который во время аварии на заводе кидается помогать рабочим тушить пожар. Иной образ предпринимателя воссоздает Э.

Синклер: в Форде он видит человека, который не желает «делиться» богатством с теми, кто в нем нуждается.

Резюмируя, отметим, что особое отношение Рэнд к предпринимателю как к своему идеальному герою не было следствием симпатии именно к бизнесмену: на самом деле предприниматель в ее романах – лишь одна из форм самопрезентации человека-творца. Невольный спор писательницы с критиками капитализма явился лишь вариантом распространенной в пространстве русско-американских отношений оппозиции двух политико-экономических систем – капитализма и социализма. Социализм выступает утопией для США, уставшей от кризисов капитализма, именно поэтому его идеализируют в своих романах такие писатели, как Т. Драйзер, Э. Синклер и С. Льюис. Рэнд, в свою очередь, воспринимает утопию капитализма как спасительную для США ввиду собственной травмы, полученной ею в СССР. Очевидно, что Рэнд и эти американские писатели имеют разные философские основания для критики либо идеализации капитализма. Первая приводит моральные обоснования этой системы, что находит свое отражение в образах сильных и справедливых капиталистов, угнетаемых тоталитарным государством в ее романах. Вторые же обращаются к разным способам критики капиталистической системы.

Так, Драйзер посвящает свою трилогию описанию жизненного пути финансиста, трактуя печальный финал его жизни в качестве свидетельства несостоятельности капитализма как этической системы. С точки зрения объективизма эта трактовка окажется ошибочной, ведь Каупервуда погубило отсутствие в жизни цели, а также государственное регулирование сферы предпринимательства. Льюис описывает такое явление, как «бэббитизм», ставшее нарицательным, которое было главным умонастроением американского обывателя начала – середины XX века. Оно характеризовалось отсутствием высшего смысла за материальными устремлениями, что в романах Рэнд находит свое отражение в образах паразитов, противостоящих «атлантам». Разделяя при этом «ученых» и «капиталистов», Льюис следует логике дихотомии, противопоставления двух модусов – ценностного и практического,

что для Рэнд было неприемлемо ввиду стремления преодолеть этот раскол в образе «integrated man». Синклер и вовсе рисует «плакатные» образы угнетенного рабочего и паразитирующего на нем «кровожадного» капиталиста Генри Форда – в противовес Рэнд, которая, ориентируясь на характер «бизнесмена-хозяина», создает образы бизнесменов-интеллигентов, уважаемых рабочими.

Таким образом, несмотря на общие средства поэтики, используемые в романах американских писателей, критикующих капитализм, и в романах Рэнд, в них представлены совершенно различные художественные образы, данные в рамках определенной системы ценностных координат, связанной либо с социалистическим, либо с капиталистическим полюсом.

§3. Романтика бизнеса: образ предпринимателя в романах Айн Рэнд и в произведениях «business romance». Создавая в своих романах образ предпринимателя как идеального героя, Рэнд, с одной стороны, ориентируется на американский идеал «self-made man», «человека дела», что и снискало ей популярность именно в США. С другой же стороны, ее герои несут на себе «отпечаток» русской традиции, в рамках которой существовал разрыв между «ценностной» и «практической» типами рациональности⁴⁵¹. В русской истории этот разрыв был реализован в конфликте дворянства и купечества, а также аристократического дворянства и предпринимателей-дворян.

Данный конфликт, в частности, можно считать причиной того, что образ делового человека в русской литературе практически повсеместно имеет негативные коннотации, находясь на периферии системы персонажей, воспроизводимых русской литературой. Связано это, видимо, с тем, что, как отмечает В.А. Недзвецкий, русский предприниматель – «это человек, которому, по словам Алексея Карамазова, “миллиона не надо, а надобно мысль разрешить”, и мысль не бытовую и материальную, а о морали (вере) и аморализме (неверии), о добре и зле, о самой природе человеческой и способах

⁴⁵¹ Зарубина Н.Н. Бизнес в зеркале русской культуры. М. : Анкил, 2004. С. 53–59.

возрождения и спасения ее»⁴⁵². Уже в первых «пробах» жанра романа в русской литературе в XVIII веке в качестве образа делового человека оформляется ампула ловкого плута, пикаро, наживающегося на наивных людях (роман В.Т. Нарезного «Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова», 1814). Один из важнейших образов делового человека в русской литературе XIX века – образ Павла Ивановича Чичикова («Мертвые души» Н.В. Гоголя, 1842). Гоголь выразил в художественной форме одновременно предчувствие капитализма в России и страх перед ним. Ф.М. Достоевский выскажет похожие опасения через образ психологического двойника Раскольникова – Лужина («Преступление и наказание», 1866).

Важнейшей проблемой, возникающей при этом перед писателями, была все та же проблема обретения человеком целостности, проявленная в этот раз в категориях двух типов рациональности. Как уже отмечалось, Д.И. Писарев посвящает свою статью «Реалисты» (1864) теме разделения русского общества на интеллигента и практического деятеля [60]. В литературе XIX века мотив разрыва проявится в романе И.А. Гончарова «Обломов» (1859), Штольц которого воплощает образ человека, гармонично сочетающего рациональное и духовное начала (а также две культуры – он полукровка). Герой другого романа писателя («Обыкновенная история», 1847) Петр Адуев, также соединяет в себе практика и философа – человека, управляющего делом (фарфоровый завод) и одновременно занятого его постоянным усовершенствованием. Необходимость совмещать практические задачи с высокими идеалами – отличительная черта изображения предпринимателя в русской литературе: «Ориентированный на практику, на конкретный результат и лишенный идеальных целей предприниматель выглядит неполноценным, и русские писатели нередко показывают личностную деградацию, сопутствующую развитию и процветанию дела»⁴⁵³.

⁴⁵² Недзвецкий В.А. История русского романа XIX века: неклассические формы : курс лекций. М. : МГУ, 2011. С. 76–77.

⁴⁵³ Зарубина Н.Н. Указ. соч. С. 56.

На рубеже XIX–XX вв. разрыв между двумя типами рациональности в России становится еще более резким. Так, конфликт аристократии и предпринимателей живописует в своем романе «Китай-город» (1882) П.Д. Боборыкин: его герой, талантливый предприниматель Евлампий Нетов подвергается гонениям со стороны дворянства, которое стремится его «сломать, перевоспитать, внуша[ет] ему “чинобесие”, несвойственную светскость, необходимость общественной деятельности, славянофильство и прочие модные нелепости»⁴⁵⁴. Боборыкин подчеркивает ощущение недооцененности персонажем самого же себя, стремящегося что-то доказать аристократии, закономерным считая финал романа, в котором Нетов кончает свои дни в сумасшедшем доме. Такую же недооцененность предпринимателя в русской культуре подчеркнет позднее М. Горький, сообщая высокую миссию русского предпринимателя – заботиться о своем народе, быть рачительным хозяином, для которого деньги не являются самоцелью («Фома Гордеев», 1899; «Дело Артамоновых», 1925).

Рэнд идеализирует предпринимателя, видя в нем персонификацию ее антропологической утопии. Согласно Рэнд, в персонажах должны отражаться и выражаться ценности автора. В работе «Романтический манифест» она формулирует главное свойство романтического героя – органичное сочетание противоположных модусов (разумное и эмоциональное, практическое и ценностное, материальное и духовное). Романтизм в понимании Рэнд – это, скорее, романтика как определенное умонастроение, связанное с верой в безграничные возможности человека. Это «модус художественности»⁴⁵⁵, воплощающий авторскую концепцию личности, который у Рэнд тесно связан с защищаемой ею экономической системой капитализма. Сама Рэнд объясняет свою позицию следующим образом: «Ища вслепую метафизически

⁴⁵⁴ Зарубина, Н.Н. Российский предприниматель в художественной литературе XIX–начала XX века // *Общественные науки и современность*. 2003. № 1. С. 115.

⁴⁵⁵ Тюпа В. И. Модусы художественности // *Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий* / гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко. М. : Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 127–128.

ориентированный, масштабный, возвышенный стиль жизни, романтики чаще всего были врагами капитализма, который они считали прозаической, материалистической, “мелкобуржуазной” системой, так и не догадавшись, что только при этой системе возможны свобода, индивидуальность и поиски ценностей» [92, с. 106]. Романтизируя бизнес и предпринимательство, писательница стремится «морально оправдать» человека, зарабатывающего деньги, что является неотъемлемой частью ее философской концепции.

В американской литературе бизнесмен не нуждался в моральном оправдании⁴⁵⁶. Популярная американская культура идеализировала образ бизнесмена, но в романах традиции «business novel», которые могут быть названы классикой американской литературы, можно обнаружить только осуждение капитализма и его представителей. С.Дж. Дэлримпл отмечает, что в американской литературе конца XIX века возникает специфический жанр, который характеризуется романтизацией бизнеса и бизнесменов. Он предлагает для его обозначения отдельное наименование – «business romance». Данный термин не является общепризнанным. Исследователь называет первых «изобретателей» жанра «business romance» – С. Мервина (1874–1936) и Г.К. Уэбстера (1875–1932), авторов романа о строительстве зернового элеватора «Калумет К» (*Calumet K*, 1901). Опираясь на определение романтизма, данное Айн Рэнд, Дэлримпл утверждает, что в этом романе в образе главного героя было реализованы те качества, которые она считала истинно романтическими – отсутствие детерминизма, предопределенности и чувство ответственности человека за себя и окружающий мир⁴⁵⁷.

Рэнд впервые познакомилась с этим романом еще во время работы младшим сценаристом у известного режиссера С.Б. де Милля в 1927 году, который дал ей прочесть его для того чтобы она смогла «перенести» в сценарий

⁴⁵⁶ Так, Э.А. Локк пишет, что совмещение понятие «зарабатывание денег» и «добродетель» является оксюмороном для американского капитализма [Locke, 2009, с. 332].

⁴⁵⁷ Dalrymple J.S. *The Romance of Business : Samuel Merwin and Henry Kitchell Webster* // Dalrymple J.S. *Capital Fictions : The Business Novel in America, 1880–1910* : thesis. Buffalo : University of New York, 1997. Pp. 75–116.

фильма настроение «героизма строительной работы». Называя «Калумет К» лучшим, из того, что она читала, писательница восхищенно писала о романе Б. Брандт, редактору журнала о художественной литературе *The Story Digest* в письме от 11 декабря 1945 года [LAR, с. 251–252].

Важным фактом является, что Рэнд – автор предисловия к изданию романа 1962 года. В нем она называет «Калумет К» произведением, в котором изображен редкий для американской литературы тип героя – «*efficacious man*» (человек эффективный). В основе него, на взгляд писательницы, лежат сформулированные ею две черты, характерные для романтической литературы. Первая – это «*benevolent-universe premise*» («предпосылка о благожелательности вселенной»): герой всегда достигает своих целей (связка «подумал – сделал»). Вторая – «*the primacy of existence*» («превосходство существования»): человек, признающий реальность основным критерием принятия решений («надо – значит делаю»). Рэнд акцентирует внимание на дихотомии персонажей, каждый из которых олицетворяет какое-то одно качество: Петерсон (бывший руководитель элеватора) – «*man of brown*» («человек мускулов») и Бэннон (новый руководитель элеватора) – «*man of brains*» («человек мозгов»).

Называя Бэннона «средним человеком» Америки рубежа веков, где «талант имел значение», она, тем не менее, прямо указывает на его «нецельность»: «Он не *антиинтеллектуал*, а *неинтеллектуал* – как человек действия, слишком занятой для концептуализации» [127, с. 481]. Она упрекает героя в невозможности «осознать себя жертвой» в ситуации с рабочим, которого он ударил за то, что тот отказывался соблюдать правила производства, а затем прислал ему в больницу в подарок табак, чтобы о нем не подумали плохо. Рэнд констатирует, что Бэннон, будучи «типичным американцем», тем не менее, не является идеальным героем, ведь он не интеллектуал.

Сравнивая героев двух писателей, можно заметить, что им присущи схожие качества: ответственность, принципиальность, умение вдохновлять других. Так, ответственность проявляется у Бэннона в ситуации, когда

профсоюзная делегация всячески мешает ему закончить строительство элеватора. Он приказывает (несмотря на колебания рабочих и возражения главы делегации Грэйди): «Очистите этот путь! Ну же, быстро!» [120, с. 95]. В романе Рэнд Дагни Таггерт берет на себя ответственность за риски, связанные с прокладкой рельсов из риарден-металла, и вообще решает вопросы, которые вызывают колебания у ее брата Джеймса Таггерта. Характерный диалог из романа (семафор сломался, и поезд встал посреди снежной пустыни, а Дагни приказывает машинисту ехать до следующего): «Она повернулась, чтобы уйти, когда машинист осторожно поинтересовался: – В случае любых неприятностей вы берете ответственность на себя, мисс Таггерт? – Беру» [67, с. 23].

Принципиальность и прямота Бэннона хорошо проявляются в эпизоде, когда он думает, где достать машины для перевозки зерна и решает отправиться за ними лично, несмотря на то, что Слоан уговаривает его сэкономить время, позвонив по телефону. Чарльз заявляет: «Я не смогу должным образом объясниться, если не увижу парня, с которым мне предстоит разговор» [120, с. 40]. Дагни, которая, рискуя собой, самостоятельно отправляется на поиски изобретателя «вечного» двигателя, также проявляет принципиальность характера: она не может бросить начатое ею дело, даже если это будет стоить ей жизни.

В обоих романах мы видим, как герой вдохновляет рабочих. В романе Мервина и Уэбстера рабочим приходится заканчивать строительство элеватора ночами и в Рождество, чтобы успеть в срок. Бэннон постоянно находится рядом и талантливо управляет процессом: «Он был весь в работе, подавая руку здесь, отдавая приказ там, всегда добродушный, хотя и резкий, всегда вдохновляющий людей видом своей собственной деятельности» [120, с. 80–81]. В романе Рэнд Дагни организует работу терминала, когда система блокировки выходит из строя, координируя движения рабочих, которые управляют процессом вручную, а Хэнк Риарден вместе с рабочими устраняет прорыв печи в цеху, рискуя жизнью.

Для обоих романов характерен контраст героев ответственных и эффективных и безответственных и неэффективных. В романе «Калумет К» Бэннону противопоставлен Петерсон, который все время возражает первому, говоря «мы не сможем», «мы не успеем», «у нас не получится» и т.п. У Рэнд такой контраст представляют собой брат и сестра, президент и вице-президент компании «Таггерт Трансконтинентал» Джеймс и Дагни Таггерт. Первый постоянно норовит отказаться принимать решения. В ситуации с внедрением в производство рельсов из риарден-металла Дагни проявляет смелость: « – Ну если бы этот сплав на что-то годился, его уж использовали бы, а это не так... Откуда тебе может быть известно, что это хорошо? Откуда такая уверенность? Как ты можешь принять такое решение? – Кому-то приходится брать на себя ответственность, Джим. Кому же, по-твоему? – Но я не понимаю, почему мы должны оказаться здесь первыми. Я совершенно этого не понимаю» [67, с. 28–29].

Все эти сходства, однако, оказываются лишь внешними. Сопоставляя идеальных героев Рэнд с Чарльзом Бэнноном, С.Дж. Дэлримпл совершенно справедливо отмечает, что они более образованные и философски настроенные, чем он. Проводя параллели, исследователь говорит, что «плохим парням» в романе Мервина и Уэбстера, представленным трудовыми профсоюзами, соответствуют социалисты и коммунисты у Рэнд. При этом если в центре повествования в «Калумет К» находится дело завершения зернового элеватора, то в центре «Атлант расправил плечи» – судьба самого человечества. Ученый резюмирует свои рассуждения фразой: «Роман Айн Рэнд “Атлант расправил плечи” (1957) – это “Калумет К” на стероидах»⁴⁵⁸. Очевидно, что речь идет о принципиальной, глубинной разнице между двумя текстами (несмотря на их внешнее сходство на уровне сюжета), которую можно объяснить тем, что Рэнд ориентируется на русскую традицию в воссоздании своего идеального героя.

При всех сходствах в характерах героев Мервина, Уэбстера и Рэнд можно обнаружить отличия, которые вовсе не исчерпываются тем, что Дардимпл

⁴⁵⁸ Dalrymple J.S. Op. cit. P. 160.

обозначил у первых, как «отсутствие философичности». В случае с Рэнд это не просто «философичность». Ее герои заняты не только внешними делами, но и внутренним развитием, стремясь преодолеть в себе противоречия. Так, Хэнк Риарден в начале романа мечется между работой и семьей, а после начинает осознавать, что это противоречие – ложное (как и любое другое в логике объективизма). Его жена Лилиан обладает иными моральными ценностями, создавая в нем эти противоречия: она любит его деньги – но не то, как он их делает. Поэтому нет ничего постыдного в его любви к Дагни, благодаря которой он обретает гармонию между любовью к работе и к любовью к женщине: «Вы, не допускающий ни единого процента примесей в своем сплаве... кого вы допустили в святую святых своего нравственного закона?» [68, с. 269].

Если говорить о масштабах задач, решаемых романтическими героями писательницы, то они не идут ни в какое сравнение с теми задачами, которые решают герои Мервина и Уэбстера. «Калумет К» – это роман об ускоренном строительстве зернового элеватора, о трудностях, которые преодолевает на этом пути «*efficacious man*» Чарльз Бэннон – и только. Финал романа – радостное и запоздалое празднование Рождества и окончания работ по строительству элеватора, сопровождаемое чувством главного героя. Роман Рэнд посвящен более глобальной задаче: спасти мир от надвигающейся угрозы социализма и экономического кризиса, для чего и создается Атлантида. Писательница здесь сближается, как уже отмечалось, с Н.Г. Чернышевским, который тоже предлагает проект радикального переустройства человека и мира в романе «Что делать?», а его герои воплощают мечты о будущем их автора. Роман «Атлант расправил плечи» в этом смысле – руководство к действию (как был воспринят в свое время и роман «Что делать?»).

Другой американский представитель «*business romance*» – это Кэмерон Хоули (1905–1969), который исследует психологические тонкости бизнеса как отдельной сферы деятельности человека. Будучи сам в прошлом исполнительным директором в *Armstrong Cork Company*, он, несомненно, знал,

о чем пишет. Его романы, большинство из которых не переведено на русский язык, отражают глубокое понимание бизнесмена как личности и, в то же самое время, являются увлекательным чтением. Сопоставление его романов с текстами Рэнд – мысль не новая, ее можно обнаружить, например, в книге Р.Е. Меррилла «Идеи Рэнд» (*The Ideas of Ayn Rand*, 1991), который отмечает, что роман Хоули «Кэш МакКолл» (*Cash McCall*, 1955) и роман Рэнд «Атлант расправил плечи» имеют несомненное сходство. Он настаивает, что Хоули повлиял на Рэнд (а не наоборот), что формально действительно должно быть так, ведь роман Хоули был написан на два года раньше⁴⁵⁹. По мнению же Р. Пауэлла, все могло быть наоборот: сама Рэнд своим романом «Источник» повлияла на Хоули⁴⁶⁰. М. Энрайт утверждает, что звонила вдове Хоули и та не смогла подтвердить, что ее муж когда-либо читал книги Рэнд⁴⁶¹, поэтому вопрос о влиянии двух писателей друг на друга остается открытым.

Следует отметить, что образ предпринимателя у обоих писателей не является однородным: можно выделить как минимум три подтипа. Первый – это удачливый делец, за кулисами руководящий процессами большого бизнеса. Второй – это так называемый «отец» корпорации, сильный и авторитарный управленец. Третий – это практичный финансист, главной целью которого является чистая прибыль. Четвертый – это симбиоз талантливое ученого и предпринимателя. Один подтип отличается от другого отношением к предпринимательству: для первого бизнес – это «чистое искусство», для второго – родное детище, для третьего – источник прибыли, для четвертого – способ самореализации.

Удачливый делец, стоящий «за спиной» большого бизнеса у Хоули – это, конечно, главный герой его одноименного романа, Кэш МакКолл (*Cash McCall*,

⁴⁵⁹ Merrill E.R. *The ideas of Ayn Rand*. Chicago : Carus Publishing Company, 1991. Pp. 67–68.

⁴⁶⁰ Powell R. *Taking Pieces of Rand with Them : Ayn Rand's Literary Influence* // *The Journal of Ayn Rand Studies*. 2012. Vol. 12, No. 2. P. 220.

⁴⁶¹ Enright M. F. *Hawley's Heroes and the Romance of Business* // *The Atlas Society*. 2011. March 25th. URL : <https://www.atlassociety.org/post/hawleys-heroes-and-the-romance-of-business> (дата обращения : 17.05.19).

1955). Очевидной параллелью, которую отмечают критики, оказывается сходство этого героя с фигурой Джона Голта. «Таинственная фигура, которая бродит по земле»⁴⁶² – это описание одинаково применимо к обоим персонажам. Первый руководит нитями этого мира тайно, «выдергивая» из общества нужных ему людей и создавая свое собственное сообщество в долине Джона Голта, второй же – скупает обанкротившиеся предприятия, перепродавая их и делая прибыльными. Оба героя на протяжении большей части повествования остаются «за кадром», «в полный рост» появляясь ближе к концу, и в обоих случаях – в эпизоде, связанном с изображением утопической страны.

В последней главе романа Рэнд («Атлантида») в портретном описании героя присутствует мотив металла («тело обладало твердостью, суровой, непреклонной силой, гладкой четкостью отливки из какого-то *потускневшего, плохо обработанного металла, вроде сплава меди с алюминием...*» [69, с. 7]. Кэш МакКолл описан похоже («каждая линия словно была выгравирована на меди» [116, с. 242]). Кроме того, в описании внешности обоих героев содержится указание на их необыкновенную целостность, отсутствие ощущения «маски» при смене эмоций. Джон Голт: «На миг Дагни подумала, что оказалась в обществе не просто человека, а чистого сознания...» [69, с. 7]. Лицо Кэша описано подобным образом: «Это было живое лицо, зеркало разума, не скованного условностями, свободно и самостоятельно парящего, не извиняющегося за свободу, рассматривающего удовольствие не как легкомыслие, которое следует терпеть, а как что-то, что органически связано с самой жизнью» [116, с. 248].

Помимо портретного сходства, мировоззренчески герои также близки друг другу. Оба – сильные личности, умеющие добиваться поставленных целей и руководящие миром с его «изнанки». Рассмотрим специфику романтизации образа бизнесмена у обоих авторов. В дискуссии Гила Кларка и Уинстона Конвея относительно того, кто такой на самом деле Кэш МакКолл – ловкий делец без совести или личность, творящая добро, – звучит крайне важная для

⁴⁶² Enright M. F. Op. cit.

Рэнд мысль о моральности самой идеи бизнеса: «Знаете ли, люди, которые осознают разницу между тем, что является морально правильным, а что – юридически верным, становятся редкостью» [116, с. 227]. Рэнд была против исключения моральности из критериев оценивания того или иного явления (в этом заключался и ее спор с Ф. Ницше, Ф. фон Хайеком и другими философами и экономистами)⁴⁶³, поэтому здесь ее взгляды будто бы совпадают со взглядами Хоули. Однако прочитаем дальше.

В своем споре о личности МакКолла Кларк и Конвей касаются *нравственного оправдания* того, чем он занимается – а именно скупки и перепродажи обанкротившихся предприятий. Кларк, преуспевающий строитель, заявляет: «Я просто не понимаю, чего он может добиться при таком образе жизни» [116, с. 228]. По его мнению, жизнь Кэша совершенно бессмысленна, ведь он просто делает деньги, но не создает с нуля ту компанию, которую покупает, лишая себя, так образом, чувства удовлетворения. Конвей возражает ему, подчеркивая, что он строитель («a builder»), а МакКолл – торговец («a trader»). Здесь и начинается принципиальное расхождение между Хоули и Рэнд.

Рэнд, как уже отмечалось неоднократно, избегала разделять бизнесмена (того, кто делает деньги) и интеллектуала (того, кто создает новое). Действительно, ее герои – вовсе не обычные бизнесмены, которые просто покупают и продают предприятия, как Кэш МакКолл. Важной и отличительной чертой романов писательницы является изображение героя в процессе становления, исканий, эволюции. Так, Джон Голт – это герой, имеющий цель и неуклонно идущий к ней, причем эта цель сформулирована им на редкость амбициозно и глобально: «Я остановлю мотор, движущий мир» [68, с. 394]. Как выражение абстрактного принципа герой Рэнд – полная противоположность герою Хоули, преследующему очень реальные и земные цели. Это особенно

⁴⁶³ См. об этом, например, ее статью «Культ нравственной серости» (*The Cult of Moral Grayness*, 1964), опубликованную в сборнике «Добродетель эгоизма» (Рэнд А. Культ нравственной серости // А. Рэнд. Добродетель эгоизма. М. : Альпина Паблишер, 2015. С. 96–102).

заметно в утопическом эпизоде об Атлантиде, который присутствует в обоих романах и вносит решающий вклад в формирование суждения о генезисе героя-предпринимателя в обоих текстах: утопия Хоули принципиально гедонистична и служит лишь «декорацией» в романтической линии отношений Кэша и Лори. Рэнд же конструирует мессианский тип Атлантиды, где утопия является самоцелью и выступает проекцией представлений Джона Голта об идеальном обществе (подробнее об этом см. следующий параграф).

Оба героя являются «серыми кардиналами» и до поры до времени об их существовании упоминается лишь косвенно. Однако впоследствии обнаруживается, что оба играли ключевую роль в сюжете: Кэш МакКолл тайно скупает и перепродает обанкротившиеся предприятия, Джон Голт – организует целую «сеть» тайных шпионов-«атлантов» по всей стране, которые устраивают различные диверсии, чтобы помешать врагам. Отличие деятельности Голта заключается в том, что она имеет конечную цель, более глобальную, чем цель обогащения у МакКолла: вернуться в Америку из Атлантиды, чтобы воплотить свой проект в жизнь. Иными словами, Джон Голт стремится превратить утопию в реальность, причем, со свойственной русской утопии претензией на глобальность⁴⁶⁴. Другой герой Рэнд, Франсиско д'Анкония заявляет, что «возрождение “Д'Анкония Коппер” и всего мира должно начаться отсюда, из Соединенных Штатов» [69, с. 88]. Ничего подобного мы, разумеется, не найдем у Хоули: его утопия – строго «для личного пользования».

Джон Голт – это «человек-обманка»: «в миру» он обычный путевой смотритель, в Атлантиде же – гениальный изобретатель: «Ты был путевым обходчиком здесь – здесь! – двенадцать лет...» [69, с. 297], – скажет Дагни, встретив его на пассажирской платформе. Его фигура, типологически близкая к образу «царя-избавителя», отсылает нас к традиционной русской антропологической утопии. К. Чистов отмечает, что сюжет о «царе-избавителе»

⁴⁶⁴ См. об этом качестве русской утопии: Мильдон В.И. Санскрит во льдах, или Возвращение из Офира : Очерк русской литературной утопии и утопического сознания. М. : РОССПЭН, 2006. С. 30.

был свойствен всем культурам, однако только в русской он имеет мотивы воцарения ради освобождения народа⁴⁶⁵. Особо стоит отметить мотив «тайного хождения» царя-избавителя «с целью разглядеть и запомнить все народные обиды, чтобы потом отомстить обидчикам»⁴⁶⁶: Джон Голт «внедрял» в различные корпорации своих людей, чтобы в конце концов уничтожить производство, на котором держалось государство.

Рэнд, таким образом, создает героя-сверхчеловека в том смысле, какой в него вкладывала русская литература: он есть носитель «идеи», с помощью которой будет меняться мир вокруг него. Кэш МакКолл же оказывается ближе к типу американского супермена: его не волнуют «дальние рубежи», а вся его деятельность ограничивается удовольствием покупать и продавать компании. Он торговец в строго прагматическом смысле этого слова, и у него отсутствует та составляющая, которая есть у Джона Голта: он *не мессия*, несмотря на свои выдающиеся качества дельца.

Другой тип героя, который присутствует как у Хоули, так и у Рэнд – это «отец корпорации». Свойственный в большей степени роману Хоули, у него он предстает в образе Эвери Булларда в романе «Представительский номер» (*Executive Suite*, 1952). Буллард – талантливый управленец, лидер компании *Tredway Corporation*, занимающейся производством мебели. Смерть лидера компании нарушает привычный ритм ее работы, внося хаос в совет директоров, внутри которого разворачивается серия интриг вокруг директорского кресла. Во втором романе Хоули еще острее возникает тема несправедливого отношения к крупным бизнесменам, о которой Рэнд писала в своей статье «Большой бизнес – преследуемое меньшинство американского общества». Две позиции относительно этого вопроса сталкиваются в романе в диалоге Джулии Трэдуэй Принс и Дона Уоллинга: первая считает бизнесмена диктатором, второй – тем, на ком держится все дело компании. Принс при этом

⁴⁶⁵ Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). Спб. : «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2011. С. 248.

⁴⁶⁶ Чистов К.В. Указ. соч. С. 251.

демонстрирует иррациональный взгляд на фигуру Булларда, отмечая, что его невозможно понять и сравнивая с магом, который совершает немыслимые трюки [117]. Называя его стиль управления компанией «диктаторским», Джулия обвиняет Булларда в том, что он принимал все решения относительно компании единолично. В конечном счете, весь спор Джулии и Дона сводится к спору о роли личности в истории: была бы, например, Америка такой, какая она есть без Рузвельта? А без Вашингтона? А без Линькольна? А без Джефферсона? [117]. Где границы влияния одного человека на историю компании (государства)?

Хэнк Риарден, «отец корпорации» «Риарден Стил» отвечает в романе Рэнд на этот вопрос однозначно: «Вы оскорбляете меня не за мои грехи, а за мои добродетели. Вы сами называете их добродетелями, поскольку ваша жизнь зависит от них; они нужны вам, и вы не в состоянии разрушить мои достижения, вы можете завладеть ими только силой» [68, с. 268]. Индивидуализм Риардена не позволяет ему уступить «паразитам» права на «Чудесный металл» (такое имя ему присвоили «паразиты», не понимая роли разума в его создании), который он изобрел (несмотря на то, что в его воплощении и распространении участвовали десятки и сотни людей). Хоули и Рэнд, таким образом, одинаково понимают проблему кризиса свободного предпринимательства в США. Рэнд, которая опасалась национализации частной собственности в Америке, с тревогой наблюдая за «призраком социализма» над ней, могла бы подписаться под пассажами из романа Хоули «Кэш МакКолл», в которых говорится о непомерных налогах и чрезмерном государственном контроле как о причинах банкротства крупных американских корпораций [116, с. 50]. И спасением от этого может стать сильный управленец, человек, который возьмет на себя всю ответственность за корпорацию.

Но в романах обоих авторов воплощен и противоположный тип дельца – прагматичный финансист, считающий прибыль компании первостепенной для ее развития, а акционеров – ее полноправными владельцами наряду с лидером компании. Такой тип предпринимателя является, безусловно, негативно

представленным в романах Рэнд и Хоули. В романе «Представительский номер» Лорен Шоу, один из вице-президентов компании *Tredway Corporation*, называет Эвери Булларда «устаревшим» управленцем, провозглашая высшим благом компании количество проданной мебели (без учета ее качества), а также критикуя индивидуалистский стиль управления бизнесом. Похожим образом ведет в себя в последнем романе Рэнд Джеймс Таггерт, президент «Таггерт Трансконтинентал», который отдает Мексике поезда компании, несмотря на явные проблемы, возникающие от этого у самой компании. Акт альтруизма дорого обходится корпорации: поезда начинают сходить с рельсов, чего прежде никогда не бывало. Если Хоули лишь намекает на возможные экономические проблемы, которые могут возникнуть в Америке, если к власти придет такой тип управленца, как Лорен Шоу, то Рэнд описывает уже сам процесс разрушения крупного бизнеса в США и его последствия для мировой экономики.

Вместе с тем ни Хоули, ни Рэнд не отдают пальму первенства «патерналистскому» стилю управления бизнесом. У Хоули в его втором романе директорское кресло займет Макдональд Уоллинг, который изначально предстает перед читателем в роли талантливого ученого, работающего в корпорации над разработкой новых материалов для мебели. Однако уже в финале романа он читает пламенную речь перед советом директоров о новом типе управленца, в котором остро нуждается компания (подобно тому, как Джон Голт из романа Рэнд читает речь перед публикой о роли индивидуализма в социально-экономической жизни США). Уоллинг задает Шоу вопрос: «Неужели вы действительно думаете, что человек такого калибра согласится продать свою жизнь за деньги – за то, что останется от шестидесяти тысяч в год после уплаты налогов?» [117]. Сравнивая корпорацию с живым человеком, он заявляет: «Ни один человек не станет работать только из-за денег» [117]. А работать такой человек, по мнению Уоллинга, может только ради того, чтобы «быть на вершине башни» («at the top of the tower»). Подчеркивая, что Буллард упускал из виду, что компания – это все же не один человек, а «армия»,

Уоллинг сообщает, что качество продукции компании всегда важнее количества, которое ею продано. Это повышает самооценку работников, позволяя им гордиться производимой ими продукцией⁴⁶⁷. Завершая свою речь, Дон призывает компанию развиваться и меняться, выпуская продукцию высокого качества, после чего под аккомпанемент аплодисментов избирается директором *Tredway Corporation*.

Рэнд показывает новый тип управленца более «выпукло», вкладывая в его образ определенную философию, согласно которой он должен быть одновременно интеллектуалом и предпринимателем. Так, Гейл Винанд, газетный магнат из романа «Источник», не выбирающий средств на пути зарабатывания денег и интересующийся только властью, терпит крах, поскольку привык слушать мнение толпы. Так как Рэнд изображала не столько реальных людей, а принципы, стоящие за ними, то в ее дневнике можно обнаружить записи, в которых она обозначает философские идеи, которые должен иллюстрировать каждый из героев ее романов. О Гейле Винанде она напишет: «Человек, который управляет толпой только до той поры, пока говорит то, что она хочет услышать» [JAR, с. 89]. Напротив, Джон Голт как квинтэссенция «integrated man» в ее текстах предстает как человек, главное качество которого – равновесие: «Он неизменен, потому что у него нет интеллектуального противоречия, и, как следствие, – внутреннего конфликта» [JAR, с. 512]. Заметим, что именно Джон Голт не является предпринимателем в том смысле, в котором он фигурирует в романах Хоули. Это не просто владелец некоей корпорации (или даже его скупщик, как Кэш МакКолл), но *человек, который пытается изменить принципы устройства мира*. Если предыдущие герои-предприниматели в романах Рэнд лишь приближались к этому идеалу (их интересовала лишь судьба их собственной компании), то Джон Голт озабочен судьбой буквально всей страны, и даже шире – мира.

⁴⁶⁷В фильме Роберта Уайза (1954 г.) по мотивам романа этот момент показан еще более ярко: Уоллинг разбивает дешевый стол, который производит компания, отрывая ему ножки.

Подводя итоги, следует обратиться к своеобразию образа предпринимателя у Рэнд. В русле созданной ею антропологической утопии герой обладает качеством целостности. Писательница не просто констатирует трагический раскол в человеке (или между миром и человеком), а ставит своей задачей его преодоление, что является реакцией на конфликт между двумя типами рациональности в русской культуре. Выступая в амплуа успешного предпринимателя, герой писательницы сближается с писателями «business romance» в американской литературе. Обнаруживая несомненные сходства между романами Рэнд и данной традицией, заключающиеся в романтизации бизнесмена и его положительных качеств (таких, как ответственность, предприимчивость, активность, принципиальность, харизма, целеустремленность) и его деятельности, приходится, тем не менее, признать, что эта романтизация очевидно *разной природы*.

Так, восхищение писательницы романом С. Мервина и Г.К. Уэбстера сопровождается вполне конкретной его критикой: Рэнд не хватает в главном герое романа интеллектуальности. Так же точно при всех внешних сюжетных сходствах с романами К. Хоули, романы Рэнд обладают большей глубиной и не могут быть прочитаны как произведения, воспевающие бизнесменов, несмотря на одинаковое отношение обоих авторов кризису предпринимательства в США, вызванного, на их взгляд, государственным регулированием. Следует также отметить что все три автора очевидно пытаются возродить «американскую мечту», придав новый импульс идее материального успеха, который означал бы что-то большее, чем просто зарабатывание денег.

Очевидно, что пафос текстов «business romance» – стремление к личному успеху, процветанию компании и его членов или даже только отдельного человека (так, Кэш МакКолл с чистой совестью использует бедственное положение разорившихся бизнесменов), пафос текстов Рэнд – спасение Америки. Как следствие, для воплощения данной задачи необходимы разные типы героев. У С. Мервина и Г.К. Уэбстера это – «efficacious man», который может эффективно заниматься только одним, отдельно взятым делом. У К.

Хоули это – предприимчивый герой, умеющий либо делать деньги, либо развивать компанию (и то, и другое одновременно делать ни Кэш МакКолл, ни Дон Уиллинг все-таки не в состоянии). У Рэнд это – «integrated man», объединяющий качества интеллектуала и предпринимателя. В конечном счете благо компании в произведениях «business romance» всегда становится на первое место, а у Рэнд задача переустройства Америки становится важнее блага отдельной корпорации, как бы ни пыталась писательница замаскировать эту интенцию под индивидуалистическими заявлениями: именно для этого «атланты» и разрушают мир до основания, чтобы вернуться в него уже с собственными ценностями.

§4. «Потерянная Америка»: Атлантида как модель идеального социума в романе Айн Рэнд «Атлант расправил плечи». Родоначальником мифа об Атлантиде считается философ Платон, впервые описавший эту мифологическую страну в своих «Диалогах». В части, названной «Критий» (греч. Κριτίας), он упоминает империю, расположенную на острове к западу от геркулесовых столбов (Гибралтарский пролив) [61]. Геркулесовы столбы (лат. «Columnae Herculis») ассоциировались с краем света: «В космическом смысле два столба (или колонны) являются символами вечной стабильности, мир между ними – путь к вечности. Столбы и колонны упоминаются также в описании храма Соломона (у масонов – образ абсолютного принципа мироздания)» [СС, с. 217]. Символ американского доллара (\$) схож с изображением Геркулесовых столбов, обвитых лентами. Это далеко не случайно: так, Н.Ф. Жиров пишет, что «Платону было известно существование очень большого материка – Америки, расположенного дальше на запад, за пределами Атлантиды»⁴⁶⁸. Что Атлантида – это и есть Америка, которая из-за дрейфа материков отодвинулась от Европы, сообщил в конце XIX века астроном-любитель Е.В. Быханов, обосновывая это в своей работе «Астрономические предрассудки и материалы для составления новой теории образования планетарной системы» (1877). Жиров отмечает, что Быханов

⁴⁶⁸ Жиров Н.Ф. Атлантида : основные проблемы атлантологии. М. : Мысль, 1964. С. 25.

«считал, что материк Атлантиды не погрузился, а отодвинулся на запад и продолжает и поныне существовать под названием “Америка”»⁴⁶⁹.

Атлантида появляется в художественных текстах разных культур, но особое внимание ему уделяет научно-фантастическая литература (Ж. Верн, А.К. Дойл, Р.И. Говард, А. Беляев и др.), использующая образ легендарной страны в качестве основы для развития сюжета о футуристических цивилизациях. Особый интерес к образу Атлантиды возникает в русской литературе на рубеже XIX–XX вв., когда, как мы уже отмечали, происходило мировоззренческое становление Алисы Розенбаум. Причиной популярности образа Атлантиды в русской литературе этого периода является ощущение глубинного раскола и кризиса, которое, в частности, стало ведущим в философской концепции символизма⁴⁷⁰. Атлантида была символом погибшей России для писателей-эмигрантов: так, Д.С. Мережковский в своем эссе «Тайна Запада: Атлантида – Европа» (1930) сравнит легенду о гибели атлантической цивилизации с происходящим в России после Октябрьской революции [54].

Образ затонувшей цивилизации в русской литературе начала XX века обнаруживается в стихотворениях К. Бальмонта («Атлантида потонула...» из цикла «Строитель» в сборнике «Белый зодчий», 1914), Вяч. Иванова («Атлантида», 1911–1912), В. Брюсова («Город вод», «Отзвуки Атлантиды», 1917), романе А. Белого «Петербург» (1912–1913) и т.д. и т.п. Образ Атлантиды в русской литературе неотделим от образа атлантов – титанов, населяющих затонувшую страну. Так, В. Брюсов посвящает свой роман «Гора Звезды» (1899) лэтеям-атлантам, потомкам марсиан, прибывших на Землю в конце XIII века и обитающих посреди неприступной пустыни (аналог Атлантиды). Они дали землянам все технологии, выступив в роли Прометея для нашей цивилизации.

⁴⁶⁹ Жиров Н.Ф. Указ. соч. С. 139.

⁴⁷⁰ Столяров О.О. Атлантида в контексте русской литературы XX века // ЛАИ : Научно-исследовательский центр. URL : <https://lah.ru/atlantida-v-kontekste-russkoj-literatury-xx-veka/> (дата обращения : 05.05.20).

Нужно сказать, что образ Атлантиды как утопической страны в России нередко отождествлялся с Америкой как страной неограниченных возможностей: «Для исстрадавшихся людей Америка представлялась сказочной страной, обетованным краем, где каждый мог найти осуществление своей мечты о земле, свободе, счастье»⁴⁷¹. Двойственность восприятия Соединенных Штатов Америки прослеживается на всем протяжении развития русской литературы XVIII–начала XX веков: с одной стороны, Америка представлена как рай на земле в таких произведениях, как «Вольность» (1783) А.Н. Радищева, «Американцы» (1788) И.А. Крылова, «Европейские письма» (1820) В.К. Кюхельбекера, с другой – критикуется как бездуховная в «Городе без имени» (1839) В.Ф. Одоевского, «Преступлении и наказании» (1866) Ф.М. Достоевского и других текстах. В очерках М. Горького «Город Желтого Дьявола» (1906) и С. Есенина «Железный Миргород» (1923) обнаруживается критический взгляд на американские духовные ценности, но «прослеживается установка на плодотворность заимствования новой послереволюционной Россией индустриальных достижений Соединенных Штатов»⁴⁷². Действительно, на протяжении всей истории Америка вдохновляет Россию на различные преобразования. Многие прогрессивно мыслящие люди России (от декабристов до социалистов-утопистов) считали американскую модель идеальной: она была интересна русской интеллигенции в практическом смысле как страна, имеющая схожие с Россией проблемы (крепостное право в России и рабство – в США).

Для Рэнд, как и для многих эмигрантов, Америка казалась землей обетованной. Э.Я. Баталов отмечает, что эта страна привлекала людей иллюзией полной свободы: «Молодая Америка предстает... как страна равных и неограниченных возможностей...»⁴⁷³. Именно так ее представляла себе

⁴⁷¹ Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб. : «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2011. С. 343.

⁴⁷² Арустамова А.А. Русско-американский диалог XIX века : историко-литературный аспект. Пермь : Пермский гос.ун-т, 2008. С. 375.

⁴⁷³ Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта. М. : Прогресс-Традиция, 2009. С. 186.

писательница, которая в России смотрела голливудские фильмы и мечтала о жизни за океаном. Как отмечают в своей биографии М. Кизилов и Л. Никифорова, Алиса Розенбаум интересовалась фильмами американского режиссера С. де Милля, у которого она впоследствии будет работать статисткой и сценаристкой⁴⁷⁴. В СССР вышло две ее книги об американском кино: об актрисе немого кино Поле Негри (1925) и об истории Голливуда (1926)⁴⁷⁵. Последняя была наполнена пафосом восхищения американским образом жизни и, вероятно, вышла в печать в СССР исключительно благодаря оговорке, которой стало вступление Б. Филиппова к книге, написанное в традиционной советской манере, осуждающей «продажную фабрику грез»⁴⁷⁶. Интерес к Америке проявлен также в замысле ненаписанного ею романа, который она задумала в 1920-е: американка убеждает европейцев, страны которых захватила коммунистическая идеология, перебраться в Америку⁴⁷⁷.

Образ Атлантиды у Рэнд возникает в ее последнем романе «Атлант расправил плечи». К. Минсаас справедливо отмечает, что аллюзии на миф об Атлантиде в нем двуплановы: с одной стороны, в романе представлены надвигающийся хаос и гибель американской цивилизации (в образе Манхэттена, тонущего в тумане, как корабль в воде, легко узнается образ Атлантиды), с другой – показана новая Атлантида, в которой возрождаются лучшие традиции старой Америки⁴⁷⁸. Символ этой новой Атлантиды – знак доллара, связанный с Геркулесовыми столбами. В романе Рэнд он является тайным знаком, который используют жители Атлантиды. В частности, им помечаются сигареты, произведенные в этой местности: «Поднеся оставшийся окурок к светящейся приборной доске, она попыталась прочитать имя производителя. Имени не было, его заменяла торговая марка. На тонкой белой

⁴⁷⁴ Никифорова Л., Кизилов М. Айн Рэнд. М. : Молодая гвардия, 2020. С. 137.

⁴⁷⁵ Розенбаум А. Пола Негри. М. : Кино-изд-во РСФСР, 1925. 16 с.; Розенбаум А. Голливуд. Американский кино-город / с предисловием Б. Филиппова. М.–Л. : Кинопечать, 1926. 43 с.

⁴⁷⁶ Никифорова Л., Кизилов М. Указ. соч. С. 142.

⁴⁷⁷ Никифорова Л., Кизилов М. Указ. соч. С. 136.

⁴⁷⁸ Minsaas K. Ayn Rand's Recasting of Ancient Myths in *Atlas Shrugged* // Ayn Rand's *Atlas Shrugged* : A Philosophical and Literary Companion / ed. by E.W. Younkens. Burlington : Ashgate Publishing Company, 2007. Pp. 137–138.

бумаге золотом был оттиснут знак доллара» [67, с. 420]. В самой долине Джона Голта знак доллара установлен как монумент: «Он сиял в пространстве над городом, словно его герб, его символ, его маяк, и улавливал солнечные лучи, будто аккумулируя их и пересылая в сиянии своем туда, вниз, к крышам домов» [69, с. 12].

С Америкой ассоциируется Атлантида и у Ф. Бэкона, одного из самых известных интерпретаторов платоновского мифа. В «Новой Атлантиде» (1626) описывается идеальная страна Бенсалем («ben» – с иврита «сын», «saalem» – Иерусалим), образованная выходцами из Америки: «Бэкон подвергает корректировке версию Платона о гибели Атлантиды, утверждая, что Америка – та великая земля к западу от Гибралтара, некогда управлявшая частью Европы и Африкой и временно погрязшая в водной пучине»⁴⁷⁹. Остров Атлантида является закрытым для посещения (исключая случайные крушения кораблей), однако сами атланты отправляются в другие страны «за знаниями» [20]. В романе Рэнд существование Атлантиды тоже покрыто мраком тайны, а знания атланты получают таким же тайным путем, как и у Бэкона. Лучшие из лучших постоянно пропадают, «эмигрируя» в Атлантиду. Все они – носители Знания: изобретатели, врачи, судьи и т.п. Так же, как и обитатели Новой Атлантиды, атланты Рэнд работают в Атлантиде над различными изобретениями и предлагают научные теории.

Традиция ассоциировать Америку с Атлантидой сохраняется и в американской литературе XX века. Так, в романе «Алая империя» (в переводе советского издания 1908 года – «Багровое царство. Социал-демократическая фантазия», в оригинале – *The Scarlet Empire*, 1906) американского предпринимателя, владельца большой компании, занимающейся выпуском сначала экипажей, а затем и автомобилей, Д.М. Пэрри (1830–1915) отражено характерное для США того периода разочарование в «американской мечте» и

⁴⁷⁹ Шадурский М.И. Литературная утопия от Мора до Хаксли : Проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова. М. : Издательство ЛКИ, 2007. С. 39–40.

идеализация социалистического пути⁴⁸⁰. Однако автор показывает несостоятельность фантазий о государстве «всеобщего равенства и братства». Используя прием инверсии, Пэрри размещает его в Атлантиде, под водой. Уникальность этого романа в том, что фактически это единственный в американской литературе, помимо романов Рэнд, художественный текст-антиутопия, отрицающий идеи социализма и одновременно воспевающий идеи капитализма. Подавляющее большинство известных утопий и антиутопий США того времени критиковало капитализм по контрасту со всеобщим социалистическим равенством («Взгляд назад, 2000–1887», *Looking Backward*, 1888 Э. Беллами; уже упомянутая «Железная пята», *The Iron Heel*, 1908 Дж. Лондона; «Золотой прах», *The Golden Blight*, 1912 Дж.А. Инглэнда и др.).

Капитализм представлен в завязке романа «Алая империя» как зло, которому противостоит добро социализма. Главный герой искренне мечтает о стране всеобщего равенства: «С утра до вечера я скитался по улицам, ведя с самим собой мысленные беседы о несправедливом и лично для меня неблагоприятном устройстве мироздания, неразумии существующего социального строя, а также о том, как мудро и справедливо человек с моими способностями мог бы устроить земную жизнь, если бы только остальное человечество ему это позволило» [62, с. 10]. В отчаянии он бросается в воду, где его чудесным образом спасает житель социал-демократической Атлантиды. В последнем романе Рэнд, в котором Дагни Таггерт падает на дно Долины Джона Голта и оказывается спасенной ее хозяином, используется такой же сюжетный прием, характерный для утопического жанра в целом: герой-путешественник попадает в идеальную страну, где его встречает проводник. Как и рассказчик романа Пэрри, Дагни оказывается в другом мире, только прямо противоположном миру, описанному Пэрри (в ее случае в Атлантиде царит идеальный капитализм).

⁴⁸⁰ Что характерно, роман вышел практически одновременно с одной из самых известных антикапиталистических антиутопий – романом Дж. Лондона «Железная пята» (*The Iron Heel*, 1908).

Научно-технический прогресс стоит «вне закона» в обоих романах. У Пэрри механизация «была объявлена дьявольским изобретением капитализма...» [62, с. 168]. В романе Рэнд правительство принимает Директиву 10-289, согласно которой закрывают «все исследовательские отделы, экспериментальные лаборатории, научные фонды и все учреждения подобного рода» [68, с. 247]. Пэрри в своем романе демонстрирует доведенный до предела коллективизм, когда индивидуальность полностью контролируется и подавляется государственной машиной. Единственные мыслящие люди в государстве (или, как их называют, – «атависты») – тюремные заключенные: «Время от времени... когда возникает угроза какой-нибудь катастрофы, правительство обращается за советом к кому-то из умнейших атаквистов» [62, с. 142]. Пэрри в своей антиутопии показывает мир, лишенный «атлантов» и деградировавший до состояния первобытного общества, мир, который может погубить любая случайность, так как человек в нем утратил свое главное качество – разум. В романе Рэнд представлена инверсированная версия Атлантиды, но пафос критики социализма и реконструкции «американской мечты» присутствует у обоих авторов.

Алиса Розенбаум до своего побега в США вела переписку с Бартоном Стоуном, внуком ее двоюродного деда Гарри Потрного, эмигрировавшего в конце XIX века из-за антисемитизма. По воспоминаниям кузины Рэнд Ферн Браун, он был симпатичен ей своим индивидуализмом и именно из его рассказов будущая писательница могла сформировать свое представление об Америке⁴⁸¹. В США на ее взгляды повлияло общение с журналисткой Изабель Патерсон, автором книги «Бог машины» (*The God of the Machine*, 1943), которая защищала принципы построения американского государства, сформулированные «отцами-основателями»⁴⁸². «Моя защита капитализма опирается на права индивида, как мыслили и отцы-основатели в Америке... Они

⁴⁸¹ Макконнелл С. Айн Рэнд. Сто голосов. М. : АСТ, 2018. С. 46–47.

⁴⁸² С. Кокс отмечает, что работа Патерсон стала для Рэнд своеобразной «Библией американизма» [Сох, 2007, с. 339].

говорили, что он [человек] должен добиваться счастья для себя» [88, с. 41], – заявляет писательница. Она называет объективистскую этику обоснованием того, что «отцы-основатели» вложили в Декларацию независимости США, трактуя «стремление к собственному счастью» в духе «рационального эгоизма», а также свойственной объективизму тенденции к «преодолению дуализма»: «Они отвергли дихотомию души и тела с ее двумя следствиями: бессилием человеческого разума и проклятием этой земли» [125, с. 25].

Один из наиболее популярных «отцов-основателей» в России – Б. Франклин, явно стал личностью, повлиявшей на формирование антропологической утопии писательницы. Американским политиком, который лично встречался с представителями русской интеллигенции и следил за научными достижениями в России, восхищались декабристы, а А. Радищев, как отмечает А. Арустамова, «видел во Франклине прежде всего революционера»⁴⁸³. Сочинения Франклина (его притчи) привлекали русских читателей идеями внутренней самодисциплины и совершенствования личности, которые были средством противостояния насилию государства над человеком.

Из «Автобиографии» (*The Autobiography*, 1771–1790) Франклина следует, что он является классическим образцом «self-made man»: будущий политический деятель вырос в бедной семье, а в возрасте семнадцати лет покинул родной дом, отправившись в Нью-Йорк добиваться признания. В «Автобиографии» звучит тема неуклонного движения к цели через аскетизм и самоограничение: «Когда брат и остальные уходили из типографии обедать или ужинать, я оставался там один, и, разделавшись со своей легкой трапезой – часто она состояла всего лишь из пряника и ломтя хлеба, горсти изюма или пирожка от кондитера и стакана воды, – все остальное время до их возвращения мог уделять занятиям, в которых преуспевал лучше, чем когда либо, ибо известно, что умеренность в еде и питье обеспечивает ясную голову и быстроту понимания» [105, с. 17]. Рэнд воссоздает героев, похожих на мифологизированный образ Франклина. Так, Натаниэль Таггерт, основатель

⁴⁸³ Арустамова А.А. Указ. соч. С. 68.

«Таггерт Трансконтинентал» в последнем романе Рэнд – «авантюрист, без гроша в кармане явившийся из какого-то местечка Новой Англии, построил железную дорогу через континент в пору, когда появились первые стальные рельсы» [67, с. 76]. Говард Рорк, начиная свою карьеру, тоже живет впроголодь и спит порой прямо на полу: «Рорк, растянувшись на полу и запрокинув голову, крепко спал. На столе Камерон обнаружил законченный проект...» [82, с. 82].

Обращает на себя внимание тот факт, что Франклин в своей книге нигде не упоминает о «разумном эгоизме». Г. Вайс отмечает в связи с этим: «Отцы-основатели не защищали олигархию и эгоизм. Они жертвовали собой. Они были альтруистами и гордились этим»⁴⁸⁴. Действительно, отношение Франклина к «разумному эгоизму» проиллюстрировано в его автобиографии замечательным примером. Молодой Франклин решает организовать библиотеку на основе общественной подписки. Сталкиваясь с враждебностью при вербовке подписчиков, он понимает, что людям кажется, что он как будто «возвышается» над ними. Наладить с ними отношения ему помогают привычка отказываться от «слишком резких возражений и безапелляционных доводов» и «роль вопрошателя и сомневающегося» [105, с. 17]. Очевидно, что героям романов Рэнд – ярим индивидуалистам – эта рекомендация Франклина точно не пришлась бы по вкусу. Вспомним историю Говарда Рорка, непокорного никому архитектора, который упорно отказывался брать заказы, расхордившиеся с его представлением о прекрасном. «Автобиография» Франклина наполнена спокойным чувством практичности, житейской мудрости, ощущением компромисса, хоть ее главный персонаж и стремится к самосовершенствованию, методично постигая свои тринадцать добродетелей. От героев Рэнд остается совсем иное впечатление: они похожи на максималистов.

Истоки идеализации Рэнд Америки должны быть установлены также через сопоставление с другими текстами современной ей американской

⁴⁸⁴ Вайс Г. Вселенная Айн Рэнд : Тайная борьба за душу Америки. Спб. : Лениздат, 2014. С. 426.

литературы. Наиболее близок в сюжетном и тематическом отношении к утопическому эпизоду об Атлантиде эпизод из уже упомянутого романа К. Хоули «Кэш МакКолл». В романе Хоули утопический эпизод обрамляется романтической предысторией: Кэш «крадет» Лори Остин, свою возлюбленную, чтобы на личном самолете доставить ее в некую долину, которая принадлежит ему одному. Долина, в которую Кэш привозит Лори, представляет собой скрытое от посторонних глаз пространство, попасть в которое обычному человеку не так-то просто. Самолету, например, для этого понадобилось пролететь сквозь «узкую щель в скале» [116, с. 245]. На входе в долину пару встречает некто Эйб Джефферсон: Кэш рекомендует его как «прямого потомка Эйба Линкольна и Тома Джефферсона» [116, с. 246].

Преодолев некоторое расстояние, Кэш и Лори оказываются в новой долине, представляющей собой дно гигантской чаши. Кэш рассказывает возлюбленной, что купил эту землю (восемнадцать тысяч акров в Пенсильвании) вместе с бумажным заводом: она была среди бумаг компании. Никто не живет здесь, кроме него и Эйба с женой Кори, а дорогу, ведущую сюда, почти невозможно найти. Кэш демонстрирует Лори свой дом: дверь в него спрятана на поверхности скалы, одна стена которой полностью прозрачна и открывает великолепный вид на водопад. Говоря о том, почему он построил этот дом в долине, герой вспоминает свое детство, в котором у него была небольшая хижина из ящичков на глиняном берегу позади кирпичных заводов. Лори говорит, что у нее не было такой хижины, добавляя: «Нет, погоди – когда-то это все же было – после того, как я прочла *Шангри-Ла...*» [116, с. 254].

«Шангри-Ла» – это название, в свою очередь, отсылает к роману британского писателя Дж. Хилтона «Потерянный горизонт» (*Lost Horizon*, 1933), сюжет которого построен на том, что группа путешественников терпит крушение над Гималайскими горами и оказывается в долине, отделенной от мира горной цепью. Как пишет историк Б. Каррен, сюжет книги основан «на легенде о Шамбале, затерянном королевстве высоко в Гималаях, о котором упоминается в фольклоре тантрической ветви буддизма. Там находится

источник “Калачакра-тантры”, одного из главных текстов Ваджраяны»⁴⁸⁵. Каррен упоминает об американском путешественнике и ботанике Джозефе Роке: в своих дневниках он описывает странствия по ламаистским монастырям Кашмира, которые вполне мог читать Хилтон, бывший в Севером Кашмире на Тибете за несколько лет до публикации романа. Однако более явным источником остаются, конечно, экспедиции Н.К. Рериха и его семьи (Центрально-Азиатская экспедиция, 1923–1928 гг., Манчжурская экспедиция 1934–1935 гг.). Последняя была профинансирована американскими бизнесменами, в частности – нью-йоркским брокером Луисом (Леви) Хоршем, а также министром сельского хозяйства в администрации Ф. Рузвельта Г.Э. Уоллесом. Рерих вообще был тесно знаком с американскими предпринимателями и правительством и восхищался Америкой. Например, об азиатских землях он говорил следующим образом: «Можно представить, как заработала бы эта равнина под фордовским трактором» [64, с. 153].

Аллюзии на Рериха и его экспедиции, финансируемые американскими бизнесменами, усиливаются далее, когда Кэш показывает Лори коллекцию восточно-индийских скульптур, которые, с его слов, он привез из Индии. Лори останавливается взглядом на скульптуре Будды, замечая, что была вдохновлена этим мыслителем в одном из своих проектов – под влиянием учителя, который изучал индуизм и буддизм, часто бывая в Индии и Бирме. Выясняется, что Кэш тоже знает этого учителя – это мистер Борг, экспедиции которого он финансировал. Демонстрируя ей скульптуру Лакшми, привезенную из одной из таких экспедиций, Кэш подчеркивает ее ценность для него. Называя индуизм более честным, чем христианство, Кэш признает, что только в индуизме богине материального достатка отведено достойное место, тогда как в христианстве поклоняться «золотому тельцу» считается грехом [116, с. 255].

Описание Атлантиды Рэнд одновременно похоже и не похоже на Шамбалу Хоули: «Исчезнувшая страна, в которую могут войти только души

⁴⁸⁵ Каррен Б. Затерянные земли, забытые царства. Новые страницы истории древних мифов. М. : Издательство ФАИР, 2009. С. 158.

героев» [68, с. 356]⁴⁸⁶. Атлантида окружена неким защитным экраном, благодаря которому никто не может проникнуть в долину: «Эта долина представляет собой вершину горы высотой в восемь тысяч футов и находится в пяти милях отсюда... Да, не удивляйтесь, вершина горы, на которую не станет садиться ни один летчик. То, что вы видели, было ее отражением, спроецированным над этой долиной» [69, с. 10]. Дагни уточняет у Голта, что вызывает это отражение, и он отвечает: «Воздушный экран, надежно защищающий от всего...» [Там же].

Главу «Атлантида» можно разделить на две части. Первая повествует о том, как Дагни попадает в долину. Ее полет описывается как падение в небо. Такая инверсия смысла падения (обычно падают на землю) усложняется одновременным упоминанием того, что полет «напоминал покорение замерзшего океана» [68, с. 416]. Другие образы, сопровождающие вход в Атлантиду – уподобление огней города «золотым монеткам», а также сравнение реки с «тонкой веной без крови» на «коже земли». Огни города становятся для Дагни подобием звезд, которые манят ее. Долина, куда приземляется героиня, описана как древняя земля: «Дно долины напоминало потрескавшуюся корку, которая образовалась в те времена, когда земля начала остывать, и с тех пор осталась непо потревоженной» [68, с. 420].

Вторая часть посвящена самой Атлантиде и представляет собой описание политического устройства вымышленной страны. По классификации Э.Я. Баталова это так называемая «утопия традиционной Америки». Основным признаком такой утопии – идеализация общества, «которое, оставаясь капиталистическим, развивалось бы в направлении деполитизации...»⁴⁸⁷. В этом государстве заявлен принцип равенства всех граждан и их право на

⁴⁸⁶ Интересно, что Н. Рерих был одним из гостей гимназии М. Стоюниной, в которой обучалась будущая писательница. Так, Н.О. Лосский вспоминает: «Вступление в оживленный мир семьи Стоюниной и ее гимназии было чрезвычайно привлекательно для меня и для всех членов нашего философского кружка. Мы собирались довольно часто... для чтения докладов. Кроме постоянных членов кружка, выступали... с докладами и гости, например, художник Н.К. Рерих...» [Лосский, 1968, с. 92].

⁴⁸⁷ Баталов Э.Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. М. : Наука, 1982. С. 258.

стремление к счастью. Как отмечает Баталов, фраза «стремление к счастью» появляется в Декларации независимости США после правки Томаса Джефферсона, который, как предполагает ученый, хотел таким образом привлечь людей в «землю обетованную», ведь в это понятие каждый вкладывает свой смысл, оно максимально индивидуализировано⁴⁸⁸.

История Атлантиды Рэнд весьма напоминает историю заселения американского континента. Как и пуритане (первые поселенцы Америки, преследовавшие миссионерские цели), атланты в романе писательницы удаляются в уединенное место ради того чтобы основать новое общество, с которого в финале начнется новый мир. Джон Уинтроп, впервые употребивший метафору «града на холме», полагал Америку землей, которая станет примером для остального мира [135]. Так происходит и в романе Рэнд: Атлантида процветает, тогда как весь мир стремительно погружается в хаос. В финале же «атланты» возвращаются на «большую» землю, дабы преобразить ее. Избранность, присущая самосознанию первых поселенцев американского континента, присутствует у жителей долины Джона Голта (другое название Атлантиды). Вход в страну – строго «по приглашению». Будущие «атланты» прибывают в страну тайно, храня свой секрет от других. Так называемые «неотчуждаемые и естественные права», о которых упоминается в Декларации независимости США, в Атлантиде реализованы в полной мере (свобода, независимость, право на жизнь и счастье).

Важное качество «американской мечты», формулируемой в Декларации независимости США, которое отмечает Э.Я. Баталов, – это ее своеобразная проекция в будущее: это идеальная Америка, мечта, утопия. Помимо равенства и права на счастье, важным в Декларации является утверждение о возможности освобождения от того правительства, которое попирает «неотчуждаемые и естественные права». Именно это происходит в романе Рэнд: ее «атланты» считают себя вправе «освободиться» от правительства, ущемляющего их право на свободу. Каждый из них рассказывает свою историю о том, как он оказался в

⁴⁸⁸ Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта. М. : Прогресс-Традиция, 2009. С. 233.

Атлантиде, но все эти повествования объединяет тот факт, что правительство пыталось паразитировать на личном благе героев. Один из них, Эллис Уайэтт сформулировал это так: «Я ушел...потому что не хотел быть для каннибалов пищей и одновременно поваром» [69, с. 57].

Атлантида у Рэнд не существует «сама по себе», цель ее обитателей – сделать весь мир Атлантидой (по крайней мере, на страну они точно «претендуют»). В этом месте возникает противоречие, заключающееся в том, что индивидуализированное счастье (как оно понимается атлантами) должно быть привнесено в остальной мир. «Старый» мир писательница просто «вычеркивает», отказывая ему в праве на существование: поезд с «несогласными» сходит с рельсов, а глобальный апокалипсис наступает в финале, когда в США гаснет свет: «Самолет парил над вершинами небоскребов, когда город внезапно исчез, словно земля разверзлась и поглотила его. Они не сразу поняли, что несчастье достигло электростанций – и огни Нью-Йорка погасли» [69, с. 524]. «Неправедные» погибли, а «новые люди» начинают новую же жизнь.

В. Мильдон так комментирует подобные сюжетные повороты, характерные для русской литературы, которые можно обнаружить как в произведении «Красная звезда» уже упомянутого А. Богданова, так и в романе В. Брюсова «Республика Южного Креста» (1905–1906): «Образ катастрофы я склонен рассматривать художественным отрицанием места, где происходит действие. Посредством такого приема оно словно становится не подлежащим культивации, переделке. “Единственный выход – взорвать”, – пользуясь цитатой В.В. Маяковского»⁴⁸⁹. Заметим, что взрывать «старое» для героев Рэнд – обычная практика: Говард Рорк, главный герой романа «Источник», взрывает свое детище, жилой квартал Кортландт, при помощи динамита, когда оно начинает использоваться «не по назначению».

⁴⁸⁹ Мильдон В.И. Санскрит во льдах, или Возвращение из Офира : Очерк русской литературной утопии и утопического сознания. М. : РОССПЭН, 2006. С. 82.

Радикализм – это та черта, которая отличает русские проекты «переустройства» мира от западных. Эволюция социума, осмысленная в западноевропейских текстах как поступательное развитие общественного миропорядка (без претензий на глобальность) представлена у Т. Мора, У. Морриса, Г. Честертона и др. писателей. В русской утопии эволюция общества заменена на радикальную революцию, где основным и главным элементом, как уже отмечалось, является полная перемена человека. В романах Рэнд «старый человек» оказывается непригоден, его нужно заменить «новым», воспитав «integrated man». Этот человек тяготится окружающим его пространством, «земля не дает ходу; ее хочется покинуть, избавиться от притяжения и взлететь»⁴⁹⁰: в этом смысле весьма характерен эпизод, где Дагни Таггерт попадает в Атлантиду, буквально врезаясь в землю утопической страны на самолете.

Усиливает мотив трансформации человека в романе прием карнавализации: в долине Джона Голта все обитатели сменили профессию: «Крупный промышленник, которого она помнила в безупречном фраке на самых громких приемах, теперь был в грязном комбинезоне» [69, с. 34]. Эта инверсия подчеркивается утверждением, что в Атлантиде обитают «души героев» (а не сами герои). Ощущение «перевернутости» происходящего усиливается за счет сопоставления одного из магазинов в Атлантиде с театром на открытом воздухе. Джон Голт сравнивается с «автором и постановщиком пьесы», происходящей в долине. События в ней представлены более реальными, чем остальной мир, который назван «адам».

Рэнд использует метафору, сравнивая человеческий разум с растением [69, с. 32]. «Там» (за пределами долины Голта) его всячески пытаются подавить, мешая росту. Дагни называет долину «раем» (в противовес «аду» внешнего мира), в котором она встретила всех величайших людей своей эпохи. Неоднократно упоминается, что присутствующие в Атлантиде достигли «равнодушия к миру», позволив «развалиться и сгнуться» всему, что при жизни

⁴⁹⁰ Мильдон В.И. Указ. соч. С. 88.

«там» они ценили. Они дают клятву «не отдавать миру плодов своего разума» [69, с. 60], а конечная цель их забастовки – довести мир до «абсолютного краха», чтобы вернуться и «перестроить мир».

Все, кто попадает в Атлантиду, сперва проходят своеобразное «чистилище» (что логично, ведь они из «ада» переходят в «рай»). Ее олицетворяет собой комната для гостей в доме Джона Голта: «Они все пережили эту комнату» [69, с. 65]. Разница между мирами так сильна, что Джон Голт сообщает Дагни: «Пока вы являлись частью внешнего мира, вы должны были стараться уничтожить меня» [69, с. 64]. Все гости долины становятся мертвы для «внешнего мира». Всякая связь с ним так же запрещена, а сама Атлантида сравнивается с «островком на краю бескрайней пустоты» [69, с. 80]. Принять реальность «внешнего мира» по возвращении Дагни уже трудно. Описание его напоминает пустыню (в противоположность пейзажам Атлантиды), ведь там человек неспособен расти: «Дагни увидела яркий солнечный свет, безбрежность сухой травы, убегающую к горизонту прерию, гладкую, как стол, пустынное шоссе и нечеткие очертания города примерно в миле от них» [69, с. 135].

В отличие от Атлантиды Хоули, которая является местом уединения для одного человека, становясь в романе не более чем романтическим приемом для воссоздания отношений Кэш МакКолла и Лори Остин, Атлантида Рэнд несет сильную смысловую нагрузку в идеологическом плане. В главе, посвященной Атлантиде, она иллюстрирует свои утопические идеи о государственном устройстве, для чего поселяет там целое сообщество людей, возглавляемых Джоном Голтом: «Мы свободны друг от друга и тем не менее развиваемся все вместе» [69, с. 3]. Однако «личные интересы каждого» удивительным образом совпадают, что, собственно, и позволяет всем «атлантам» сосуществовать в одном пространстве. Рэнд отрицала коллективизм, но создавая свою Атлантиду как сообщество во всем согласных друг с другом людей, она следует традиции русской соборности – качества, которое характеризуется С. Франком, как «приверженность к определенного рода духовному коллективизму» [104, с.

485]. Понимая коммунизм как «извращение» принципа соборности, можно сделать вывод о том, что изначально этот принцип предполагал не механическое объединение людей в коллективе, а гармонию между индивидуальностью и общечеловеческим единством. Такое понимание соборности получило свое развитие после 1917 года уже в русской эмиграции – в частности, в уже упомянутых нами философских работах Н.О. Лосского.

Кэш МакКолл, герой романа Хоули, не испытывает никакого желания привести с собой в свою Атлантиду еще кого-то, кроме себя и Лори – его утопия истинно индивидуалистична. Рэнд создает нечто противоположное по форме, хоть вроде бы аналогичное по содержанию. Кэш МакКолл в отличие от Джона Голта совершенно самодостаточен: он искренне верит в то, что его Шамбала – это его убежище, которое он заслужил после всех трудов по добыванию богатства. После стадии грихастхи наступила стадия санньясы⁴⁹¹, но в типично американском духе: богиня изобилия, которую держит в доме Кэш МакКолл, имеет «американскую» литературную историю. Она упоминается в известной американской утопии «Взгляд назад, 2000–1887» Э. Беллами, которую М. Бьюмонт называет «утопией потребления»⁴⁹², несмотря на ее внешне социалистический пафос.

То, что в итоге «атлантическое сообщество» Рэнд, в котором проповедуется, казалось бы, стремление к индивидуальному счастью, предпринимает явные попытки «осчастливить» всю остальную страну, доказывает, что писательница следует русской интеллектуальной традиции: Атлантида Рэнд (при всей претензии на индивидуализм) очевидно соборна. Утопия Хоули носит явно гедонистический характер, тогда как утопия Рэнд подчеркнута мессианистична. Кроме того, утопический проект Атлантиды в

⁴⁹¹ В своем диалоге с Лори Кэш говорит о пурушартхе (чатурартхе) (санскр. पुरुष-अर्थ, «puruṣa-artha») - в индуизме это деление человеческой жизни на четыре основные стадии. Грихастха (материальное накопление), как сообщает Кэш, – это всего лишь вторая стадия, но она непременно предшествует завершающей стадии санньясы (отречения от материального) [116, с. 256].

⁴⁹² Бьюмонт М. Мир как универсальный магазин : утопия и политика потребления в конце XIX века // НЛО. 2004. № 70. С.24 – 45.

романе писательницы приобретает характер реализации задуманного: в финале романа атланты приходят в мир, погруженный в хаос: «— Путь расчищен, — сказал Голт. — Мы возвращаемся в мир» [69, с. 534]. Таким образом, Атлантида у Рэнд и Хоули имеет общие черты лишь внешне: утопическая страна Хоули демонстрирует связь американским индивидуализмом, тогда как утопия Рэнд имеет корни, растущие из русской утопической традиции.

Резюмируя все вышесказанное, отметим, что, воссоздавая в своем последнем романе образ Атлантиды, писательница ориентируется на идеализированный образ Америки. Если в самом начале своего переезда в США в 1926 году она восторженно воспринимала давшую ей «приют» страну, то, как уже отмечалось, в конце жизни она была крайне разочарована несходством реального образа Америки и того, который она воссоздала в своих романах. Это обстоятельство говорит в пользу того, что Америка была воспринята Рэнд как «страна обетованная», а изначальные знания о ней основывались, безусловно, на русских источниках, в которых Америка была представлена мифологизированным краем с неограниченными возможностями для самореализации.

Особенностью воссоздания образа Атлантиды у писательницы (в отличие от американских текстов на ту же тему) станет претензия на глобальность, присущая русской утопической традиции. Индивидуалистические интенции в последнем романе Рэнд скрывают за собой проект «переустройства» мира, сопровождающийся обязательной трансформацией человека и его духовной природы. Вписываясь в логику объективизма «keeping-in-context», данный проект включает в себя и формирование общества «новых людей», которые имеют общие идеалы и принципы, что и позволяет говорить также о такой характеристике этого проекта, как секулярная соборность. Все это дает повод рассматривать произведения Рэнд, традиционно считающиеся проникнутыми «американским духом», под иным углом зрения — как копирующими «американский миф» преимущественно в русской версии, а также стремящимися «улучшить» американскую реальность.

Подводя итоги, следует сказать, что причина популярности Айн Рэнд в американской культуре заключается в том, что ее романы были написаны в США в тот момент времени, когда Америка находилась в ситуации кризиса традиционной антропологической модели, который породил особый тип раскола внутри человека и внутри общества, подразумевающий подмену ценностей. Вместо устремленности к высокому идеалу человека-творца, Америка взрастила человека-потребителя, и это противоречие выразилось в повсеместной критике «американской мечты». Немногочисленные попытки «реабилитировать» американскую антропологическую утопию не сопровождались никакой философской программой, ограничиваясь очень поверхностными и не имеющими большой популярности в США художественными образами инициативных предпринимателей, достигающих личного успеха. Не добавляя ничего нового к осмыслению «self-made man», эти романы (К. Хоули, С. Мервин и Г.К. Уэбстер) не играли сколько-нибудь заметной роли в интеллектуальной жизни Америки. Раскол внутри человека и внутри общества усиливался, становясь все более неразрешимым.

Роль Рэнд в этом процессе в США была цементирующей: создав собственную философскую систему, основой которой была антропологическая утопия, базирующаяся на целостности и эволюции человека, она тем самым ответила на запрос времени, заключающийся в формировании нового обоснования «американской мечты». Главной предпосылкой создания антропологической утопии Рэнд стала идеализация американского образа жизни и социального устройства Америки. Вставая на защиту американских капиталистов, Рэнд выступала в оппозиции к защитникам простых рабочих, показывая проблему раскола американского общества с другой стороны. Писательница стремилась «реконструировать» традиционную для Америки идею человека-творца, но эта реконструкция происходила с использованием инструментов, характерных для русской философской и художественной традиции: моделируя своего романтического героя, Рэнд, с одной стороны, заимствует свойственную русской культуре тенденцию к преодолению раскола,

а с другой – совмещает ее с идеализацией «self-made man». Обращаясь к идеальной Америке, Рэнд создает свою собственную Америку и идеального человека в ней, которые имеют мало общего с реальностью и представляют собой воспроизведение ее собственных представлений об этой стране, полученных под влиянием русской культуры.

Заключение

Осмыслив различные концепции двух национальных антропологических утопий России и США («нового человека» и «self-made man»), следует признать, что в глубинной сути они похожи и эта схожесть объясняется тяготением к синтезу материального и духовного. Это обуславливает известную неоднородность и двойственность идеала человека в обеих культурах. Сильный импульс утопического экспериментирования в России и США позволяет говорить о мессианстве, присущем двум культурам, в результате чего тот или иной вариант обожествления человека обнаруживается в каждой, в России проявившись в традиции антрополатрии, а в США – в трансцендентализме.

Русская литература на протяжении всей истории своего развития выражает тоску по целостной личности, понимаемой как часть чего-то большего, чем она сама, что предопределило возникновение соборности как важнейшей национальной черты русской утопии. В американской литературе поиски целостной личности объясняются иными причинами: человек максимально индивидуализирован, доверяет своим возможностям, но при этом также испытывает стремление к включению в социум, но на началах коммунитарных (договорных). Именно этим обусловлено коренное различие в конструировании идеала человека в двух культурах: русская ощущает трагический раскол внутри человека и отчужденность от коллектива, американская – в большей степени ориентирована на самостоятельность человеческой личности и ее независимость от общества.

При этом в рамках самой русской культуры на протяжении XVIII–XX вв. существует интеллектуальная тенденция, которая идет вразрез с общинной традицией, признающей индивидуальность только в рамках коллектива. В первую очередь эта тенденция продвигала идею эмансипации человека, проявившуюся в движении декабристов, русского масонства, западников, зачастую ориентировавшихся на американский опыт и находившихся в

оппозиции к официальной власти. Русская литература выражает эту идею в образах героев, бросающих вызов тенденции к обезличиванию человека, не уподобляясь полностью американской интеллектуальной традиции (что было невозможно), но во многом совпадая с ней в стремлении к признанию человеческой индивидуальности.

Что касается структуры общества, то США, как и в России, существовали противоречия. В России они выражались в конфликте между интеллигенцией и народом, а также в явном дуализме ценностного и практического начал, которые противопоставлялись по признаку «духовное – бездуховное», что привело к отторжению образа «делового человека» как положительного героя. В США эта ситуация была отмечена доминантой практического начала, выражавшейся в идеализации предпринимателей как социального класса, что тоже рождало дуализм между духовностью и бездуховностью.

Развитие антропологической утопии как особого типа утопического сознания, воплощенного в философских и художественных текстах, в XX веке в обеих странах происходило в русле формирующейся постмодернистской парадигмы и на фоне кризиса просвещенческой идеологии. В результате все нарастающей фрагментации человека обе культуры гиперболизируют свойственные каждой из них тенденции: Америка – индивидуализм, Россия – коллективизм. Все усиливающаяся деградация обеих моделей человека не позволяет осуществить главную задачу, стоящую перед культурами: создание целостного человека.

Эта задача стала особенно актуальной в России в начале XX века, когда происходило становление Айн Рэнд как мыслителя. Каждая из антропологических утопий, предлагаемых в течение XIX–начала XX веков в России, является частью единого пути к синтетической личности, оборвавшегося после Октябрьской катастрофы. При всем внешнем различии все эти утопии обладают общей характеристикой, заключающейся в стремлении к формированию интегрированной версии человека. Для воссоздания такой версии в литературе русские писатели вводят образ «нового

человека», исключительного героя, который, с одной стороны, противостоит окружающей его среде, а с другой – активно стремится преодолеть интеллектуальный и духовный разрыв между собой и социумом.

Изучив взаимодействие антропологической утопии России и США в философии объективизма Айн Рэнд, можно сделать вывод, что ее роль в решении задачи по созданию «integrated man» была и остается очень важной, хоть и не завершенной. Рэнд предпринимает смелую попытку конструирования новой антропологической модели в собственной философской системе, названной ею объективизм. Уже в названии самого термина автор претендует на истину в последней инстанции, что отражается во всех дальнейших его выкладках. Созданная как нечто среднее между противоположными философскими системами идеализма и материализма, доктрина объективизма рождается из попытки преодолеть эту дихотомию. Главным объектом такого преодоления выступает Человек – только через него и с помощью него можно трансформировать реальность.

Тема целостности человека, заявленная во всех философских работах Рэнд, генетически является продолжением размышлений русских мыслителей о «собирации» человека, а тоска по «универсальной личности» отсылает к антропологическим поискам русских писателей Серебряного века. Характернейшая для русской философской традиции мысль о трагическом расколе внутри человека, который перерастает в раскол в обществе, стала основой антропологической утопии в философии объективизма. Даже указывая на противоречия между американским народом и американской интеллигенцией, философ оперирует понятийной системой русской традиции, в которой интеллигенция полагалась «стражем» для народа (в том числе и для предпринимателей). Разрыв между практицизмом предпринимателей и идеализмом интеллигенции в русской культуре рубежа XIX–XX вв. был настолько силен, что Рэнд пытается разрешить эту проблему с помощью создания новой философской системы – правда, используя для этого в качестве «экспериментальной площадки» США.

Проследив связи между антропологической утопией Айн Рэнд, выраженной в ее художественных текстах, и русской литературой, становится понятно, что, претендуя на создание национальной философии США, философ и писательница, тем не менее, формирует свою антропологическую утопию во многом в русле русской философской традиции. Сама манера «научить жить» через художественный текст отсылает к русской культуре, литературоцентричной в своей основе. В результате проведенного исследования было установлено, что в творчестве Айн Рэнд присутствуют как контактно-генетические связи с русской литературой, так и типологические схождения с ней. К первым относится чтение писательницей текстов русской литературы и текстов, оказавших на русскую литературу непосредственное влияние. В первую очередь это романы Ф.М. Достоевского, в диалоге с которым находился такой русский писатель, как Н.Г. Чернышевский. С точки зрения поэтики художественные произведения Рэнд представляют собой философские романы, созданные по модели русского «романа идей», отличительным свойством которого является герой-абстракция. Персонаж в таком тексте – носитель определенной философской идеи, который эволюционирует через разрешение в себе противоречий. Как любой мысленный эксперимент, такой роман замещает собой реальность и оказывает сильнейшее воздействие на общество, воспринимаясь как образец для подражания. Как и Чернышевский, этической основой своей антропологической утопии Рэнд делает «разумный эгоизм», который был парадоксальным образом соединен с идеей соборности у обоих авторов.

Другой важный для русской культуры мыслитель – Ф. Ницше, знакомство с работами которого произошло у писательницы одновременно с чтением романов Достоевского, сформировал в России отдельный вариант философии – «русское ницшеанство», идеи которого особенно ярко оказались проявлены в поэтике художественных текстов русских символистов и «русских ницшеанцев». Как и писатели и мыслители, возрождавшие в России эстетику Ренессанса и масонские идеи совершенствования человека, последователи

«русского нищезанства» делали акцент на синтетической модели человека. Сходства героев Рэнд и указанных утопических проектов поэтому объясняются также типологическим схождением, а именно – синтетизмом как господствующей концепцией русской культуры рубежа XIX–начала XX вв. Проявленный в диалектическом подходе к изучению литературы, который применялся в гимназии М. Стоюниной, где обучалась будущая писательница, синтетизм станет ключевым для воссоздания идеала человека в ее творчестве, главным качеством которого является поиск целостности.

Действительно, герой Рэнд обладает внутренней целостностью и постоянно оказывается в ситуации проверки этой целостности на прочность. Расколотый характер личности, свойственный русской культуре, был воспринят писательницей как антиидеал, который нужно преодолеть для создания гармоничного общества. Начав с «проговаривания» травматического опыта в своем первом романе о России «Мы живые», она конструирует уже знакомые ей по русской литературе образы мятежного бунтаря Лео Коваленского и спасающей его женщины – Киры Аргуновой. В образе Киры персонифицируется тот идеал, который станет ведущим в последующих романах Рэнд – внутренняя целостность, противостоящая окружающему героиню хаосу и разладу послереволюционного общества. Лео Коваленский же не выдерживает испытания революцией, проявляя конфликт между словами, делами и мыслями. Точно такой же внутренний конфликт переживает Андрей Таганов, вставший на путь служения коммунистической утопии и не выдержавший раскола между идеалом и реальностью.

Социокультурный конфликт, свойственный русскому обществу, находит свое выражение в «американских» романах Рэнд в образах ярких творцов материальных благ, которые, в отличие от героев русской литературы, не разочаровываются в реальности, а пытаются построить свою собственную. Подчеркнутое жизнелюбие («joy-in-living») таких персонажей, как Дагни Таггерт, Говард Рорк, Франсиско д'Анкония, Джон Голт, с одной стороны, выступает реакцией на пессимизм и трагизм русской культуры. С другой

стороны, писательница возвращается к типу «the inner-directed man», традиционному для американской культуры, поэтому ее романы и были восприняты как чуждые русской традиции, в которой индивидуализм воспринимается как враждебное русской соборности явление. В то же самое время Рэнд сближается с русскими интеллектуалами, которые на протяжении XVIII–начала XX вв. исследовали возможности интеграции двух антропологических утопий – русской и американской, во многом продолжая их искания.

Тоска по синтезу деятельного и духовного начал, а также синтезу высокой и народной культур подталкивала Россию к поискам оснований для такого объединения. Вся совокупность накопившихся к 1917 году противоречий и привела в итоге к нравственной катастрофе, в результате которой человек был деперсонализирован, а за видимой целостностью личности и ее единодушием с социумом оказался скрыт еще больший духовный раскол, которого никогда не знала русская культура. Писатели и философы, эмигрировавшие сразу после 1917 года, отразят в своем творчестве осознание этой безвозвратной утраты, этой травматической инверсии, когда стремление к интеграции привело человека к полному распаду. Травматический опыт Октябрьской революции стал для Айн Рэнд импульсом к созданию ее собственной философской системы, в центре которой – человек и его индивидуальность, и рефлексия этого опыта в произведениях русских писателей-эмигрантов «первой волны» оказывается во многом схожей с его рефлексией в романах писательницы, в которых были воплощены ее философские идеи. Ситуация Октябрьской революции была передана писателями, близкими к Рэнд по способу выражения травматического опыта, как кризисная и нарушающая привычный ход вещей. Схожесть проявлена в использовании привычных повествовательных приемов, характерных для русской литературной традиции, что обуславливает сам факт травмы в случае с Рэнд, отрицающей свою национальную идентичность.

При этом если в романах М. Алданова и И. Шмелева доминирует изображение разочарованного человека с потерянными ориентирами, который видит для себя единственно возможный выход из ужасающей реальности – смерть, то в романе Рэнд кризисная ситуация, в которой оказывается героиня, служит импульсом для действия и преодоления себя. Для самой же писательницы травматическая ситуация, которую она «проговаривает» в романах, становится толчком к созданию целостной диалектической системы «keeping-in-context», в которой принцип синтетизма русской культуры органично сочетается с американским принципом индивидуализма.

Изучение роли художественных произведений Айн Рэнд в процессе, связанном с кризисом американской антропологической утопии середины XX века, позволяет сделать вывод о том, что создание «integrated man» в рамках философской системы объективизма коррелирует с духовной и экономической составляющей этого кризиса. Разрыв между научно-техническим и духовным развитием американской цивилизации нашел свое отражение в национальной литературе и общественных процессах того периода. Америка находилась в поисках новой «аранжировки» «американской мечты», что приводило порой к сосуществованию диаметрально противоположных по смыслу мировоззренческих проектов – от «гармонического человека» Г. Гурджиева до нон-конформизма битников. Тоска по «высшим ценностям» в условиях развития массовой культуры и общества потребления была столь сильна, что появление на философском небосклоне Америки работ Айн Рэнд стало настоящим открытием, особенно для предпринимателей. Философия объективизма придала смысл их существованию, чем и объясняется такая популярность ее идей в США.

Недопонимание сформулированной Рэнд антропологической концепции выразилось в восприятии ее идеала человека как существа, в котором разум доминирует над эмоциями без учета важности интеграции разумного и эмоционального начал в человеке. В конечном счете антропологическая утопия писательницы стала ассоциироваться в среде объективистов исключительно с

фигурой предпринимателя. Это произошло из-за акцента Рэнд на преодолении горизонтального раскола между двумя типами рациональности – «ценностным» и «практическим». Подчеркнуто ориентированный на достижение материальных ценностей и при этом высокоинтеллектуальный, ее герой тем самым компенсирует свойственный русской культуре разрыв между предпринимателями и интеллигенцией, что противопоставляет героев Рэнд не только американским писателям-реалистам, критикующим капитализм, но американским писателям «business romance», в которой предприниматель становится главным действующим лицом.

Специфика в восприятии Америки как утопической страны в художественных текстах Айн Рэнд заключается в том, что, опираясь на идеализированный образ Америки и ее героя «self-made man», писательница синтезирует две антропологические модели: она создает свою Атлантиду как утопическую страну, построенную «по заветам» «отцов-основателей» США, но на основе русской утопической традиции, которая формирует не гедонистическую модель индивидуальной утопии, а мессианскую модель «переустройства» мира.

Проблема раскола в человеке при этом проявлена в художественном творчестве Рэнд на трех уровнях: внутреннем, горизонтальном и вертикальном. И если первые два преодолеваются героями ее текстов с большей или меньшей долей успеха, то вертикальный раскол (между человеком и социумом) остается непроработанным в ее творчестве. Насаждаемый в СССР «горизонтальный» вектор развития человека с доминантой коллективизма вызвал у писательницы травматическую реакцию, в результате которой ее антропологическая утопия сформировалась на основе противоположного, «горизонтального» вектора – с доминантой индивидуализма. Целостная личность при этом не сформировалась, так как вне поля зрения писательницы и философа остался очень широкий круг проблем, связанный с взаимоотношениями человека и общества. Образ Атлантиды, олицетворяющий собой сочетание индивидуализма и секулярной соборности, является художественным

свидетельством крайне противоречивой антропологической модели, созданной писательницей.

Антрополатрия как свойство поэтики художественных текстов Рэнд указывает на наличие «вертикального» вектора в ее антропологической утопии. Постмодернистская парадигма, доминирующая с середины XX века в западной культуре, вытесняет все устремления к чему-то высшему за ненужностью, но не уничтожает полностью потребность в нем. Для современного американца таким «высшим» стала философия объективизма, одной из важных составляющих которой явился призыв к совершенствованию человека. Удовлетворяя его потребности в «вертикали», эта философия предлагает американцу готовый идеал человека, к которому необходимо стремиться, что позволяет вписать Рэнд в контекст массовой культуры США.

Таким образом, философия объективизма, выраженная в публицистическом и художественном творчестве Айн Рэнд, представляет собой утопическую систему, центральным образом которой выступает образ «integrated man». Поскольку в середине XX века происходит все большая ориентация на индивидуальные философские системы, вытесняющие идеологии, что приводит к доминированию в художественной литературе антропологической утопии как формы утопического сознания, философия Рэнд становится чрезвычайно привлекательной. При этом она впоследствии сама становится идеологией, которую в настоящее время распространяет Институт Айн Рэнд. Идея целостного человека, понятая как доминанта разума над эмоциями, легко становится своей противоположностью, превращаясь в «интегрированного человека», описанного в антиутопии Е.Замятина. В этом судьба антропологической утопии Рэнд сближается с судьбой проектов создания «нового человека», реализованных в СССР, в которых идея интеграции разума и эмоций для индивидуализации человека оказалась подменена идеей его обезличивания. Под влиянием же постмодернистского релятивизма в начале XXI века объективизм распадается на «идеи-блоки», которые находят свое место в различных идеологических и общественных

течениях (в первую очередь, в либертарианстве). В то же самое время, как нам удалось продемонстрировать в ходе анализа, и сам объективизм вступает во взаимодействие с предшествующими и современными ему утопическими, идеологическими и общественными течениями.

Важнейшая мысль, высказанная многими мыслителями XIX–XX веков от декабристов до Рерихов – сотрудничество России и Америки. «Культурный разлом», который переживают обе страны на протяжении всего периода своего развития, может быть преодолен через диалог двух национальных моделей и заимствование лучшего в культурном опыте друг друга. В философии и творчестве Айн Рэнд это объединение предлагается в форме антропологического моделирования. При этом создание целостного человека предполагает слияние двух национальных антропологических утопий: свойственное русской культуре стремление к преодолению раскола в человеке и ощущение мира как органического целого сочетаются в ее романах с типично американским уважением к свободе человека, его индивидуальности и личному успеху. Изучение плодотворности этого нового синтеза – перспектива дальнейшего изучения философии и художественного творчества Айн Рэнд.

Список литературы

1. Источники

1. Алданов, М. Бегство / М. Алданов. – Текст : непосредственный // Алданов М. Ключ. Бегство. Пещера. – М. : Захаров, 2002. – С. 200 – 422.
2. Алданов, М. Самоубийство / М. Алданов. – Текст : непосредственный // Алданов М. Самоубийство : Роман. Армагеддон : Из записной книжки. Исторические портреты и очерки / сост. Т. Прокопов. – М. : Терра, 1995. – С. 5 – 442.
3. Аристотель. О возникновении и и уничтожении / пер. с др.-греч. – Текст : непосредственный // Аристотель. Собрание сочинений : в 4 т. – М. : Мысль, 1981. – Т. 3. – С. 379 – 440.
4. Бальмонт, К. Стихотворения / К. Бальмонт. – М. : Художественная литература, 1990. – 400 с. – Текст : непосредственный.
5. Белый, А. Арабески / А. Белый. – М. : Мусагет, 1911. – 501 с. – Текст : непосредственный.
6. Бердяев, Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н.А. Бердяев. – Текст : непосредственный // Бердяев Н.А. Русская идея. – Харьков : ФОЛИО; М. : АСТ, 2002. – С. 11 – 248.
7. Бердяев, Н.А. Смысл истории / Н.А. Бердяев. – М. : Мысль, 2018. – 288 с. – Текст : непосредственный.
8. Бердяев, Н.А. Конец Ренессанса (к современному кризису культуры) / Н.А. Бердяев. – Текст : непосредственный // София. Проблемы религиозной культуры и религиозной философии / под ред. Н.А. Бердяева. – Берлин : Обелиск, 1923. – С. 21 – 46.
9. Бердяев, Н.А. О «вечно бабьем» в русской душе / Н.А. Бердяев. – Текст : непосредственный // Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. – М. : Мысль, 1990. С. 32 – 42.

10. Бердяев, Н.А. Размышления о русской революции / Н.А. Бердяев. – Текст : непосредственный // Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. – Харьков : ФОЛИО; М. : АСТ, 2002. – С. 579 – 606.
11. Блок, А. Крушение гуманизма / А. Блок. – М. : Директ-Медиа, 2014. – 28 с. – Текст : непосредственный.
12. Богданов, А. Инженер Мэнни / А. Богданов. – Текст : непосредственный // Богданов А. Праздник бессмертия : Избранные произведения. – Спб. : Лениздат, 2014. С. 205 – 344.
13. Богданов, А. Красная звезда / А. Богданов. – Текст : непосредственный // Богданов А. Праздник бессмертия : Избранные произведения. – Спб. : Лениздат, 2014. – С. 17 – 204.
14. Богданов, А. Праздник бессмертия / А. Богданов. – Текст : непосредственный // Богданов А. Праздник бессмертия : Избранные произведения. – Спб. : Лениздат, 2014. – С. 351 – 369.
15. Богданов, А. Собрание человека / А. Богданов. – Текст : непосредственный // Богданов А.А. Вопросы социализма. – М. : Политиздат, 1990. – С. 39 – 60.
16. Бранден, Н. Психология удовольствия / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Рэнд А. Добродетель эгоизма. – М.: Альпина Паблишер, 2015. – С. 77 – 85.
17. Бранден, Н. Разве не все мы эгоисты? / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Рэнд А. Добродетель эгоизма. – М. : Альпина Паблишер, 2015. – С. 71 – 76.
18. Бранден, Н. Фальшивый индивидуализм / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Рэнд А. Добродетель эгоизма. – М.: Альпина Паблишер, 2015. – С. 173 – 177.
19. Бруно, Дж. О героическом энтузиазме / пер. с итал. – М. : Рипол классик, 2018. – 412 с. – Текст : непосредственный.
20. Бэкон, Ф. Новая Атлантида / пер. с англ. – М.: Алгоритм, 2014. – 304 с. – Текст : непосредственный.

21. Гастев, А. Контуры пролетарской культуры / А. Гастев. – Текст : непосредственный // От символизма до «Октября» : Сборник литературных манифестов / сост. Н.Л. Бродский, Н.П. Сидоров. – М. : Новая Москва, 1924. – С. 263 – 267.
22. Горький, М. На дне / М. Горький. – М. : Азбука, 2020. – 256 с. – Текст : непосредственный.
23. Горький, М. О старом и новом человеке / М. Горький. – Текст : непосредственный // Горький М. Собрание сочинений : в 30 т. – М. : Гос. изд-во художественной литературы, 1953. – Т. 27. – С. 483 – 487.
24. Горький, М. Ошибка / М. Горький. – Текст : непосредственный // Горький М. Полное собрание сочинений : в 25 т. – М. : Наука, 1968. – Т. 1. – С. 97 – 122.
25. Горький, М. Разрушение личности / М. Горький. – Текст : непосредственный // Горький М. Собрание сочинений : в 30 т. – М. : ГИХЛ, 1953. – Т. 24. – С. 26 – 79.
26. Горький, М. Революция и культура / М. Горький. – Берлин : Т-во И.П. Ладыжникова, 1918. – 88 с. – Текст : непосредственный.
27. Горький, М. Человек / М. Горький. – Текст : непосредственный // Горький М. Рассказы. Очерки. Воспоминания. Пьесы. – М. : Художественная литература, 1975. – С. 289 – 293.
28. Добролюбов, Н.А. Когда же придет настоящий день? / Н.А. Добролюбов. – М. : Гос. изд-во художественной литературы, 1956. – 64 с. – Текст : непосредственный.
29. Драйзер, Т. Жизнь, искусство и Америка. Статьи, интервью, письма : Сборник / пер. с англ. – М. : Радуга, 1988. – 416 с. – Текст : непосредственный.
30. Драйзер, Т. Русский дневник / пер. с англ. – М. : Эксмо, 2018. – 320 с. – Текст : непосредственный.
31. Драйзер, Т. Стоик / пер. с англ. – М. : Изд-во «Э», 2016. – 480 с. – Текст : непосредственный.

32. Драйзер, Т. Титан / пер. с англ. – М. : Изд-во «Э», 2016. – 704 с. – Текст : непосредственный.
33. Драйзер, Т. Трагическая Америка / пер. с англ. – М. : Гос. изд-во художественной литературы, 1952. – 174 с. – Текст : непосредственный.
34. Драйзер, Т. Финансист / пер. с англ. – Спб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 608 с. – Текст : непосредственный.
35. Зелинский, Ф.Ф. Древнегреческая религия / Ф.Ф. Зелинский. – Казань : СИНТО, 1993. – 86 с. – Текст : непосредственный.
36. Зелинский, Ф.Ф. Из жизни идей. Научно-популярные статьи / Ф.Ф. Зелинский. – Спб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1908. – 429 с. – Текст : непосредственный.
37. Зелинский, Ф.Ф. Фридрих Ницше и античность / Ф.Ф. Зелинский. – Текст : непосредственный // Ницше: pro et contra: Антология. – Спб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2001. – С. 966 – 980. – Текст : непосредственный.
38. Зелинский, Ф.Ф. Цицерон в истории европейской культуры / Ф.Ф. Зелинский. – Текст : непосредственный // Зелинский Ф.Ф. Возрожденцы : Научно-популярные статьи по всеобщей литературе. Вып.1. – Петербург : Семнадцатая типография, 7-я рота, 26, 1922. – С. 20 – 57.
39. Знаменский, С.П. «Сверхчеловек» Ницше / С.П. Знаменский. – Текст : непосредственный // Ницше: pro et contra : Антология. – Спб. : Изд-во Русского Христианского Гуманитарного института, 2001. – С. 924 – 965.
40. Иванов, Вяч. Кризис индивидуализма / Вяч. Иванов. – Текст : непосредственный // Иванов Вяч. Собрание сочинений : в 4 т. – Брюссель : Foyer Oriental Chretien, 1971. – Т. 1. – С. 831 – 840.
41. Керуак, Дж. В дороге / пер. с англ. – Спб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 384 с. – Текст : непосредственный.
42. Лосский, Н.О. Индустриализм, коммунизм и утрата личности / Н.О. Лосский. – Текст : непосредственный // Лосский Н.О. Философия и

публицистика : Избранные статьи. – М. : Викмо-М : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2017. – С. 246 – 254.

43. Лосский, Н.О. Коммунизм и философское мировоззрение / Н.О. Лосский. – Текст : непосредственный // Лосский Н.О. Философия и публицистика : Избранные статьи. – М. : Викмо-М : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2017. – С. 209 – 219.

44. Лосский, Н.О. Мир как органическое целое / Н.О. Лосский. – М. : Издание Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1917. – 168 с. – Текст : непосредственный.

45. Лосский, Н.О. Органическое строение общества и демократия / Н.О. Лосский. – Текст : непосредственный // Лосский Н.О. Философия и публицистика : Избранные статьи. – М. : Викмо-М : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2017. – С. 220 – 229.

46. Луначарский, А.В. Воспитание нового человека / А.В. Луначарский. – Л. : Прибой, 1928. – 48 с. – Текст : непосредственный.

47. Луначарский, А.В. Религия и социализм : в 2 т. – Спб. : Шиповник, 1908. – Т. 1. – 227 с. – Текст : непосредственный.

48. Льюис, С. Бэббит / пер. с англ. // Льюис С. Бэббит. Эроусмит. – М. : Художественная литература, 1973. – С. 21 – 340.

49. Льюис, С. Отношения романа к социальным противоречиям наших дней. Закат капитализма / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Льюис С. Собрание сочинений : в 9 т. – М. : Правда, 1965. – Т. 6. – С. 403 – 417.

50. Льюис, С. У нас это невозможно / пер. с англ. – М. : АСТ, 2017. – 544 с. – Текст : непосредственный.

51. Льюис, С. Эроусмит / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Льюис С. Бэббит. Эроусмит. – М. : Художественная литература, 1973. – С. 341 – 776.

52. Манетти, Дж. О достоинстве и превосходстве человека / пер. с итал. – Текст : непосредственный // Итальянский гуманизм эпохи Возрождения : в 2 ч. / под ред. С.М. Стама. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1988. – Ч. 2. – С. 8 – 40.

53. Мережковский, Д. Петр и Алексей / Д. Мережковский. – М. : Эксмо, 2018. – 608 с. – Текст : непосредственный.
54. Мережковский, Д.С. Тайна Запада: Атлантида – Европа / Д.С. Мережковский. – М. : Т8, 2018. – 492 с. – Текст : непосредственный.
55. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра / пер. с нем. – М. : АСТ, 2016. – 416 с. – Текст : непосредственный.
56. Одоевский, В. Город без имени / В. Одоевский. – Текст : непосредственный // Конец света : лучшие романы о последнем дне Земли. – М. : АСТ; Спб. : Астрель-Спб, 2011. – С. 114 – 123.
57. Одоевский, В.Ф. Организм / В.Ф. Одоевский. – Текст : непосредственный // Одоевский В.Ф. Русские ночи. – М. : Наука, 1975. – С. 243 – 246.
58. Пико делла Мирандола, Дж. Речь о достоинстве человека / пер. с итал. – Текст : непосредственный // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли : в 5 т. – М. : Изд-во академии художеств СССР, 1962. – Т. 1. – С. 506 – 514.
59. Писарев, Д.И. Мыслящий пролетариат / Д.И. Писарев. – М. : ОГИЗ Госполитиздат, 1944. – 56 с. – Текст : непосредственный.
60. Писарев, Д.И. Реалисты / Д.И. Писарев. – М. : Гос. изд-во художественной литературы, 1956. – 192 с. – Текст : непосредственный.
61. Платон. Диалог «Критий» / пер. с др.-греч. – Текст : непосредственный // Жиров Н.Ф. Атлантида: основные проблемы атлантологии. – М. : Мысль, 1964. – С. 388 – 394.
62. Пэрри, Д.М. Алая империя / пер. с англ. – М. : Престиж Бук, 2016. – 304 с. – Текст : непосредственный.
63. Радищев, А.Н. О человеке, его смертности и бессмертии / А.Н. Радищев. – Текст : непосредственный // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений : в 3 т. – М. – Л. : Изд-во Академии Наук СССР, 1941. – Т. 2. – С. 39 – 144.
64. Рерих, Н.К. Алтай – Гималаи. Путевой дневник / Н.К. Рерих. – М. : Эксмо, 2010. – 640 с. – Текст : непосредственный.

65. Рэнд, А. «Экстремизм», или Искусство подмены понятий / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Рэнд А. Капитализм : Незнакомый идеал. – М. : Альпина Паблишер, 2016. – С. 213 – 226.
66. Рэнд, А. Аполлон и Дионис / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Рэнд А. Возвращение примитива : Антииндустриальная революция. – М. : Альпина Паблишер, 2016. – С. 125 – 148.
67. Рэнд, А. Атлант расправил плечи : в 3 ч. / пер. с англ. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2009. – Ч. 1. – 436 с. – Текст : непосредственный.
68. Рэнд, А. Атлант расправил плечи : в 3 ч. / пер. с англ. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2009. – Ч. 2. – 424 с. – Текст : непосредственный.
69. Рэнд, А. Атлант расправил плечи : в 3 ч. / пер. с англ. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2009. – Ч. 3. – 538 с. – Текст : непосредственный.
70. Рэнд, А. Большой бизнес – преследуемое меньшинство американского общества / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Рэнд А. Капитализм : Незнакомый идеал. – М. : Альпина Паблишер, 2016. – С. 53 – 75.
71. Рэнд, А. Введение в объективистскую эпистемологию / пер. с англ. – М. : Астрель, 2012. – 351 с. – Текст : непосредственный.
72. Рэнд, А. Введение к «Добродетели эгоизма» / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Рэнд А. Добродетель эгоизма / пер. с англ. – М. : Альпина Паблишер, 2015. – С. 7 – 12.
73. Рэнд, А. Веста Данинг / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Рэнд А. Подумай дважды. – М. : Астрель, 2012. – С. 239 – 282.
74. Рэнд, А. Викинг Киры / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Рэнд А. Муж, которого я купила. – М. : Астрель, 2012. – С. 314 – 319.
75. Рэнд, А. Выгодное дело : студенческие волнения / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Рэнд А. Возвращение примитива : Антииндустриальная революция. – М. : Альпина Паблишер, 2016. – С. 17 – 59.
76. Рэнд, А. Гимн / пер. с англ. – М. : Альпина Паблишер, 2009. – 112 с. – Текст : непосредственный.

77. Рэнд, А. Ее вторая карьера / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Рэнд А. Муж, которого я купила. – М. : Астрель, 2021. – С. 157 – 204.
78. Рэнд, А. Заметки об истории американского свободного предпринимательства / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Рэнд А. Капитализм : Незнакомый идеал. – М. : Альпина Паблишер, 2016. – С. 124 – 133.
79. Рэнд, А. Идеал : Повесть / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Рэнд А. Идеал. – М. : АСТ, 2017. – С. 9 – 174.
80. Рэнд, А. Идеал : Пьеса / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Рэнд А. Идеал. – М. : АСТ, 2017. – С. 177 – 319.
81. Рэнд, А. Искусство беллетристики : руководство для писателей и читателей / пер. с англ. – М. : Астрель: АСТ, 2011. – 319 с. – Текст : непосредственный.
82. Рэнд, А. Источник : в 2 кн. / пер. с англ. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2010. – Кн. 1. – 453 с. – Текст : непосредственный.
83. Рэнд, А. Источник : в 2 кн. / пер. с англ. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2010. – Кн. 2. – 350 с. – Текст : непосредственный.
84. Рэнд, А. Компрачикос / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Рэнд А. Возвращение примитива : Антииндустриальная революция. – М. : Альпина Паблишер, 2016. – С. 72 – 122.
85. Рэнд, А. Левые : старые и новые / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Рэнд А. Возвращение примитива : Антииндустриальная революция. – М. : Альпина Паблишер, 2016. – С. 195 – 208.
86. Рэнд, А. Мы живые / пер. с англ. – М. : Альпина Паблишерз, 2011. – 473 с. – Текст : непосредственный.
87. Рэнд, А. Ночью 16 января. Предисловие автора / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Рэнд А. Ночью 16 января : Сборник. – М. : Полиграфиздат, 2012. – С. 7 – 22.

88. Рэнд, А. Ответы : Об этике, искусстве, политике и экономике / пер. с англ. / под. ред. Р. Мэйю. – М. : Альпина Паблишер, 2012. – 282 с. – Текст : непосредственный.
89. Рэнд, А. Подумай дважды / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Рэнд А. Подумай дважды. – М. : Астрель, 2012. – С. 116 – 226.
90. Рэнд, А. Права человека / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Рэнд А. Капитализм : Незнакомый идеал. – М. : Альпина Паблишер, 2016. – С. 398 – 408.
91. Рэнд, А. Реквием по человеку / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Рэнд А. Капитализм : Незнакомый идеал. – М. : Альпина Паблишер, 2016. – С. 369 – 397.
92. Рэнд, А. Романтический манифест : Философия литературы / пер. с англ. – М. : Альпина Паблишер, 2011. – 199 с. – Текст : непосредственный.
93. Рэнд, А. Рорк и Кэмерон / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Рэнд А. Подумай дважды. – М. : Астрель, 2012. – С. 283 – 303.
94. Рэнд, А. Строители монументов / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Рэнд А. Добродетель эгоизма. – М. : Альпина Паблишер, 2015. – С. 111 – 118.
95. Рэнд, А. Что такое капитализм? / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Рэнд А. Капитализм : Незнакомый идеал. – М. : Альпина Паблишер, 2016. – С. 11 – 40.
96. Рэнд, А. Этика коллективизма / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Рэнд А. Добродетель эгоизма. – М. : Альпина Паблишер, 2015. – С. 103 – 110.
97. Рэнд, А. Этика объективизма / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Рэнд А. Добродетель эгоизма. – М. : Альпина Паблишер, 2015. – С. 13 – 42.
98. Синклер, Э. Автомобильный король / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Синклер Э. Дельцы. Автомобильный король. – М. : Правда, 1984. – С. 201 – 383.
99. Синклер, Э. Искусство Маммоны : Опыт экономического исследования / пер. с англ. – Л. : Прибой, 1926. – 277 с. – Текст : непосредственный.

100. Соловьев, В.С. Идея сверхчеловека / В.С. Соловьев. – Текст : непосредственный // Ницше : pro et contra : Антология. – Спб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2001. – С. 297 – 305.
101. Токвиль А., де. Демократия в Америке / пер. с франц. – М. : Прогресс, 1992. – 554 с. – Текст : непосредственный.
102. Успенский, П.Д. В поисках чудесного. Фрагменты неизвестного учения / пер. с англ. – М. : Амрита-Русь, 2020. – 496 с. – Текст : непосредственный.
103. Форд, Г. Моя жизнь. Мои достижения / пер. с англ. – М. : АСТ, 2019. – 352 с. – Текст : непосредственный.
104. Франк, С.Л. Русское мировоззрение / С.Л. Франк. – Текст : непосредственный // Франк С.Л. Духовные основы общества. – М. : Республика, 1992. – 512 с.
105. «Автобиография» Б. Франклина / пер. с англ. – М. : Московский рабочий, 1988. – 48 с. – Текст : непосредственный.
106. Чернышевский, Н.Г. Антропологический принцип в философии / Н.Г. Чернышевский. – Текст : непосредственный // Чернышевский Н.Г. Собрание сочинений : в 5 т. – М. : Правда, 1974. – Т. 4. – С. 200 – 295.
107. Чернышевский, Н.Г. Критика философских предубеждений против общинного владения / Н.Г. Чернышевский. – Текст : непосредственный // Чернышевский Н.Г. Собрание сочинений : в 5 т. – М. : Правда, 1974. – Т. 4. – С. 364 – 408.
108. Чернышевский, Н.Г. Непочтительность к авторитетам / Н.Г. Чернышевский. – Текст : непосредственный // Чернышевский Н.Г. Собрание сочинений : в 5 т. – М. : Правда, 1974. – Т. 5. – С. 204 – 232.
109. Чернышевский, Н.Г. Новости литературы, искусств, наук и промышленности / Н.Г. Чернышевский. – Текст : непосредственный // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. – М. : Гос. изд-во художественной литературы, 1953. – Т. 16 (дополнительный). – С. 81 – 120.
110. Чернышевский, Н.Г. О следствиях открытия Америки / Н.Г. Чернышевский. – Текст : непосредственный // Чернышевская Н.М. Н.Г.

Чернышевский в Саратове. Детские и юношеские годы. – Саратов : Саратовское областное гос. изд-во, 1948. – С. 142 – 143.

111. Чернышевский, Н.Г. Что делать? Из рассказов о новых людях / Н.Г. Чернышевский. – Текст : непосредственный // Чернышевский Н.Г. Собрание сочинений : в 5 т. – М. : Правда, 1974. – Т. 1. – 463 с.

112. Шмелев, И.С. Солнце мертвых / И.С. Шмелев. – Текст : непосредственный. – М. : ДАРЪ, 2005. – 352 с.

113. Эмерсон, Р. Американский ученый / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Эстетика американского романтизма : антология. – М. : Искусство, 1977. – С. 224 – 246.

114. Эмерсон, Р. Нравственная философия / пер. с англ. – М.: АСТ, 2001. – 384 с. – Текст : непосредственный.

115. Adams, J.T. The Epic of America / J.T. Adams. – N.Y. : Transaction Publishers, 2012. – 412 p. – Текст : непосредственный.

116. Hawley, C. Cash McCall / C. Hawley. – Boston : Houghton Mifflin, 1955. – 444 p. – Текст : непосредственный.

117. Hawley, C. Executive Suite / C. Hawley. – Текст : электронный// Bookmate : электронная библиотека. – URL :

<https://ru.bookmate.com/reader/xP39V6wI?resource=book> (дата обращения: 20.05.2019). – Режим доступа : по подписке.

118. Journals of Ayn Rand (JAR) / ed. by D. Harriman. – N.Y. : Plume Book, 1999. – 727 p. – Текст : непосредственный.

119. Letters of Ayn Rand (LAR) / ed. by M.S. Berliner. – N.Y. : A Plume Book, 1997. – 254 p. – Текст : непосредственный.

120. Merwin, S., Webster, H.K. Calumet K / S. Merwin, H.K. Webster. – Oceanside, California : Second Renaissance Book, 1993. – 345 p. – Текст : непосредственный.

121. Rand, A. An Answer For Businessmen / A. Rand. – Текст : непосредственный // Why Businessmen Need Philosophy : The Capitalist's Guide

to the Ideas Behind Ayn Rand's *Atlas Shrugged* / ed. by D. Ghate and R.E. Ralston. – N.Y. : New American Library, 2011. – Pp. 277 – 280.

122. Rand, A. *Atlas Shrugged* / A. Rand. – N.Y. : A Signet Book, 1996. – 1079 p. – Текст : непосредственный.

123. Rand, A. *Don't Let It Go* / A. Rand. – Текст : непосредственный // Rand A. *Philosophy : Who Needs It*. – N.Y. : A Signet Book, 1984. – Pp. 279 – 292.

124. Rand, A. *Fairness Doctrine for Education* / A. Rand. – Текст : непосредственный // Rand A. *Philosophy : Who Needs It*. – N.Y. : A Signet Book, 1984. – Pp. 258 – 271.

125. Rand, A. *For The New Intellectual* / A. Rand. – Текст : непосредственный // Rand A. *For the New Intellectual*. – N.Y. : Random House Inc., 1961. – Pp.7 – 48.

126. Rand, A. *Individualist Manifesto* / A. Rand // Ayn Rand Archives. – 2-4, ARP, 029-90A. – Текст : непосредственный.

127. Rand, A. *Introduction to Calumet K* / A. Rand. – Текст : непосредственный // *The Ayn Rand Reader* / ed. by G. Hull, L. Peikoff. – N.Y. : A Plume Book, 1999. – Pp. 478 – 482.

128. Rand, A. *Letter 039, pg.1* / A. Rand. – Текст : электронный // Ayn Rand Org. : [сайт] / Ayn Rand Institute. – URL: <https://letters.aynrandarchives.org/exhibits/show/letters-of-ayn-rand/item/105051>

(дата обращения: 05. 03. 2021). – Режим доступа : свободный.

129. Rand, A. *Philosophical Detection* / A. Rand. – Текст : непосредственный // Rand A. *Philosophy : Who Needs It*. – N.Y. : A Signet Book, 1984. – Pp.16 – 30.

130. Rand, A. *Philosophy: Who Needs It* / A. Rand. – Текст : непосредственный // Rand A. *Philosophy : Who Needs It*. – N.Y. : A Signet Book, 1984. – Pp.1 – 15.

131. Rand, A. *The Establishing of an Establishment* / A. Rand. – Текст : непосредственный // Rand A. *Philosophy : Who Needs It*. – N.Y. : A Signet Book, 1984. – Pp. 220 – 233.

132. Rand, A. *The Stimulus and the Response* / A. Rand. – Текст : непосредственный // Rand A. *Philosophy : Who Needs It*. – N.Y. : Signet, 1984. – Pp. 68 – 78.

133. Rand, A. What Can One Do? / A. Rand. – Текст : непосредственный // Rand A. Philosophy : Who Needs It. – N.Y. : Signet, 1984. – Pp. 272 – 279.
134. The Essential Jefferson / ed. by A. Fried. – N.Y. : Collier Books, 1963. – 576 p. – Текст : непосредственный.
135. Winthrop, J. A Model of Christian Charity / J. Winthrop. – Текст : непосредственный // The American Puritans, Their Prose and Poetry / ed. by P. Miller. – N.Y. : Doubleday, 1956. – Pp. 78 – 84.
136. Wright, O.L. The Struggle Within / O.L. Wright. – N.Y. : Horizon Press, 1955. – 176 p. – Текст : непосредственный.

2. Научно-критические работы

137. Аверинцев, С.С. «Скворещниц вольных граждан...». Вячеслав Иванов : путь поэта между мирами / С.С. Аверинцев. – Спб. : Алетейя, 2002. – 167 с. – Текст : непосредственный.
138. Агеносов, В.В. Литература русского зарубежья (1918 – 1996) / В.В. Агеносов. – М. : Терра. Спорт, 1998. – 543 с. – Текст : непосредственный.
139. Адорно, Т., Хоркхаймер, М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. – Спб. : Медиум, Ювента, 1997. – 312 с. – Текст : непосредственный.
140. Азадовский, К.М. Русские в «Архиве Ницше» / К.М. Азадовский. – Текст : непосредственный // Фридрих Ницше и философия в России : сб. статей. – Спб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999. – С. 109 – 129.
141. Аинса, Ф. Кризис и воскрешение утопии / пер. с исп. – Текст : непосредственный // Утопические проекты в истории культуры : сб. материалов Всероссийской (с международным участием) междисциплинарной научной конференции «Утопические проекты в истории культуры (к 500-летию «Утопии» Т. Мора)». – Ростов-на-Дону : Изд-во «Фонд науки и образования», 2017. – С. 5 – 13.

142. Анастасьева, И. Айн Рэнд : свидетель социального слома и создательница новой философской доктрины / И. Анастасьева. – Текст : непосредственный // 1917 : Россия в период революции. История, культура и память : сб. статей. – М. : Ленанд, 2019. – С.169 – 179.
143. Андреева, С.Л. Утопический тип сознания как вектор и продукт познания действительности / С.Л. Андреева. – Текст : непосредственный // Гуманитарно-педагогические исследования. – 2017. – № 1. – Т. 1. – С. 93 – 100.
144. Аронова, А.А. Предпосылки и причины появления «ренессансного типа личности» в России в конце XIX–начале XX веков / А.А. Аронова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 4. – С. 23 – 28.
145. Артемьева, Т. От славного прошлого к светлому будущему : Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения / Т. Артемьева. – Спб. : Алетейя, 2005. – 496 с. – Текст : непосредственный.
146. Арустамова, А.А. Русско-американский диалог XIX века : историко-литературный аспект / А.А. Арустамова. – Пермь : Пермский гос. ун-т, 2008. – 395 с. – Текст : непосредственный.
147. Ассман, А. Длинная тень прошлого : Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с. – Текст : непосредственный.
148. Ассман, А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / пер. с нем. – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – 272 с. – Текст : непосредственный.
149. Ахиезер, А.С. Россия : критика исторического опыта (Социокультурная динамика России) / А.С. Ахиезер. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – Т. I : От прошлого к будущему. – 600 с. – Текст : непосредственный.
150. Бабушкина, И.Е. О влиянии русской классики XIX века на американских писателей XX века / И.Е. Бабушкина. – Текст : непосредственный // Вестник Брянского государственного университета. – 2017. – № 1. – С. 158 –174.

151. Балаева, И.А. Американская философия в контексте духовного наследия Л.Н. Толстого : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.А. Балаева. – Спб., 1995. – 21 с. – Текст : непосредственный.
152. Барковская, Н.В. Поэтика символистского романа / Н.В. Барковская. – Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 1996. – 283 с. – Текст : непосредственный.
153. Баталов, Э.Я. Американская политическая мысль XX века / Э.Я. Баталов. – М. : Прогресс-Традиция, 2014. – 616 с. – Текст : непосредственный.
154. Баталов, Э.Я. В мире утопий : пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах / Э.Я. Баталов. – М. : Политиздат, 1989. – 317 с. – Текст : непосредственный.
155. Баталов, Э.Я. Русская идея и американская мечта / Э.Я. Баталов. – М. : Прогресс-Традиция, 2009. – 384 с. – Текст : непосредственный.
156. Баталов, Э.Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США / Э.Я. Баталов. – М. : Наука, 1982. – 336 с. – Текст : непосредственный.
157. Баткин, А. Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления / А. Баткин. – М. : Искусство, 1990. – 417 с. – Текст : непосредственный.
158. Баткин, Л.М. Итальянское Возрождение : Проблемы и люди / Л.М. Баткин. – М. : Росс. гос. гум. ун-т, 1995. – 443 с. – Текст : непосредственный.
159. Башмакова, Л.П. Бенджамин Франклин и проблема «американизма» / Л.П. Башмакова. – Текст : непосредственный // Американский характер. Очерки культуры США. – М. : Наука, 1991. – С.84 – 109.
160. Бейли, Ф. Дух масонства / пер. с англ. – М. : Литан, 1999. – 172 с. – Текст : непосредственный.
161. Белая, Г.А. Дон Кихоты революции – опыт побед и поражений / Г.А. Белая. – М. : Росс. гос. гум. ун-т, 2004. – 623 с. – Текст : непосредственный.
162. Беляев, Д.А. Специфика имплицитного бытования идеи сверхчеловека в отечественной культуре XIX века / Д.А. Беляев. – Текст : непосредственный. // Аналитика культурологии. – 2011. – № 3. – С. 146 – 149.

163. Беляев, Д.А. Универсальность и национальная самобытность идеи сверхчеловека в творчестве Ф.М. Достоевского / Д.А. Беляев. – Текст : непосредственный // Аналитика культурологии. – 2012. – № 3. – С. 11 – 15.
164. Беляев, Д. А. Философско-поэтическая экспликация *Übermensch* Ф. Ницше : к вопросу о реконструкции понимания / Д.А. Беляев. – Текст : непосредственный // Философская антропология. – 2015. – № 2. – Т.1. – С. 69 – 84.
165. Бентам, И. Введения в основания нравственности и законодательства / пер. с англ. – М. : РОССПЭН, 1998. – 189 с. – Текст : непосредственный.
166. Богданова, О. «На дне» М. Горького : новый ракурс / О. Богданова. – Текст : непосредственный // Звезда. – 2016. – № 10. – С. 225 – 239.
167. Богомолов, Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. Исследования и материалы / Н.А. Богомолов. – М. : Новое литературное обозрение, 1999. – 550 с. – Текст : непосредственный.
168. Бодрийяр, Ж. Америка / пер. с франц. – М. : Владимир Даль, 2000. – 208 с. – Текст : непосредственный.
169. Бородин А.В., Григоровская, А.В. Деконструкция категорий «деньги» и «процент» в философии и художественном творчестве Айн Рэнд / А.В. Бородин, А.В. Григоровская. – Текст: непосредственный // Деньги и процент : экономика и этика : сб. тезисов IX ежегодной международной конференции центра исследований экономической культуры Санкт-Петербургского гос. ун-та / редакторы: Д.Е. Расков, Д.В. Кадочников. – Спб. : Астерион, 2020. – С. 22.
170. Брагина, Л.М. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Идеалы и практика культуры / Л.М. Брагина. – М. : Изд-во Московского гос. ун-та, 2002. – 384 с. – Текст : непосредственный.
171. Бранден, Н. Шесть столпов самооценки / пер. с англ. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 352 с. – Текст : непосредственный.
172. Будникова, Л.И. Творчество К.Д. Бальмонта в контексте русской синкретической культуры конца XIX – начала XX века : монография / Л.И.

Будникова. – Челябинск : Изд-во Челябинского гос. пед. ун-та, 2006. – 447 с. – Текст : непосредственный.

173. Бурханов, Р.А. Классификация направлений философии культуры русского космизма / Р.А. Бурханов. – Текст : непосредственный // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 6. – Ч. 2. – С. 48 – 52. – Текст : непосредственный.

174. Бьюмонт, М. Мир как универсальный магазин : утопия и политика потребления в конце XIX века / пер. с англ. // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 70. – С. 24 – 45. – Текст : непосредственный.

175. Вайс, Г. Вселенная Айн Рэнд : Тайная борьба за душу Америки / пер. с англ. – СПб. : Лениздат, 2014. – 448 с. – Текст : непосредственный.

176. Вайскопф, М. Птица-тройка и колесница души : Работы 1978 – 2003 годов / М. Вайскопф. – М. : Новое литературное обозрение, 2003. – 576 с. – Текст : непосредственный.

177. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира : Социология XXI века / пер. с англ. – М. : Логос, 2004. – 355 с. – Текст : непосредственный.

178. Валлерстайн, И. Утопийское, или исторические возможности XXI века / пер. с англ. // Прогнозис. – 2006. – № 1. – С. 8 – 56. – Текст : непосредственный.

179. Варакина, Г.В. Мистериальные истоки русского синтетизма в культуре «Серебряного века» : автореф. дис. ... д-ра культурологии / Г.В. Варакина. – Кострома, 2009. – 37 с. – Текст : непосредственный.

180. Варламова, Е.В. Образ Америки в литературе США первой половины XX века : Ш. Андерсон, Д. Дос Пассос, Т. Уайлдер : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Варламова. – Казань, 2010. – 24 с. – Текст : непосредственный.

181. Ващенко, А.В. Культура, мифология и фольклор североамериканских индейцев доколониальной эпохи / А.В. Ващенко. – Текст : непосредственный // История литературы США : в 5 т. / отв. ред. М.М. Коренева. – М. : Наследие, 1997. – Т. 1. – С. 39 – 89.

182. Вдовин, А., Зубков, К. Генеалогия школьного историзма : литературная критика, историческая наука и изучение словесности в гимназии 1860 – 1900-х годов / А. Вдовин, К. Зубков. – Текст : непосредственный. // Новое литературное обозрение. – 2020. – № 4. – С. 161 – 176.
183. Вердеревская, Н.А. Утопия и антиутопия в русской литературе XIX века (Н.Г. Чернышевский, М.Е. Салтыков-Щедрин) / Н.А. Вердеревская. – Текст : непосредственный // Материалы XXXI зональной конференции литературоведов Поволжья. – Елабуга : Елабужский гос. пед. ун-т, 2008. – Ч. 1. – С. 39 – 50.
184. Вершинин, С.Е., Борисова, Г.А. Концепция социальной деструкции Франкфуртской школы (историко-философский анализ) / С.Е. Вершинин, Г.А. Борисова. – Екатеринбург : Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2009. – 126 с. – Текст : непосредственный.
185. Взаимодействие культур СССР и США XVIII – XX вв. / отв. ред. О.Э. Туганова. – М. : Наука, 1987. – 231 с. – Текст : непосредственный.
186. Вильгоцкий, А. Кто такая Айн Рэнд? / А. Вильгоцкий. – М. : АСТ, 2015. – 352 с. – Текст : непосредственный.
187. Володина, Н.В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения / Н.В. Володина. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 256 с. – Текст : непосредственный.
188. Воронин, А.А. Брюсов : посев Атлантиды / А.А. Воронин. – Текст : электронный // ЛАИ : научно-исследовательский центр. – URL : <https://lah.ru/bryusov-posev-atlantidy/> (дата обращения: 06. 07. 2019). – Режим доступа : свободный.
189. Гадамер, Х.-Г. Прометей и трагедия культуры / пер. с нем. – Текст : непосредственный // Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного / пер. с нем. – М. : Искусство, 1991. – С. 242 – 255.
190. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос / Г.Д. Гачев. – М. : Прогресс-Культура, 1995. – 480 с. – Текст : непосредственный.

191. Геллер, Л. Вселенная за пределом догмы. Размышления о советской фантастике / Л. Геллер. – London : Overseas Publications Interchange, 1985. – 446 с. – Текст : непосредственный.
192. Геллер, Л., Никё, М. Утопия в России / пер. с франц. – Текст : электронный // Книгогид : рекомендательный книжный сервис. – URL: https://knigogid.ru/books/1221381-utopiya-v-rossii/toread?update_page (дата обращения: 20. 03. 21). – Режим доступа : свободный.
193. Гиленсон, Б. А. Америка Синклера Льюиса : монография / Б.А. Гиленсон. – М. : ИНФРА-М, 2020. – 188 с. – Текст : непосредственный.
194. Гиленсон, Б.А. Социалистическая традиция в литературе США / Б.А. Гиленсон. – М. : Наука, 1975. – 200 с. – Текст : непосредственный.
195. Глушанина, Н.И. Проблема жанра утопии в контексте путевой литературы Петровской эпохи («Архив, или статейный список...» А.А. Матвеева) / Н.И. Глушанина. – Текст : непосредственный // Поэтика жанра : Сб. науч. ст. – Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1995. – С. 3 – 23.
196. Голенопольский, Т.Г., Шестаков, В.П. «Американская мечта» и американская действительность / Т.Г. Голенопольский, В.П. Шестаков. – М. : Искусство, 1981. – 208 с. – Текст : непосредственный.
197. Григоровская, А.В. Аксиология романов С.Льюиса «Бэббит» и Айн Рэнд «Атлант расправил плечи» / А.В. Григоровская. – Текст : непосредственный // Научный диалог. – 2016. – № 9 (57). – С. 98–109.
198. Григоровская, А.В. Архетип Прометея как типологическая основа героев А. Богданова и Айн Рэнд / А.В. Григоровская. – Текст : непосредственный // Вестник Тюменского гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2018. – Т. 4. – № 4. – С. 134 – 146.
199. Григоровская, А.В. Атлантида как утопическая модель в романе Айн Рэнд «Атлант расправил плечи» / А.В. Григоровская. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 6-2 (84). – С. 240–244.

200. Григоровская, А.В. В поисках целостности : повесть Айн Рэнд «Гимн» и роман Дж.Керуака «В дороге» (In Search of Integrity: Ayn Rand's Novel "The Anthem" and J. Kerouac's Novel "On the Road") / А.В. Григоровская. – Текст : непосредственный // Научный диалог / NAUCHNYI DIALOG. – 2020. – № 1. – С. 212–228.
201. Григоровская, А.В. Влияние философии Г.Гурджиева на художественную систему романов Айн Рэнд (The Influence of G. Gurdjieff's Philosophy on the Art System of Ayn Rand's Novels) / А.В. Григоровская. – Текст : непосредственный // Новый филологический вестник / NOVYI FILOLOGICHESKII VESTNIK-NEW PHILOLOGICAL BULLETIN. – 2019. – № 1 (48). – С. 317–325.
202. Григоровская, А.В. Драмы Айн Рэнд как претексты к ее романам / А.В. Григоровская. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 7-1 (73). – С. 16–20.
203. Григоровская, А.В. Загадка завода «Двадцатый век» в романе Айн Рэнд «Атлант расправил плечи» : Советская Россия в зеркале американского романа / А.В. Григоровская. – Текст : непосредственный // Новое прошлое / The New Past. – 2020. – № 1. – С. 191–204.
204. Григоровская, А.В. Интерпретации образа Генри Форда в романах Э.Синклера «Автомобильный король» и Айн Рэнд «Атлант расправил плечи» / А.В. Григоровская. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2019. – № 3. – Т. 11. – С. 123–130.
205. Григоровская, А.В. Масонский код в романе Айн Рэнд «Источник» / А.В. Григоровская. – Текст : непосредственный // Культура и цивилизация. – 2017. – № 1А. – Т. 7. – С. 188–200.
206. Григоровская, А.В. Миф об Атлантиде в структуре романа Айн Рэнд «Атлант расправил плечи» / А.В. Григоровская. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. – 2016. – № 2. – С. 165–169.
207. Григоровская, А.В. Научно-фантастические изобретения в романе Айн Рэнд «Атлант расправил плечи» в контексте ренессансного типа мышления / А.В. Григоровская. – Текст : непосредственный // Парадигмы переходности и образы

фантастического мира в художественном пространстве XIX – XXI вв.: коллективная монография/ отв. ред. Т.А. Шарыпина, И.К. Полуяхтова, М.К. Меньщикова. – Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2019. – С. 186 – 193.

208. Григоровская, А.В. Образы предпринимателей в романах Т.Драйзера «Трилогия желания» и Айн Рэнд «Атлант расправил плечи» / А.В. Григоровская. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2018. – № 3. – Т. 10. – С. 108–116.

209. Григоровская, А.В. Первый американский роман о Советской России: «живое» и «мертвое» в романе Айн Рэнд «Мы живые» / А.В. Григоровская. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2016. – № 1 (55). – С. 144 – 150.

210. Григоровская, А.В. Поиски Шамбалы в романах Кэмерона Хоули «Cash McCall» и Айн Рэнд «Атлант расправил плечи» : русская и американская традиции / А.В. Григоровская. – Текст : непосредственный // Наука о человеке : гуманитарные исследования. – 2019. – № 4 (38). – С. 20 – 26.

211. Григоровская, А.В. Пространственно-временная организация и мотивная структура в антиутопии 2000-х годов («ЖД» Д.Быкова и «Метро 2033» Д.Глуховского) : дис ...канд. филол. наук. – Тюмень, 2012. – 198 с. – Текст : непосредственный.

212. Григоровская, А.В. Разрушение разума: ученый и власть в романах С. Льюиса «Эроусмит» и Айн Рэнд «Атлант расправил плечи» / А.В. Григоровская. – Текст : непосредственный // Научный диалог. – 2017. – № 1. – С. 61–73.

213. Григоровская, А.В. Рецепция идей И.Бентама в творчестве В.Одоевского и Айн Рэнд / А.В. Григоровская. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. – 2016. – № 5. – С. 133 – 140.

214. Григоровская, А.В. Рецепция ренессансной концепции человека в художественном творчестве Айн Рэнд (The reception of the renaissance conception of man in Ayn Rand's literary works) / А.В. Григоровская. – Текст : непосредственный // Вестник Томского гос. ун-та. Филология / Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Filologiya / VESTNIK

TOMSKOGO GOSUDARSTVENNOGO UNIVERSITETA FILOLOGIYA-TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY. – 2018. – № 55. – С. 142 – 163.

215. Григоровская, А.В. Русские трансформации «американской мечты» в романах Айн Рэнд / А.В. Григоровская. – Текст: непосредственный // Коллективная память : власть прошлого в социокультурной жизни Америки: сборник статей / под ред. И.В. Морозовой, В.И. Журавлевой, Х.Б. Фернандеса. – М. : Росс. гос. гум. ун-т, 2021. – С. 268 – 278.

216. Григоровская, А.В. Саморефлексия эмигранта в художественном творчестве Айн Рэнд (The self-reflection of emigrant in Ayn Rand's art works) / А.В. Григоровская. – Текст : непосредственный // Филологический класс / PHILOLOGICAL CLASS. – 2019. – № 1 (55). – С. 28 – 33.

217. Григоровская, А.В. Специфика национального характера в изображении предпринимателя в романах Кэмерона Хоули и Айн Рэнд (Specificity of the national character in the description of entrepreneurs in Cameron Hawley's and Ayn Rand' S novels) / А.В. Григоровская. – Текст : непосредственный // Имагология и компаративистика / Imagologiya i Komparativistika/ IMAGOLOGY AND COMPARATIVE STUDIES. – 2020. – № 14. – С. 122 – 142.

218. Григоровская А.В. Тема искусства в творчестве Айн Рэнд / А.В. Григоровская. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 11-2. – С. 173 – 175.

219. Григоровская, А.В. Художественное творчество Айн Рэнд в русском контексте : монография / А.В. Григоровская. – М. : ФЛИНТА, 2020. – 268 с. – Текст : непосредственный.

220. Григоровская, А.В. «Что делать?» Н.Г.Чернышевского и «Атлант расправил плечи» Айн Рэнд : Россия об Америке и Америка о России / А.В. Григоровская. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2015. – № 1 (51). – С. 158 – 163.

221. Григоровская, А.В. *Integrated man* Айн Рэнд в контексте утопических проектов России XIX – XX веков / А.В. Григоровская. – Текст : непосредственный // Утопический дискурс в русской культуре конца XIX – XXI

- века : литература, живопись, кинематограф : монография / науч. ред. Н.В. Ковтун. – М. : ФЛИНТА, 2021. – 284 с. – С. 204 – 219.
222. Григоровская, А.В. The Romance of Business: истоки романтизма Айн Рэнд (The Romance of Business: Ayn Rand Romanticism) / А.В. Григоровская. – Текст : непосредственный // Научный диалог / NAUCHNYI DIALOG. – 2020. – № 6. – С. 221–235.
223. Гройс, Б. Русский космизм: биополитика бессмертия / Б. Гройс. – Текст : непосредственный // Гройс Б. Русский космизм : антология. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. – С. 6 – 29.
224. Грот, Я. Джордано Бруно и пантеизм. Философский очерк / Я. Грот. – Одесса : Типография «Одесского Вестника», 1885. – 86 с. – Текст : непосредственный.
225. Гуревич, П. Философия человека : в 2 ч / П. Гуревич. – М. : Ин-т философии РАН, 1999. – Ч. 1. – 221 с. – Текст : непосредственный.
226. Гуревич, П. Философия человека : в 2 ч. / П. Гуревич. – М. : Ин-т философии РАН, 2001. – Ч. 2. – 209 с. – Текст : непосредственный.
227. Гуревич, П.С. Проблема целостности человека / П. Гуревич. – М. : Ин-т философии РАН, 2004. – 178 с. – Текст : непосредственный.
228. Джеймисон, Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. – М. : Издательство Института Гайдара, 2019. – 816 с. – Текст : непосредственный.
229. Дзыга, Я.О. Творчество И.С. Шмелева в контексте традиций русской литературы : автореф. ... д-ра филол. наук / Я.О. Дзыга. – М., 2013. – 43 с. – Текст : непосредственный.
230. Дыров, А.А. Человек будущего в утопиях и дистопиях : философско-антропологическая интерпретация : автореф. дис. ... канд. филос. наук / А.А. Дыров. – Челябинск, 2011. – 27 с. – Текст : непосредственный.
231. Дюришин, Д. Теория сравнительного изучения литературы / Д. Дюришин. – М. : Прогресс, 1979. – 317 с. – Текст : непосредственный.

232. Егоров, Б.Ф. Российские утопии / Б.Ф. Егоров. – Спб. .: Искусство – Спб., 2007. – 415 с. – Текст : непосредственный.
233. Есаулов, И. Тоталитарность и соборность : два лика русской культуры / И. Есаулов. – Текст : непосредственный // Вопросы литературы. – 1992. – Вып.1. – С. 148 – 170.
234. Жежко, И. Айн Рэнд на американском “Tea Party” : диалог консерваторов и радикалов / И. Жежко. – Текст : непосредственный // Иностранная литература. – 2011. – № 1. – С. 241 – 252.
235. Жиров, Н.Ф. Атлантида : основные проблемы атлантологии / Н.Ф. Жиров. – М. : Мысль, 1964. – 431 с. – Текст : непосредственный.
236. Жолковский, А. Замятин, Оруэлл и Хворобьев : о снах нового типа / А. Жолковский. – Текст : электронный // USC Dornsife : College of Letters, Arts and Sciences. – URL: <https://dornsife.usc.edu/alexander-zholkovsky/orwell> (дата обращения : 15. 03. 2020). – Режим доступа : свободный.
237. Зарубина, Н.Н. Бизнес в зеркале русской культуры / Н.Н. Зарубина. – М. : Анкил, 2004. – 306 с. – Текст : непосредственный.
238. Зарубина, Н.Н. Российский предприниматель в художественной литературе XIX – начала XX века / Н.Н. Зарубина. – Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. – 2003. – № 1. – С. 101 – 115.
239. Зверев, А.М. Американский романтизм / А.М. Зверев – Текст : непосредственный // История литературы США : в 5 т. / отв. ред. М.М. Коренева. – М. : Наследие, 1999. – Т.2. – С. 13 – 51.
240. Зверев, А.М. Ранний романтизм / А.М. Зверев – Текст : непосредственный // История литературы США : в 5 т. / отв. ред. М.М. Коренева. – М. : Наследие, 1999. – Т. 2. – С. 52 – 54.
241. Зеньковский, В.В. История русской философии / В.В. Зеньковский. – М. : Академический проект, Раритет, 2001. – 880 с. – Текст : непосредственный.
242. Иванникова, Н.В. Идеи и образы итальянского Возрождения в русском Серебряном веке (А. Блок и Вяч. Иванов) : дис. ... канд. культурологии / Н.В. Иванникова. – М., 2003. – 205 с. – Текст : непосредственный.

243. Иглтон, Т. Теория литературы : Введение / пер. с англ. – М. : Издательский дом «Территория будущего», 2010. – 296 с. – Текст : непосредственный.
244. Ильин, И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия : эволюция научного мифа / И.П. Ильин. – М. : Интрада, 1998. – 256 с. – Текст : непосредственный.
245. Калинин, И. Историчность травматического опыта : рутина, революция, репрезентация / И. Калинин. – Текст : непосредственный // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 124. – С. 18 – 34.
246. Калиниченко, С.Б. Проблема «нового человека» в трудах политических деятелей 20-х гг. : А.А. Богданов, Н.И. Бухарин, А.В. Луначарский, Л.Д.Троцкий : дис. ... канд. истор. наук / С.Б. Калиниченко. – Ставрополь, 1994. – 206 с. – Текст : непосредственный.
247. Кантор, В.К. «...Есть европейская держава». Россия : трудный путь к цивилизации : Историчесофские очерки / В.К. Кантор. – М. : РОССПЭН, 1997. – 478 с. – Текст : непосредственный.
248. Кантор, В.К. Лишенные наследства. К проблеме смены поколений в России / В.К. Кантор. – Текст : непосредственный // Октябрь. – 1996. – № 10. – С. 161 – 165.
249. Кантор, В.К. «Подпольный человек» против «новых людей», или О торжестве зла в мироустройстве / В.К. Кантор. – Текст : непосредственный // Вестник культурологии. – 2015. – № 1. – С. 155 – 182.
250. Кантор, В.К. «Срубленное дерево жизни». Судьба Николая Чернышевского / В.К. Кантор. – М. ; Спб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 528 с. – Текст : непосредственный.
251. Кантор, В.К. Что значил разумный эгоизм Чернышевского в общинной стране? / В.К. Кантор. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 2014. – № 7. – С. 183 – 188.

252. Каррен, Б. Затерянные земли, забытые царства. Новые страницы истории древних мифов / пер. с англ. – М. : Издательство ФАИР, 2009. – 320 с. – Текст : непосредственный.
253. Каспэ, И. В союзе с утопией. Смысловые рубежи позднесоветской культуры / И. Каспэ. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – 432 с. – Текст : непосредственный.
254. Кауфман, Л. Дело о Сакко и Ванцетти в романе Э. Синклера «Бостон» / Л. Кауфман. – Текст : электронный // Чайка : Seagull Magazine : электронный журнал. – 12 января 2018. – URL : <https://www.chayka.org/node/8645> (дата обращения: 25. 01. 2020). – Режим доступа : свободный.
255. Кауфман, Л. Эптон Синклер и социализм / Л. Кауфман. – Текст : электронный // Новая литература : электронный журнал. – Март 2018. – URL : http://newlit.ru/~kaufman/6012.html#_ftn0 (дата обращения: 25. 01. 2020). – Режим доступа : свободный.
256. Кизима, М.П. Трансцендентализм и некоторые явления в художественной культуре США XX века / М.П. Кизима. – Текст : непосредственный // Американский характер. Очерки культуры США. – М. : Наука, 1991. – С. 179 – 204.
257. Ким, Сонг Иль. Русская литературная утопия первой четверти двадцатого века : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ким Сонг Иль. – Спб., 1998. – 24 с. – Текст : непосредственный.
258. Кирвель, Ч.С. Утопическое сознание : сущность, социально-политические функции / Ч.С. Кирвель. – Минск : Университетское, 1989. – 190 с. – Текст : непосредственный.
259. Кларк, К. Советский роман : история как ритуал / пер. с англ. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2002. – 262 с. – Текст : непосредственный.
260. Клюс, Э. Ницше в России. Революция морального сознания / пер. с англ. – Текст : электронный // Фридрих Ницше. Для всех и ни для кого : к 100-летию

со дня смерти : [сайт]. – URL: <https://www.nietzsche.ru/around/russia/klust/> (дата обращения : 25. 06. 2021). – Режим доступа : свободный.

261. Ковалев, Ю.В. Герман Мелвилл и американский романтизм / Ю.В. Ковалев. – Л. : Художественная литература, 1972. – 280 с. – Текст : непосредственный.

262. Ковтун, Н.В. Деревенская проза в зеркале утопии / Н.В. Ковтун. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2009. – 494 с. – Текст : непосредственный.

263. Ковтун, Н.В. Русская литературная утопия второй половины XX века / Н.В. Ковтун. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2005. – 536 с. – Текст : непосредственный.

264. Колобаева, Л.А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX – начала XX вв. / Л.А. Колобаева. – М. : МГУ, 1990. – 336 с. – Текст : непосредственный.

265. Кондаков, И.В., Корж, Ю.В. Фридрих Ницше в русской культуре Серебряного века / И.В. Кондаков, Ю.В. Корж. – Текст : непосредственный // *Общественные науки и современность*. – 2000. – № 6. – С. 176 – 186.

266. Коновалов, В.Н. Восприятие Ф. Ницше в России (1890 – 1900-ые годы) / В.Н. Коновалов. – Текст : непосредственный // *Deutsch-russische Sprach – Literatur und Kulturbeziehungen im XX. Jahrhundert : Beitrage zur Slavistik*. – Frankfurt a/M. : Peter Lang, 1996. – Bd. 28. – С. 89 – 101.

267. Коренева, М.М. Бенджамин Франклин / М.М. Коренева. – Текст : непосредственный // *История литературы США : в 5 т. / отв. ред. М.М. Коренева*. – М. : Наследие, 1997. – Т. 1. – С. 385 – 427.

268. Коренева, М.М. Литература XVII в. Введение / М.М. Коренева. – Текст : непосредственный // *История литературы США : в 5 т. / отв. ред. М.М. Коренева*. – М. : Наследие, 1997. – Т. 1. – С. 90 – 109.

269. Корецкая, И.В. О «солнечном» цикле Вяч. Иванова / И.В. Корецкая. – Текст : непосредственный // *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. – 1978. – № 1. – Т. 37. – С. 54 – 60.

270. Корчинский, А. Форманты мысли : Литература и философский дискурс / А. Корчинский. – М. : Языки славянской культуры, 2015. – 288 с. – Текст : непосредственный.
271. Коршунова, Е.С. «Американская мечта» в американской художественной литературе / Е.С. Коршунова. – Текст : непосредственный // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». – 2017. – № 4. – С. 22 – 27.
272. Коршунова, Е.С. Роль первых национальных героев в американской литературе / Е.С. Коршунова. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского гос. ун-та. Философские науки. – 2017. – № 1. – С. 58 – 62.
273. Косьциолэк, А. О царстве Небесном на земле. Модель идеального государства по Н. Гоголю / А. Косьциолэк. – Текст : непосредственный // Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX – XX веков : колл. монография / отв. ред. Н.В. Ковтун. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. – С. 43 – 56.
274. Кошелев, С.Л. К вопросу о жанровых модификациях романа в философской фантастике / С.Л. Кошелев. – Текст : непосредственный // Проблемы метода и жанра в зарубежной литературе. Вып.9. – М. : Московский гос. пед. институт, 1984. – С.133 – 142.
275. Красиков, В.И. Философы в четырех волнах русской эмиграции в Америке : траектории жизненных судеб / В.И. Красиков. – Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского гос. ун-та. – 2009. – № 2. – С. 85 – 91.
276. Крупа, А. Дин Мориарти как герой-праведник / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Керуак Дж. На дороге. Мэгги Кэссиди. Эссе. – М. : Просодия, 2002. – С. 3 – 14.
277. Крылов, В.Н. Диалог «своего» и «чужого» в американских впечатлениях В.Г. Короленко / В.Н. Крылов. – Текст : непосредственный // Ученые записки Казанского ун-та. Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 157, кн.2. – С. 28 – 43.

278. Кубанев, Н.А. Образ Америки в русской литературе : из истории русско-американских литературных и культурных связей конца XIX – первой половины XX вв. : дис. ... д-ра культурологи / Н.А. Кубанев. – М., 2001. – 431 с. – Текст : непосредственный.
279. Кубедду, Р. Политическая философия австрийской школы : К. Менгер, А. Мизес, Ф. Хайек / пер. с англ. – Текст : непосредственный. – М., Челябинск : ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2008. – 406 с.
280. Курилла, И. Заклятые друзья. История мнений, фантазий, контактов, взаимо(не)понимания России и США / И. Курилла. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – 424 с. – Текст : непосредственный.
281. Кучеренко, В.А. Учение о человеке Г.И. Гурджиева в контексте духовных исканий современности : автореф. дис. ... канд. филос. наук / В.А. Кучеренко. – Ростов-на-Дону, 2005. – 24 с. – Текст : непосредственный.
282. Лавджой, А. Великая цепь бытия : История идеи / пер. с англ. – М. : Дом интеллектуальной книги, 2001. – 376 с. – Текст : непосредственный.
283. Ланин, Б.А. Русская литературная антиутопия XX века : дис. ... д-ра филол. наук / Б.А. Ланин. – М., 1993. – 344 с. – Текст : непосредственный.
284. Лаперуз, С. В поисках «Американской мечты»: Избранные эссе / С. Лаперуз. – Текст : электронный // Американские размышления : сайт Стивена Лаперуза. – URL : http://www.americanreflections.net/books/the_search_for_the_american_dream_selected_essays_ru.html (дата обращения : 08.10.20). – Режим доступа : свободный.
285. Лапшина, Г.С. Америка в зеркале русской печати (вторая половина XIX века) / Г.С. Лапшина. – М. : Фак-т журн. МГУ, 2017. – 204 с. – Текст : непосредственный.
286. Лапшина, Г.С. Н.Г. Чернышевский об Америке / Г.С. Лапшина. – Текст : электронный // Медиаскоп : электронный журнал. – 2017. – № 2. – URL: <http://www.mediascope.ru/2296#13> (дата обращения: 29. 06. 2019). – Режим доступа : свободный.

287. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с франц. – М. : Ин-т экспериментальной социологии ; Спб. : Алетейя, 1998. – 160 с. – Текст : непосредственный.
288. Липовецкий, М. «И пустое место для остальных» : травма и поэтика метапрозы в «Египетской марке» О. Манделштама / М. Липовецкий. – Текст : непосредственный // Травма : пункты : сб. статей. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – С. 749 – 782.
289. Логвинов, Р.Н. Архетипические и модернистские черты в персоналистской мифологии Соединенных Штатов Америки / Р.Н. Логвинов. – Текст : непосредственный // Шаг в историческую науку : материалы XIX Всероссийской науч.-практ. конференции молодых ученых. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2019. – С. 56 – 58.
290. Логвинов, Р.Н. Поль Баньян как квинтэссенция второй волны мифогенеза в культуре США / Р.Н. Логвинов. – Текст : непосредственный // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. – 2019. – № 1. – С. 7 – 17.
291. Лосев, А. Проблема символа и реалистическое искусство / А. Лосев. – М. : Искусство 1995. – 320 с. – Текст : непосредственный.
292. Лосский, Н.О. Воспоминания. Жизнь и философский путь / Н.О. Лосский. – Мюнхен : Wilhelm Fink Verlag, 1968. – 334 с. – Текст : непосредственный.
293. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю.М. Лотман. – Спб. : Искусство – Спб., 1994. – 481 с. – Текст : непосредственный.
294. Лотман, Л.М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века (Истоки и эстетическое своеобразие) / Л.М. Лотман. – Л. : Наука, 1974. – 348 с. – Текст : непосредственный.
295. Мазирика, И.О. Романы Синклера Льюиса 30 – 40-х гг. XX в. : эволюция проблематики, своеобразие жанра и стиля : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.О. Мазирика. – М., 2000. – 16 с. – Текст : непосредственный.
296. Макконнелл, С. Айн Рэнд. Сто голосов / пер. с англ. – М. : АСТ, 2018. – 832 с. – Текст : непосредственный.

297. Малли, Л. Культурное наследие Пролеткульта: один из путей к соцреализму? / Л. Малли. – Текст : непосредственный // Соцреалистический канон / под ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. – Спб. : Академический проект, 2000. – С.183 – 192.
298. Маркина, Е.П. Антропокосизм в контексте идей русского космизма / Е.П. Маркина. – Текст : непосредственный // Ученые записки Орловского гос. ун-та. – 2013. – № 4. – С. 204 – 208.
299. Маркузе, Г. Одномерный человек / пер. с нем. – М. : Рефл-бук, 1994. – 368 с. – Текст : непосредственный.
300. Мартынов, К. Атлант расправил плечи / К. Мартынов. – Текст : электронный // ПостНаука : [сайт]. – URL : <https://postnauka.ru/faq/64050> (дата обращения : 28. 06. 2019). – Режим доступа : свободный.
301. Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы / пер. с англ. – М. : Смысл, 1999. – 425 с. – Текст : непосредственный.
302. Медведева, Н.Г. Литературная утопия : проблема метода / Н.Г. Медведева. – Текст : непосредственный // Проблема автора в художественной литературе : сборник. – Ижевск : Удмуртский гос. ун-т, 1990. – С. 9 – 17.
303. Мильдон, В.И. Санскрит во льдах, или Возвращение из Офира : Очерк русской литературной утопии и утопического сознания / В.И. Мильдон. – М. : РОССПЭН, 2006. – 288 с. – Текст : непосредственный.
304. Мирасова, К.Н. «Атлант расправил плечи» Айн Рэнд и «Что делать?» Н.Г. Чернышевского как романы идеи «разумного эгоизма» / К.Н. Мирасова. – Текст : непосредственный // Новое прошлое. – 2020. – № 1. – С. 180 – 193.
305. Мирасова, К.Н. Романное творчество Айн Рэнд в контексте массовой литературы США : автореф. дис. ... канд. филол. наук / К.Н. Мирасова. – Казань, 2017. – 21 с. – Текст : непосредственный.
306. Могильнер, М. Мифология «подпольного человека» : радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа / М. Могильнер. – М. : Новое литературное обозрение, 1999. – 208 с. – Текст : непосредственный.

307. Морозова, И.В. Как стать “здоровым, богатым и мудрым” – разговор о мечте и успехе в литературе США XIX в. / И.В. Морозова. – Текст : электронный // Открой Америку. Роман с американской мечтой : он-лайн курс Американского Центра в Москве. – URL : <https://edu.amc.ru/courses/course-v1:AMC.RU+AMC06+2019/course/> (дата обращения : 15. 03. 2021). – Режим доступа : по подписке.
308. Морозова, Т.Л. Американская мечта (и размышления о России) / Т.Л. Морозова. – Текст : непосредственный // Американский характер. Очерки культуры США. – М. : Наука, 1991. – С. 254 – 276.
309. Морсон, Г. Границы жанра. Антиутопия как пародийный жанр / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Утопия и утопическое мышление : антология / под ред. В.А. Чаликовой. – М. : Прогресс, 1991. – С. 233 – 251.
310. Мотрошилова, Н.В. Дискуссии о философии Ф. Ницше в России Серебряного века / Н.В. Мотрошилова. – Текст : непосредственный // Фридрих Ницше и философия в России : сб.статей. – Спб. : Изд-во Русского Христианского гум. института, 1999. – С. 38 – 45.
311. Мотылева, Т. Синклер Льюис и его лучшие романы / Т. Мотылева. – Текст : непосредственный // Льюис С. Бэббит. Эроусмит / пер. с англ. – М. : Художественная литература, 1973. – С. 5 – 20.
312. Недзвецкий, В.А. История русского романа XIX века : неклассические формы : Курс лекций / В.А. Недзвецкий. – М. : МГУ, 2011. – 152 с. – Текст : непосредственный.
313. Недзвецкий, В.А. Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» и его оппоненты / В.А. Недзвецкий. – М. : Изд-во Московского ун-та, 2003. – 176 с. – Текст : непосредственный.
314. Несмелова, О.О. Проблемы развития художественной прозы США XX века в восприятии отечественного литературоведения (20 – 80-е годы) : дис. ... д-ра филол. наук / О.О. Несмелова. – М., 1999. – 358 с. – Текст : непосредственный.

315. Никифоров, Я.А. «Новые люди» Чернышевского как агенты модернизации русского общества / Я.А. Никифоров. – Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология. – 2010. – № 3. – С. 29 – 32.
316. Никифорова, Л., Кизилев, М. Крымский период в жизни американской писательницы Айн Рэнд (Алисы Розенбаум) / Л. Никифорова, М. Кизилев. – Текст : непосредственный // Judaica Ukrainica. – 2012. – № 1. – С. 287 – 313.
317. Никифорова, Л.Л., Кизилев, М.Б. Айн Рэнд / Л.Л. Никифорова, М.Б. Кизилев. – М. : Молодая гвардия, 2020. – 333 с. – Текст : непосредственный.
318. Николукин, А.Н. Литературные связи России и США / А.Н. Николукин. – М. : Наука, 1981. – 406 с. – Текст : непосредственный.
319. Новиков, М.В., Перфилова, Т.Б. Ф.Ф. Зелинский и идея славянского Возрождения / М.В. Новиков, Т.Б. Перфилова. – Текст : непосредственный // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. – 2009. – № 3. – С. 107 – 116.
320. Новинская, М.И. Утопические черты американского сознания / М.И. Новинская. – Текст : непосредственный // Американский характер. Очерки культуры США. Традиция в культуре / отв. ред. О.Э. Туганова. – М. : Наука, 1998. – С. 99 – 125.
321. Норина, Н.В. Трагическое состояние мира в «Солнце мертвых» И.С. Шмелева / Н.В. Норина. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2011. – № 25. – С. 119 – 125.
322. Осипова, Э.Ф. Генри Дэвид Торо / Э.Ф. Осипова. – Текст : непосредственный // История литературы США : в 5 т. / отв. ред. М.М. Коренева. – М. : Наследие, 1999. – Т. 2. – С. 247 – 304.
323. Осипова, Э.Ф. Путешествие идей : из истории культурных связей России и США / Э.Ф. Осипова. – Спб. : Нестор-История, 2019. – 196 с. – Текст : непосредственный.
324. Осипова, Э.Ф. Ральф Уолдо Эмерсон : Писатель и время / Э.Ф. Осипова. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1991. – 135 с. – Текст : непосредственный.

325. Осипова, Э.Ф. Реальность и художественный вымысел в «Романе о Блайтдейле» Н. Готорна / Э.Ф. Осипова. – Текст : непосредственный // Вестник СПбГУ. Серия 9. – 2009. – № 3. – С. 93 – 99.
326. Осипова, Э.Ф. Ральф Уолдо Эмерсон / Э.Ф. Осипова. – Текст : непосредственный // История литературы США : в 5 т. / отв. ред. М.М. Коренева. – М. : Наследие, 1999. – Т.2. – С. 211 – 246.
327. Павлова, О.А. Метаморфозы литературной утопии : теоретический аспект / О.А. Павлова. – Волгоград : Волгоградское научное изд-во, 2004. – 472 с. – Текст : непосредственный.
328. Паперно, И. Семиотика поведения : Николай Чернышевский – человек эпохи реализма / И. Паперно. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 208 с. – Текст : непосредственный.
329. Паперный, В.М. Блок и Ницше / В.М. Паперный. – Текст : непосредственный // Ученые записки Тартуского ун-та. – 1979. – Вып.23. Русская литература. – С. 73 – 94.
330. Пейкофф, Л. Объективизм : философия Айн Рэнд / пер. с англ. – М. : Астрель : Полиграфиздат, 2012. – 575 с. – Текст : непосредственный.
331. Пейкофф, Л. Подумай дважды : предисловие редактора / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Рэнд А. Подумай дважды. – М. : Астрель, 2012. – С. 112 – 115.
332. Петруччани, А. Структура утопии. «Утопия» Томаса Мора как исходная модель / пер. с итал. – Текст : непосредственный // Утопия и утопическое мышление : антология / под ред. В.А. Чаликовой. – М. : Прогресс, 1991. – С. 98 – 112.
333. Печерская, Т.И. Разночинцы 60-х годов XIX века : феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики (мемуары, дневники, письма, беллетристика) : автореферат дис. ... д-ра филол. наук / Т.И. Печерская. – Томск, 2000. – 34 с. – Текст : непосредственный.
334. Пономарева, Г.М. Русский утопизм : история и перспективы / Г.М. Пономарева. – М. : Прометей, 1994. – 454 с. – Текст : непосредственный.

335. Пономарева, Г.М. Утопия и утопическое сознание в контексте русской культуры XIX – начала XX века : автореф. ... дис. д-ра филос. наук / Г.М. Пономарева. – М., 1996. – 32 с. – Текст : непосредственный.
336. Поршнева, А.С. Мир эмиграции в немецком эмигрантском романе 1930 – 1970-х годов (Э.М. Ремарк, Л. Фейхтвангер, К. Манн) / А.С. Поршнева. – Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2014. – 306 с. – Текст : непосредственный.
337. Поршнева, О.С. Формирование «человека советского»: эволюция теоретических подходов большевистского руководства (1900 – 1930-е годы) / О.С. Поршнева. – Текст : непосредственный // Человек советский : за и против = Homo Sovieticus : pro et contra : монография / под ред. Ю.В. Матвеевой, Ю.А. Русиной. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2021. – С. 32 – 49.
338. Приказчикова, Е.Е. Антропологическая утопия Смольного института и ее отражение в мемуарно-автобиографической литературе второй половины XVIII века / Е.Е. Приказчикова. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – 2009. – Вып. 34. – № 27 (165). – С. 105 – 114.
339. Приказчикова, Е.Е. Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе русского Просвещения : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е.Е. Приказчикова. – Екатеринбург, 2010. – 50 с. – Текст : непосредственный.
340. Приказчикова, Е.Е. Утопическая традиция эпохи Просвещения в жизни и творчестве А.Н. Радищева («Путешествие из Петербурга в Москву») / Е.Е. Приказчикова. – Текст : непосредственный // Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX – XX веков : колл. монография / отв. ред. Н.В.Ковтун. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. – С. 19 – 42.
341. Приложение. Вступительная статья Л. Пейкоффа, посвященная 35-й годовщине первой публикации романа / пер. с англ. // Рэнд А. Атлант расправил плечи : в 3 ч. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2009. – Ч. 1. – С. 425 – 434.
342. Пумпянский, Л.В. Достоевский и античность / Л.В. Пумпянский. – Петербург : Изд-во «Замыслы», 1922. – 48 с. – Текст : непосредственный.

343. Рабеев, С.К.Б. Бинарные оппозиции как средство концептуализации «американской мечты» (на примере произведений литературы США вт. пол. XX – нач. XXI вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.К.Б. Рабеев. – Воронеж, 2019. – 21 с. – Текст : непосредственный.
344. Ребель, Г.М. Жанровые модификации русского классического романа и современные романно-жанровые тенденции / Г.М. Ребель. – Текст : непосредственный // Дергачевские чтения – 2008. Русская литература : национальное развитие и региональные особенности. Проблема жанровых номинаций : материалы IX Междунар. науч. конф. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. – Т. 1. – С. 266 – 275.
345. Рейтблат, А. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы / А. Рейтблат. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – 448 с. – Текст : непосредственный.
346. Розанваллон, П. Утопический капитализм. История идеи рынка / пер. с франц. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – 246 с. – Текст : непосредственный.
347. Розенталь, Б. Соцреализм и ницшеанство / Б.Розенталь. – Текст : непосредственный // Соцреалистический канон / под ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. – Спб. : Академический проект, 2000. – С. 56 – 69.
348. Рычков, А.Л. Миф об Атлантиде западного эзотеризма в «атлантической мифологеме» русских символистов / А.Л. Рычков. – Текст : непосредственный // Изучение эзотеризма в России : актуальные проблемы. – М. : Эдитус. – С. 77 – 112.
349. Рязанова, С.В., Логвинов, Р.Н., Дроздов, С.Т. Эволюция антропного мифа в мифологии США : причины, предпосылки, логика / С.В. Рязанова, Р.Н. Логвинов, С.Т. Дроздов. – Текст : непосредственный // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2017. – № 3. – С.152 – 161.
350. Савельева, И.Ю. Формирование концепции личности в философском наследии Д.И. Писарева / И.Ю. Савельева. – Текст : непосредственный // Вестник Мурманского гос. тех. ун-та. – 2000. – № 3. – С. 491 – 496.

351. Сантнер, Е. История по ту сторону принципа наслаждения : размышление о репрезентации травмы / пер. с англ. – Текст : непосредственный // Травма : пункты. Сборник статей. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – С. 389 – 407.
352. Сафрански, Р. Ницше : биография и его мысли / пер. с нем. – М. : Дело, 2016. – 456 с. – Текст : непосредственный.
353. Сафронова, О. На чем стояла Стоюнинская гимназия (и на ком) / О. Сафронова. – Текст : электронный // Педсовет. Персональный помощник педагога : [сайт]. – URL : <https://pedsovet.org/beta/article/na-chem-stoala-stouninskaa-gimnazia-i-na-kom> (дата обращения : 15. 12. 2019). – Режим доступа : свободный.
354. Сахаров, В.И. Миф о золотом веке в русской масонской литературе XVIII столетия / В.И. Сахаров. – Текст : электронный // Масонство и масоны : [сайт]. – URL : <http://www.masonry.ru/articles/astrea.htm> (дата обращения : 25. 03. 2018). – Режим доступа : свободный.
355. Светноховский, А. История утопии. От античности до конца XIX века / пер. с польск. – М. : Либроком, 2012. – 432 с. – Текст : непосредственный.
356. Святловский, В. Русский утопический роман. – Петербург : Гос. изд-во, 1922. – 52 с. – Текст : непосредственный.
357. Сердюкова, Е.В. Учение Н.О. Лосского как синтез русской и европейской традиций мысли / Е.В. Сердюкова. – Текст : непосредственный // Logos et Praxis. – 2017. – Vol.16. – No. 3. – С. 5 – 10.
358. Сердюченко, В. Футурология Достоевского и Чернышевского : князь Мышкин и Рахметов как ипостаси Христа / В. Сердюченко. – Текст : непосредственный // Вопросы литературы. – 2001. – № 3. – С. 66 – 84.
359. Сиземская, Н. Социалистическая утопия как архетип русской мысли / Н. Сиземская. – Текст : непосредственный // Свободная мысль. – 2001. – № 8. – С. 78 – 92.
360. Синеокая, Ю.В. Восприятие идей Ницше в России : основные этапы, тенденции, значение / Ю.В. Синеокая. – Текст : непосредственный // Фридрих

Ницше и философия в России : сб. статей. – Спб. : Изд-во Русского Христианского гум. института, 1999. – С. 7 – 37.

361. Синеокая, Ю.В. Проект нового человека в российском ницшеанстве / Ю.В. Синеокая. – Текст : непосредственный // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – Т. XV. Вып. 2. – С. 98 – 113.

362. Синеокая, Ю. В. Рубеж веков : русская судьба Сверхчеловека Ницше / Ю.В. Синеокая. – Текст : непосредственный // Фридрих Ницше и философия в России : сб. статей. – Спб. : Изд-во Русского Христианского гум. института, 1999. – С. 58 – 74.

363. Синявский, А. Основы советской цивилизации / А. Синявский. – М. : Аграф, 2002. – 464 с. – Текст : непосредственный.

364. Слободнюк, С.Л. Муза мстительных надежд : принцип талиона и теократическая утопия в правосознании Серебряного века / С.Л. Слободнюк. – Спб. : Наука, 2010. – 128 с. – Текст : непосредственный.

365. Слободнюк, С.Л. Человек творящий и человек воздающий в мифологии Серебряного века / С.Л. Слободнюк. – Текст : непосредственный // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2017. – Т. 215 (Художественная антропология Серебряного века : материалы междунаrod. науч. конф. «Литературные чтения» 20 – 21 октября 2017 г., Санкт-Петербург). – Спб. : СпбГИК, 2017. – С. 7 – 16.

366. Солженицын, А.И. Иван Шмелев и его «Солнце мертвых». Из «Литературной коллекции» / А.И. Солженицын. – Текст : непосредственный // Новый мир. – 1998. – № 7. – С. 3 – 48.

367. Спаров, В. Полная история масонства в одной книге / В. Спаров. – М. : АСТ, 2010. – 500 с. – Текст : непосредственный.

368. Сперанская, Н. Дионис преследуемый / Н. Сперанская. – М. : Культурная революция, 2014. – 536 с. – Текст : непосредственный.

369. Стайтс, Р. Утопии в воздухе и на земле : футуристические мечты в русской революции / Р. Стайтс. – Текст : непосредственный //

Социокультурные утопии XX века : антология / под ред. В.А. Чаликовой. – М. : ИНИОН, 1988. – Вып. 6. – С. 49 – 56.

370. Старцев, А.И. Русско-американские этюды : Русско-американские отношения и связи в XVIII – XIX вв. / А.И. Старцев. – М. : Восточная литература РАН, 1995. – 164 с. – Текст : непосредственный.

371. Стеценко, Е.В. Американская литература начала XX века / Е.В. Стеценко. – Текст : непосредственный // История литературы США : в 5 т. / отв. ред. П.В. Балдицын. – М. : ИМЛИ РАН, 2009. – Т. 5. – С. 10 – 29.

372. Стеценко, Е.А. Направления в прозе конца XIX века : Массовая беллетристика / Е.А. Стеценко. – Текст : непосредственный // История литературы США : в 5 т. / отв. ред. П.В. Балдицын. – М. : ИМЛИ РАН, 2003. – Т. 4. – С. 836 – 858.

373. Столяров, О.О. Атлантида в контексте русской литературы XX века / О.О. Столяров. – Текст : электронный // ЛАИ : Научно-исследовательский центр. – URL : <https://lah.ru/atlantida-v-kontekste-russkoj-literatury-xx-veka/> (дата обращения : 05. 05. 2020). – Режим доступа : свободный.

374. Стоюнин, В.Я. О преподавании русской литературы / В.Я. Стоюнин. – Спб. : Типо-Литогр. и Фотот. П.И. Бабкина, 1898. – 468 с. – Текст : непосредственный.

375. Строганова, И.А. Проза писателей эмигрантов первой волны: принципы типологии / И.А. Строганова. – Текст : непосредственный // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия Филологические науки. – 2013. – № 3. – С. 55 – 64.

376. Струве, Г.П. Русская литература в изгнании / Г.П. Струве. – Париж : YMCA-Press; М. : Русский путь, 1996. – 448 с. – Текст : непосредственный.

377. Суслопарова, Г.Д. Типология утопического мышления в литературе Серебряного века (символизм, футуризм, новокрестьянская поэзия) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.Д. Суслопарова. – М., 2012. – 22 с. – Текст : непосредственный.

378. Сухих, В.В. О возможной интерпретации мифа о Фаэтоне / В.В. Сухих. – Текст : непосредственный // Исседон – ΙΣΣΕΔΩΝ : Альманах по древней

истории и культуре. – Екатеринбург : Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького, 2002. – Т.1. – С. 6 – 15.

379. Сушкова, В.Н. Советско-американские литературные связи (20 – 30-е годы) / В.Н. Сушкова. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 1986. – 192 с. – Текст : непосредственный.

380. Танасейчук, А.Б. Культурно-исторический тип американской цивилизации и его особенности / А.Б. Танасейчук. – Текст : непосредственный // Вестник Томского гос. ун-та. – 2009. – № 318. – С. 106 – 109.

381. Тарнас, Р. История западного мышления (Страсти западного ума) / пер. с англ. – М. : Крон-Пресс, 1995. – 762 с. – Текст : непосредственный.

382. Темная О.В. «Святое око дня...» : солярная символика в поэзии М. Волошина / О.В. Темная. – Текст : непосредственный // Вестник Запорожского нац. ун-та. Филологические науки. – 2004. – № 4. – С.144 – 148.

383. Терц, А. Что такое социалистический реализм / А. Терц. – Париж : SYNTAXIS, 1988. – 64 с. – Текст : непосредственный.

384. Тлостанова, М.В. «Разгребатели грязи» / М.В. Тлостанова. – Текст : непосредственный // История литературы США : в 5 т. / отв. ред. П.В. Балдицын. – М. : ИМЛИ РАН, 2009. – Т. 5. – С. 451 – 481.

385. Тлостанова, М.В. Эптон Синклер / М.В. Тлостанова. – Текст : непосредственный // История литературы США : в 5 т. / отв. ред. П.В. Балдицын. – М. : ИМЛИ РАН, 2009. – Т. 5. – С. 525 – 543.

386. Тодоров, Ц. Дух Просвещения / пер. с франц. – М. : Московская школа политических исследований, 2010. – 120 с. – Текст : непосредственный.

387. Тюпа, В. И. Модусы художественности / В.И. Тюпа. – Текст : непосредственный // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тamarченко. – М. : Изд-во Кулагиной ; Intrada, 2008. – С. 127 – 128.

388. Успенский, Б.А., Лотман, Ю.М. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) / Б.А. Успенский, Ю.М. Лотман. –

- Текст : непосредственный // Успенский Б.А. Избранные труды : в 3 т. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – Т.1. – С. 124 – 141.
389. Федотова, С.В. Три концепции человека в литературе Серебряного века / С.В. Федотова. – Текст : непосредственный // Вестник ТГПУ. Серия Гуманитарные науки (Филология). – 2006. – Вып. 6 (50). – С. 32 – 38.
390. Фесенко, Э.Я. Русская литература XIX века в поисках героя / Э.Я. Фесенко. – М. : Академический проект, 2013. – 653 с. – Текст : непосредственный.
391. Фесянова, Н.Л. Творчество Уильяма Дина Хоуэллса и жанр утопии в американской литературе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Л. Фесянова. – Казань, 2011. – 19 с. – Текст : непосредственный.
392. Фрейденберг, О.М. Поэтика сюжета и жанра / О.М. Фрейденберг. – М. : Лабиринт, 1997. – 448 с. – Текст : непосредственный.
393. Фрейденберг, О. Утопия / О. Фрейденберг. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 1990. – № 5. – С. 148 – 167.
394. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с франц. – М. : Прогресс, 1977. – 489 с. – Текст : непосредственный.
395. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. – М. : АСТ, 2004. – 588 с. – Текст : непосредственный.
396. Халтурин, Ю. Эзотеризм и мировоззрение русского масонства XVIII – XIX веков : попытка определения / Ю. Халтурин. – Текст : непосредственный // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2013. – № 4. – С. 87 – 112.
397. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. – М. : АСТ, 2003. – 603 с. – Текст : непосредственный.
398. Хаустов, Д. Битники. Великий отказ, или Путешествие в поисках Америки / Д. Хаустов. – М. : РИПОЛ классик, 2017. – 300 с. – Текст : непосредственный.
399. Хинтибидзе, Ц.Ч., Горозия, В.Е. Маркузеанская критика западной цивилизации / Ц.Ч. Хинтибидзе, В.Е. Горозия. – Текст : непосредственный //

Человек. Государство. Глобализация : сб. статей / под ред. В.В. Парцвания. – Спб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2005. – Вып. 3. – С. 279 – 295. – Текст : непосредственный.

400. Холл, М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии / пер. с англ. – М. : АСТ – Астрель, 2005. – 480 с. – Текст : непосредственный.

401. Царева, Н.А. Русский символизм : основные принципы и историософия (на материалах творчества Дм. Мережковского и А. Белого) / Н.А. Царева. – Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2005. – 190 с. – Текст : непосредственный.

402. Цветков, А. Достоевский и Эйн Рэнд / А. Цветков. – Текст : непосредственный // Октябрь. – 2002. – № 3. – С. 159 – 163.

403. Чаликова, В.А. Настоящее и будущее сквозь призму утопии / В.А. Чаликова. – Текст : непосредственный // Современные буржуазные теории общественного развития / отв. ред. М.Я. Берг. – М. : Мысль, 1984. – С. 74 – 121.

404. Чернышев, А. Гуманист, не веривший в прогресс : предисловие к 6-томному изданию сочинений М. Алданова / А. Чернышев. – Текст : непосредственный // Алданов М.А. Собрание сочинений : в 6 т. – М. : Новости, 1996. – Т. 6. – С. 141–438.

405. Чернышева, Т.А. О художественной форме утопии / Т.А. Чернышева. – Текст : непосредственный // Поэтика русской советской прозы : сб. статей / отв. ред. В.П. Трушкин. – Иркутск : Иркутский гос. ун-т им. А.А. Жданова, 1975. – С. 22 – 40.

406. Черткова, Е.Л. Идеал совершенства и проблема «улучшения» человека : два пути к новому человеку / Е.Л. Черткова. – Текст : электронный // Полилог / Polilogos : электронный журнал. – 2018. – Т.2. – № 2. – URL : <https://polylog.jes.su/s258770110000043-9-1> (дата обращения : 10. 01. 2021). – Режим доступа : свободный.

407. Черткова, Е.Л. Метаморфозы утопического сознания (от утопии к утопизму) / Е.Л. Черткова. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 2001. – № 7. – С. 47 – 58.

408. Черткова, Е.Л. Притяжение идеала : О природе утопического сознания / Е.Л. Черткова. – Текст : непосредственный // Черткова Е.Л. Альтернативные миры знания / под ред. В.Н. Поруса и Е.Л. Чертковой. – Спб. : Изд-во Русского Христианского гум. ин-та, 2000. – С. 297 – 321.
409. Черткова, Е.Л. Утопия как тип сознания / Е.Л. Черткова. – Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. – 1993. – № 3. – С. 71 – 81.
410. Чистов, К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд) / К.В. Чистов. – Спб. : «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2011. – 528 с. – Текст : непосредственный.
411. Шадурский, М.И. Литературная утопия от Мора до Хаксли : Проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова / М.И. Шадурский. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 160 с. – Текст : непосредственный.
412. Шалагинов, Н.В. Русская литература социалистического реализма и проблема ее генезиса : автореф. ... дис. канд. филол. наук / Н.В. Шалагинов. – Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2006. – 26 с. – Текст : непосредственный.
413. Шафаревич, И.Р. Социализм как явление мировой истории / И.Р. Шафаревич. – Paris : YMCA-PRESS, 1977. – 392 с. – Текст : непосредственный.
414. Шацкий, Е. Утопии / пер. с польск. – Текст : непосредственный // Шацкий Е. Утопия и традиция. – М. : Прогресс, 1990. – С. 15 – 204.
415. Шварц, П. В защиту эгоизма : Почему не стоит жертвовать собой ради других / пер. с англ. – М. : Альпина Пабlishер, 2019. – 221 с. – Текст : непосредственный.
416. Шелер, М. Положение человека в Космосе / пер. с нем. – Текст : непосредственный // Проблема человека в западной философии / сост. П.С. Гуревич, общ. ред. Ю.Н. Попова. – М. : Прогресс, 1988. – С. 31 – 95.
417. Шелер, М. Человек и история / пер. с нем. – Текст : непосредственный // THESIS. – 1993. – Вып. 3. – С. 132 – 154.

418. Шестаков, В.П. Эсхатология и утопия. Очерки русской философии и культуры / В.П. Шестаков. – М. : Владос, 1995. – 208 с. – Текст : непосредственный.
419. Шишкина, С.Г. Истоки и трансформации жанра литературной антиутопии в XX веке / С.Г. Шишкина. – Иваново : Ивановский гос. хим.-технол. ун-т, 2009. – 230 с. – Текст : непосредственный.
420. Шляпентох, В. Айн Рэнд : ее марксистские и большевистские корни / В. Шляпентох. – Текст : непосредственный // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 104. – С. 179–190.
421. Шогенцукова, Н.А. Утопический роман. Эдвард Беллами / Н.А. Шогенцукова. – Текст : непосредственный // История литературы США : в 5 т. / отв. ред. П.В. Балдицын. – М. : ИМЛИ РАН, 2003. – Т. 4. – С. 771–802.
422. Штомпка, П. Социология социальных изменений / пер. с англ. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 416 с. – Текст : непосредственный.
423. Эко, У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. с англ. и итал. – М. : АСТ : CORPUS, 2016. – 640 с. – Текст : непосредственный.
424. Элиаде, М. Аспекты мифа / пер. с франц. – М. : Академический Проект, 2000. – 222 с. – Текст : непосредственный.
425. Эрлихсон, И.М. Американская религиозная утопия начала XVIII века («Королевство Басаруа» Джозефа Моргана (1715)) / И.М. Эрлихсон. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского гос. ун-та. История. – 2009. – Вып. 31. – № 12. – С. 115–119.
426. Эткинд, А. Из измов в демократию : Айн Рэнд и Ханна Арендт / А. Эткинд. – Текст : непосредственный // Знамя. – 2000. – № 12. – С. 161–181.
427. Эткинд, А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах / А. Эткинд. – Текст : электронный // Электронная библиотека RoyalLib.com : [сайт]. – URL : https://royallib.com/read/etkind_aleksandr/tolkovanie_puteshestviy.html#0 (дата обращения: 15. 02. 21). – Режим доступа : свободный.

428. Эткинд, А. Non-fiction по-русски правда. Книга отзывов / А. Эткинд. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – 336 с. – Текст : непосредственный.
429. Юдин, Б.Г. От утопии к науке : конструирование человека / Б.Г. Юдин. – Текст : непосредственный // Вызов познанию : Стратегии развития науки в современном мире. – М. : Наука, 2004. – С. 261 – 281.
430. Юзефович, Н.Г. Субстрат “идеология коллективизма” в произведениях Айн Рэнд / Н.Г. Юзефович. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2012. – № 4. – С. 242 – 248.
431. Яркова, Е.Н. Утилитаризм как философия образования / Е.Н. Яркова. – Текст : непосредственный // Образование и наука. – 2016. – № 5. – С.11 – 24.
432. Лимонова, Л.В. Поэтический пейзаж М.Волошина в контексті російської поезії кінця ХІХ – початку ХХ ст. : автореф. дис. ... канд. філол. наук / Л.В. Лимонова. – Киев, 1993. – 18 с. – Текст : непосредственный.
433. Adams, J.T. The Epic of America / J.T. Adams. – N.Y. : Transaction Publishers, 2012. – 412 p. – Текст : непосредственный.
434. Ayn Rand Lexicon (ARL) : [сайт] / Ayn Rand Institute. – URL : <http://aynrandlexicon.com/> (дата обращения : 09. 07. 2019). – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.
435. Baise, A. The Objective-Subjective Dichotomy and Rand’s Trichotomy / A. Baise. – Текст : непосредственный // The Journal of Ayn Rand Studies. – 2017. – Vol. 17. – No. 2. – Pp. 227 – 237.
436. Baker, J. Ayn Rand / J. Baker. – Boston : G.K.Hall&Co, 1987. – 192 p. – Текст : непосредственный.
437. Barret, W. Irrational Man : A Study In Existential Philosophy / W. Barret. – N.Y. : Doubleday, 1977. – 278 p. – Текст : непосредственный.
438. Berliner, M.S. Howard Roark and Frank Lloyd Wright / M.S. Berliner. – Текст : непосредственный // Essays on Ayn Rand’s *The Fountainhead* / ed. by R. Mayhew. – N.Y. : Lexington Books, 2007. – Pp. 41 – 64.
439. Bernstein, A. The Mind as Hero in *Atlas Shrugged* : 2 audiocassettes / A. Bernstein. – New Milford, Connecticut, 1994. – Устная речь : аудио.

440. Bissel, A. Social Darwinism / A. Bissel. – Текст : электронный // The Atlas Society : [сайт]. – 2020. – Dec. 11. – URL: <https://atlassociety.org/commentary/commentary-blog/4119-social-darwinism> (дата обращения: 04.07.2019). – Режим доступа : свободный.
441. Воеckmann, Т. Rand's Literary Romanticism / Т. Воеckmann. – Текст : непосредственный // A Companion to Ayn Rand / ed. by A. Gotthelf and G. Salmieri. – West Sussex : Wiley Blackwell, 2016. – Pp.426 – 450.
442. Branden, В. The Passion of Ayn Rand / В. Branden. – Текст : непосредственный. – N.Y. : Doubleday, 1986. – 442 p.
443. Branden, N. The Vision of Ayn Rand : The Basic Principles of Objectivism / N. Branden. – Текст : непосредственный. – Gilbert, AZ : Cobden Press, 2009. – 565 p.
444. Britting, J. Ayn Rand / J. Britting. – Текст : непосредственный. – N.Y., Woodstock, London : Overlook Duckworth, 2004. – 135 p.
445. Brook, Y., Watkins, D. Free Market Revolution : How Ayn Rand's Ideas Can End Big Government / Y. Brook, D. Watkins. – Текст : непосредственный. – N.Y. : Palgrave Macmillan, 2013. – 251 p.
446. Burns, J. The Goddess of The Market : Ayn Rand and The American Right / J. Burns. – Текст : непосредственный. – N.Y. : Oxford University Press, 2009. – 368 p.
447. Campbell, R.L. Ayn Rand and The Cognitive Revolution in Psychology / R.L. Campbell. – Текст : непосредственный // The Journal of Ayn Rand Studies. – 1999. – Vol. 1. – No. 1. – Pp. 107 – 134.
448. Carpenter, E.I. American Literature and The Dream / E.I. Carpenter. – Текст : непосредственный. – Freeport, N.Y. : Books for Libraries Press, 1968. – 240 p.
449. Cawelti, J.G. Apostles of the Self-Made Man / J.G. Cawelti. – Текст : непосредственный. – Chicago, London : The University of Chicago Press, 1965. – 304 p.

450. Christy, A. *The Orient in American Transcendentalism. A Study of Emerson, Thoreau and Alcott* / A. Christy. – Текст : непосредственный. – N.Y. : Octagon Books, 1963. – 408 p.
451. Cody, J. *Ayn Rand's Promethean heroes* / J. Cody. – Текст : электронный // Reason : электронный журнал. – 1973. – Nov. – URL: <https://reason.com/archives/1973/11/01/ayn-rands-promethean-heroes/> (дата обращения: 04. 07. 2019). – Режим доступа : свободный.
452. Coffman, S.E. *Howard Roark as hero : thesis for the degree of Master of Arts* / S.E. Coffman. – Текст : непосредственный. – Denton, Texas, 1965. – 134 p.
453. Cook, F.J. *The muckrakers : Crusading Journalists Who Changed America* / F.J. Cook. – Текст : непосредственный. – N.Y. : Doubleday, 1972. – 182 p.
454. Cox, S. *Atlas and "the Bible" : Rand's Debt to Isabel Paterson* / S. Cox. – Текст : непосредственный // *Ayn Rand's Atlas Shrugged : A Philosophical and Literary Companion* / ed. by E.W. Younkins. – Burlington : Ashgate Publishing Company, 2007. – Pp. 337 – 346.
455. Cox, S. *Ayn Rand : Theory versus Creative Life* / S. Cox. – Текст : непосредственный // *The Journal of Libertarian Studies*. –1986. – No. 1. – Pp. 19 – 29.
456. Cullen, J. *The American Dream : A Short History of an Idea that Shaped a Nation* / J. Cullen. – Текст : непосредственный. – N.Y. : Oxford University Press, 2003. – 205 p.
457. Dalrymple, J.S. *Capital Fictions : The Business Novel in America, 1880 – 1910 : thesis* / J.S. Dalrymple. – Текст : непосредственный. – Buffalo : University of New York, 1997. – 360 p.
458. Den Uyl, D.J. *The Fountainhead : An American Novel* / D.J. Den Uyl. – Текст : непосредственный. – N.Y. : Twayne, 1999. – 144 p.
459. Downing, L. *Selfish Women* / L. Downing. – N.Y. : Rotledge, 2019. – 156 p. – Текст : непосредственный.
460. Enright, M. F. *Hawley's Heroes and the Romance of Business* / M.F. Enright. – Текст : электронный // *The Atlas Society* : [сайт]. – 2011. – March 25. – URL:

<https://www.atlassociety.org/post/hawleys-heroes-and-the-romance-of-business> (дата обращения : 17. 05. 2019). – Режим доступа : свободный.

461. Enright, M. F. If “Emotions Are Not Tools of Cognition”, What Are They? : An Exploration of the Relationship Between Reason and Emotion / M.F. Enright. – Текст : непосредственный // The Journal of Ayn Rand Studies. – 2002. – Vol. 4. – No. 1. – Pp. 25 – 67.

462. Enright, M. Hawley’s Heroes and the Romance of Business / M.F. Enright. – Текст : электронный // The Atlas Society : [сайт]. – 2011. – March 25. – URL: <https://atlassociety.org/commentary/commentary-blog/4581-hawleys-heroes-and-the-romance-of-business> (дата обращения : 13. 04. 2019). – Режим доступа : свободный.

463. Friedland, R., Zellman, H. The Fellowship : The Untold Story of Frank Lloyd Wright and The Taliesin Fellowship / R. Friedland, H. Zellman. – HarperCollins e-books, 2007. – 655 p. – Текст : электронный.

464. Gavin, W.J., Blakeley, T.J. Russia and America : A Philosophical Comparison : Development and Change of Outlook from the XIX to the XX Century / W.J. Gavin, T.J. Blakely. – Boston : D. Reidel Pub. Co., 1976. – 114 p. – Текст : непосредственный.

465. Ghate, O. “A Free Mind and a Free Market are Corollaries” : Rand’s Philosophical Perspective on Capitalism / O. Ghate. – Текст : непосредственный // A Companion to Ayn Rand / ed. by A. Gotthelf and G. Salmieri. – West Sussex : Wiley Blackwell, 2016. – Pp. 222 – 242.

466. Ghate, O. The part and chapter headings of *Atlas Shrugged* / O. Ghate. . – Текст : непосредственный // Essays on Ayn Rand’s *Atlas Shrugged* / ed. by R. Mayhew. – N.Y. : Lexington Books, 2009. – Pp. 1 – 52.

467. Gladstein, M.R. *Atlas Shrugged* : Manifesto of the mind / M.R. Gladstein. . – Текст : непосредственный. – N.Y. : Twayne Publishers, 2000. – 168 p.

468. Gladstein, M.R. Ayn Rand Literary Criticism / M.R. Gladstein. . – Текст : непосредственный // The Journal of Ayn Rand Studies. – 2003. – Vol. 4. – No. 2. – Pp. 373 – 394.

469. Gladstein, M.R. *The Ayn Rand Companion* / M.R. Gladstein. – Westport : Greenwood press, 1984. – 148 p. – Текст : непосредственный.
470. Gramstad, T. *The Female Hero : A Randian-Feminist Synthesis* / T. Gramstad. – Текст : непосредственный // *Feminist Interpretations of Ayn Rand* / ed. by M.R. Gladstein and C.M. Sciabarra. – Pennsylvania : The Pennsylvania University Press, 1999. – Pp. 333 – 362.
471. Grigorovskaya, A.V. Ayn Rand's "Integrated man" and Russian Nietzscheanism / A.V. Grigorovskaya. – Текст : непосредственный // *Journal of Ayn Rand Studies*. – 2018. – Volume 18.– Issue 2. – Pp. 308 – 334.
472. Grigorovskaya, A.V. *Émigrés on the October Revolution : The Suicide of Russia in the Novels of Ayn Rand and Mark Aldanov* / A.V. Grigorovskaya. – Текст : непосредственный // *Journal of Ayn Rand Studies*. – 2018. – Volume 18. Issue 1. – Pp. 43 – 54.
473. Grigorovskaya A.V. *The New Type of Hero in Ayn Rand's Novels and Its Historical Roots* / A.V. Grigorovskaya. – Текст : непосредственный // *Journal of Ayn Rand Studies*. – 2017. – Volume 17. – Issue 2. – Pp. 275 – 284.
474. Grigorovskaya, A.V. *The Representation of Trauma in Ayn Rand's Novel Atlas Shrugged* / A.V. Grigorovskaya. – Текст : непосредственный // *Journal of Ayn Rand Studies*. – 2019. – Volume 19. – Issue 2. – Pp. 243 – 258.
475. Heller, A.C. *Ayn Rand and The World She Made* / A.C. Heller. – N.Y. : Nan. A Talese / Doubleday , 2009. – 567 p. – Текст : непосредственный.
476. Hunt, L.H. *Ayn Rand's Evolving View of Friedrich Nietzsche* / L.H. Hunt. – Текст : непосредственный // *A Companion to Ayn Rand* / ed. by A. Gotthelf and G. Salmieri. – West Sussex : Wiley Blackwell, 2016. – Pp. 343 – 350.
477. Jetton, M. *Egoism and Others* / M. Jetton. – Текст : непосредственный // *The Journal of Ayn Rand Studies*. – 2018. – No. 1. – Vol. 18. – Pp. 55 – 83.
478. Johnson, D.B. *Strange Bedfellows : Ayn Rand and Vladimir Nabokov* / D.B. Johnson. – Текст : непосредственный // *The Journal of Ayn Rand Studies*. – 2000. – Vol. 2. – No. 1. – Pp. 47 – 67.

479. Johnson, G. Ayn Rand & Ortega y Gasset / G. Johnson. – Текст : электронный // Counter-Currents Publishing : Books Against Time : [сайт]. – URL: <https://www.counter-currents.com/2015/06/ayn-rand-and-ortega-y-gasset/> (дата обращения : 10. 02. 2021). – Режим доступа : свободный.
480. Jonson, D.L. The Fountainheads : Wright, Rand, the FBI and Hollywood / D.L. Jonson. – Jefferson : McFarland & Co., 2005. – 243 p. – Текст : непосредственный.
481. Jonson, H.B. The American Dream and the Power of Wealth / H.B. Jonson. – N.Y. : Routledge, 2006. – 450 p. – Текст : непосредственный.
482. Kline, G. L. «Nietzschean Marxism» in Russia / G.L. Kline. – Текст : непосредственный // Demythologizing Marxism : A Series of Studies in Marxism / ed. F. J. Adelman. – Boston College : Chestnut Hill ; Martinus Nijhoff : The Hague, 1969. – Pp. 166 – 183.
483. Kovtun, N. European Nigdeya and Russian TUtopia (On the issue of interaction) / N. Kovtun. – Текст : непосредственный // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2008. – № 4. – Pp. 539 – 555.
484. LaCapra, D. Writing History, Writing Trauma / D. LaCapra. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2001. – 226 p. – Текст : непосредственный.
485. Lapeyrouse, S. Contrasting ideas of man – the “American creed” vs. the “perennial philosophy” / S. Lapeyrouse. – Текст : непосредственный // Американский характер. Очерки культуры США. Традиция в культуре / отв. ред. О.Э. Туганова. – М. : Наука, 1998. – С. 68 – 98.
486. Lapeyrouse, S. Towards the Spiritual Convergence of America and Russia : American Mind and Russian Soul, American Individuality and Russian Community, and the Potent Alchemy of National Characteristics / S. Lapeyrouse. – Текст : электронный // Американские размышления: сайт Стивена Лаперуза : [сайт]. – URL:http://www.americanreflections.net/books/towards_the_spiritual_convergence_en.html (дата обращения: 15. 02. 2021). – Режим доступа : свободный.
487. Lennox, J.G. Who Sets the Tone of a Culture? : Ayn Rand’s Approach to the History of Philosophy / J.G. Lennox. – Текст : непосредственный // A Companion

to Ayn Rand / ed. by A. Gotthelf and G. Salmieri. – West Sussex : Wiley Blackwell, 2016. – Pp. 321 – 342.

488. Lewis, R.W. *The American Adam : Innocence Tragedy and Tradition in the Nineteenth Century* / R.W. Lewis. – Chicago : The University of Chicago Press, 1995. – 212 p. – Текст : непосредственный.

489. Locke, E.A. *The Traits of Business Heroes in Atlas Shrugged* / E.A. Locke. – Текст : непосредственный // *Essays on Ayn Rand's Atlas Shrugged* / ed. by R. Mayhew. – N.Y. : Lexington Books, 2009. – Pp. 317 – 334.

490. Loiret-Prunet, V. *Ayn Rand and Feminist Synthesis : Rereading We The Living* / V. Loiret-Prunet. – Текст : непосредственный // *Feminist Interpretations of Ayn Rand* / ed. by M.R. Gladstein and C.M. Sciabarra. – Pennsylvania : The Pennsylvania University Press, 1999. – Pp. 83 – 113.

491. Matthiessen, F.O. *American Renaissance. Art and Expression in The Age of Emerson and Whitman* / F.O. Matthiessen. – Текст : непосредственный. – NY. : Oxford University Press, 1941. – 704 p.

492. McCloskey, S. *Odysseus, Jesus and Dagny : 2 audiocassettes* / S. McCloskey. – Poughkeepsie, N.Y., 1998. – Устная речь : аудио.

493. McConnell, S. *Parallel Lives : Models and Inspirations for Characters in We The Living* / S. McConnell. – Текст : непосредственный // *The Essays on Ayn Rand's We The Living* / ed. by R. Mayhew. – NY. : Lexington Books, 2012. – Pp. 45 – 64.

494. Merril, E.R. *The ideas of Ayn Rand* / E.R. Merril. – Chicago : Carus Publishing Company, 1991. – 212 p. – Текст : непосредственный.

495. Milgram, Sh. *The Spirit of Francisco d'Anconia : The Development of His Characterization* / Sh. Milgram. – Текст : непосредственный // *Essays on Ayn Rand's Atlas Shrugged* / ed. by R. Mayhew. – NY. : Lexington Books, 2009. – Pp. 79 – 104.

496. Milgram, Sh. *Who Was John Galt? The Creation of Ayn Rand's Ultimate Ideal Man* / Sh. Milgram. – Текст : непосредственный // *Essays on Ayn Rand's Atlas Shrugged* / ed. by R. Mayhew. – N.Y. : Lexington Books, 2009. – Pp. 53 – 78.

497. Milgram, Sh.K. *Ayn Rand's Drafts : The Labors of a Literary Genius : 2 audiocassettes* / Sh. K. Milgram. – New Milford, Connecticut : Second Renaissance Books, 1998. – Устная речь : аудио.
498. Milgram, Sh.K. *Recontextualizing Richard Wright's The Outsider : Hugo, Dostoevsky, Max Eastman, and Ayn Rand* / Sh. K. Milgram. – Текст : непосредственный // *Richard Wright in a Post-Racial Imaginary* / ed. by W.E. Dow, A.M. Craven, Y. Nakumara. – N.Y. : Bloomsbury Publishing USA, 2014. – Pp. 99 – 111.
499. Milgram, Sh.K. *The Fountainhead from Notebook to Novel : The Composition of Ayn Rand's First Ideal Man* / Sh. K. Milgram. – Текст : непосредственный // *Essays on Ayn Rand's The Fountainhead* / ed. by R. Mayhew. – N.Y. : Lexington Books, 2007. – Pp. 3 – 40.
500. Miller, F.D. Jr., Mossoff, A. *Political Theory : A Radical for Capitalism* / F.D. Jr. Miller, A. Mossoff. – Текст : непосредственный // *A Companion to Ayn Rand* / ed. by A. Gotthelf and G. Salmieri. – West Sussex : Wiley Blackwell, 2016. – Pp.187 – 208.
501. Minsaas, K. *Ayn Rand's Recasting of Ancient Myths in Atlas Shrugged* / K. Minsaas. – Текст : непосредственный // *Ayn Rand's Atlas Shrugged : A Philosophical and Literary Companion* / ed. by E.W. Younkings. – Burlington : Ashgate Publishing Company, 2007. – Pp.131 – 140.
502. Minsaas, K. *Structure and Meanings in Ayn Rand's Novels : 1 audiocassette* / K. Minsaas. – Poughkeepsie, N.Y., 1994. – Устная речь : аудио.
503. Negley, G.R., Patrick, J.M. *The Quest for Utopia : An Anthology of Imaginary Societies* / G.R. Negley, J.M. Patrick. – N.Y. : Henry Schuman, 1952. – 599 p. – Текст : непосредственный.
504. Niebur, R. *The Nature and Destiny of Man : A Christian Interpretation : in 2 vol.* / R. Niebur. – Louisville – London : Westminster John Knox Press, 1996. – Vol.1. Human Nature. – 305 p. – Текст : непосредственный.
505. Parrington, V.L. *American Dreams : A Study of American Utopias* / V.L. Parrington. – N.Y. : Russell, 1964. – 246 p. – Текст : непосредственный.

506. Powell, R. Taking Pieces of Rand with Them : Ayn Rand's Literary Influence / R. Powell. – Текст : непосредственный // The Journal of Ayn Rand Studies. – 2012. – Vol. 12. – No. 2. – Pp. 207 – 235.
507. Reidy, P. Frank Lloyd Wright and Ayn Rand / P. Reidy. – Текст : электронный // Atlas Society : [сайт]. – 2010. – Jul. 7. – URL: <https://www.atlassociety.org/post/frank-lloyd-wright-and-ayn-rand> (дата обращения : 14. 07. 2018). – Режим доступа : свободный.
508. Riesman, D. Lonely Crowd : A Study of The Changing American Character / D. Riesman. – N.Y. : Doubleday, 1953. – 359 p. – Текст : непосредственный.
509. Riggerbach, J. The Disowned Children of Ayn Rand / J. Riggerbach. – Текст : электронный // Reason : электронный журнал. – 1982. – Dec. – URL : <https://reason.com/1982/12/01/the-disowned-children-of-ayn-r> (дата обращения : 05. 11. 2019). – Режим доступа : свободный.
510. Robinson, D. Natural Life : Thoreau's Worldly Transcendentalism / D. Robinson. – N.Y. : Cornell University, 2004. – 264 p. – Текст : непосредственный.
511. Rosenthal, B.G. New Myth, New World : From Nietzsche to Stalinism / B.G. Rosenthal. – Pennsylvania : The Pennsylvania State University Press, 2002. – 464 p. – Текст : непосредственный.
512. Rosenthal, B.G. The Russian Subtext of *Atlas Shrugged* and *The Fountainhead* / B.G. Rosenthal. – Текст : непосредственный // The Journal of Ayn Rand Studies. – 2004. – No. 1. – Vol. 6. – Pp. 195 – 225.
513. Russell, J. The Beat Generation / J. Russell. – Harpenden : Pocket Essentials, 2002. – 94 p. – Текст : непосредственный.
514. Saint-Andre, P. Zamyatin and Rand / P. Saint-Andre. – Текст : непосредственный // The Journal of Ayn Rand Studies. – 2003. – No. 2. – Vol. 4. – Pp. 285 – 304.
515. Salmieri, G. Egoism and Altruism : Selfishness and Sacrifice / G. Salmieri. – Текст : непосредственный // A Companion to Ayn Rand / ed. by A. Gotthelf and G. Salmieri. – West Sussex : Wiley Blackwell, 2016. – Pp. 130 – 156.

516. Santayana, G. *The Genteel Tradition in American Philosophy* / G. Santayana. – London : Yale University Press, 2009. – 256 p. – Текст : непосредственный.
517. Sciabarra, C. M. Reply to the Critics of *Russian Radical 2.0* : The Dialectical Rand / C.M. Sciabarra. – Текст : непосредственный // *The Journal of Ayn Rand Studies*. – 2017. – Vol. 17. – No. 2. – Pp. 321 – 357.
518. Sciabarra, C.M. *The First Libertarian* / C.M. Sciabarra. – Текст : электронный // Chris Matthew Sciabarra's Dialectics & Liberty Home Page : [сайт]. – URL: <https://chrismatthewsciabarra.com/essays/spencer.htm> (дата обращения : 07. 08. 2019). – Режим доступа : свободный.
519. Sciabarra, C.M. *Ayn Rand. The Russian Radical* / C.M. Sciabarra. – Pennsylvania : Pennsylvania State University Press, 2013. – 477 p. – Текст : непосредственный.
520. Sciabarra, C.M. *The Rand Transcript* / C.M. Sciabarra. – Текст : непосредственный // *The Journal of Ayn Rand Studies*. – 1999. – No. 1 (Fall 1999). – Pp. 1 – 26.
521. Secrest, M. *Frank Lloyd Wright : A Biography* / M. Secrest. – Chicago, London: The University of Chicago Press, 1992. – 652 p. – Текст : непосредственный.
522. Skau, M. *The Making of Paradise* / M. Skau. – Текст : непосредственный // *What's Your Road, Man? Critical essays on Jack Kerouac's On The Road* / ed. by H. Holliday and R. Holton. – Carbondale : Southern Illinois University Press, 2009. – Pp. 155 – 168.
523. Smith, P. *The Rise of Industrial America : A people's History of The Post-Reconstruction Era* / P. Smith. – NY. : McGraw-Hill, 1984. – 965 p. – Текст : непосредственный.
524. Smith, T. *Ayn Rand's Normative Ethics : The Virtuous Egoist* / T. Smith. – NY. : Cambridge University Press, 2006. – 318 p. – Текст : непосредственный.
525. Teblel , J. *From Rags to Riches. Horatio Alger H. and the American Dream* / J. Tebel. – NY. : The Macmillan Company, 1963. – 266 p. – Текст : непосредственный.

526. Thomas, W., Kelly, D. The Logical Structure of Objectivism : “Beta” Version, 1999 : Working Draft : not for duplication or release, 1999 / W. Thomas, D. Kelly. – 270 p. – Текст : электронный.
527. Tillich, P. Love, Power and Justice : Ontological Analyses and Ethical Applications / P. Tillich. – Oxford : Oxford University Press, 1954. – 127 p. – Текст : непосредственный.
528. Trammel, J. *Red Pawn* : Ayn Rand’s Other Story of Soviet Russia / J. Trammel. – Текст : непосредственный // Essays on Ayn Rand’s *We The Living* / ed. by R. Mayhew. – N.Y. : Lexington Books, 2012. – Pp. 279 – 298.
529. Walker, J. *Ayn Rand Cult* / J. Walker. – NY. : Open Court, 1998. – 350 p. – Текст : непосредственный.
530. Weinacht, A. Russian Egoism Goes to America? A Case For a Connection Between Ayn Rand and The Shestidesiatniki / A. Weinacht. – Текст : непосредственный // The Journal of Ayn Rand Studies. – 2017. – No. 1. – Pp. 1 – 27.
531. Weiner, A. How Bad Writing Destroyed The World. Ayn Rand and The Literary Origins of The Financial Crisis / A. Weiner. – N.Y and London : Bloomsbury Academic. An Imprint of Bloomsbury Publishing Inc., 2016. – Текст : электронный.
532. Why Businessmen Need Philosophy : The Capitalist’s Guide to the Ideas Behind Ayn Rand’s *Atlas Shrugged* / ed. by D. Ghate and R.E. Ralston. – N.Y. : New American Library, 2011. – 317 p. – Текст : непосредственный.
533. Wyllie, I.G. The Self-Made Man in America : The Myth of Rages to Riches / I.G. Wyllie. – N.Y. : The Free Press, 1966. – 232 p. – Текст : непосредственный.

3.Справочная литература и учебные пособия

534. Вердеревская, Н.А. Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» : пособие для учащихся / Н.А. Вердеревская. – М. : Просвещение, 1982. – 96 с. – Текст : непосредственный.

535. Гиленсон, Б. А. История литературы США : уч. пособие / Б.А. Гиленсон. – М. : Академия, 2003. – 704 с. – Текст : непосредственный.
536. Карпачев, С.П. Масоны. Словарь. Великое искусство каменщиков / С.П. Карпачев. – М. : АСТ : Олимп, 2008. – 634 с. – Текст : непосредственный.
537. Кирло, Х. Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории (СС) / пер. с англ. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2007. – 525 с. – Текст : непосредственный.
538. Новейший философский словарь (НФС) / сост. А.А. Грицанов. – Минск : Изд. В.М. Сканун, 1998. – 896 с. – Текст : непосредственный.
539. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка (ТСРЯ) / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1997. – 944 с. – Текст : непосредственный.
540. Покровский, Н.Е. Ранняя американская философия : учеб.пособие. Пуританизм / Н.Е. Покровский. – М. : Высшая школа, 1989. – 246 с. – Текст : непосредственный.
541. Русский романтизм : учеб. пособие / под ред. Н.А. Гуляева. – М. : Высшая школа, 1974. – 360 с. – Текст : непосредственный.
542. Философский энциклопедический словарь (ФЭС) / ред.-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. – М. : ИНФРА-М, 2005. – 576 с. – Текст : непосредственный.
543. Энциклопедия символов (ЭС) / сост. В.М. Рошаль. – М. : АСТ, Кладезь, Сова, 2005. – 1008 с. – Текст : непосредственный.
544. Encyclopedia Britannica : Merriam Webster (EB) / Merriam Webster : [сайт]. – URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary> (дата обращения : 28. 06. 2019). – Текст : электронный. – Режим доступа : свободный.